АКАДЕМИЯ НАУК СССР

О. Н. Трубачев

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ ТЕРМИНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1959

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

проф. С. Б. БЕРНШТЕЙН

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Периодические издания

AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AO	Archiv Orientální
Beiträge	Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
ВЯ	Вопросы языкознания
Ж. Ст.	Живая старина
IF	Indogermanische Forschungen
JP	Język Polski
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности АН
LF	Listy Filologické a Paedagogické
MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris
PF	Prace Filologiczne
RÉS	Revue des études slaves
РФВ	Русский Филологический Вестник
RS	Rocznik Slawistyczny
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжниина
Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесиости АН
Труды ИРЯ	Труды Института русского языка
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von A. Kuhn

Остальные сокращения поясняются в приложенном списке литературы.

Лексический материал извлекался, в основном, из известных исторических, толковых и переводиых словарей, которые в тексте не называются, но перечислены в упомянутом списке.

2. Языки и диалекты

авест.	авеста
алб.	албанский
англ.	английский
англосакс.	англосаксонский
арм.	армянский
афг.	афганский
балт.	балтийский
балто-слав.	балто-славянский
белор.	белорусский
брет.	бретонский
болг.	болгарский
вал.	валлийский
венг.	венгерский
венетск.	венетский
в.-луж.	верхнелужицкий
галл.	галльский
герм.	германский
готск.	готский
греч.	греческий
датск.	датский
диал.	диалектное
др.-инд.	древнеиндийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-сербск.	древнесербский
жемайт.	жемайтский
и.-е.	индоевропейский
ит.	итальянский
иллир.	иллирийский
ирл.	ирландский

исл.	исландский	рум.	румынский
кашуб.	кашубский	русск.	русский
кельт.	кельтский	санскр.	санскрит
кимр.	кимрский	сербск.	сербохорватский
корн.	корнский	сканд.	скандинавский
лат.	латинский	слав.	славянский
латышск.	латышский	словацк.	словацкий
ликийск.	ликийский	словенск.	словенский
литовск.	литовский	ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
лув.	лувийский	ст.-слав.	старославянский
макед.	македонский	тадж.	таджикский
нем.	немецкий	тохарск.	тохарский
н.-луж.	нижнелужицкий	укр.	украинский
норв.	норвежский	франц.	французский
о.-слав.	общеславянский	фриз.	фризский
осет.	осетинский	фриг.	фригийский
оскск.	оскский	хеттск.	хеттский
пелигн.	пелигнский	чак.	чакавский
полабск.	полабский	чешск.	чешский
польск.	польский	швед.	шведский
прибалт.-словинск.	прибалтийско-словинский		

ПОСВЯЩАЮ
МОИМ РОДИТЕЛЯМ

ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей работы — возможно полнее охарактеризовать развитие терминологии родственных отношений у славян с лингвистической точки зрения, а также с учетом данных смежных наук — истории общества, истории материальной культуры, этнографии. Исследование основывается на сознании необходимости историзма — именно такого, как его понимает материалистическая диалектика, изучающая общественнное развитие как закономерную эволюцию от матриархата к патриархату. Вопрос о развитии матриархата и патриархата является одним из основных в общественной истории, чем объясняется его значение и для настоящего исследования. Этот вопрос имеет в лингвистической литературе свою собственную историю, на которой следует остановиться подробнее.

В то время как прогрессивные этнографы и основоположники марксизма еще в прошлом веке (ср. „Древнее общество" Л. Моргана, „Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф. Энгельса) пришли к важнейшему выводу об исторической первичности матриархата, лингвисты предлагали совершенно иную концепцию исторического развития индоевропейских народов. Эта концепция, которую было бы правильно назвать „филологической", позаимствовав это определение у Б. Дельбрюка, строилась в основном на длительном изучении классической древности, т. е. отдельных периодов древней истории греков, римлян, индийцев, а кроме того, на чрезмерном доверии к данным так называемой сравнительной мифологии при серьезной недооценке значительных уже в то время достижений смежных общественных наук. Естественно, что в таких исследованиях об индоевропейских древностях главное значение придавалось чисто лингвистическому анализу, сравнению форм. Отмечая и сейчас всю важность и далеко еще не исчерпанные возможности этого анализа, следует также признать и то, что вследствие тогдашнего уровня языкознания попытки исследований такого рода в значительной степени устаревали и воспринимались как наивные и бездоказательные уже многими лингвистами старших поколений. Так, очень быстро оказались устаревшими этимологические толкования Ф. Боппа, фундаментальное исследование Пикте „Les origines Indoeuropéennes ou les Aryas primitifs". Но в то время как в поисках более точных, специально лингвистических решений недостатка не было, в общественно-исторической части этих исследований укрепилась рутина, в привычку вошло повторять старые утверждения об исконно патриархальном быте индоевропейцев. Такие воззрения на историю общественного развития сложились очень рано на основании недостаточного знания. Эта неправильная схема во всем существенном так и осталась достоянием индоевропейского языкознания, почти не обогатившись за все время, несмотря на прогресс ближайших отраслей наук. Поэтому

Б. Дельбрюк в своем труде „Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen" (Leipzig, 1889), стремясь к пересмотру большей части старых наивных толкований индоевропейских терминов родства, по сути дела присоединяется, хотя и с известной осторожностью, к „филологической" концепции, настаивая на первичности патриархата. Дальнейшие лингвистические исследования мало что добавили к этой точке зрения, вопрос, видимо, считается решенным удовлетворительно. К сожалению, фактическое пренебрежение исторической стороной вопроса, однобоко филологический характер исследований не прошли даром для индоевропейского языкознания, существенно обесценили его усилия в этом направлении и снизили значение его свидетельств для исторических наук.

После Б. Дельбрюка большую работу в этой области вел О. Шрадер, в исследованиях которого апофеоз „филологической" концепции получил наиболее законченную форму. Выражение „филологическая концепция" в применении к О. Шрадеру — крупнейшему историку индоевропейских древностей, постоянно привлекавшему материалы археологии и этнографии, — звучит парадоксально; при всем этом оно оправдано, так как Шрадер лишь обобщил упомянутую популярную в индоевропейском языкознании точку зрения. Его труды, содержащие обоснование теории исконности индоевропейского патриархата, грешат теми же существенными недостатками, о которых говорится выше: при внешне исчерпывающей осведомленности о материальной культуре индоевропейцев — фактическое пренебрежение достижениями этнографии и общественной истории и непонимание исторического процесса[1]. Шрадер считает возможным категорически отрицать наличие у древних индоевропейцев матриархата, полагая, что Б. Дельбрюком в вышеупомянутом труде и им самим в „Sprachvergleichung und Urgeschichte" (стр. 533 и след. 2-го изд.) „создана настолько ясная картина древнеиндоевропейского семейного устройства, что о матриархате на индоевропейской почве просто не может быть и речи"[2]. Для Шрадера характерно отрицательное отношение к столь плодотворным сравнениям древней эпохи жизни индоевропейцев с остатками первобытного устройства у современных отсталых народностей, т. е. признание для индоевропейцев особого пути исторического развития[3]. Свидетельства Страбона и Геродота об особом положении женщины у кельтов, фракийцев, скифов, ликийцев, лидийцев, карийцев, мизийцев, писидийцев он истолковывает соответственно своей концепции. В частности, Шрадер считает, что матриархат существовал не у индоевропейцев, а у доиндоевропейских племен, к индоевропейцам же он проник отчасти в позднюю эпоху, нарушив агнатический характер индоевропейской семьи[4].

То, что писалось на эту тему в последующие годы, не представляет какого-либо отклонения от изложенной теории. Для этого достаточно сослаться на ряд различных лингвистических работ, из которых часть появилась уже в последнее время. Так, З. Файст[5] близок к О. Шрадеру в своих утверждениях о типичности для древнейших индоевропейцев патриархата. Следы матриархата, например, у кельтов З. Файст объясняет тем, что индоевропейцы, пришедшие, по его мнению, из Азии, заимствовали материнскую организацию у местных доиндоевропейских племен. Э. Гер-

---

[1] O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte, 3. Aufl. Jena, 1906—1907; его же. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 1. Aufl. Strassburg, 1901; его же. Die Indogermanen, ряд изданий (русский перевод О. Шрадер. Индоевропейцы. СПб., 1911).

[2] O. Schrader. Reallexikon, стр. XXXII.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 347, 564—566.

[5] S. Feist. Die Indogermanen und Germanen. 3. Aufl. Halle, 1924, стр. 100—101.

ман[6] относится недоверчиво вообще к каким бы то ни было следам матриархата в индоевропейских терминах родства. Г. Хирт и Г. Арнтц[7] полагают, что знакомство с индоевропейскими терминами родства позволяет говорить о прочности большой отцовской семьи. Весьма типично высказывание Ж. Дюмезиля[8], поддерживающего точку зрения А. Мейе, что армянская „большая семья" исторической эпохи отражает состояние патриархальной семьи индоевропейцев.

Проблемой матриархата занимается Ю. Бенигни[9] при объяснении формы санскр. *mātárā — pitárā* и формы эллиптического двойственного числа *pitárā(u)* 'родители'. Далее он исследует порядок слов 'мать', 'отец' при перечислении и женскую форму готск. *bērusjōs* 'родители'. Желая во что бы то ни стало решить вопрос о матриархате у индоевропейцев отрицательно, Бенигни высказывает мысль о неравномерности развития культуры у древних индоевропейцев, при которой именно для стоявших ниже в культурном отношении индоевропейцев-кочевников (степные иранские племена) было характерно свободное положение женщины, в отличие от культурно развитых оседлых индоевропейцев (например, древние италики). Свободное положение германской женщины объясняется как „след" доиндоевропейского матриархата местного населения Северной Европы. Автор исходил из молчаливого постулата, что культурная дихотомия древних индоевропейцев была чем-то извечным, причем одни всегда были оседлыми, а другие всегда кочевали. На самом деле очевидно, что племена с более высокой культурой представляли вторичную ступень в общественном развитии, в то время как кочевники-индоевропейцы сохраняли пережитки более глубокой древности. Поэтому отражение общеиндоевропейской древности следует видеть именно в особом положении женщины, которое проявилось в разных концах индоевропейского мира. Попытка объяснить его у германцев заимствованием (у кого — неизвестно) выглядит совсем неубедительно. В. Краузе подходит к проблеме отражения матриархата, толкуя санскр. *pitarau* и *mātarau*[10]. Образование *pitarau* (по отцу) он объясняет главной ролью отца в семье, а *mātarau* (по матери) — тем, что отношение ребенка к матери в древности являлось более очевидным, чем отношение к отцу. Далее разбирается порядок слов при перечислении типа 'отец — мать', 'отец и мать' в индоевропейских языках[11]. Нам кажется, что не следовало бы излишне полагаться на порядок слов этого свободного словосочетания как на отражение древних родственных связей. Материал очень разнообразен: есть примеры различного порядка слов, вызванного частными причинами, ср. русск. *мать-отца* ввиду требований метрики в русской народной песне.

Аналогичные вопросы затрагивает В. Краузе в своей монографии „Die Frau in der Sprache der altisländischen Familiengeschichten"[12]. По его словам, роль женщины в древнеисландской литературе изображается следующим образом: „Если повествуется о ней и ее поступках, то это делается таким образом, что становится ясно: для сказителя саги исключительная самостоятельность и личные права женщины являются чем-то

---

[6] E. Hermann. Einige Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen. — IF, Bd. 53, 1935, стр. 100—101.

[7] H. Hirt, H. Arntz. Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939, стр. 30.

[8] G. Dumézil. Séries etymologiques arméniennes. — BSL, t. 41, 1940, стр. 68—69.

[9] J. Benigny. Die Namen der Eltern im Indoiranischen und im Gotischen. — KZ, Bd. 48, 1918, стр. 235—236.

[10] W. Krause. Die Wortstellung in den zweigliedrigen Wortverbindungen. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 103.

[11] Там же, стр. 104.

[12] „Ergänzungshefte zur KZ", 1926, № 4.

само собой разумеющимся. Как раз в этом обнаруживает древнеисландская культура крупный прогресс сравнительно со старшими ступенями культуры"[13].

Таким образом, совершенно очевидна тенденциозная сущность кратко рассмотренной концепции общественного развития индоевропейцев. Поэтому нельзя не отметить отдельных работ последнего времени, содержащих обоснование исконности матриархата у индоевропейцев, научную систематизацию соответствующих фактов и пережитков: George Thomson. Aeschylus and Athens (London, 1950, стр. 15—16, 204—205); А. В. Исаченко. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания („Slavia", ročn. 22, 1953); Josef Hejnic. ΘΥΓΑΤΡΙΔΟΥΣ — Příspěvek k řešení problemu organisace nejstarší řecké společnosti (LF, t. 78, 1955, стр. 162 и след.); E. Herold. Group-marriage in vedic society (AO, vol. 23, 1955, стр. 63—76); частично — M. Budimir. Problem bukve i protoslovenske domovine („Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti", t. 282, 1951, стр. 12—13) и др.

В целом же и сейчас в зарубежном языкознании в значительной степени пользуется признанием старая теория об исконности индоевропейского патриархата; ср. типичное утверждение по этому поводу американского индоевропеиста К. Д. Бака: „... индоевропейская семья была явно не матриархальной"[14].

Что касается возможностей использования смежных общественных наук (в частности, этнографии) для обоснования материалистической теории развития от матриархата к патриархату, надо сказать, что они отнюдь не исчерпаны. В настоящее время можно говорить о новых достижениях и перспективах в этой области, которые помогут детальнее представить себе картину соответствующих общественных отношений. Во всяком случае, все эти поиски носят весьма плодотворный характер, не обязывают к чисто догматическому усвоению теоретической формулировки, выдвинутой прогрессивной этнографией и классиками марксизма еще в прошлом веке. Это, кстати сказать, тоже выгодно отличает материалистическую концепцию от „филологической", которая и по сей день производит впечатление довольно безотрадного повторения непроверенных утверждений зачинателей сравнительного языкознания.

В данном случае мы имеем в виду известное в этнографии наличие у ряда индоевропейских и других народов древности поликефалических (многоголовых) фигур; в частности для полабских и балтийских славян отмечает поликефалические изваяния Любор Нидерле[15], указывая на характерность таких фигур именно для славян в отличие от „каменных баб" соседних тюркских народностей. Происхождение их он считает невыясненным. Совсем недавно опубликовал результаты своих наблюдений над этими изваяниями чехословацкий этнограф Л. Крушина-Черный[16]. Он также упоминает, между прочим, о поликефалических божествах славян: знаменитом четырехликом збручском идоле, далее — о Четыребоге, Триглаве, Свантевите, пятиглавом Поревите, семиглавом Ругиевите. Посвящая свое исследование генезису подобных изображе-

---

[13] W. Krause. Die Frau in der Sprache der altisländischen Familiengeschichten, стр. 7.

[14] C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indoeuropean Languages. Chicago, 1949, стр. 93; H. Galton.—„Zschr. f. Ethnologie", Bd. 82, 1957, стр. 121.

[15] Ср. L. Niederle. Rukovět' slovanských starožitností. Praha, 1953, стр. 308—309.

[16] L. J. Krušina-Černý. Společenský původ zobrazování vícehlavých božstev. „Československá ethnografie", 1955, № 1. Предварительные соображения см. его же.— Three New Circular Alabaster Idols from Kültepe.—AO, vol. 20, 1952, стр. 601—606.

ний, Крушина-Черный приходит к ценнейшим для общественной истории выводам[17], основанным на изучении поликефалических фигур в различных культурных районах и языковых группах. Помимо славянских он привлекает галльские, греческие, фракийские, сибирские, индийские, ассирийские и наконец каппадокийские — в Малой Азии, на которых он специально останавливается. Автор полагает, что многообразие типов поликефалических фигур не допускает мысли об их миграционном распространении. Характера этих изображений нельзя объяснить ни при помощи солярного культа („всевидящее солнце"), ни при помощи культа трехфазовой луны. Это — образы общественной организации, при которой они могли возникнуть. В частности, интересна поликефалия каппадокийских фигур как отражение культа праматери. От нее идут две линии: одна в направлении поликефалии вообще, позднее — мужской поликефалии, другая в направлении полимастии („многососцовости"), т. е. абстрагированного изображения природного плодородия[18].

Автор обращает внимание на необходимость проводить различие между поликефалией как первичным явлением (непосредственное отражение родовой организации) и дальнейшим развитием ее как самостоятельного иконографического типа. Есть примеры мужской поликефалии и ряд переходных (от женских к мужским) форм. Интерес представляет первичная поликефалия — несомненный образ современной социальной организации и, насколько можно судить по полимастии и другим женским чертам фигур, — именно матриархального рода. В этом отношении интереснее всего круглые каппадокийские идолы.

Очевидно, что возможно полный учет достижений смежных общественных наук всегда плодотворен для сравнительного языкознания, поскольку он помогает исключить непроверенные положения и оперировать наиболее доброкачественным материалом тем более, если этот материал по самой своей природе входит в ведение ряда самостоятельных наук. Это относится в нашем случае к лингвистическому анализу терминологии родственных отношений.

Современная материалистическая наука выработала конкретное представление о характере древнейшего общественного развития, отбросив ложные теории необязательности матриархата для индоевропейских племен[19]. „Лингвистический анализ основных терминов кровного родства в индоевропейских языках показал, — как свидетельствует чехословацкий лингвист А. В. Исаченко, — что индоевропейская терминология родства возникла в глубокой древности в условиях материнского рода и что она построена на принципе гиноцентрическом. Этот принцип отражает такое положение вещей, при котором ориентировочной точкой родственных отношений является женщина. Гиноцентрический принцип родственной терминологии предполагает существование материнского счета родства (матрилинейности) и перехода мужа в клан жены (матрилокальность брака)"[20].

Далее остановимся очень коротко на оценке некоторых данных сравнительной мифологии, поскольку сравнительное языкознание в своих суждениях о семейно-родовом устройстве древних индоевропейцев в значительной мере полагается именно на ее свидетельства. Это тем более важно, что в использовании данных мифологии лингвистами очевидны факты анахронизма.

[17] См. L. J. Krušina-Černý. Společenský původ zobrazování vícehlavých božstev, 46—49.

[18] Там же, стр. 69.

[19] См. М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 108.

[20] А. В. Исаченко. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания.—„Slavia", ročn. 22, 1953, стр. 61.

Так, в характеристике мифологических воззрений древних славян мы решительно присоединяемся к точке зрения А. Брюкнера, который отвергал теории сложной славянской мифологии. А. Брюкнер считал, что такие теории обязаны своим возникновением фантастическим и сбивчивым вымыслам немецких и датских хронистов о полабянах, вымыслам, которые, однако, почти целиком были приняты недостаточно критичным славяноведением нового времени. „Культ славян был культом природы и предков, а там нет места дуализму, и ни одно древнее свидетельство не знает о нем ничего“ [21].

Однако фактическая бедность древней славянской мифологии, видимо, огорчала отдельных славяноведов, и они пытались всячески объяснить или даже оправдать ее. Л. Нидерле [22] делает попытку „реабилитации“ несложности славянской мифологии сравнительно с богатыми мифологиями некоторых других ветвей индоевропейцев. Но, как явствует из его же слов, эта попытка не дает результатов. Он признает отсутствие доказательств противного и правильно считает это отнюдь не следствием отрывочности свидетельств исторических источников. В общем — в согласии с фактами — следует сказать, что славяне действительно не развили своей мифологии, их древние религиозные представления — примитивная демонология, в чем следует видеть скорее древнюю особенность, лучше сохранившуюся у славян. Это позволяет нам более трезво оценить данные поздней классической мифологии. Было бы странно пытаться реабилитировать такое состояние славянской мифологии или усматривать в этом „отставании“ древних славян нечто зазорное.

В связи с этим интересно остановиться на одном из недавних исследований В. Махека [23], построенном на тех принципах и положениях, против которых нам кажется необходимым выступить здесь.

В персонажах мифологии В. Махек видит отражение индоевропейской „большой семьи“ с pater familias — верховным богом во главе. Жену главного бога — греч. πότνια — санскр. *pátnī* — слав. *panьji* — он характеризует как лицо мало авторитетное в сравнении с самим божеством. Наличие у бога-отца двух сыновей (близнецы, Диоскуры, др.-инд. *Aśvin-*) и одной дочери (*Ūšās* — Ἠώς — *Aurora*) Махек трактует как отражение патриархальной семьи, где ценились мужчины, сыновья: счастье — в том, чтобы иметь сыновей вдвое больше, чем дочерей [24]. — „Оригинально то,

---

[21] A. Brückner. Fantazje mitologiczne.—„Slavia“, ročn. 8, 1929, стр. 342. О литовской мифологии см. его же. Starożytna Litwa, Ludy i Bogi. Warszawa, 1904, стр. 147 и след. Существование у древних индоевропейцев очень развитой мифологии справедливо отрицает, например, Я. Шарпантье, допускающий наличие культа предков, обожествление сил природы, неба („The Original Home of the Indo-Europeans“.— „Bulletin of the School of Oriental Studies“, vol. IV, part I. London, 1926, стр. 158). Что касается новых исследований по славянской мифологии, то нельзя не отметить, что они не представляют шага вперед по сравнению с теорией А. Брюкнера, напротив — носят отпечаток известного эклектизма. Здесь имеются в виду две работы: St. Urbańczyk. Religia pogańskich Słowian. Kraków, 1947; Roman Jakobson. Slavic Mythology.—„Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend“, vol. II. New York,1950, стр. 1025—1028. С одной стороны, в этих работах говорится о необходимости критического подхода к приукрашенным рассказам хронистов о славянском язычестве (St. Urbańczyk. Указ. соч., стр. 6), о недостаточной вероятности общеславянского культа даже такого бога, как Перун (там же, стр. 24—25), с другой стороны — оба названных ученых допускают, несмотря на скудность данных, существование общеславянского пантеона с единым верховным богом во главе (St. Urbańczyk. Указ. соч., стр. 14—15; R. Jakobson. Указ. соч., стр. 1026).

[22] См. в последнем издании: L. Niederle. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953, стр. 285.

[23] V. Machek. Essai comparatif sur la mythologie slave. — RÉS, t. 23, 1947, стр. 48—65.

[24] Там же, стр. 53.

что это — божественная патриархальная семья, созданная по образцу знатной семьи"[25]. Это вызывает серьезные возражения. История индоевропейской семьи объясняется путем фактического отождествления ее с укладом жизни, действительным лишь для отдельных, сравнительно очень поздних ступеней индоевропейской цивилизации (Греция, древний Рим и т. д.). По такому же методу привлекаются богато разработанные мифологические циклы отдельных индоевропейских народов, достигших высокого уровня социально-экономического развития. Ведь известно, что наиболее богатые мифологические циклы — это своеобразная философия древнеиндийского, древнегреческого, древнеримского рабовладельческих обществ. После этого стоит ли удивляться тому, каким точным отражением земной социальной и семейной иерархии является небесная иерархия, о которой говорят эти мифы? При этом то, на чем лингвисты с уверенностью основываются как на объективном якобы отражении „патриархальности" индоевропейской семьи вплоть до описания взаимных обязанностей ее членов, все это как раз и есть позднее в мифологии классической древности, идеологическое порождение соответствующего социального строя. С другой стороны, древнее, несомненно, то, что составляет основу мифологии, — это следы наивного анимизма (ср. яркий пример греч. Ζεύς, санскр. *Dyāuš* — в сущности 'небо', которое только потом превращено в Ζεὺς πατήρ, *Iuppiter* 'небо-отец'). Не случайно, что целые ветви индоевропейцев, не развившие высокой рабовладельческой цивилизации, — балтийская и славянская — не могут противопоставить классической мифологии что-либо равноценное. Дело отнюдь не в отсутствии древней письменной традиции у этих народов, а в отсутствии таких развитых мифологических циклов. Славяне и балты, сохранившие ряд архаических черт в языке и культуре, и в этом отношении обнаруживают древнюю особенность, все усилия обобщить славянские божества в каком-то едином пантеоне не могут быть успешны: нет не только общей славяно-балтийской, но и общеславянской мифологии. Мифологические верования балтов и славян в основном сводятся к древнему анимизму — одушевлению грома (литовск. *Perkūnas*, слав. *perunъ*), отдельных природных явлений. Вместо общеславянских богов под различными именами фигурируют местные многочисленные божества, в чем следует, вопреки В. Махеку[26], согласиться с Л. Нидерле[27], который совершенно справедливо характеризует таким образом западнославянских Свантовита, Триглава, Радогоста, правильно замечая при этом, что возвышение того или другого божества в некое подобие верховного бога было делом жрецов.

Классическая мифология отражает во всем существенном лишь классическую рабовладельческую древность, и было бы бесполезно привлекать ее данные для „реконструкции" древнеиндоевропейского социального и семейного уклада, когда не было еще и в зародыше тех социальных условий, образом которых является названная мифология.

Другой весьма серьезный анахронизм во взглядах на древнейшую эпоху общественной и языковой истории индоевропейцев также требует особого упоминания; вредность его усугубляется тем обстоятельством, что основным и наиболее последовательным его представителем в языкознании является А. Мейе — один из крупнейших лингвистов нашего времени. Ср., например, выдержку из предисловия к

---

[25] V. Machek. Указ. соч., стр. 53.

[26] Там же, стр. 55.

[27] L. Niederle. Život starých Slovanů, стр. 279. Ср. в последнее время обзорную статью: France Bezlaj. Nekaj besedi o slovenski mitologiji v zadnjih desetih letih.—„Slovenski etnograf", letnik III—IV. Ljubljana, 1951, стр. 342 и след., где указана и литература вопроса.

„Латинскому этимологическому словарю“ [28]: „Все слова не находятся на одном и том же уровне; есть слова „аристократы“ и слова „разночинцы“. Слова, обозначавшие наиболее общие идеи, например, *mori* и *vivere*, основные действия — *esse* и *bibere*, семейные отношения — *pater*, *mater*, *frater*, основных домашних животных — *equus*, *ovis*, *sus*, жилище семьи, которое было главной единицей, — *domus* и *fores* и др., представляют словарь индоевропейской аристократии, который распространился на всю территорию; эти слова обозначают понятия; они не имеют конкретной значимости: *bos*, *ovis*, *sus* относятся одновременно к самцу и самке; это слова, обозначающие блага, а не слова, называющие производителей (этих благ. — *О. Т.*); так *domus* и *fores* вызывают представление о жилище вождя, а не о материальном сооружении. Абстрактная значимость слов в соединении с аристократическим характером языка — существенная черта индоевропейского словаря. Но имелись и слова „народные“ по характеру...“ Далее характеризуются эти последние слова, — эмоционально окрашенные, технические, плохо прослеживаемые в ряде языков, столь же неустойчивые, сколь устойчивы „аристократические“ слова.

Сейчас трудно было бы не возразить на цитировавшиеся соображения. Существо высказывания составляет идея об „аристократическом“ и „народном“ в индоевропейском словаре и об „аристократическом“ характере собственно индоевропейского словаря. Дело, конечно, не в одиозности понятия „аристократический“ или противопоставления „аристократического“ и „народного“. Называя те или другие слова аристократическими, носящими общий, абстрактный характер, Мейе тем самым постулирует для них постоянство этого характера, что находится в противоречии с развитием всего индоевропейского словаря, очень длительным и богатым изменениями внутреннего и внешнего порядка. То, что Мейе рассматривает как наиболее абстрактное, „аристократическое“, могло ко времени появления письменности пройти необыкновенно долгий путь развития, реальный характер которого, конечно, должен был неоднократно противоречить схеме Мейе. Абстрактность и „аристократичность“ — всего лишь результат этого развития.

Свою категорическую классификацию Мейе строит на засвидетельствованной письменностью аффективности или аффективной нейтральности слов. Но ведь известно, что аффективность или ее отсутствие — не раз навсегда данное свойство. Ясно поэтому, что нельзя согласиться с Мейе, утверждавшим наличие таких „аристократических“ слов, которые, независимо от времени, всегда „лишены аффективных оттенков значения и имеют минимум конкретного значения“ [29].

Следует отметить, что отдельные исследователи критиковали эту теорию. Ср. возражения Ф. Шпехта [30] против попытки Мейе объяснить утрату индоевропейского „аристократического“ **pətḗr* ‘отец’ в балто-славянском языке как победу „низшего, народного“ словаря над „аристократическим“. А. Исаченко [31] верно заметил, что мало обоснованная смелость социологических выводов Мейе о древних индоевропейцах довольно странно сочетается с его известной осторожностью в чисто лингвистических построениях.

Как мы видели выше, для большинства исследователей прошлого характерно сознательное или бессознательное модернизирование древ-

---

[28] Ernout—Meillet, стр. VIII (данные и подобные сокращения см. в списке литературы).

[29] Там же.

[30] F. Specht. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. — KZ, Bd. 62, 1935, стр. 249, сноска 2.

[31] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 47.

них семейно-родовых отношений, привнесение в них элементов современной парной семьи. Это давало не только превратную картину самих исторических условий, но и приводило подчас к неправильному объяснению истории и этимологии слов. Однако отрицать значение большой работы по этимологическому исследованию имен родства было бы немыслимо. Задача состоит в том, чтобы, изучив проделанное в этой области, оценить материал с принципиально правильной позиции исторического материализма.

В специальном обзоре литературы нет необходимости, так как крупные монографии по нашей теме (история славянских терминов родства) отсутствуют, а тот объемистый материал, который имеется в разнообразных по форме и содержанию источниках, будет рассмотрен по ходу изложения. Здесь мы позволим себе кратко охарактеризовать лишь важнейшие исследования, их удельный вес, а также общее состояние изучения вопроса.

Собственно изучению славянских терминов родства посвящена только одна работа — сочинение русского лингвиста П. А. Лавровского[32]. Труд этот, написанный немногим менее века назад, давно уже устарел и сохраняет сейчас лишь историческое значение. Но если учесть, что в то время славянская этимология находилась в зачаточном состоянии, а многие важнейшие предварительные работы еще не были осуществлены, в частности отсутствовали славянские этимологические и исторические словари, легко будет понять необходимость труда Лавровского для своего времени. В этом отношении знаменательно то, что последующие исследователи прибегали к нему как к основному источнику для изучения славянских имен родства. Так, например, Б. Дельбрюк, обобщая сведения по индоевропейским именам родства, черпает славянский материал в значительной степени из книги Лавровского.

Монография Б. Дельбрюка — тоже единственная монография об индоевропейских терминах родства — отличается высоким для того времени научным уровнем. Что касается деталей этимологического исследования терминов родства, то индоевропейское языкознание в целом сделало очень большие успехи со времени появления в свет книги Б. Дельбрюка. Так, многие слова, признаваемые в книге темными, получили этимологию в ряде случаев — весьма надежную. Работа Б. Дельбрюка, ставившая перед собой целью описание индоевропейской родственной терминологии, естественно, излагала вопросы терминологии отдельных индоевропейских ветвей самым сжатым образом. Характерно, что, например, несравненно превосходя работу П. Лавровского о славянских терминах родства как в научном, так и методологическом отношении, в разработке славянского материала книга Б. Дельбрюка основывается главным образом на материалах Лавровского.

Совершенно очевидно, что обобщение всего сделанного в этой области после труда Б. Дельбрюка, применительно к славянским языкам, является насущной необходимостью. О понимании этой необходимости свидетельствует работа чехословацкого ученого А. В. Исаченко „Славянская и индоевропейская терминология родства в свете марксистского языкознания" (1953). В целом она носит характер предварителного исследования с принципиально новых — историко-материалистических — позиций. Естественная сосредоточенность при этом на общих и важнейших вопросах и жесткие рамки журнальной статьи, конечно, не позволили автору более полно обобщить результаты этимологических исследований прошлого.

---

[32] П. Лавровский. Коренное значение в названиях родства у славян. — Зап. ИАН, т. XII, № 2. СПб., 1867, приложение.

Кроме этой статьи за последние годы не появилось ни одной работы на эту тему, что чрезвычайно затрудняет попытку общего исследования, особенно если учесть, что количество частных исследований (этимологий) отдельных слов находится в резком контрасте с количеством общих исследований: их опубликовано очень много, и представляют они чрезвычайное разнообразие как в принципах толкования, так и в его качестве.

Попытка обобщенного исследования чрезвычайно усложняется также спецификой самого материала. Основная трудность изучения истории настоящей группы терминов заключается в сложной смене типов обозначения родства, причем для древнего родового общества свойственна классификаторская система (каждый индивид — член определенного брачного класса), а для современного общества свойственна описательная система обозначений родства (каждый индивид имеет собственное обозначение). Об этом своеобразии изучаемой группы терминов писал в последнее время Э. Бенвенист[33].

При смешанном браке родовой древности брачные отношения могли осуществляться только между мужчинами и женщинами разных брачных классов. В этих рамках брак был смешанным в полном смысле слова, прямым следствием чего была невыясненность отцовства. В таких условиях моими отцами на полных правах могли считаться как мой возможный отец, так и все его братья, даже все отцы моих отцов, т. е. мои отцы во втором поколении (ср. ниже об отношениях и.-е.*_pəter_ — слав. _stryjь_). Все вместе они составляли класс старших мужчин, и применяемые к ним термины носили, естественно, качественно особый, более широкий характер, классифицировали их. Так, известно, что аборигены Австралии всегда обозначают отца тем же термином, что и брата отца[34]. Мать ребенка, напротив, всегда была известна в силу естественных причин, но в определенную эпоху и ее обозначение было шире того, которое привычно для нас, классифицировало ее по отношению к ребенку наравне с ее сестрами — тетками ребенка. Поэтому в тех же туземных австралийских языках мать и сестра матери называются совершенно одинаково; отголоски существования в древности целого класса матерей содержат также древнеиндийские мифы[35].

Действующая в современных индоевропейских языках описательная система родства описывает индивидуальные отношения родственников, разграничивая то, что не было существенно в древности. Таким образом, различие обеих систем принципиально и весьма глубоко, и это в большой степени затрудняет для нас понимание развития родственной терминологии. Неясность многих моментов не мешает, однако, уяснить основную линию развития системы обозначения родства. Описательная система сменила классификаторскую у индоевропейцев, судя по всему, в глубокой древности, и, говоря о славянской терминологии родства, мы понимаем, насколько она далека от классификаторской системы родства, от матриархата в целом. Но в материальном отношении основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены древнейшей эпохой. Закономерно

---

[33] BSL, t. 46, 1950, procès-verbaux, séance du 4 mars 1950, стр. XX—XXIX. Подробнее см. G. Thomson. Aeschylus and Athens. London, 1950, стр. 25 и след., 402 и след.

[34] А. Максимов. Системы родства австралийцев. Отд. отт. из „Этнографического обозрения", кн. 92—93, стр. 11; A. Sommerfelt. La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque. Oslo, 1938, стр. 151.

[35] А. Максимов. Указ. соч., стр. 11; A. Sommerfelt. Указ. соч., стр. 151; E. Herold. Group-marriage in vedic society. — AO, vol. XXIII, 1955, стр. 63 и след.

поэтому предположить наличие у них соответствующих материальных, структурных следов и возможных семантических пережитков. Выявлять эти следы помогает этимологическое исследование. В этом нужно усматривать наиболее интересную и значительную задачу истории славянских терминов родства.

Отсюда, например, многозначность терминов родства, либо сохранившуюся (и.-е. **nep(o)t-* I. 'племянник'; II. 'внук'), либо вскрываемую этимологически (слав. *otьcь* 'отец' < **ăttikós* 'отцов', 'принадлежащий отцу', **ătta*), нужно объяснять как наслоение двух упомянутых систем родственных обозначений, исторически разновременных, но не вытеснивших одна другую полностью. В свете этого ясно заблуждение О. Шрадера[36], видевшего в переносе значений 'дядя' ⇆ 'племянник' („von Oheim zu Neffe, Neffe zu Oheim") специфически немецкое обыкновение, сложившееся в придворных кругах. Напротив, в этом плохо сохранившемся явлении мы, возможно, имеем слабый отголосок древней системы обозначений родства. О том, что считать названный случай чем-то исключительно немецким было бы ошибкой и что дело здесь, вероятно, гораздо серьезнее, говорит аналогичное словоупотребление в современном таджикском языке, где оно, кстати, представлено несравненно шире и выражается в том, что родичи по восходящей и нисходящей линии в обращении могут как бы обмениваться взаимно своими родственными названиями: так, сын, обращаясь к отцу, называет его „сыном", отец называет сына „отцом"[37].

Таким образом, перефразируя слова А. Соммерфельта[38], относящиеся к изучению цивилизации неевропейских первобытных народов, мы должны будем сказать, что мы ничего не поймем в развитии древнеиндоевропейской родственной организации, если будем по-прежнему смотреть на нее через европейские очки. Больше того, следы древней классификаторской системы, сохранившиеся даже в современной славянской терминологии родства, должны определенным образом настораживать исследователя и побуждать к основательному пересмотру многих распространенных точек зрения.

Что касается основных индоевропейских терминов родства — **pətḗr* 'отец', **mātḗr* 'мать', **dhughətḗr* 'дочь', **bhrātḗr* 'брат', **su̯ésor* 'сестра', то возможности этимологического исследования этих древнейших слов крайне ограничены. В прошлом не было недостатка в попытках истолковать их. Но большинство этих толкований давно отброшено как гадательные и недоказуемые. Для языкознания нового времени характерно почти полное отсутствие опытов в этом направлении[39]. О довольно популярной с давнего времени „Lallwörter"-теории, согласно

---

[36] O. Schrader. Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern. — IF, Bd. 17, 1905—1906, стр. 15—16.

[37] Ср. А. К. Писарчик. О некоторых терминах родства таджиков. — „Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова". Сталинабад, 1953. Такое явление, но в гораздо более широких размерах отмечают исследователи для языка племени аранта в Центральной Австралии. В этом языке взаимность терминов для ряда категорий родства является совершенно обязательной. Так, названия *aranga* 'дед по отцу' и *pala* 'бабка по отцу' могут соответственно значить 'сын моего сына' и 'дочь моей дочери'. У австралийского племени koko-yimidir, кроме того, наблюдается словоупотребление, курьезно совпадающее с описанным выше немецким: взаимный характер носят названия дяди и младшего племянника (см. А. Максимов. Указ. соч., стр. 13, 21; A. Sommerfelt. Указ. соч., стр. 154). Следов этой классификаторской взаимности мы еще коснемся ниже, при разборе слав. *vъnukъ*.

[38] A. Sommerfelt. Указ. соч., стр. 7.

[39] Исключение представляет, пожалуй, только **su̯ésor* 'сестра', ср. его этимологию в последнее время у В. Пизани, поддержанную австрийским лингвистом М. Майрхофером, см. подробно об этом ниже.

которой *pa-ter*, *ma-ter* происходят из слов „детского языка" *pa-*, *ma-*, подробно см. также ниже. Здесь только следует заметить, что эта теория вряд ли правильно объясняет названные слова.

Известное положение о „неэтимологизируемости" упомянутых основных индоевропейских терминов родства (К. Бругман) имеет смысл как признание недостаточности возможностей, находящихся в распоряжении исследователя, но отнюдь не означает принципиальной порочности попыток искать этимологию этих слов. В этом случае исследователи отдельных архаических языков находятся в более выгодном положении по сравнению с нами. Так, А. Соммерфельт в своей известной книге „La langue et la société", специально отмечая, что в первобытном языке типа аранта мы наблюдаем несравненно более выраженное влияние уровня цивилизации на структуру языка, чем в европейских языках, считает себя вправе этимологизировать, например, слово из языка аранта *maia* 'мать' < *ma*, корень, означающий в том же языке 'давать больше, давать много'[40].

Славянские термины родства, будучи закономерным развитием индоевропейских терминов, вместе с тем обнаруживают в ряде отношений существенное качественное своеобразие. Прежде всего, следует отметить характерное развитие производных форм, каковыми являются названия, подчас даже непосредственно продолжающие индоевропейские формы. Далее, на славянских терминах родства оставило определенный отпечаток обособление славянской ветви древнеиндоевропейского языка, которое привело к оформлению ряда местных форм, местных терминов, расходящихся коренным образом даже с обозначениями в близкородственных балтийских языках, ср. слав. *tьstь* — литовск. *úošvis* 'тесть'; слав. *sъnoxa* — литовск. *marti* 'сноха, невестка'. То, что это не получило слишком большого развития, объясняется тем известным обстоятельством, что в значительной своей части терминология родственных отношений оформилась уже в общеиндоевропейском языке. Однако для образования некоторых исторически поздних терминов обособление славянства сыграло решающую роль в том смысле, что эти термины созданы уже чисто местными средствами. Так оформились славянские названия мачехи, отчима, пасынка, падчерицы, возникновение которых при родовом строе и групповом браке было бы бессмысленным, как отмечает А. Исаченко[41]. Эти термины образовались поздно, в условиях отцовской семьи, при парном браке. Столь же обособленно осуществляется их образование, например, в германской группе языков. Для них нет общеиндоевропейских форм. В итоге длительного развития славянские термины родства обнаруживают значительное многообразие форм и то „нюансирование степеней родства языковыми средствами"[42], которое обращает на себя внимание исследователей.

Избранная лексическая группа является одной из важнейших в основном словарном фонде языка. Общность основного словарного фонда славянских языков проявляется, между прочим, и в терминологии родственных отношений, что важно и как свидетельство для истории языка, и как показатель важнейших социально-исторических процессов в жизни славянства. Терминология родства теснейшим образом связана с названными процессами.

Исследование данной группы лексики тем более целесообразно, что оно поможет сформулировать выводы, небезынтересные для истории общественного развития даже в том случае, если они явятся всего

---

[40] A. Sommerfelt. Указ. соч., стр. 159. См. там же другие примеры.

[41] А. Исаченко. Указ. соч., стр. 76.

[42] O. Schrader. Über Bezeichnungen..., стр. 36.

лишь подтверждением данных, уже добытых историческим исследованием. Кроме того, поскольку данная лексическая группа объединяет термины, выработанные людьми в процессе истории для определения своих отношений друг к другу, есть основания полагать, что изучение этих терминов даст известный материал для иллюстрации отдельных моментов древнего развития мышления, ср. соответствующие разделы III главы, посвященные изучению связи названий: ‘рождаться, быть родственным’ > ‘знать’; ‘рождать (ся)’ > названия различных частей тела.

Объект настоящего исследования — терминология родства всех славянских языков (с учетом доступных диалектных материалов), причем рассматриваются термины и кровного родства, и свойственного. В заключение рассматривается ряд древнейших терминов общественного строя, а именно те из них, которые непосредственно примыкают к терминологии родства. Привлечение этой группы терминов оправдано тем, что, как известно, история родственных отношений есть уже история общественных отношений, что особенно очевидно для родового строя.

При известной исторической разнородности славянской терминологии родства следует помнить, что по древности своего первоначального оформления и длительности развития, а отсюда — по сложности многих моментов своей истории терминология родственных отношений занимает исключительное положение в основном словарном фонде. Так, в указанных отношениях ей, очевидно, уступают названия растений, злаков, деревьев, домашних животных, значительная часть названий предметов окружающей действительности и основная масса названий предметов хозяйственной деятельности. Даже такая, казалось бы, древняя группа, как названия частей человеческого тела, во многих своих деталях, как выясняется ниже, восходит к обозначениям родства, рождения.

Глава I

ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА

Собственно терминами кровного родства являются названия отца, матери, ребенка, сына, дочери, брата, сестры; дальнейший счет прямого кровного родства по нисходящей линии — внуки, правнуки, по восходящей — дед, бабка и т. п.; названия дяди, тетки (по отцу, по матери). Сюда же фактически примыкают различные термины, выражающие приравнивание неродственных людей к кровнородственным, т. е. названия отчима, мачехи, пасынка, падчерицы.

Переходим к рассмотрению отдельных терминов.

Отец

В славянских языках имеется несколько употребительных названий отца:

ст.-слав. отьць, др.-сербск. *отьць*, сербск. *о̀тац*, болг. *оте́ц* (устар.), словенск. *óče*, др.-русск. *отьць*, *отецъ*, русск. *отец*, диал. *оте̋к*[1], *áтька*[2], укр. *оте́ць*, *отця́*, *вітця́* (малоупотребит.), белор. *айце́ц*, польск. *ojciec*, кашуб. *woejc*, прибалт.-словинск. *vòtc*, *vòi̯c*, н.-луж. *wość* (торжествен.), в.-луж. *wótc* (von Gott gebraucht), чешск. *otec*, словацк. *otec*;

сербск. *mа́јко*, *mа̂јко*, *mama*, богл. *mamко*, *meйко*, ср. *tátka vi Pétka* (вин. ед.) = votre père Petko...[3], русск. *тя́тя*, *тáта*, укр. диал. *тато*, польск. *tata*, кашуб. *tata*, *tato*, *tatink*, *tatk*, прибалт.-словинск. *tā̃tă*, н.-луж. *tata*, в.-луж. *tata*, чешск. *táta*, диал. *tatínek*[4], словацк. *tat'*, *tata*, *tatenko*, *tatíček*, *tatíčko*, *tatinko*; укр. диал. *дєдьо*, *дядьо*, *дідьо*[5];

болг. *баща*, диал. *башчá*, *бальу*, русск. *бáтюшка*, диал. *бачкя*[6], *бáцка*[7], *бáцько*, *бáчка*[8], укр. *бáтько*; староукр. *батко*, *батько*, *батя* 'батько, отецъ';

---

[1] Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, 1892, № 3, стр. 60.

[2] „Тамбовская губерния“. Обработал Н. Н. Дурново. — РФВ, т. LXVI, 1911, стр. 214.

[3] A. Vaillant. Les parlers de Nivica et de Turija (Macédoine Occidentale). — RÉS, vol. 4, 1924, стр. 56.

[4] Q. Hodura. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1904, стр. 69.

[5] А. А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке. Автореф. канд. диссерт. Киев, 1954, стр. 4.

[6] „Тамбовская губерния“. Обработал Н. Н. Дурново. — РФВ, т. LXVI, 1911, № 3—4, стр. 214.

[7] Е. Будде. Указ. соч., стр. 51.

[8] А. Подвысоцкий. Словарь архангельского областного наречия. СПб., 1885, стр. 5.

болг. диал. *нена*[9], н.-луж. *пań*, *пап*, в.-луж. *пап*, словацк. *paničko*, *paničok*, *ňaňa*, *ňaňka*, *ňaňko*, польск. диал. *ňaňo*[10], укр. диал. *ньаньове*, *нянцове* (им. множ.) 'Väter'[11];

укр. диал. *лельо* 'отец'[12].

Основным индоевропейским названием отца является **pətēr* с характерным гласным *ə*, представляющим собой ступень редукции старого корневого гласного в предударной позиции: * *pətḗr*[13].

О таком ударении говорит известный закон Вернера, исходящий из соответствия герм. *fatar* = и.-е. **pətḗr*[14].

Естественно, исследователи уделяли много внимания этимологическому изучению этого важнейшего слова: Walde-Pokorny, Bd. II, стр. 4; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl., стр. 565; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, 3. Aufl., стр. 133; A. Zimmermann. Lateinische Kinderworte als Verwandtschaftsbezeichnungen. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 149; Ernout-Meillet, 3-ème éd., t. II, стр. 862—864.

А. Вальде и А. Циммерман вслед за Дельбрюком объясняют **pətēr*, *pater* из слова „детского языка" *pa-*, *pa-pa*. А. Эрну и А. Мейе воздерживаются от этимологического объяснения.

В последнее время выдвинул этимологию этого слова И. Трир[15]. Его толкование представляет подновленную этимологию Боппа — *patā́r* < *pā* 'охранять, защищать', но в отличие от этого старого бесхитростного сопоставления автор постарался привлечь обильный сравнительный материал и в основу положил некоторые моменты ларингальной теории. И. Трир предлагает сопоставление и.-е. **pətēr*, **potis* и **pa-*, объясняя эти формы как сочетания корневого гласного с ларингальным: **peə₃-*, **pə₃étis*, **pə₃tḗr*. Он конкретизирует значение *pa-* как 'ограда, огораживать' и предполагает, что в основе всей группы слов лежало обозначение большой семьи как круга, ограды, круглого родового собрания. Отсюда **potis*, **pətḗr* 'вождь, господин'. В защиту своей гипотезы автор привлекает большой материал, с которым он обращается, однако, довольно деспотически. Так, он хочет видеть значение 'ограда' и в и.-е. **k̑ei-*, ст.-слав. сѣмьꙗ, и в лат. *cūria*, даже в и.-е. **bhrātēr*. Все это вызывает недоверие к этимологическим выводам И. Трира, который и здесь проявил себя скорее как семасиолог, чем этимолог. Кроме того, мы располагаем данными о первичности матриархального уклада, и этимология Трира не в состоянии убедить нас в противном, тем более, что она исходит не из новых фактов, а из предвзятой мысли об исконности большой отцовской семьи.

Можно указать, что И. Трир, подновляя старую этимологию ларингальной теорией, упустил из виду, что нулевая ступень, образованная глухим *p* и ларингальным *ə₃*, дала бы в индо-иранском глухой придыхательный *ph*, ср. *stoə̑-* > *stā-*, но *stə̑-* > индо-иранск. *sth-*. Этого не случилось, ср. др.-инд. *pitā́*, поэтому *ə* в и.-е. **pətēr* следует, очевидно, объяснять скорее как ступень редукции старого корневого гласного (см. выше).

---

[9] П. А. Сырку. Наречие карашевцев [говор болгаро-сербского переходного типа в округе г. Речица]. — ИОРЯС, т. 4, кн. 2, 1899, стр. 657.

[10] Gejza Horák. Nárečie Pohorelej. — SAV, Bratislava, 1855, стр. 162.

[11] J. Werchratskij. Über die Mundart der galizischen Lemken. — AfslPh, Bd. 16, 1894, стр. 19.

[12] А. Бурячок. Указ. соч., стр. 4.

[13] J. Kuryłowicz. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956, стр. 104—105.

[14] K. Verner. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. — KZ, Bd. 23, 1875, стр. 97 и след.

[15] J. Trier. Vater. Versuch einer Etymologie. — „Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung", Bd. 65. Weimar, 1947, стр. 232—260.

Значительный интерес представляет вопрос о семантическом развитии слова. Наиболее определенная точка зрения имеется у Эрну — Мейе: лат. *pater* „не обозначает физического отцовства, которое скорее обозначается словами parens и genitor. Pater имеет социальную значимость. Это глава дома, dominus, pater familias...“ [16]. Там же говорится о религиозном, торжественном значении **pətḗr*, *pater*.

Это высказывание находится в полном согласии с теорией Мейе, по которой **pətḗr* и ряд других общеиндоевропейских слов отмечены печатью аристократизма, религиозности, абстрактности. По мнению Мейе, между и.-е. **pətḗr* и современным франц. *père* произошел такой коренной сдвиг значения ('высшее божество', 'высший глава семейства' > 'отец в физическом смысле'), что можно говорить о возникновении нового слова [17].

Однако пропасти между значениями этих двух форм нет и не было. Верно, что санскр. *pitár* 'отец' несколько не совпадало по значению с 'родитель' (Erzeuger) в языке Вед, как сообщает Б. Дельбрюк [18]. Этот факт ввел некоторых языковедов в глубокое заблуждение относительно сущности и.-е. **pətḗr*. Так, Мейе заключает, что поскольку **pətḗr* (*pitár*, *pater* и др.) не значило собственно 'родитель', то оно означало нечто более высокое. Следует напомнить о том, что в течение длительного периода древности отцовство в физическом смысле было неопределимо. Только этим можно объяснить то, что и в последующее время долго между значением **pətḗr* 'отец' и специальным 'родитель' не было прочной связи, откуда потребность в уточнениях типа санскр. *janitá*, лат. *genitor* для второго понятия [19].

Мы подходим к вопросу об отражении и.-е. **pətḗr* в славянском словаре. А. Мейе всегда придерживался отрицательного мнения на этот счет, полагая, что **pətḗr* не сохранилось в славянском ни в основной, ни в производной форме. Более того, он склонен был придавать этому исключительное значение как показателю расшатывания старой индоевропейской общественной организации в славянстве и утраты многого из „аристократического“ словаря [20]. Наряду с этим другие лингвисты указывали на возможность сохранения **pətḗr* в славянском в производной форме. Так, финскому слависту Микколе принадлежит правдоподобная этимология слав. **stryjь* 'дядя по отцу' < и.-е. *pətrui̯os*, ср. лат. *patruus* от **pətḗr* (подробно см. раздел о названиях дяди, тетки). Французский лингвист М. Вэ [21] предположил происхождение болг. *пасторок*, *пастрок* 'отчим' из **pō-p(ə)tor* (к **pətor*, **pəter* 'отец'). Вопрос о непосредственном отражении и.-е. **pətḗr* 'отец' в славянском словаре решается обычно отрицательно.

---

[16] Ernout — Meillet, t. I, стр. 8.

[17] А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 34.

[18] B. Delbrück, стр. 446—447.

[19] Термин **pətḗr* при классификаторской системе относился и к отцу, и к его братьям (моим дядьям по отцу) (см. Введение). И.-е. *pətḗr* возникло, очевидно, в ту эпоху, когда носители индоевропейского языка еще не знали причинной связи между зачатием и рождением. Это обстоятельство, а также наличие не одного pater familias, а многих потенциальных отцов позволяет предполагать для **pətḗr* значение, совершенно не похожее на наше значение 'отец', а именно что-то вроде: 'один из класса старших мужчин рода'. Подобное неведение относительно причин рождения, возмещаемое мифологическими, тотемистическими толкованиями, было, как известно, в конце прошлого века открыто у туземцев Центральной Австралии (см. A. Sommerfelt. La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque. Oslo, 1938, стр. 140).

[20] A. Meillet. Les origines du vocabulaire slave. — RÉS, t. 5, 1925, стр. 6—7.

[21] M. Vey. Slave *st-* provenant d' i.-e. *pt-*. — BSL, t. 32, 1931, стр. 66.

Впрочем, мысль о происхождении слав. *bat'(j)a* (ср. русск. *бáтя*, укр. *бáтько* 'отец' и др.) < и.-е. **pətḗr* 'отец' высказал еще П. Лавровский[22], но не подкрепил ее сколько-нибудь вескими аргументами. А. И. Соболевский[23] подошел к вопросу об отношении русск. *батя* и и.-е. **pəter* с другой стороны, предположив заимствование из иранского, что отвергает М. Фасмер[24]. Из других этимологических толкований славянского слова можно указать на объяснение Ф. Миклошича заимствованием его из венг. *bátya* 'Bruder! Landsmann!'[25] и противоположное суждение А. Маценауэра[26]: корень *bat* — индоевропейский, а венгерское слово — из славянского. Бернекер[27] лишь суммирует эти сведения. Попутно заметим, что он предполагает общеславянскую форму с носовым (**batę*) без видимого основания, поскольку известны лишь русск. *батя*, укр. *батько*, болг. *баща*, сербск. *башта*, чешск. (стар., диал.) *bát'a*, которые не говорят о древнем наличии носового[28]. Единственная форма с носовым — др.-русск. *батѧ* сохраняет лишь значение графического изображения, точно так же, как др.-русск. *дѧдѧ* не может отражать никогда не существовавшего **dędę*, а только **d'ad'a*.

Бернекер говорит об исконности у слав. *batę* значения 'старший брат'. То же говорит и П. Лавровский о др.-русск. батѧ („...стдавасть ти батѧ черниговъ, а съ мною въ любви поживи". — Ипат. л. 6669 г.), но И. И. Срезневский переводит это батѧ как 'отец, pater' с пометой: „В древних памятниках только один раз". Далее, помимо распространенного русск. *батюшка* 'отец, духовный отец' и других диалектных разновидностей со значением 'отец' (см. выше, в перечислении названий отца у славян), укажем еще следующие формы: русск. диал. *бáтя* 'старший брат': Тятя да мама дома, а *батя* поехал по дровки"[29]; *батя́ня* 'отец, также брат, приятель'[30]; чешск. *bát'a* 'старший брат', словацк. *bát'a*, *bat'ko* 'otec, strýček, starší bratr', *batica* 'sestra', болг. диал. *бáта* 'старший брат'[31], сербск. диал. *бáто* (ласк.) 'брат', 'отец', *баħа* (ласк.) 'брат'.

Таким образом, основные значения слав. *bat(j)a*: 'отец' и 'старший брат'. Как обычно полагают, 'отец' < 'старший брат'. Этимологию слова следует признать недостаточно выясненной[32]. Впрочем, связь **bat'(j)a* 'старший брат' (ср. чешск. *bát'a*) с **bratrъ* 'брат' правдоподобно объясняется диссимиляцией[33].

---

[22] „Коренное значение в названиях родства у славян". — Зап. ИАН, т. XII, № 2. СПб., 1867, стр. 12.

[23] См. РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 149.

[24] M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 62—63.

[25] F. Miklosich. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867, стр. 5.

[26] A. Matzenauer. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870, стр. 18—19.

[27] E. Berneker. Bd. I, стр. 46.

[28] См. об этом в последнее время в статье: V. Polák. Nad novými etymologickými slovníky slovanskými. — RS, t. XVIII, część 1, 1956, стр. 28—29. Между прочим, В. Поляк предлагает новое объяснение слав. *batja*, *bat'a* заимствованием из балканского субстрата, ср. имя собственное иллир. *Bato*, греч. φως, φωτός 'рожденный человек', оставленное Э. Буазаком без этимологии. Сюда же он относит и груз. *batoni* 'господин', а также словацк. *bača* — пастушеский термин, занесенный с юга по Карпатам. Ср. еще неясное алб. *boc* 'брат'.

[29] Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. Сб. ОРЯС, II Отд-ния АН, т. 68, № 4, 1901, стр. 22.

[30] А. Мотовилов. Симбирская молвь. — Сб. ОРЯС, т. XLIV, № 4, 1888, стр. 16.

[31] Памятники болгарского народного творчества. Вып. 1. Собрал Н. Качановский. Словарь. — Сб. ОРЯС, т. XXX, 1882, стр. 562.

[32] К слав. *bat'ja* мы еще вернемся в заключительном разделе работы.

[33] Ср. J. Holub — Fr. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 66, 76.

Прежде чем приступить к анализу формы и значения слав. **otьcь*, остановимся на близких образованиях, которые легли в основу этого слова.

Индоевропейскому **ătta* 'отец' посвящена достаточно обширная литература: Г. Майер („Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache", стр. 20) анализирует алб. *at* 'отец'; П. Кречмер („Einleitung", стр. 200) привлекает имя собственное фриг. *Ἄττης с характерным для фригийского переносным употреблением; Г. Хирт („Untersuchungen zur indogermanischen Altertumskunde",— IF, Bd. 22, 1907, стр. 92) указывает на глубокую, общеиндоевропейскую древность греч. ἄττα, готск. *atta*, которые не уступают в этом отношении и.-е. **pətḗr*; А. Вальде (Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl., стр. 68), касаясь *atta* 'отец', ласкательное обращение детей к отцу, указывает на распространенность такого образования в сопредельных неиндоевропейских языках[34]; Вальде — Покорный (Bd. I, стр. 44) указывают на связь слав. *otьcь* с и.-е. **atta* через **attikos*, не вдаваясь, однако, в подробности; см. еще F. Kluge „Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache", 11. Aufl., стр. 27: Ätte, Ätti 'Vater'; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, 3. Aufl., стр. 62; Ю. Покорный (стр. 71) повторяет упоминавшиеся выше мысли О. Шрадера, А. Вальде; Эрну-Мейе (t. I, стр. 97) видят в лат. *atta* 'дедушка' слово детской речи, оно же в *atavus*; И. Фридрих („Hethitisches Wörterbuch", стр. 38) рассматривает хеттск. *attaš* 'отец' как индоевропейское и переднеазиатское слово детской речи широко распространенной формы.

И.-е. **ătta* содержит краткий гласный *ă*, который, как полагает А. Мейе[35], встречается лишь в особых, экспрессивных образованиях, призываниях. Ю. Курилович[36] уточняет, указывая, что эти формы, естественно, вторичны по отношению к появлению *ă*.

Столь же характерно для и.-е. **ătta* наличие древнего долгого *t*, что единогласно отмечается исследователями как атрибут экспрессивных слов[37]. Впрочем, отмечаются и трудности изучения подобных случаев. Так, Мейе высказывает интересные мысли о недостаточности одной ссылки на принадлежность к детской речи того или иного слова для объяснения удвоенности согласного по той естественной причине, что „детская речь распространяется лицами, вполне развитыми в отношении речи"[38]. Он склонен видеть в и.-е. **tt*, **ddh* отношения древнего морфологического чередования согласных. В другом месте Мейе указывает на сохранение удвоенного **tt* в индоевропейском только в экспрессивном образовании (**ătta*), когда удвоение является именно выразителем экспрессивности[39]. Э. Герман согласен с Мейе в его оценке и.-е. **ătta* как экспрессивного (фамильярного) образования, хотя не видит необходимости отрицать его происхождение из детской речи[40]. В общем так же, как Мейе, харак-

---

[34] Поддерживаемая им мысль О. Шрадера (см. „Indogermanischer Anzeiger". Bd. IX, стр. 172) об отношении сюда др.-в.-нем. *adal*, нем. *Adel* встретила у некоторых лингвистов возражение, ср. Oswald Szemerényi. The Etymology of German Adel. „Word", vol. 8, 1952, стр. 42 и след.

[35] А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 185.

[36] J. Kuryłowicz. Études indoeuropéennes, I. 1935, стр. 106.

[37] A. Meillet. Les dialectes indoeuropéens. 2-ème éd., Paris, 1922, стр. 58; его же. Введение. . ., стр. 154; E. Locker. Die Bildung der griechischen Kurz- und Kosenamen.— „Glotta", Bd. 21, 1932, стр. 151.

[38] A. Meillet. Les dialectes indoeuropéens, стр. 58.

[39] А. Мейе. Введение. . ., стр. 154.

[40] H. Hermann. Einige Beobachtungen an den idg. Verwandtschaftsnamen. — IF, Bd. 53, 1935, стр. 97—98.

теризует слово А. Вайан, полагающий, однако, что удвоение не обязательно столь же древне в данном случае, как само слово [41].

Как уже говорилось, и.-е. **ătta* через производное **ăttikos* дало наиболее распространенное название отца в славянском — *otьcь*. При этом и.-е. **ă* > слав. *o*. Кроме этой производной формы, в славянском есть немногочисленные, но вполне достоверные следы основы **oto-* < балто-слав. **ata-* [42]: ст.-слав. отьнь, ср. русск. диал. *безотной* 'не имеющий отца' [43], ср. в славянской топонимике Восточной Германии: *Oteslawe*, *Wotzlaff* < **Oteslav* [44].

Индоевропейский характер имеет и другое обозначение отца — **tāta*, для которого, видимо, справедливо будет предположить этимологическую связь с рассмотренным **ătta* через редупликацию основы. Что касается консонантизма, то вполне возможно, что экспрессивность здесь выражена другим доступным в таких образованиях способом — удлинением корневого гласного вместо выраженного в **ătta* экспрессивного удвоения согласных. Там, где количество гласного не изменилось, экспрессивность выражается прежним путем (ср. греч. τέττα 'тятя! батюшка!'). Во всяком случае есть основания полагать, что выражение экспрессивности удлинением гласного, типичное для слав. *tata*, коренится еще в индоевропейской древности [45].

Ср. в других индоевропейских языках: алб. *tat* 'отец, дед', имена собственные фриг. Τάτα, Τάττα, Τατάς, Δαδα, греч. τάτα, др.-инд. *tatá-s* 'отец', лат. *tata*, корн. *tat*, литовск. *tẽtis* с тем же значением, сюда же англ. *dad* 'папа, папаша', хеттск. иероглифич. *tata-* 'отец', *tatali-* 'отцовский', лув. *tati-* 'отец' [46].

Основная масса исследований содержит точку зрения на и.-е. *tata* как на образование детской речи. Это же отражено и в этимологических словарях Ф. Миклошича, А. Преображенского [47], Р. Траутмана.

Объяснение ссылкой на „детский лепет" вряд ли может внести ясность в изучение истории обсуждаемых слов. Маловероятно, впрочем, и иное толкование, согласно которому *te-*, *ta-* (*tẽvas*, *tata*) — результат изменения **ptēr* из **pətēr* 'отец', ср. авест. *ptā*, *tā* [48], лат. *tata* < **ptata* : *pa-*

---

[41] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Paris, 1950, стр. 81.

[42] R. Trautmann, BSW, стр. 16.

[43] А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областный крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. LXXXIII, № 5, 1907, стр. 93.

[44] R. Trautmann. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen, I. Teil. Berlin, 1948, стр. 47.

[45] Слав. **ot-* в *otьcь* и др. с *o* кратким развилось из простого нередуплицированного и.-е. **ătta* с *a* кратким с параллельной утратой экспрессивного оттенка значения, носителями которого становятся формы из **tāta*. Слав. *tāta* как бесспорный пример экспрессивного удлинения корневого гласного мог бы с пользой привлечь В. Махек в своей недавней работе, где он рассматривает экспрессивное удлинение на ряде весьма проблематичных примеров (V. Machek. Expressive Vokaldehnung in einigen slavischen Nomina.—„Zeitschrift für Slawistik", Bd. I, H. 4, 1956, стр. 33 и след.).

[46] См. G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, стр. 424—425; P. Kretschmer. Einleitung, стр. 347 и след.; H. Pedersen. Wie viel Laute gab es im Indogermanischen. — KZ, Bd. 36, 1898, стр. 83; K. Brugmann, KVGr., стр. 77; A. Zimmermann. Lateinische Kinderworte als Verwandtschaftsbezeichnungen. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 148 и след.; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. стр. 764; Walde — Pokorny. Bd. I, стр. 704; Ernout — Meillet, t. II, стр. 1195; J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, стр. 329, 336; H. Otten. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1953, стр. 52; В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. — ВЯ, 1954, № 4, стр. 68.

[47] См. „Труды ИРЯ", т. 1, 1949, стр. 35; ср. еще M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 32: русск. диал. *атька* 'отец'.

[48] См. A. Meillet. A propos du mot avestique *pta*. — MSL, t. XX, стр. 6; M. Vey. Slave *st-* provenant d' i.-e. *pt-*, стр. 65 и след.

ter[49]. Образование авест. *ptā* < **pətēr* сомнения не вызывает, но оно отнюдь не объясняет форм *tata*, *teta*, литовск. *tĕvas* и др., с которыми авестийское слово этимологически не связано.

Что касается балтийских форм, то непосредственно к названным выше индоевропейским (*tata*, *teta*) примыкают литовск. *tẽtis* 'отец', *tetà* 'тетка', др.-прусск. *thetis* 'отец', литовск. *tìtis* (диал., Кведарна) 'отец'[50]. Литовск. *tĕvas* 'отец' представляет собой, видимо, продукт разложения группы *te-t-* с последующим присоединением суффикса *-va-* : *tĕvas*. Разрывать эти слова нет оснований. Ср. другие литовские формы названия отца: *tẽtė*, *tetùšis*. Возможно, сюда относится и название реки литовск. *Tã-tula* (суффикс *-ula*), в котором *tat-* < и.-е. **tăt-*.

Наличие в слав. *tata* долгого *ā*, ср. польск. *tata*[51] и др., происходит, как уже сказано выше, от экспрессивного удлинения. Славянский язык знает ряд достоверных примеров такого удлинения. А. Вайан говорит по этому поводу: „...Сербохорватский язык представляет в своих уменьшительных образованиях другой экспрессивный способ — удлинение гласного: Бо́жо из Бо̀жидар“[52]. Ср. далее, там же, относительно слав. *jāzъ*: „... Общеславянский долгий начальный гласный представляет трудность ввиду лит. *àš* (др.-литовск. *eš*), лат. *ego* и др., и не исключена возможность, что *ja-* < **ē* через вторичное экспрессивное удлинение *e* (ср. сербохорв. *jâ* при чак. *jä*) по образцу *ty* 'ты', которое, видимо, имело в балто-славянском, как и в индоевропейском, двойную форму **tū* и *tu*“[53]. В этом свете становится ясным характер звукового развития слав. *tata*.

Смягчение *tata* > *t'at'a*, которое было осуществлено лишь в части славянских языков (ср. русск. *тя́тя*, сербск. *ćäća*, *ćaće*), объяснить нелегко. Ясно, что это позднее явление, не приведшее к органическому смягчению, иначе было бы в русском что-нибудь вроде *чача* (< **t'a-t'a/tjatja*)[54]. Вполне возможно, что в *тятя* проявляется „неорганическая“ палатализация согласных, свойственная фамильярной и экспрессивной лексике балтийских и славянских языков[55]. О том, что это явление не носит устойчивого характера, говорит наличие несмягченных форм в тех же языках, ср. русск. диал. *тата*[56].

Для правильного понимания славянских слов важно помнить, что они продолжают отдельные варианты индоевропейской формы: **ătta* в *otьcь*, **tāta* в польск. *tata*, чешск. *táta*, аблаут **tett* в *teta*, *tetъka* (*tĕt:tŏt*, подробнее — см. о названии тетки), ср. еще *te-*, *ta-* с суффиксом в литовск. *tĕvas*, латышск. *tēvs*, др.-прусск. *taws*.

Изложенное представляет собой своеобразную предисторию собственно слав. **otьcь* 'отец', восходящего к и.-е. **ătta*[57]. В. Скаличка считает,

---

49 A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, str. 764.

50 Взято из рукописной картотеки к литовскому этимологическому словарю К. Буги (Вильнюс, Ин-т литовск. языка и лит-ры АН Лит. ССР).

51 Ernout — Meillet, t. II, стр. 1195.

52 A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 98—99.

53 Там же, стр. 183.

54 Впрочем, именно такую русскую диалектную (сибирскую) форму приводит Ян Розвадовский в рецензии на Словарь Бернекера (RS, t. II, 1909, стр. 75), указывая на ее отсутствие у Бернекера.

55 Ср. J. M. Kořínek. Několik slov o významu A. Meilleta pro současnou jazykovědu. „Slavia“, roč. 14, 1936—1937, стр. 489. А. И. Соболевский („Мелкие заметки по славянской и русской фонетике“. — РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 118—119) совершенно ошибочно, на наш взгляд, объясняет первое *я* в *тятя*, *дядя*, *няня* ассимиляцией последующему *я*, которое он объясняет — тоже ошибочно — из *ѧ*.

56 „Труды Московской диалектологической комиссии. Смоленская губерния“, обработал Н. Дурново, — РФВ, 1909, № 3—4, стр. 215.

57 Известно также санскр. *attā* со значением 'мать, старшая сестра' при обычном значении и.-е. **ătta* 'отец' (см. C. C. Uhlenbeck, стр. 5; Ernst u. Julius

что фонетическая редукция в слав. *-*ot*-, при готск. *atta* 'отец', компенсируется морфологическим расширением в слав. *otьcь*[58]. Мысль глубокая, но нельзя не выразить опасения, что пример не вполне удачен: морфологическое расширение *otьcь* имеет собственные индоевропейские корни. Восстанавливаемая для **otьcь* этимологическим путем древняя форма **attikos* действительно существовала и является индоевропейской, ср. сохраненное греческим языком Ἀττικός, Ἀττική явно адъективного характера (суф. -ικός, -ική, ср. образование ἵππος 'лошадь': ἱππικός, ἱππική, 'лошадиный, конский, -ая'), которое можно правдоподобно объяснить как 'отчий, отеческий': *ătt-iko-s* < *ătta*. Таким образом, греч. ἡ Ἀττική [χώρα] собственно = 'отцовская страна' с последующим забвением конкретного смысла и употреблением как собственного названия части Греции.

А. А. Шахматов[59] называет слав. *otьcь* в числе заимствований из кельтского, ср. кельт. *otikós* — ирл. *aithech*, *athech* 'Mann aus einer der besitzenden Klassen', брет. *ozech* 'homme', причем кельт. *otikos* < **potikós* (утрата *p* в начале кельтского слова), ср. греч. δεσποτικός. В итоге Шахматов принимает первоначальное значение слав. *otьcь*: 'Hauswirt, хозяин'. В противном случае он считает неясной исходную славянскую форму для *otьcь*. Известное *otьnь* возможно < *otьćьnь*, др.-русск. *отьчьнь*, под влиянием *братьнь* и под. Шахматов не учитывает возможности самостоятельного развития слав. *otьcь* < и.-е. **ăttiko-s*, а также наличия несомненных следов *-*oto*-.

Таким образом, в основе слав. *otьcь* лежит значение 'отцов', как о том свидетельствует этимология: *otьcь* < **att-iko-s* < **atta*. В принципе такое толкование вполне закономерно, ср. другие примеры: др.-в.-нем. *eninchilī* 'внук', собственно 'дедов' (др.-в.-нем. *ano*, нем. *Ahn* 'дед, предок'), а не 'маленький дед', как полагал В. Шульце[60]. Это находится также в полном соответствии с единственно правильным представлением о первичности всякий раз именно притяжательных и вторичности уменьшительных значений. Вот почему мы не видим в слав. *otьcь* уменьшительного значения, якобы со временем вытесненного[61].

Интересно изучить возможные условия возникновения этого производного слова. Дело в том, что слав. *otьcь* 'отец' останется совершенно непонятным, если полагать, что оно всегда обозначало отца. Отца обозначало и.-е. **ătta*, с которым **otьcь* связано притяжательными функциями, особенно прозрачными в древней форме **attikos* (см. выше).

Попробуем при анализе слав. **otьcь* исходить из структуры древнего рода и современных ему воззрений на родство. Тесная связь между членами рода и единое кровное происхождение большинства их (за вычетом фактов экзогамии) находили, как известно, выражение в том, что каждый род знал своего предка. Развившиеся на такой почве воззрения могут, очевидно, объяснить тот факт, что индоевропейская терминология родства знает единые названия отца, матери, но дает сбивчивые, несогласные показания о конкретных названиях восходящего кров-

---

Leumann. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Leipzig, 1907, стр. 12; M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953, стр. 27—28; последний даже допускает заимствование из неиндоевропейского дравидийского языка). Ниже, в заключительном разделе нашего исследования мы еще раз коснемся вопроса о значении этой формы.

[58] В. Скаличка. О фонетической редукции. — Сб. „Пражский университет Московскому университету". Прага, 1955, стр. 268.

[59] A. A. Schachmatow. Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen. — AfslPh, Bd. 33, 1911, стр. 91—92.

[60] KZ, Bd. 40, 1905, стр. 409; ср. Wilmanns. Deutsche Grammatik, II, 1. Hälfte, § 250, 269 (о производных на -*l*- как первоначально притяжательных, а не уменьшительных).

[61] Ср. K. Brugmann, KVGr., стр. 339.

ного родства: дед, бабка и т. п. Это можно объяснить тем, что при родовом строе каждый кровный родич по восходящей линии (т. е. реальный отец, дед, прадед) мог считаться отцом любого младшего кровного родича, т. е. реального сына, внука, правнука[62]. Вернувшись к слав. **otьcь* и уже будучи знакомы с его этимологической структурой, мы можем прийти к тому выводу, что первоначально члены рода употребляли термин *otьcь* как название ближайшего отца, который сам был в сущности 'отцов' (**ătt-iko-s*), т. е. происходил от старшего, общего отца (слав. **otъ*, и.-е. **ătta*).

В плане относительной хронологии следует отметить, что образование **attikos* стало возможным лишь ко времени широкого употребления суффикса *-iko-s*, который генетически связан с основами на *-i-*, ср. санскр. *avi-kaḥ*, слав. *ovь-ca*, литовск. *avìs*.

Вполне возможно, что вплоть до балто-славянской эпохи образование и.-е. **ătt-iko-s* > балто-слав. **ăt-ika-s* с суффиксом *-ika-* сохраняло притяжательное значение, утраченное впоследствии. Во всяком случае в балтийском этот суффикс встречается в аналогичном употреблении и сейчас, ср. значение литовск. *brol-ìka-s* 'племянник по брату, сын брата' (т. е. 'братов'): *brólis* 'брат'.

Развитие значения *otьcь* в славянском 'отцов' > 'отец' — пример встречающейся деэтимологизации производных с суффиксом принадлежности; при этом производное снова принимает значение непроизводной основы — 'отец'. Ср. нем. *Mensch* 'человек' < др.-в.-нем. *mennisco* 'der von Mannus Stammende' с суффиксом *-isco*[63].

Специально славянским приобретением является в **otьcь* суффиксальное *-c-*, развившееся из и.-е. **k*. Это развитие носило характер палатализации, которую принято называть третьей, иначе — законом Бодуэна де Куртене[64]. Х. Педерсен[65] считает это изменение очень древним (**otьk'ó-s* > **otьcь*), гораздо древнее палатализации в слав. *cěna*. В. Вондрак возражает против понимания Бодуэном де Куртене третьей палатализации как некоей аналогии известному закону Вернера (*k*, *g*, *ch* > *c*, *z*, *s* только в подударном слоге). Он считает решающим для этого перехода узкое, напряженное качество гласного, сказавшееся на последующем задненебном согласном, ср. немецкие так называемые *ach-* и *ich*-Laute: *otьcь* < *otьkь*[66].

Вопросу образования *c* в *otьcь*, как и проблеме третьей палатализации в целом, посвящено много исследований. Здесь мы скажем только о некоторых интересующих нас положениях. В настоящий момент нас больше всего привлекает гипотеза, выдвинутая недавно Иреной Грицкат-Вирк[67]. Эта гипотеза исходит из расхождений между восточносла-

---

[62] Ср. интересное свидетельство из современного быта индоевропейцев-таджиков у А. К. Писарчика („О некоторых терминах родства таджиков." Сборник статей по филологии и истории народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад, 1953, табл. 1, прим. 5): „В Ура-Тюбе первые один-два ребенка обычно называют своего деда и бабку с отцовской (но не материнской) стороны отцом и матерью — „дада" и „апа" (или буwa), а отца, если он молод, вместо „дада" называют „ако": старший брат". Очевидно, что эти особенности употребления, а также структура слав. *otьcь* сохраняют реминисценции уже отцовского рода, ср. четкое отражение отношения к отцу. Совершенно естественно, что современная терминология родства сохраняет следы разных этапов развития родственной организации.

[63] F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte, 2. Aufl. Halle, 1899, стр. 10.

[64] См. Baudouin de Courtenay. — IF, Bd. 4, стр. 45—53.

[65] H. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, Bd. 38, 1902, стр. 384—385.

[66] W. Vondrák, Bd. I, стр. 266 и след.

[67] См. И. Грицкат-Вирк. Још о трећој палатализацији. „Јужнословенски филолог", књ. XIX, 1951—1952, стр. 87—110.

вянским и польским материалом, с одной стороны, и южнославянским, с другой, причем в восточнославянском и польском *k* выступает часто там, где в южнославянском имеется *c*. Согласно гипотезе, причина этого положения коренится в характере предшествующего согласного: при его мягкости, что типично для современного русского, польского, выступает часто *k*, при твердости — *c* (последнее регулярно в южнославянском). Суть явления заключается в диссимиляции по палатальности. Преимущество этой гипотезы — в ее перспективности. Так, в непоследовательном отражении палатализации можно видеть результат поздних местных восстановлений *k* по диссимиляции. Следовательно, во-первых, непоследовательность прогрессивной палатализации не есть доказательство ее позднего или недолговременного характера, как полагает И. Грицкат-Вирк; во-вторых, примеры вроде русск. диал. *отёк* 'отец' никоим образом не отражают древней формы **attikos*, но получены в итоге местного процесса: о.-слав. *otьc'ь* > вост.-слав. *ot'ьcь* > диссимилированное *отёк*. Гипотеза позволяет правильнее оценить относительную хронологию явлений, связанных с прогрессивной палатализацией задненебных в славянском. Форма **otьkъ* является в сущности дославянской. Напротив, форма *otьcь* реальна с самого начала славянского периода как проявление общей тенденции изменения задненебных в соседстве с гласными переднего ряда. Следующий за *k* передний гласный при этом оказывал более сильное воздействие на *k*, откуда зв. п. *otьče*, но было бы неверно заключать, что последняя форма отражает слав. **otьkъ*[68]. Это, очевидно, исказило бы картину праславянской звуковой системы. Признавая древность формы *otьcь*, необязательно предполагать звук *c* во всей парадигме склонения. Наличие им. п. ед. ч. *otьcь* естественно к моменту образования зв. п. ед. ч. *otьče* в тот период, когда *c* и *č* являлись позиционными вариантами одной фонемы.

Новоакутовое ударение русск. *оте́ческий*[69] свидетельствует о древней окситонности слав. **otьcь* (ср. русск. *оте́ц*, *отца́*) < и.-е. **ăttikós*, греч. 'Αττικός. Ср. то, что говорится у Ю. Куриловича об аналогичном показании новоакутового ударения в сложных порядковых числительных типа русск. *четвёртый* (< **četvьrtъ̃*). Древняя окситонность и.-е. **ătt-ikó-s* объясняется его производным характером[70]. Последовательное сохранение этой окситонности в славянском, на что указывают определенные следы: подвижность ударения русск. *оте́ц*, *отца́*, новоакутовое ударение русск. *оте́ческий*, — говорит о том, что, как видно, производный характер образования слав. **otьcь* вполне отчетливо ощущался и в славянскую эпоху. Таким образом, историческая акцентология представляет ценное свидетельство для изложенной выше этимологии слав. *otьcь*.

Наконец, о некоторых словах типа русск. *во́тчина*, которые рассматриваются как специфически русские образования[71]. Ср., однако, в других славянских языках: польск. диал. *u̯ećec*[72], *u̯ojcíec* (вармийско-

---

[68] Как это делают В. Вондрак (Bd. I, стр. 266—268) и А. Белич [„Најмлађа (трећа) промена задњенепчаних сугласника *к*, *г* и *х* у прасловенском језику“. — „Јужнословенски филолог“, књ. II, 1921, стр. 22].

[69] См. J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952, стр. 252.

[70] Там же (в различных местах).

[71] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 187. Специально об этом *ô* в русском см.: Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVIII вв. Л., 1929. Ср. еще M. Dolobko. Das sekundäre *v*- Vorschlag im Russischen. — ZfslPh, Bd. 3, 1926, стр. 87 и след.

[72] A. Tomaszewski. Mowa t. zw. Mazurów wileńskich. — „Slavia Occidentalis“, t. 14. 1935, стр. 106.

мазурский диалект)[73], укр. род. п. ед. ч. *вітця́* (при *отця́*), н.-луж. *wośc*. Слав. *otьcь* имело исконно краткое *o*. Перечисленные выше польские, украинские, нижне-лужицкие формы — в отличие от прочих славянских (русск. *отец*, чешск. *otec*, сербск. *о̀тац*) — содержат *o* лабиализованное: *u̯o*-, *vo*-. Его происхождение естественно объяснить удлинением прежнего краткого *o* > *ō*. Причем, как это обычно для физиологии славянской речи с ее довольно слабым напряжением голосовых связок, одинаковый артикуляционный уклад не сохраняется на протяжении всей артикуляции долгого гласного[74] и выделяется лабиальный призвук *u̯*, а иногда и согласный *v*[75]. Положение усложняется тем, что в форме *otьcь* этого не могло произойти и после падения редуцированных, ср. русск. *отец*. Упомянутое удлинение *o* могло иметь место лишь в формах косвенных падежей *otьca* и под. (> *otca* > *ōtca*, *u̯otca*). В некоторых славянских языках и диалектах это удлинение могло затем распространиться аналогическим путем на всю парадигму склонения, ср. польск. диал. *u̯ojciec*, в иных же не распространилось и сохраняется только в органически обусловленных позициях, ср. укр. род. п. ед. ч. *вітця́* (< *u̯ō*-) при им. п. *оте́ць*, русск. *во́тчина*.

Из прочих названий отца остается, собственно, только слав. **nan*-, представленное только в луж. *nan*, *nań*, а также в отдельных диалектах, ср. перечисление в начале настоящего раздела. В других индоевропейских языках: лат. *nanna*, *anna* 'кормилица', вост.-фриз. *nann* 'отец', др.-инд. *nana* 'мать'. В этой связи можно отметить многозначность близких терминов в разных языках ('отец', 'мать'), которой мы коснемся специально в заключительном разделе.

Уникальным является древнерусское производное от названия отца, отмечаемое Ф. П. Филиным в летописном сказании 6491 г. о первых христианских мучениках: „имь же оученьемъ побѣжаемъ противнаго врага попирающе подъ ноги якоже попраста и си отѣника" (Лавр. л. 27, стр. 83; в Ипат. и Тверск. отьченика, Радз. и Акад. отечника). Как свидетельствует Ф. П. Филин, слово отѣника, *отьченика*, пока что известное в данной форме только в этом летописном сказании, обозначало отца и сына вместе, как одно понятие[76]. Др.-русск. *отѣника*, *отьченика* (дв. ч.), являясь формально производным только от *отьць* 'отец', означало одновременно 'сын и отец', т. е. представляло собой пример эллиптического двойственного числа, иногда встречающегося среди индоевропейских терминов родства, ср. аналогичную эллиптическую форму др.-исл. *feðgar* 'сын и отец', производную от названия отца. Эллиптический[77] характер носят, далее, формы множественного числа литовск. *tė̃vai* 'отец и мать, родители' (букв.: 'отцы'), укр. *батьки́* 'родители' от *ба́тько* 'отец'.

Непосредственно к названиям отца примыкает первый рассматриваемый нами здесь термин сводного родства — название отчима. Особой древности по понятным причинам эти образования не обнаруживают (см. введение к настоящей книге). Наибольший интерес представляет

---

[73] См. „Poradnik Językowy", 1953, zesz. 1, стр. 37, текст, записанный Х. Курковской.

[74] Как, например, в долгих гласных французского *e*:, *o*:, *y*:.

[75] Этот лабиальный элемент вряд ли можно называть протезой. Происхождение протетических *j*, *v* иное, оно не может быть объяснено в фонетических границах одного слова.

[76] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи.— „Ученые зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им А. И. Герцена", т. 80, 1949, стр. 21—22.

[77] Т. е. выражающийся в неупоминании одного из обозначаемых лиц. О явлении и его примерах в индоевропейском см. K. Brugmann, KVGr., стр. 416.

русск. о́тчим и близкие ему формы: диал. ωтч'им, во̂тч'им[78], укр. ві́тчи́м, прибалт.-словинск. və̑. i̯čĩm, və̑. tčĩm, польск. диал. ojćim || očym[79]. Суффикс -im- здесь, видимо, глагольного происхождения[80], ср. русск. *проходим*, *подхалим* (в последнем корень *хал-*: *нахал*, *охальничать*, родственные *хулить*, *хвалить*) — отчетливые отглагольные образования с суффиксом *-им*. Правда, относительно *отчим* правильнее будет заключить, что оно аналогического образования, возможно, по образцу *побратим*, так как исходный глагол для самостоятельного образования *отчим* отсутствует[81]. Вряд ли можно в этих образованиях с *-им* видеть значение уменьшительности, как это делал А. М. Селищев[82]. Далее, как нам представляется, русское слово изменило первоначальное ударение: *о́тчим* вместо **отчи́м*, ср. ударения прочих образований с *-им* русского языка (*подхали́м*, *побрати́м*). В этом смысле ценно свидетельство украинского, сохранившего старое ударение: *вітчи́м*[83]. Из неславянских сюда, возможно, относятся такие суффиксальные образования литовского, как прилагательные *svẽt-imas* 'чужой', *árt-imas* 'близкий', также *ar̃t-ymas*, *árt-ymas*. Аналогично образовано с суффиксом *-им-* среднеболг. *побащимь*[84], др.-русск. *женима* 'наложница'.

С префиксом *па-*: русск. *паотец* (В. И. Даль: 'неродной отец, воспитатель приемыша'[85]), ср. литовск. *patė̃vis* 'отчим' — *tė̃vas* 'отец'[86]. Сюда же, возможно, относится болг. *па́строк*, *па́сторок* 'отчим' < **po-pətor*. С префиксом *при-*, *pri-*: болг. *прита́тко*, н.-луж. *pśinank* от соответствующих названий отца. Оригинальным обозначением отчима является ст.-слав. отьчоухъ, сербск. диал. *очух*[87], производное от названия отца с древним суффиксом слав., *-ухо-* **-ouso-* = литовский суперлативный *-iáusias*[88].

Описательные образования: в.-луж. *přirodni nan* 'отчим'.

Как уже говорилось, термины сводного родства представляют собой позднее приобретение славянских и вообще индоевропейских языков. Общеиндоевропейские термины такого рода отсутствуют. Можно привести в пример позднее оформление этих терминов в германских языках: нем. *Stief-vater*, *Stief-mutter*, *Stief-sohn*, англ. *step-father*, *step-mother*, *step-son*.

---

[78] С. С. Высотский. О говоре д. Лека. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. II. М. — Л., 1949, стр. 15.

[79] Geiza Horák. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955, стр. 179.

[80] Так полагает Р. Брандт („Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича". — РФВ, т. 23, 1890, стр. 289).

[81] И. И. Срезневский, т. II, стлб. 832, приводит только др.-русск. отьчинтися 'потакать, считаясь родством'.

[82] А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ.— „Ученые зап. МГУ", вып. 128, 1948, стр. 148.

[83] Подробно см. соответствующее место цитированной выше статьи М. Долобко („Das sekundäre *v*-. . .").

[84] С. Аргиров. Люблянскиятъ български ръкопис от XVII в. — СбНУ, кн. XVI—XVII, 1900, стр. 309.

[85] Ср. Р. М. Цейтлин. К вопросу о значениях прииеменной приставки *па-* в славянских языках.—„Ученые зап. Ин-та славяноведения", т. IX, 1954, стр. 206.

[86] A. Salys. Mūsų gentivardžiai. „Gimtoji kalba", 1937, II, стр. 22; ср. латышск. *patēvis* 'отец' (см. И. М. Эндзелин. Латышские предлоги, ч. 1. Юрьев, 1905, стр. 149).

[87] П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II. — Сб. ОРЯС, т. LXIII, 1897, стр. 285.

[88] Ср. W. Vondrák, Bd. I, стр. 476, 477. Сюда же болг. диал. *о́чув* 'отчим', с заменой *х* > *в* (Д. Маринов. Думи и форми из Западна България. — СбНУ, кн. XIII, 1896, стр. 260).

Мать

Ст.-слав. мати, др.-сербск. *мати*, др.-русск. *мати*, русск. *мать*, диал. *матьр'*[89], *мáт'ер'а*, *мат'ер'*, *мáтка*[90], укр. *мáтір*, *мáти*[91], белор. *мáці* (несклон.), *мáтка*, сюда же русск. диал. *мáти* 'крестная мать'[92]; польск. *matka*, *macierz*, кашуб. *mác-eře*, прибалт.-словинск. *mãc*, *mãceřă*, н.-луж. *maś*, *maśeře*, полабск. *motéi*, чешск., словацк. *matka*, словенск. *máti*, сербск. *мäти*, болг. диал. *мáтер* 'майка'[93]. Др.-русск. *мама*, *мамъка* 'кормилица, мамка, няня', русск. *мáма*, диал. *мáмушка* 'мать' при *маменька* 'свекровь'[94], чешск. диал. *tamínka*, *naše máma* обращение детей к матери[95], в.-луж. *zamama* 'посаженая мать на свадьбе', полабск. *máma* 'Mutter, Mama', др.-сербск. *маика*, сербск. *mâja*, *mâjka* 'die Mutter, mater', болг. *мáйка*, сюда же *помáйчима* 'посаженая мать'[96].

Укр. *неня* 'мать, родимая', болг. диал. *нане*, также *ниня́* (обращение) 'мама'[97], польск. диал. *nana* 'мать', кашуб. *nena*, *nana*, *nenka* 'мать', сербск. *нáна*, *нéна* 'мать'.

Индоевропейским названием матери является **mātḗr*, форма, общая всем индоевропейским языкам и не имеющая себе равных среди родственной терминологии по широте распространения. Для старшего периода индоевропейского сравнительного языкознания еще характерны попытки дать этимологию **mātḗr*, точно так же, как и **pətḗr*, ср. толкование Боппа[98]: др.-инд. *mātár* 'мать' < *mā* 'измерять', с префиксом *nís-* 'производить, создавать', т. е. мать — 'родительница'. Для нового периода языкознания характерно признание недоказуемости этимологических попыток такого рода, но уже с Дельбрюка намечается тенденция возводить **mātēr* к примитивному образованию „детского лепета" *ma-*[99].

Как характерные для фонетического облика и.-е. **mātḗr* указываются долгота корневого гласного[100] и ударение **mātḗr*[101], причем последняя особенность сближает его с и.-е. **pətḗr*, ср. выше.

---

[89] Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры.—„Материалы и исследования по русской диалектологии", т. 1. М.—Л., 1949, стр. 206.

[90] В. Г. Орлова. О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл.— „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I, стр. 53.

[91] См. также: А. А. Бурачок. Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. Поняття „рідна мати".—„Лексикографічний бюлетень", вип. V. Київ, 1955, стр. 47—65.

[92] К. А. Иеропольский. Говор д. Савкино (Псков. губ.). — ИОРЯС АН СССР, т. III, кн. 2, 1930, стр. 595.

[93] „От Пирот". Записал С. Христов. — СбНУ, кн. VII, 1892, стр. 232.

[94] Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий (исследование особенностей рязанского говора). — Отд. отт. из РФВ, 1892, стр. 139.

[95] Q. Hodura. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1904, стр. 69.

[96] Образование *помайчима* аналогично разработанному выше *отчим* и другим словам на *-им*.

[97] „Думи и форми от говорите в Видин, Вратца, Царнбродско и пр." Записал Цано Сталийский. — СбНУ, кн. V, 1891, стр. 223; кн. XVI—XVII, 1900, стр. 407.

[98] Fr. Bopp. Vergleichende Grammatik, 1. Aufl., стр. 1134. Цит. по B. Delbrück, стр. 384.

[99] См. O. Schrader. Reallexikon, стр. 564. Ср. далее E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grécque, 2-ème éd., стр. 635; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 469; P. Kretschmer. Einleitung, стр. 353 и след.; C. C. Uhlenbeck, стр. 221; Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 229—230; Ernout—Meillet, t. II, стр. 693—694; A. Zimmermann. Lateinische Kinderworte als Verwandtschaftsbezeichnungen. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 147; J. Pokorny, стр. 700—701. Этимологический обзор славянских, балтийских форм см.: Miklosich, стр. 184, E. Berneker, Bd. II, стр. 26—27; R. Trautmann, BSW, стр. 171.

[100] K. Brugmann, KVGr, стр. 78.

[101] K. Verner. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. — KZ, Bd. 23, 1875, стр. 97 и след.

Хорошо изучена история и.-е. *mātḗr в славянскую эпоху. Поскольку последнее не ощущалось как производное образование, оно не смогло удержать наконечного ударения в славянском: и.-е. *mātḗr > слав. *mátē-. В дальнейшем *mátē- > *mátě, причем это -ě (с циркумфлексной интонацией) дало i[102]: *matь, ср. другие случаи такого ě > i, (местн. ед. ч.). В формах типа *matь (русск. *мать* и др.) можно видеть сокращение конца слова, аналогичное истории суффикса инфинитива -ti, -tь[103]. Впрочем существует гипотеза о двух различных индоевропейских фонетических вариантах этого имени: циркумфлексной интонации *mātē̃r и акутовой *mātḗr[104]. Подобное предположение не имеет веских аргументов в свою пользу. Так, греч. μήτηρ отнюдь не свидетельствует об акутовой интонации, оно — результат местного противопоставления πατήρ и в итоге возводится к и.-е. *mātḗr, как и внешне отличное санскр. mātā́-. Гипотеза об отражении в слав. *mati (из *matě) циркумфлексной разновидности, а в слав. *matь — акутовой общего признания в современной науке не получила, и история слав. *matī из и.-е. *mātḗr излагается обычным способом (ср. выше). Впрочем, оригинальную точку зрения развивал А. А. Шахматов, предполагая общеславянское изменение matī в matь̂ с напряженным редуцированным, откуда русск. *мать* и др. Формы чешск. máti и под. он объясняет поздним влиянием слав. dъči[105]. Рассмотренное развитие конца слова *mati из и.-е. *mātḗr стало возможным после отпадения характерного согласного -r, которого не знают в им. п. ед. ч. уже ни славянский, ни балтийский (слав. *mati, литовск. mótė)[106]. Впрочем, как полагают, „редукция и.-е. *mātḗr 'мать', греч. μήτηρ и т. д. в mātē, ср. санскр. mātā́, латышск. māte, слав. mati... восходит к индоевропейскому“[107]. Относительно восстановления балто-славянской парадигмы склонения см. у Ю. Куриловича[108].

Из балтийских форм этого слова назовем литовск. mótė 'женщина', далее móterė[109] то же, móteris то же — результаты тенденции аналогического выравнивания основ; moterìškė то же, производное с суффиксом принадлежности -išk-, собственно 'женская' (ср. чешск. ženská 'женщина'). Литовск. mótina 'мать' представляет собой производное от того же корня, с той лишь особенностью, что это — относительно позднее образование, произведенное уже не от исконной основы на -r- (mótė, род. п. móter-s), а от усеченной (mót-ina) прибавлением суффикса -ina, генетически — индоевропейского суффикса принадлежности *-īn-, видимо, утратившего основное значение. Ср. аналогичное расширение основы другого старого термина родства — устаревшего литовск. avýnas (av-yna-s): слав. ujь < и.-е. *au̯o-s 'дядя по матери'. Сюда же принадлежат образования от усеченной основы литовск. mótė 'córka chrzestna', mótis 'syn chrzestny'[110]. Вторичность значения литовск. mótė

102 W. Vondrák, Bd. I, стр. 52, 59; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 211—212.

103 См. J. M. Kořínek. Od indoeuropského prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948, стр. 19.

104 Там же.

105 A. A. Schachmatov. Die gespannten Vokale ъ und ь im Urslavischen. — AfslPh, Bd. 31, 1910, стр. 502.

106 Факты употребления в им. п. ед. ч. формы *матерь*, укр. *мáтір*, польск. *macierz* являются не чем иным, как использованием формы вин. п. ед. ч. (*materь* < и.-е. **māterm̥* : греч. μητέρα) в плане аналогического выравнивания основ.

107 A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 202. Как особую балто-славяно-арийскую черту отмечает это Г. Арнц (H. Arntz. Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-Slavisch. Heidelberg, 1933, стр. 12).

108 J. Kuryłowicz. L'accentuation, стр. 203—204.

109 P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 306.

110 K. Būga. Medžiaga lietuvių kalbos žodynui ir šnektoms tirti (Viekšnių parapijos žodžiai).—„Tauta ir žodis“, t. I, 1923, стр. 347.

'женщина' ввиду достоверности генетических связей представляет факт, не вызывающий сомнений[111], ср. распространенный в разных языках обычай называть жену в семейном кругу 'матерью': русск. *мать* в этом значении, нем. *Mutter*. На последнее как на аналогию литовск. *mótė* 'женщина' < 'мать' указывает Б. Дельбрюк[112]. Старое значение литовск. *mótė* 'мать' сохранило ясные следы, например, в *pãmotė* 'мачеха'[113], в отдельных формах от *mótė*: *móčia*, *močiùtė* 'мать, матушка', ср. в народной песне: Nėr man močiutės kraiteliui krauti 'Нет у меня матушки, чтоб копить приданое'.

Интересное и к тому же весьма древнее производное от **mater-* представлено в русск. *матерóй*, ст.-слав. матєръ, словенск. *matǫ́r* и др. В. Вондрак[114] справедливо утверждает, что из двух огласовок *matorъ* и *materъ* первая (*matorъ*, *matorěti*) старше, чем *materěti*, подвергшееся ассимиляции и в свою очередь вызвавшее появление *materъ*. Таким образом, обозначается чередование *mater-* : *mator-*. Согласно указанию Ю. Куриловича, формы с *-tor* появляются в определенных исторически засвидетельствованных сложениях и знаменуют отличие производных форм от непроизводных[115]. Это хорошо видно в греч. μήτηρ : ἀμήτωρ, в которых отражено соотношение, восходящее к индоевропейскому языку.

На том же основании мы считаем, что слав. **mator-* происходит из сложений типа *za-mator-* (ср. русск. *заматореть*) со ступенью *-o-* от **mater-* 'мать', в то время как *матереть*, *матерой* (с *е*) — уже вторичны, диссимилированы. Тут следует еще раз подчеркнуть, что этимологическая связь **mātḗr* 'мать' и слав. **matorъ* 'матерой, сильный, старый', лат. *matūrus* 'зрелый', а также древность производного **mator-*, возможно, представляют один из следов положения женщины-матери в древности[116].

---

[111] Ср. E. F r a e n k e l. Problemi di grammatica e vocabolario lituani.—„Studi baltici", vol. 6. Roma, 1936—1937, стр. 115—116.

[112] B. D e l b r ü c k стр. 435. Ср. еще C. D. B u c k, стр. 95.

[113] E. H e r m a n n. Einige Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen. — IF, Bd. 53, 1935, стр. 98.

[114]. W. V o n d r á k, Bd. I, стр. 178.

[115] J. K u r y ł o w i c z. Études indoeuropéennes, I. Kraków, 1935, стр. 90—100; е г о ж е. L'apophonie en indo-europeen. Wrocław, 1956, стр. 40—41.

[116] В связи с этим считаем нужным отметить, что некоторые ученые приписывают, на наш взгляд, несколько прямолинейно, выдающейся роли матери отдельные перемещения в словаре. Так, югославский этнограф Шпиро Кулишич увязывает, вслед за Миланом Будимиром, факт сохранения и.-е. **mātēr* и параллельную утрату и.-е. **pətēr* в балто-славянском словаре с тем обстоятельством, что в свадебной обрядности славян роль отца совершенно вытесняется ролью матери, тещи и свекрови, а также сохранением у славян ряда черт индоевропейского матриархата (Špiro K u l i š i ć. Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske.—„Гласник Земаљског Музеја у Сарајеву". Историја и етнографија, свеска XI, 1956, стр. 224; Милан Б у д и м и р. Протословенски и староанадолски Индоевропљани. — „Зборник Филозофског факултета", II. Београд, 1952, стр. 259). Эта мысль противоречива в принципе. Известно, что форма **pətēr* сложилась еще в общеиндоевропейскую эпоху и носит на себе печать классификаторской системы родства времен матриархата. Если это слово возникло и было необходимо в матриархальной организации, почему оно должно было исчезнуть в балто-славянском, сохранившем ряд остатков древнего матриархата? Ясно, что причина утраты и.-е. **pətēr* кроется не в наличии этих матриархальных пережитков. История языка дает ценнейшие свидетельства для истории жизни его носителей, но, используя эти свидетельства, нельзя также забывать о специфике развития самого языка. Причину утраты **pətēr* надо, по-видимому, искать в самом языке: эта форма могла оказаться неудобной в плане фонетико-морфологической системы славянского языка и рано была заменена другими известными образованиями. С другой стороны, славянский отразил другую форму от и.-е. **pətēr* — *stryjь*. Слав. *stryjь*, кстати сказать, сохраняет память о древней классификаторской системе, наряду с другими следами матриархата у славян.

Формы типа болг. *майка* являются сокращенными, от о.-слав. *mati*[117]. Их вероятная первоначальная сфера употребления — звательная форма[118], которая, как известно, благоприятствует преобразованиям, сокращениям, даже „искажениям". Наряду с толкованием **mātēr* из слова „детского лепета" *ma-*, имеются объяснения отдельных форм как упрощений в речи **mātēr* : греч. μᾶ, μαῖα[119].

Простейшие формы типа *ma-* обнаруживают собственные словообразовательные тенденции. Сюда относятся — удвоение, при котором в одних случаях экспрессивность выражалась удлинением согласного (ср. греч. μάμμα, μάμμη 'мама, мать, бабушка'), в других — удлинением гласного: слав. *māma*, ср. нем. *Muhme* < герм. **mōma* (< и.-е. **māma*); вторичное разложение, которое мы, по-видимому, имеем в нем. *Amme* 'мамка, кормилица' и других из *m-am-*[120].

Относительно широко распространено в индоевропейских языках название матери от корня **nan-*, **nana-*, **ann-*, который встречается также в роли названия отца (ср. выше): алб. *nanɛ*, *nɛnɛ*, тохарск. *nāni* 'matri mihi', хеттск. *annaš* и др.[121]

О генезисе этих индоевропейских образований можно, видимо, повторить то, что уже говорилось о названиях матери **mam-*, **am-*, так как они представляют совершенно аналогичные в структурном отношении словообразовательные типы: сложение *nana*, простая форма *an-*. Это важно для обоснования связи форм **nana*, **an(n)a* между собой. Очевидная аналогичность структуры словообразовательных типов от обоих корней (*nana*, *an(n)a* : *mama*, *am(m)a*) объясняется близостью условий их употребления. Отсюда — тождественное выражение экспрессивности, которая, по-видимому, издавна характеризует эти образования[122]: удвоение согласных, удлинение гласных. Существенная разница между этими двумя экспрессивными названиями матери состоит в том, что в отличие от **mama*, связанного с **mater*, и.-е. **nana*, **nan(n)a*, **an(n)a* стоят в известном смысле особняком среди прочих названий матери. Но они в свою очередь связаны с рядом других индоевропейских терминов родства, ср. *nan* в значении 'отец', слав. **vъn-ukъ* < и.-е. **ăn-*.

Образованию **nan* из **an-* аналогично, в частности, кашубское местоимение личное *nen*, *na*, *no* 'ów', которое З. Рысевич выводит из праиндоевропейского местоименного корня **n-*[123]. Скорее *nen* редуплицировано (**n-en-*) из **en-/*on-* (указ. местоим.), ср. ст.-слав. онъ и др. Вполне возможно также, что это указательное местоимение и разбираемая нами корневая морфема ряда терминов родства связаны самым тесным образом, о чем см. ниже.

К названиям матери примыкают названия мачехи: ст.-слав. маштєха, матєрьша, др.-серб. *маштеха*, русск. *мачеха*, укр. *мáчуха*, белор. *мáчаха*,

[117] E. Berneker, Bd. II, стр. 8.

[118] E. Fraenkel. Zur Verstümmelung bzw. Unterdückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den baltoslavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1933, стр. 400, 401; его же. Miszellen. — KZ, Bd. 54, 1926, стр. 300.

[119] E. Fraenkel. Miszellen. — KZ, Bd. 54, 1926, стр. 300.

[120] Изложение традиционной точки зрения на соотношение форм *ma-ma* и **mātēr* см.: A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 458—459; Walde—Pokorny. Bd. II, стр. 221; G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, стр. 272; P. Kretschmer. Einleitung, стр. 338 и след.; Ernout—Meillet, t. II, стр. 679; J. Pokorny, стр. 694.

[121] См., кроме известных словарей, еще H. Pedersen. Tocharisch vom Gesichtspunkte der indoeuropäischen Sprachvergleichung, 2. Aufl. København, 1949, стр. 136—137.

[122] Русск. *няня* (как и *тятя*) развило экспрессивную палатализацию, ср. *nana* и *tata* большинства славянских языков, в которых выражение экспрессивности, как правило, ограничилось общеславянским удлинением гласного.

[123] Z. Rysiewicz. Kaszubskie *nen* i formacje pochodne.—„Slavia Occidentalis", t. 15, 1937, стр. 43—46.

мáчыха, польск. *macocha*, кашуб. *macexa*, прибалт.-словинск. *maciẹxa*, в.-луж. *macocha*, полабск. *motéch'a*, словенск. *máčeha*, сербск. *ма̏ħеха* (в Дубровнике), болг. *мáщеха*.

Перечисленные слова восходят к **matjexa*, общеславянскому названию мачехи, самому распространенному в славянских языках. Образование **matjexa* весьма древнее по своей форме, оно может быть объяснено как **mat-i̯es-a*, где *mat-* связано со слав. *mati,-tere* 'мать' и *-i̯es-* индоевропейский суффикс сравнительной степени. Таким образом, **mat-i̯es-a* ≃ 'подобная матери', ср. образование лат. *mater-tera* 'тетка по матери'[124]. При всей своей древности, **mat-i̯es-a* представляет собой чисто славянское образование, поэтому усложнять его предполагаемый прототип, как это делает Э. Бернекер, чрезмерно архаизируя исходную форму, нет надобности. Бернекер выводит славянское слово из **mat(r)-i̯es-ī*, хотя совершенно очевидно, что оно образовано от усеченной основы *mat-*. Поэтому единственно закономерным прототипом можно считать **mat-i̯es-a*. Выделять в слове в качестве суффикса одно *-ха*[125] вряд ли верно с исторической точки зрения. О первоначальном значении **matjexa* можно судить лишь на основании изложенного выше морфологического анализа: это образование с суффиксом сравнительной степени, предположительно значившее 'подобная матери'. Различные уничижительные оттенки[126] — вторичное стилистическое приобретение славянских суффиксов с характерным согласным *-х-*. Поздние аналогические образования — русск. *бабёха, тетёха* — с этим суффиксом носят только уничижительный характер. Безоговорочно сравнивать их с *мачеха*[127] вообще нет смысла, ср., помимо явной разницы в возрасте, еще характерное различие ударений. Славянские языки в общем последовательно отражают форму **matjexa*. Исключение представляет только укр. *мáчуха* с неорганическим изменением, как видно, под влиянием распространенных образований с особым суффиксом *-уха* < **-ous-*.

Из восточнославянского (белорусского) заимствовано литовск. *mõčiuka, mõčeka* 'мачеха'[128].

В индоевропейском языке отсутствуют какие-либо общие обозначения мачехи при множестве местных. Правда, эти местные образования обнаруживают общие семантические особенности, ср. значение **mātruiā*, выводимого из греч. μητρυιά и арм. *mauru* 'мачеха': 'некоторое подобие матери'[129]. Русск. обл. *паматерь*[130] тоже — 'некоторое подобие матери', ср. значения ряда других славянских сложений с префиксом *pa-*. Сюда примыкают литовск. *pãmotė* 'мачеха'[131] (ср. *patė̃vis* 'отчим'), латышск. *pamāte* 'мачеха'[132].

Из описательных значений мачехи: словенск. *pisana mati* с уничижительным оттенком значения.

---

[124] E. Berneker, Bd. II, стр. 27.

[125] А. И. Соболевский. Из области словообразования. — РФВ, т. LXVI, 1911, стр. 385.

[126] Там же.

[127] См. А. Преображенский. Т. I, стр. 517. Ср. еще полемику о слове А. Смирнова и Я. Грота (РФВ, тт. XIV, XV).

[128] K. Būga. Medžiaga lietuvių kalbos žodynui ir šnektoms tirti. „Tauta ir žodis". I, 1923, стр. 360; A. Salys. Mūsų gentivardžiai.—„Gimtoji kalba", вып. 2, 1937, стр. 22.

[129] B. Delbrück, стр. 473.

[130] См. Р. М. Цейтлин. К вопросу о значениях приименной приставки *па-* в славянских языках, стр. 206.

[131] A. Salys. Указ. соч., стр. 22; P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 411.

[132] И. М. Эндзелин. Латышские предлоги, ч. 1, стр. 149.

Ребенок

Здесь рассматриваются названия, общие для обоих полов: слав. **dětę*, **orbę*, **čędo* и др. Обращает на себя внимание их обилие, разнообразие и этимологическая прозрачность. Общеиндоевропейский термин 'дитя, ребенок' отсутствует, и самостоятельные названия различных индоевропейских языков расходятся между собой[133]. Это говорит о позднем оформлении общего термина при бесспорно древних индоевропейских названиях сына (**sūnus*) и дочери (**dhughətēr*), — один из примеров известного явления, когда несколько конкретных терминов предшествуют возникновению одного обобщающего[134].

Это положение, характерное, судя по лингвистическим данным, для общеиндоевропейской эпохи, сохранялось в течение длительного времени, ср. отсутствие общего термина 'ребенок' даже в балто-славянскую эпоху, отражением чего являются расхождения между исторически засвидетельствованными славянскими и балтийскими языками. Обобщенное название было, как видно, создано этими языками уже ко времени их обособления, ср. различные средства выражения: литовск. *vaikas*, слав. *dětę*. Вместе с тем, не оставляет сомнения то, что оформлявшийся славянский язык уже располагал таким термином. При этом из всех названий ребенка бесспорно общеславянским и, возможно, наиболее древним является **dětę*, русск. *дитя* и родственные.

Названия ребенка в отдельных индоевропейских языках обладали, несмотря на совершенно обособленное образование, сходными структурно-морфологическими признаками. Почти все они — существительные среднего рода: нем. *Kind*, греч. τέκνον, слав. *dětę*. Этимологический анализ обнаруживает в них отглагольные субстантивированные прилагательные[135]. Так, нем. *Kind* < и.-е. **ĝentóm*, собственно, 'рожденное' (ср. р.), греч. τέκνον также 'рожденное' (от τίκτω 'рождаю'), слав. **dětę* < **dětent-* 'вскормленное'. Причина их относительно позднего оформления заключается в том, что используемая при этом форма среднего рода в более древние эпохи не могла обозначать живых существ, поскольку смысл ее существования состоял в обозначении всего неодушевленного в противоположность одушевленному[136]. Общие названия 'ребенок, дитя' могли,

---

[133] Ср. E. Hermann. Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen.—IF, Bd.53, 1935, стр. 102: лат. *liberi* pl. tant. 'дети', нем. *Kind*, греч. τέκνον 'дитя, детеныш животного'; ср. также C. D. Buck, стр. 87.

[134] Это не должно означать, что общеиндоевропейский язык был языком примитивным. Язык может очень долго обходиться наличными древними терминами и тогда, когда возникла необходимость в новых названиях.

[135] Ср. Johannes Lohmann. Genus und Sexus, eine morphologische Studie zum Ursprung der indogermanischen nominalen Genusunterscheidung.—„Ergänzungshefte zur KZ“, № 10.

[136] В это предполагаемое время, очевидно, еще не могли развиваться столь известные затем в индоевропейских языках, но явно вторичные названия молодых существ среднего рода. Такое древнее состояние прекрасно отражает хеттский язык, употребляющий средний род для неодушевленной категории и общий род — для одушевленной: так, *attaš* 'отец' и *annaš* 'мать' входят в хеттском, не знающем мужского и женского родов, в общий род. В науке давно ведется спор о родовых различиях в древнеиндоевропейском языке и, соответственно, о месте хеттского языка в развитии индоевропейского грамматического рода. Основной проблемой при этом является развитие женского рода, в котором одни усматривают новообразование (Мейе, Бенвенист, Курилович, Милевский, Стертевант, Ломан), другие — древнюю особенность индоевропейского языка (Бругман, Педерсен), см. подробное изложение: Marian Molè. Contributions à l'étude du genre grammatical en hittite. „Rocznik Orientalistyczny“, t. 15, 1949, стр. 25 и след. (Автор статьи развивает точку зрения Педерсена).

Названная проблема не является, однако, основной при решении нашего вопроса о происхождении индоевропейских названий ребенка в связи с категорией среднего рода. Для нас здесь важно то, что оппозиция 'одушевленный': 'неодушевленный', так ярко формализованная в хеттском языке в результате отсутствия третьего звена,

таким образом, возникнуть лишь позже, при известном ослаблении этого противопоставления. Однако названная специфика среднего рода сохранилась в индоевропейских языках (кроме языков, которые утратили средний род или морфологический род в целом) до настоящего времени в остаточном виде. Вследствие этого общий термин 'ребенок', выраженный существительным среднего рода, остался по своей природе противоречивым. Вполне вероятно, что именно этим объясняются ограничения в употреблении этого термина, который относят обычно только к малолетним потомкам, младенцам, в то время как для более старших возрастов противоречие между формой среднего рода и одушевленностью обозначаемого становится уже нетерпимым. Наше привычное и, казалось бы, совершенно ясное словоупотребление в данном случае представляется отражением весьма древнего состояния. Речь идет о семантической ограниченности русск. *дитя* (< слав. **dětę*) ср. р., сравнительно, например, с *сын* и *дочь*. В то же время форма множественного числа от *дитя* — *дети*, где средний род выражения не получил, универсальна как общее обозначение потомков. Неслучайно также и то, что для приобретения этого качества потребовалась особая форма множественного числа *дети*, слав. **děti*, в то время как правильная форма множественного числа от **dětę* **dětęta* для этого не годилась в силу уже упоминавшихся причин. Столь же показательна не так давно завершившаяся в живой русской речи замена прежнего общеславянского *дитя* морфологическим новообразованием русского *ребенок* (м. р.), тоже свидетельствующая о недостаточной жизненности слова *дитя* (ср. р.), ср. наряду с этим преобразование в существительное женского рода в украинском: *дитúна*.

Специально отметим, что вышесказанное никак не противоречит тому известному факту, что именно образования среднего рода служили в индоевропейских языках названиями молодых существ. Этот тип является индоевропейским, но в нем следует скорее усматривать параллелизм развития, а не общее наследие древней эпохи, тем более, что достоверные общеиндоевропейские образования здесь не известны.

Прежде чем приступить к анализу отдельных славянских названий можно в виде экскурса провести сравнение употребления названия ребенка в русском языке, где нет особенно благоприятных условий для широкого употребления в речи общих названий *дитя* (ср. р.), *ребенок* (м. р.) — вследствие частого несовпадения их грамматического рода с конкретным полом обозначаемого (откуда — предпочтение удобным и точным названиям *мальчик*, *сын*: *девочка*, *дочь*) — и во французском. Франц. *enfant* 'дитя, ребенок' употребляется гораздо шире, оно очень удобно благодаря внешнему аналитическому выражению рода: *c'est une enfant extrêmement sotte* 'это крайне глупая девочка'; *c'est un enfant gâté* 'это избалованный мальчик' (разумеется, при возможности общего значения: *c'est mon enfant* 'это мой ребенок')[137].

Слав. *dětę*: ст.-слав. дѣтѧ, дѣтина, дѣтище, дѣтищь, др.-русск. *дѣтѧ*, *дѣтина* — 'слуга', русск. *дитя*, обл. *дитё́*, диал. *дéтина* (Заонежье), собир. 'детвора, дети'[138], укр. *дитúна*, белор. *дзіцю́*, *дзіцю́ці*, польск. *dziecię*, *dziecko*, кашуб. *ʒècą*, прибалт.-словинск. *ʒå̃ųtkə*, *ʒ̂ècą*, н.-луж. *źiśe*, полабск. *détã*, *d'ótka*, чешск. *dítě*, диал. *dět'* 'дитя'[139], *zdětit se*,

---

смягчавшего противопоставление — женского рода, — имелась, по-видимому, в общеиндоевропейский период.

[137] Русское словоупотребление вроде: „Откуда ты, прелестное дитя?" (Пушкин, „Русалка"), где *прелестное дитя* (ср. р.) адресуется к девушке, — нежизненно за пределами литературного языка. Оно происходит скорее от калькирования французских словосочетаний вроде *belle enfant*.

[138] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 21.

[139] F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 56.

nezdětit se '(не) иметь детей'[140], словацк. *diet'a*, словенск. *dęte*, *dęčak* 'der Bursche', *dęčâj* 'das Kind', *dêček* 'der Knabe', *dêčko* 'der Knabe', *dęčla* 'das Mädchen', др.-сербск. *дѣте*, *дѣть* сербск. *дијèте*, *ђèте*, *дјèца* 'дети', болг. *деmé* (мн. чис. *деца́*).

Слав. *dětę* содержит *ě* < *oi* < и.-е. **əi*, ср. санскр. *dháyati* 'он сосет грудь', ст.-слав. доѭ 'я дою, кормлю грудью', и.-е. **dhēi-*[141]. Вместе с тем указывалось на двусмысленность слав. *ě* в *dětę*, которое может восходить не только к *oi* (ср. санскр. *dháyati*), но и к *ē* (ср. наличие латышск. *dēls* 'сын', лат. *fēlāre*[142]), что вынуждало — при естественном стремлении видеть в перечисленных фонетических разновидностях общий корень — предполагать исходную форму **dhē(i)-*. Таким образом, *dětę* восходит к **dhoịtent-*[143]. В последней форме названный выше индоевропейский корень многократно распространен суффиксами, модифицировавшими его форму и значение. Прежде всего следует отметить суффикс *-t-*, непосредственно примыкающий к корню **dhē(i)-*, ср. формы с суффиксом *-l-* от того же корня в различных индоевропейских языках: латышск. *dēls*, лат. *fīlius* с близким значением 'сын'. Возможно, древний суффикс *-t-* указывает на наличие пассивной формы, ср. от того же корня санскр. *dhītá* 'gesogen'[144].

Дальнейшее распространение основы **dhoịt-* причастным суффиксом *-ent-*, очевидно, относится ко времени, когда значение формы **dhoị-t-* 'вскормленный' перестало ясно ощущаться, чем объясняется нанизывание нескольких суффиксов. Но и после присоединения нового суффикса значение, по-видимому, осталось прежним: 'вскормленное'. Суффикс *-ent-* известен главным образом как формант причастия действительного залога, но предполагать строгое разграничение страдательных и действительных залоговых значений в древности для индоевропейского причастия нет надобности, ср. древние свидетельства хеттского языка, в котором причастия на *-ant-* (*-anz-*) выражают оба значения.

Определенное этимологическим путем значение слав. **dětę* 'вскормленное грудью' сомнений не вызывает. Помимо многочисленных производных от индоевропейского корня **dhēi-* со значениями 'дитя, сын', ср. основанные на том же признаке названия от и.-е. **sorbh-*, **srobh-*

[140] Q. Hodura..Nářečí litomyšlské, 1904, стр. 57.

[141] W. Vondrák. Bd. I, стр. 74—75, 83. E. Berneker. Bd. I, стр. 196.

[142] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, 1913, стр. 111.

[143] Там же, стр. 120.

[144] Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4. Aufl., Bd. III, стр. 205. Как видно, от корня **dhē(i)-* произведен целый ряд индоевропейских названий сына, ребенка: слав. *dětę*, латышск. *dēls*, лат. *fīlius*. В крито-микенском диалекте греческого языка отмечено слово *do-e-ro*, которое читают как δόελος, архаическая форма классического δοῦλος 'раб' (см. M. Ventris, J. Chadwick. Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives.—„The Journal of Hellenic Studies", vol. LXXIII. London, 1953, стр. 102 и в других местах). Этимология δοῦλος остается темной, в чем была до сих пор повинна невыясненность фонетического и семантического развития слова. В частности, его сопоставляли через *λοῦλος со слав. *loviti*, предполагая значение 'военнопленный' (H. Lewy. Griechische Etymologien. — IF, Bd. 2, 1893, стр. 446) или с готск. *taujan* 'работать' (Fr. Lorentz. Griech. δοῦλος. — IF, Bd. 5, 1895, стр. 343). Прежде всего значение 'раб' не представляется нам исконным в этом древнем слове. Что касается фонетического развития, то необходимые коррективы вносит крито-микенское δόελος, которое представляется возможным объяснить из **dhoi-elo-* 'ребенок', 'сосунок', производного от и.-е. **dhē(i)-*, поскольку крито-микенский диалект, как указывают, утратил древнюю придыхательность согласных. Аналогичное использование суффикса *-l-* ср. в лат. *fīlius* и латышск. *dēls*. Форма δοῦλος в классическом греческом, быть может, является диалектным заимствованием, ср. ее этимологическую неясность при попытках истолковать ее как исконное слово. Заимствование названия раба представляет обычное явление. Что же касается основного момента семантического развития (ср. предполагаемое нами изменение 'ребенок' > 'раб', 'невольник'), то примеров этого достаточно в истории различных индоевропейских языков.

'сосать, хлебать': греч. ῥῶβίδας 'младший возраст ребенка у спартанцев'[145]; польск. *pasierb* 'пасынок', собственно *pa-sierb* 'подобие сына, неподлинный сын'[146], сюда же греч. ῥοφεῖν 'хлебать', литовск. *surbiù, suȓbti* то же. Ср. далее такие прозрачные названия, как русск. *сосунок*, польск. *osesek* < слав. *sъsati* 'сосать'.

Корневой вокализм всех славянских форм продолжает о.-слав. **dětę*. Исключение представляет восточнославянский, где вместо *ѣ* — *и*: русск. *дитя*, укр. *дитина*. Р. Брандт считал это отражением *ei* или *ī* при древнем *oi* в прочих славянских языках[147], в то время как Ф. Ф. Фортунатов[148] видел здесь общевосточнославянское изменение *ě* (*ѣ*) в *и* в известных условиях.

Слав. **dětę* стоит особняком среди целого ряда внешне аналогичных образований с суффиксом *-n̥t-*, которые этимологически обнаруживают первичные значения принадлежности с последующим развитием уменьшительных значений[149]. Впоследствии, после забвения внутренней формы, слав. *dětę* полностью унифицировалось в отношении структуры и употребления с другими славянскими существительными на *-ęt-*. Все они образуют небольшую, но характерную лексическую группу, известную как названия молодых существ на *-ęt-*. Их однородность, однако, не исключает случаев иного происхождения вроде **dětę*, почему даже в рамках таких структурно обособленных групп необходим „индивидуальный" подход (подробно о группе образований с *-ęt-* см. ниже). Слав. **dětę* имело древнее окситонное ударение, ср. русск. *дитя́*[150].

Другой древней славянской формой является **dětь*, непосредственно восходящее к и.-е. **dhoi̯-t-*. Исходным значением этого образования с суффиксом *-ь* была, как видно, собирательность ('совокупность детей'), ср. значение др.-сербск. *дѣть* и сербск. диал. *ди̏јет*[151]. Чешск. диал. *dět'* 'дитя', м. р., является, наверное, результатом перехода от собирательного значения к сингулятивному. Именно от формы *dětь* образована славянская форма множественного числа **děti* 'дети', которая затем приобрела большое значение в ряде славянских языков не как соотнесенная с собирательным **dětь*, от которого она произведена, а как соотнесенная с сингулятивом **dětę*, поскольку противопоставление единственного числа множественному является более очевидным и важным: русск. *дети*, укр. *дiти*, польск. *dzieci*, ст.-слав. дѣти, сохранившееся также в отдельных говорах болгарского[152].

Точно так же вторично соотнесенным с **dětę* является местное южнославянское образование с функцией множественного числа: ст.-слав. дѣтьца, болг. *деца́*, сербск. *дjѐца*, словенск. *déca* 'дети', собственно — уменьшительная форма от *dětь*[153].

---

[145] A. von Blumenthal. Illyrisches und Makedonisches. — IF, Bd. 49, 1931, стр. 169.

[146] A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 398: *pasierb* (не смешивать *-sierb* в *pasierb* с русск. *сябёр* и родств., которые от слав. **sębrъ* < **sěm-r-*, как например, делает Преображенский, см. статьи: *пасерб*, *себёр*. — *О.Т.*).

[147] См. РФВ, т. XXI, стр. 218.

[148] См. KZ, Bd. 36, стр. 50; А. Преображенский. Т. I, стр. 185; в последнее время — M. Vasmer. REW, Bd. I, стр. 353.

[149] См. подробно A. Gāters. Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung. — KZ, Bd. 72, Heft 1—2, 1954, стр. 55 и след.

[150] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, 1913, стр. 120.

[151] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 369. J. F. Lohmann. Das Kollektivum im Slavischen.—KZ, Bd. 58, 1931, стр. 229.

[152] Ср. Л. Милетич. Седмоградските българи и техният език. — „Списание на Българската академия на науките", кн. 33. София, 1926, стр. 161.

[153] J. F. Lohmann. Указ. соч., стр. 215—216.

Собирательные производные на *-va*: русск. *детвá*, укр. *дітвá*, польск. *dziatwa*. Русск. *детворá* Ломан[154] объясняет влиянием собирательных числительных русск. *четверо*, *пятеро* (субстантивированный средний род к ст.-слав. четворъ, четверъ), так как это наиболее употребительные числа при перечислении детей, из прочих производных: болг. *дечурлѝга*.

Следует отметить интересные примеры сужения значения слав. *dětę* в южнославянских языках, где авторы отмечают значение 'мальчик, сын': сербск: *дијете* — Ја имам *једно дијете* (= *једног ђетића*) и — да опростите — *двије ђевојке*[155], макед. *дете* 'сын', а также — *мъшко дете*[156].

Значительный интерес представляет круг названий, объединяемых и.-е. **orbh-*. Этимологию и.-е. **orbh-* в целом можно считать выясненной. Так, еще Б. Дельбрюк[157], отмечая **orbh-* в нескольких родственных индоевропейских названиях сироты — греч. ὀρφανός, лат. *orbus*, арм. *orb*, очевидно, правильно предполагает древнее значение для и.-е. **orbh-*: 'маленький', ср. санскр. *árbha*, *arbhaká*. Правда, он не привлекает дальнейшего родственного материала, в том числе славянского[158].

Известную трудность в понимании и.-е. **orbho-* и его значений создает отсутствие в литературе связного изложения вероятной истории развития этих значений. Исследователи далеко не всегда согласны в этом вопросе, нередко они ограничиваются лишь перечислением значений, засвидетельствованных письменными памятниками. А. Мейе, например, считая безнадежным объединение различных значений и.-е. **orbho-*, приходит к мысли, что соответствующие формы распадаются на три семантически разные группы: 'раб', 'работа', 'ребенок'[159]. Неубедительна схема значений и.-е. **orbho-*, представленная Мерингером[160]: 'пахать', 'обрабатывать землю', ср. литовск. *arbonas*[161], др.-исл. *arfr* 'бык', англо-сакс. *yrfe*, *orf* 'скот'; 'работать', 'раб'; 'осиротелое дитя', 'дитя', 'наследник'. Совершенно очевидно, что над исследователем тяготеют многочисленные вторичные значения.

Действительную семантическую историю и.-е. **orbh-*, видимо, надо представлять следующим образом. Прежде всего, **orbho-* весьма древнее образование индоевропейского языка, ср. его широкое распространение, и оно, несомненно, восходит к эпохе родового строя, как все бесспорно общеиндоевропейские названия. Этого достаточно, чтобы отбросить первичность значения 'сирота, лишенный родителей', не имев-

---

[154] J. F. Lohmann. Указ. соч., стр. 213.

[155] П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II. — Сб. ОРЯС, т. LXIII, № 3, 1897, стр. 226.

[156] B. von Arnim. Mazedonisch-bulgarische Studien, Teil 3. — ZfslPh, Bd. 12, 1935, стр. 2 и след.; см. также M. Małecki. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka). Część II. Słownik. Kraków, 1936, стр. 19—20.

[157] B. Delbrück, стр. 445—446.

[158] См. об и.-е. **orbh-* и производных: S. Bugge. Beiträge zur vorgermanischen Lautgeschichte. — „Beiträge", Bd. 24, 1899, стр. 439: готск. *arbaiþs*; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 545; Walde — Pokorny. Bd. I, стр. 183—184; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl., Leiden, 1939, стр. 55; Ernout — Meillet, t. II, стр. 827—828; Franck — van Wijk. Etymologisch Woordenboek der Nederlandsche Taal, 's-Gravenhage, 1949, стр. 157—158; Ernst u. Julius Leumann. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Leipzig, 1907, стр. 23; M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1954, стр. 52; H. C. Sørensen. Die sogenannte Liquidametathese im Slavischen. — „Acta linguistica", vol. 7, 1952, стр. 58—59.

[159] A. Meillet, MSL, t. 14, стр. 383; его же. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902, 1905, стр. 226 и след., 295.

[160] R. Meringer, IF, Bd. 17, стр. 128.

[161] Литовск. *arbonas* 'вол', кстати, вообще поставлено под сомнение К. Бугой: K. Būga. Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etymologijos žodyno (рукопись, хранится в Вильнюсском университете. Отдел рукописей).

шего смысла в эту эпоху. Остаются, с одной стороны, значения 'работать, раб', с другой стороны — 'дитя, маленький'. Известная вторичность возникновения рабства и подневольного труда по отношению к эпохе родового строя говорит только об одном возможном направлении развития значений: 'дитя, маленький' > 'раб, работать'. Значение 'наследник' (ср. нем. *Erbe*) тоже вторично и отражает сравнительно поздние имущественные отношения. Остаются значения 'дитя, маленький'. О сравнительно позднем оформлении термина 'дитя, ребенок' уже говорилось довольно подробно выше, поэтому, вероятнее всего, и.-е. **orbho-* имело конкретное возрастное значение 'маленький', ср. санскр. *árbha-*, *arbhaká-* 'маленький, мальчик'. Ср. аналогичное использование слав. *malъ* 'малый, маленький' в русск. *мальчик*.

И.-е. **orbho-* дало о.-слав. **orb-*, ср. др.-русск. *робѧ* 'дитя, ребенок', русск. диал. *робя́*, *робя́тко*, *робенок*, *ребенок*, укр. *па́рубок* 'парень' (из *па́-робок*), ср. польск. *parobek* то же, диал. *parobək*[162], др.-чешск. *rob* 'potomek, dědic, následník', *robě* 'dítě', *robenec* 'mladík, výrostek, pacholík, chlapec'[163], чешск. диал. *robě* 'dítě': „*V Koniči je dítě 'malinký, rubě vetší, 2—3-leté*“[164] („любопытна возрастная градация! — *О. Т.*), словацк. *parobok* 'pacholek, výrostek, chasník'. Славянскому употреблению аналогично использование и.-е. **orbho-* в исландском названии сына: *arfuni*[165].

История слав. **orb-*, **orbę* отличается также известным фонетическим своеобразием. Несколько необычный облик русск. *ребенок* вводил отдельных исследователей в заблуждение, ср. попытки отделить его от ст.-слав. ράκъ[166], в то время как на самом деле русск. *ребенок* — местное изменение по ассимиляции, ср. наличие форм *робя*, *робенок*, которые сопоставимы уже непосредственно с *рабъ*[167]. Х. Педерсен[168] объясняет слав. **orbę* (**orb-ent-*), не имеющее соответствующего глагола, аналогичным происхождением, по образцу названий молодых животных на *-ent*, которым соответствуют глаголы на *-iti*. Нам кажется, что Педерсен переоценивает значение глаголов типа русск. *тели́ться* — *теля́*, *жереби́ться* — укр. *жереб'я́*, которые на самом деле образованы из соответствующих названий молодых животных на *-ent-*. Поэтому очевидное желание Педерсена видеть в образованиях на *-ent-* (**tel-ent-*) формы настоящего времени с носовым гласным („Nasalpräsentia“) от глаголов на *-iti* (русск. *телиться*) ошибочно. Считаем нужным присоединиться к существующему в литературе мнению, согласно которому древнейшие образования с *-ent-* носили первоначально значение принадлежности (ср. выше) с последующим развитием значения уменьшительности. Последнее, например, особенно активно выступает в славянскую эпоху, когда уже стираются первичные оттенки принадлежности. Об аналогическом образовании имен на *-ent-* следует говорить как об известном

---

[162] G. Horák. Nárečie Pohorelej. — SAV, Bratislava, 1955, стр. 164.

[163] Fr. Šimek. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947, стр. 154.

[164] Fr. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 358.

[165] Объяснение, небезупречное в семантическом отношении, см. A. Jóhannesson. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951, стр. 89—90.

[166] G. C. Uhlenbeck: *arbha-*, *arbhaká-*.

[167] Ср. H. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, Bd. 38, 1902, стр. 313. Об ассимиляции гласных в соседних слогах русск. *робенок* > *ребенок* ср. А. И. Соболевский. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике. — РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 117. Вторичность формы *ребенок*, таким образом, совершенно очевидна, ср. еще русск. *лебеда* (ассимиляция) при более старом укр. *лобода*. На вторичность формы *ребенок* указывают, помимо известного русским говорам *робенок*, *робятко*, также данные других славянских языков: чешск. *robě* то же, особенно — др.-польск. *robionek* 'dziecię, czeladnik' (см. о последнем Ewa Ostrowska. — JP, t. XXXV, 1955, стр. 288).

[168] H. Pedersen. Указ. соч., стр. 367.

распространении производных с этим суффиксом, но уже с преобладающим уменьшительным значением, что более характерно для славянского периода. Имеются в виду случаи, в которых самостоятельное древнее образование с суффиксом *-ent-*, как и самостоятельное развитие значения уменьшительности, маловероятно: названия молодых животных **žerbę*, **telę*[169].

Известную фонетическую трудность представляет сравнение форм, продолжающих слав. **orb-* в отдельных славянских языках. В отличие от обычных правил метатезы плавных (слав. *ort-* > зап.-слав. *rot-*, *rat-*, вост.-слав. *rot-*, юж.-слав. *rat-*), южнославянские языки, наряду с правильным ст.-слав. ꙑабъ (Зогр., Супр.), обнаруживают рефлекс *rot-* ст.-слав. ꙑобъ (Зогр., Супр., где и рабъ), болг. *роб*, *робúня*, *рóбство*. Н. ван Вейк предполагает возникновение метатезы плавных в начале слова в северных районах славянства, откуда она распространилась до южных районов ко времени ослабления общеславянских связей, почему преобразование начальных групп *or-*, *ol-* уже не проводилось так четко. Ср. факты вроде ст.-слав. алкати, алдии наряду с правильными рефлексами[170]. Наблюдения позволяют добавить к известной этимологии слав. **orb-*, **orbęt-*, что славянский сохранил еще в нескольких случаях завуалированного употребления прямые следы древнего значения и.-е. **orbh-* 'маленький'. Сюда, по нашему мнению, относится польск. *robak*, *robaki*, обозначающее не только насекомых, но „вообще все мелкие существа" [171] (в польских говорах). Ср. также о сыне: *Dobže śe robak uciu* 'хорошо малец учился'[172].

Соответственно этому требуется внести коррективы в материал Э. Бернекера, исходившего из слав. *chrobak*, а именно: 1) древность и первичность формы с *ch-* начальным сомнительна[173]; 2) форма *robak* не исконна, а представляет собой результат метатезы о.-слав. **orb-*.

Третье славянское название ребенка, значительно уступающее по распространенности двум предыдущим: **čędo*.

Слав. **čędo* хорошо представлено лишь в старославянском языке, в других славянских языках сохраняются незначительные остатки, в том числе — в виде сложений: ст.-слав. чадо, братучада 'дочь брата', братоучадъ, братоучада 'дети двух братьев'; болг. *чéдо*, диал. *чъ́до*[174], *чендо*, *к'éндо*[175], *братучéд* 'сын брата, племянник'; др.-сербск. штедић 'pro-

[169] Основы **žerb-*, **tel-* этимологически, а именно — без суффикса *-ęt-*, обозначают молодых животных, ср. греч. βρέφος (**gʷrebh-*) 'дитя, новорожденный'; образование от него с древним суффиксом принадлежности, происхождения **-ent-* было бы бессмысленно. Собственно, то же следует сказать и о слав. **orbę*, которое восходит к **orbh-* 'маленький'.

[170] N. van Wijk. Remarques sur le groupement des langues slaves. — RÉS, t. IV, 1924, стр. 13. Иначе, но отнюдь не убедительно пытается решить этот вопрос Ф. Ливер (F. Liewehr. Über expressive Sprachmittel im Slawischen.— „Zeitschrift für Slawistik", Bd. I, Heft 1. Berlin, 1956, стр. 26—27). Он видит причину распространения формы *rab-* в южнославянских языках в ее эмоциональной окрашенности. Любопытно, что и варианты *раб-/роб-* в русском и *rab-/rob-* в польском он объясняет единственно за счет эмоциональных оттенков значения, не признавая заимствования. И уже совершенно несерьезно звучит объяснение русской формы *ребенок* как развившейся через **erb-* из **orb-*, причем автор игнорирует такие хрестоматийные факты как русск. диал. *робёнок*, *робя*, др.-польск. *robionek*, не допускающие мысли о раннем происхождении формы *ребенок*.

[171] См. K. Nitsch. Wybór pism polonistycznych, t. II. Wrocław—Kraków, 1955, стр. 11.

[172] „Północno-polskie teksty gwarowe", pod red. K. Nitscha. Kraków, 1955, стр. 61.

[173] Об этом ср. еще Baudoin de Courtenay, RS, t. I, 1908, стр. 111; F. Lorentz. Pomoranische Ergänzungen zum etymologischen Wörterbuch.— „Slavia Occidentalis", t. 2, 1922, стр. 163, причем последний отмечает кашуб. *robωk*.

[174] Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1954 (литогр.), стр. 123.

[175] Последнее (в Зарово) обозначает еще не крещенного ребенка. И. Иванов неточно называет его синонимом *чéндо*; это фонетический вариант и одновременно —

genies', *бесчедьнь* 'orbus', *чедо* 'infans'; др.-русск. *чадо*, *чѧдо* 'дитя, сын или дочь (по отношению к родившим)', *чадь*, *чѧдь* 'дети', 'люди, народ', *бесчада*, *бещада* (*безъ чѧда*) 'бездетно, бездетный', *съчадъкъ* 'потомок'; укр. *нащáдок* 'потомок' (< **на—съчадъкъ*, ср. др.-русск. *сьчадъкъ*), белор. *чадó* 'злое дитя, упрямец'[176], ср. далее польское наречное выражение *do szczętu* 'дотла, вдребезги' (<*do sъčętu*, собств. 'до последнего потомка [истребить]', тот же корень, что и *čędo*).

О слав. **čędo* высказывались в литературе различные суждения, причем большинство исследователей видит в нем заимствование из германского[177]. В последнее время о заимствовании из германского писал А. Вайан[178]: „первая палатализация, изменившая смягченные задненебные в *č*, *dž*, *š*, совершилась в эпоху заимствований из готского, в III—IV вв. н. э.; несомненно, что это изменение коснулось древнейших заимствований из германского: нет серьезных оснований для того, чтобы не допускать, что *čędo* 'дитя', *čędь* 'люди' взяты с германских слов, представленных др.-в.-нем. *kind* 'дитя' (ср. р.), др.-исл. *kind* 'порода, племя' (ж. р.), соответствующих лат. *gēns*".

Но всеобщего признания эта точка зрения не получила. Так, Э. Бернекер[179] не вполне уверен в германском происхождении этого слова. Против мысли о заимствовании из германского возражает В. Кипарский[180]. Однако авторы не дают развернутой критики объяснения слав. **čędo* как германского заимствования, почему последнее до настоящего времени представляется более аргументированным. Тем не менее предположение о заимствовании построено, видимо, на ошибке.

Первое (общегерманское) передвижение согласных, хорошо отраженное готским языком, выразилось, в частности, в переходе и.-е. *g* > герм. *k*. В итоге такого перехода и.-е. **ĝentóm* 'рожденное, дитя' дало герм. **kind-*. По мысли сторонников заимствования слав. *čędo*, именно такая готская форма перешла в славянский. Однако, насколько известно, эта готская форма в письменных памятниках не засвидетельствована. Больше того, в этом значении известно готск. *barn*. После этого необходимо считаться с реальным др.-в.-нем. *chind*[181], получившим такую форму уже в результате древневерхненемецкого передвижения согласных, ср. алеманнское *chind*[182]. Эта форма должна была существовать

прекрасный пример использования фонетических вариантов для семантической дифференциации [Jordąn I v a n o v. Un parler bulgare archaïque (Богданско, сев. часть департамента Салоники, округи Кукуш и Нигрита). — RÉS, t. 2, 1922, стр. 99); ср. диал. *чендо*, *братученд* (От Солунско). Записал Н. Цицов. — СбНУ, кн. IV, 1891, стр. 157]; *кéнда*, ж. р. 'еще не крещенный младенец женского пола' (Ив. А. Г е о р г о в. Материалы за речника на велешкия говор. — СбНУ, кн. XX, 1904, стр. 31); *čéndu*, мн. ч. *čindà* 'ребенок', *bratučent*, *bratučeŋka* [M. M a ł e c k i. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka), część II. Słownik. Kraków, 1936, стр. 10, 15].

[176] И. И. Н о с о в и ч. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

[177] Ср. F. M i k l o s i c h. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen, стр. 10; C. C. U h l e n b e c k. Die germanischen Wörter im Altslavischen. — AfslPh, Bd. 15, 1893, стр. 485; W. V o n d r á k, Bd. I, стр. 268.

[178] A. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 52—53.

[179] E. B e r n e k e r, Bd. I, стр. 154.

[180] V. K i p a r s k y. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen.— „Annales Academiae Scientiarum Fennicae", Bd. XXXII, № 2, 1934, стр. 22—23; А. Мейе (RÉS, t. 14, 1934, Chronique, стр. 231) относится к попытке В. Кипарского объяснить *čędo* как исконнославянское с сомнением.

[181] Против „игнорирования фактического древневерхненемецкого материала в пользу фиктивного готского" специально выступал Брюкнер (A. B r ü c k n e r. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen. — AfslPh, Bd. 42, 1929, стр. 130—131, 146) по поводу известного исследования Стендер-Петерсена. Он же возражает против преувеличенно древней датировки заимствований, относя основную их массу к VII—X вв. н. э., т. е. к древневерхненемецкому периоду.

[182] См. S. F e i s t. Indogermanen und Germanen, 3. Aufl. Halle, 1924, стр. 49.

не только у алеманнов, но и у всех вероятных германских соседей славян (последние к этому времени еще не делились на три ветви и селились, очевидно, приблизительно в местах обитания современных западных славян). Форма *chind* могла появиться, вероятно, начиная с V в. н. э.[183] Старославянский язык, лучше всего сохранивший *čędo*, с VI в. развивался на Балканах. При таких условиях он мог принести с северо-запада интересующее нас слово лишь в форме **шѧдо* < **xędo* < герм. **chind*[184]. Но форма **šędo* неизвестна славянским языкам, которые последовательно отражают только о.-слав. *čędo*. Таким образом, древнее заимствование из германского маловероятно, позднее заимствование тем более исключено.

Слав. **čędo* имеет близкие формы в слав. *na-čęti*, *na-čьnǫ*, *za-čęti*, *kon-* и, таким образом, ни в смысловом, ни в фонетическом отношении не имеет соприкосновения с нем. *Kind*, др.-в.-нем. *chind* < и.-е. **ĝentóm*. В германском есть другие — единственно точные соответствия слав. *čędo*: готск. *du-ginnan*, нем. *beginnen* 'начинать', которые С. Бугге[185] правильно сопоставляет со ст.-слав. -чѧнѫ, -чѧти и родств., правда, не упоминая *čędo*, *чадо*. Тем самым слав. **čędo* оказывается производным от и.-е. **ken-*, обнаруживающегося в словах со значениями 'начинать', 'новый, недавний', 'молодой': ср. греч. καινός 'новый', санскр. *kanīna* 'молодой', русск. *щенок* „с подвижным *s*-“, сюда же болг. диал. *штéни*, *штéнинци* 'сын', лат. *re-cēns* 'недавний', др.-иранск. *kanya*, осет. *kanæg* 'малый', ирл. *cinim* 'я рожден, происхожу от', *cenél* 'родство', вал. *cenedl*, др.-корнск. *kinethel*, ирл. *cet-* 'первый', вал. *cynt* 'раньше', корнск. *kyns*, брет. *kent*, галл. *Cintu-gnatus* 'перворожденный'[186]. Возможно, близки к слав. *čędo* следующие фракийско-фригийские собственные имена, приводимые П. Кречмером[187]: сложения Σατρο-κένται, Βουρκέντιος. Последнее из них Кречмер, вслед за Томашеком, сравнивает только с санкр. *bhūri-* 'много, обильно', литовск. *būrỹs* 'отряд, гурьба'. Ср. польск. *do szczętu*, где тоже представлен суффикс *-t-*.

Таким образом, слав. *čędo* может быть объяснено как производное от и.-е. **ken-* с суффиксом *-do-*[188]. Образования с суффиксом *-do-* немногочисленны[189], но известны в славянском: ср., помимо *čę-do*, *mǫ-do*, ст.-слав. мѫдо < **măn-* 'муж, мужчина', *čudo*, *bьr̥do*, *stado*.

О собирательном слав. *čędь* с суффиксом *-ь* от *čędo* см. работу Ломана[190].

---

[183] Ср. S. Feist. Indogermanen..., стр. 47; Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, стр. 73, 75.

[184] Ср. Э. Прокош. Указ. соч., стр. 78: „Германский h определенно имел характер нем. *ach- ich*-Laut'*a*, на что указывает написание таких, например, слов, как лат. *Cherusci*, *Chatti*, греч. Χέρουσκοι, Χάττοι“. Это так называемое алеманнское произношение начального герм. *k* как *x*, сохраняемое швейцарско-немецким (*xind-kind*, *xalt-kalt*) могло быть передано именно славянским *x*. Специалисты говорят о наиболее широком и раннем распространении аспирации *p*, *t*, *k* $\geqslant$ *ph*, *th*, *kh* в немецком и скандинавских языках имеино в начале слова, ср. Ludwik Zabrocki, рец. на кн.: J. Fourquet. Les mutations consonantiques du germanique. Paris, 1948. — „Lingua Posnaniensis“, t. II, 1950, стр. 296 и след.

[185] S. Bugge. Etymologische Studien über germanische Lautverschiebung. — „Beiträge“, Bd. 12, 1887, стр. 406.

[186] См. É. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 2-ème èd., стр. 391—392; Walde — Pokorny. Bd. I, стр. 397—398; G. C. Uhlenbeck, стр. 41; Ernout — Meillet. T. II, стр. 999—1000; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. 1. М., 1949, стр. 20; Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 69; J. Pokorny, стр. 563—564.

[187] P. Kretschmer. Einleitung, стр. 221, 226—227; см. также Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952, стр. 7.

[188] Ср. Ст. Младенов, ЕПР, стр. 680.

[189] Ср. A. Meillet. Études, стр. 319—323.

[190] J. F. Lohmann. Das Kollektivum im Slavischen. — KZ, Bd. 58, 1931, стр. 208—209.

В ряде индоевропейских языков в роли названия ребенка фигурирует причастие с суффиксом *-no* от индоевропейского глагола **bher-* 'нести'. Видимо, в результате обратного влияния уже со стороны подобных производных этот глагол в отдельных языках получил более узкое, специализированное значение 'рожать', ср. готск. *bairan*, нем. *ge-bären*. Лучше всего указанное название ребенка представлено в германском, где оно находило поддержку в существовании близкого глагола, ср. готск. *barn* 'παιδίον, τέκνον, βρέφος Kind', *barnilo* то же, с суффиксом и.-е. *-elo-*, крымско-готск. *baar* 'pyer Knabe', ср.-в.-нем. *bar* 'Mann'[191], сюда же др.-исл. *burr* 'сын'[192]. Широко представлено это образование в балтийских языках, которые, как известно, в названиях ребенка обнаруживают существенные расхождения со славянскими. Лучше всего сохранилось старое значение в латышск. *bḕrns* 'ребенок'. Литовск. *bérnas* наряду со значением 'дитя, ребенок' имеет распространенные значения 'парень', 'работник', 'батрак'. Кроме того, первое значение, а также значение 'мальчик' представлено в литовском очень большим количеством производных от *bern-*: диал. *bernẽkas*, *bernýnas*, *berniõkas*, *berniokýnas*, *berniokiõkas*, *berniũkštis*, *beȓnius*, *bernuõlis*[193].

Этимологический анализ помогает отсеять вторичные значения. Балт. **berna-s* < **berno-* с корневым гласным *e* в отличие от германских (ср. готск. *barn*) тоже восходит к и.-е. **bher-* 'нести', и его древнее значение было 'ребенок'. Своеобразие литовского состоит в том, что он, по-видимому, не сохранил исходного индоевропейского глагола[194]. В славянском с самого начала не было никаких условий для сохранения и.-е. **bher-no-*, поскольку рефлекс и.-е. **bher-* 'нести' получил особое, весьма далекое от смысловой связи с названиями ребенка значение: слав. *berǫ* 'беру'. В то же время название ребенка в славянском уже оформилось из других индоевропейских морфем: *dětę*. Правда, в отдельных образованиях прослеживается древнее значение 'нести', ср. известное слав. **bermę*, русск. диал. *бере́мя* (< и.-е. **bher-men-*, собств. 'то, что несут'), а также довольно близкое к германским и балтийским словам своим современным значением русск. *бере́менная*. Таким образом, приводившиеся термины 'ребенок', 'рожать' и под. восходят к и. -е. **bher-* 'нести' (**bher-no-* значит, собств., 'принесенный, -ое'). Ср. то же восприятие в литовск. *nėščià* (*kárvė*) 'беременная, стельная' — к *nèšti* 'нести', русск. *носить* (ребенка) 'быть в положении'.

Значительное количество названий маленького мальчика, ребенка определенного возраста, далее — сына, родственника в некоторых индоевропейских языках объединяется индоевропейским корнем **maĝh-*, **meĝh-*. Сюда относятся: авест. *maγava-* 'холостой, неженатый', кельт. **magus* в галл. *Magu-rix*, ирл. (огамическое) *magu*, др.-ирл. *maug*, *mug* 'раб', корнск. *maw*, брет. *mao* 'юноша, слуга', корнск. ж. р. *mowes* 'девушка', брет. *maouez* 'жена', готск. *magus* 'мальчик', др.-исл. *mǫgr* 'сын', др.-сакс. *magu* 'мальчик', англосакс. *magu* 'дитя, сын', 'муж';

---

191 S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch. . ., стр. 82, 73.

192 М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М. — Л., 1953, стр. 266.

193 P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 78, 125—126, 133, 190, 217, 267, 572.

194 Относительно лит. *beriù*, *beȓti* 'сыпать' ср. предположение А. Мейе, который на основании анализа форм этого глагола заключает, что мы здесь имеем продолжение другого и.-е. **bher-*, обозначавшего быстрое движение, кипение, ср. близкие греч. φορύνω φύρω 'мешаю', лат. *fervō*, *ferveo* („A propos du groupe lituanien de *beriù*". — „Streitberg Festgabe". Leipzig, 1924, стр. 258—261). Впрочем, см. E. Hermann. Idg. *bher-* 'tragen' im Baltischen. „Studi baltici", vol. 3, 1933, стр. 65—68: *bher-* 'нести' вытеснено в балтийском корнем *nek̑-*, литовск. *nèšti* 'нести', но оставило следы в виде литовск, *beȓti* 'сыпать' и — со значением 'рождать' — литовск. *bérnas*, латышск. *bḕrns*.

готск. ж. р. *mawi* 'девочка', готск. *magaþs* 'молодая женщина', нем. *Magd* 'девка, служанка', уменьш. *Mädchen* 'девушка', готск. *mêgs* 'зять, свояк', др.-сканд. *mágr* 'родственник по браку'[195]. Эндзелин связывает готск. *magus* с латышск. *mag's*, *mag'is* 'маленький'[196]. Этим ограничивается, как обычно полагают, круг относящихся сюда слов, в чем, очевидно, сказывается недостаточное обобщение материала, уже давно добытого исследованием.

Из сравнений, приводимых выше, систематически выпадают родственные др.-прусск. *massais* '*minus*', литовск. *mãžas* 'маленький', др.-русск. *мѣзиньць*, русск. *мизинец*, словенск. *mezinec* 'digitus auricularis', болг. *мизи́нка* 'меньший сын, дочь', сербск. *мљѐзинац*, *мезимац* 'младший сын', чешск. *mezenec* 'безымянный палец', которые приводил еще Ф. Миклошич[197]. Ср. еще белор. *мéзяны палец* 'мизинец'[198]. К. Нич, говоря о польск. диал. *mizynek*, вряд ли верно называет первичным значение 'палец'[199]. Впрочем Э. Леви и М. Фасмер считают возможным сближение русск. *мизинец* 'маленький палец', 'младший сын' со слав. **mižǫ* 'мочиться': греч. μοιχός 'прелюбодей', ὀμιχεῖν 'мочиться'[200]. В. Махек сближает эти слова с укр. *мизати*, польск. *u-mizgać*, чешск. диал. *mizat se* 'льстить', относя сюда и греч. μοιχός 'прелюбодей'[201].

Наличие в славянском формы **mez-*, а в балтийском — форм **mež-*, *maž-*, кроме того, в германском — **mag-* позволяет предположить общую индоевропейскую форму **meĝh-*, **maĝh-*, после чего очевидна необходимость исправления и.-е. **maghu-* у А. Вальде и Ю. Покорного. Трудно согласиться и с предположением и.-е. **makwus*, *makwi*[202], которому определенно противоречит характер согласного в балтийском и славянском. Выяснение характера задненебного в и.-е. **maĝh-* помогает установить его отличие от и.-е. **magh-* 'мочь'[203], против сближения с которым возражает и А. Вальде.

О конце основы и.-е. **maĝh-* можно судить по формам на *-u-*, ср. готск. *magus*[204], галл. *Magu-rix* и др. Предположение о древности иного конца основы здесь было бы вряд ли оправдано. Наличие в литовском формы *maženà* '*mažùmė*', *iš mažeñs* 'сызмальства', объясняемых из согласной основы *mažen-*, им. п. **mažuõ*[205], еще не говорит о древности согласной *n-* основы, какую можно указать, например, для и.-е. *(*a*)*k̂ămōn*, ст.-слав. камы, камене. В литовском для ряда случаев доказано позднее оформление согласных основ.

Для нас особенно интересна история значения и.-е. **maĝh-*. Необходимо отделить вторичные значения от древних. Вторичным пред-

---

[195] См. W a l d e — P o k o r n y, Bd. II, стр. 228; S. F e i s t. Vergleichendes Wörterbuch. . ., стр. 339; Г. Л ь ю и с и Х. П е д е р с е н. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков, стр. 56; М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й. История скандинавских языков, стр. 262; A. J ó h a n n e s s o n. Isländisches etymologisches Wörterbuch, стр. 651; Э. П р о к о ш. Сравнительная грамматика германских языков, стр. 67.

[196] Цит. по S. F e i s t. Vergleichendes Wörterbuch. . ., стр. 339.

[197] F. M i k l o s i c h, стр. 196; ср. Р. Б р а н д т. Дополнительные замечания к разбору славянского этимологического словаря Миклошича, стр. 101; A. M e i l l e t. Études, стр. 172, MSL, t. 14, стр. 387; А. А. П о т е б н я, РФВ, т. I, стр. 259; см. А. П р е о б р а ж е н с к и й, т. I, стр. 535.

[198] М. В. Ш а т э р н і к. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929, стр. 157.

[199] См. JP, t. XII, 1927, стр. 119—121.

[200] E. L e w y, M. V a s m e r. Russ. *мизинец* usw. — ZfslPh, Bd. 8, 1931, стр. 129—130.

[201] V. M a c h e k. Příspěvky etymologické. — LF, ročn. 51, стр. 240—244.

[202] Э. П р о к о ш. Указ. соч., стр. 67.

[203] Иначе — K. B r u g m a n n, IF, Bd. 38, стр. 140 и след.; W a l d e — P o k o r n y, Bd. II, стр. 228: литовск. *mažas* < и.-е.**maĝ*(*h*)- 'etwas Kleines' ставится особняком.

[204] F. K l u g e. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl., стр. 5.

[205] См. P. S k a r d ž i u s. Указ. соч., стр. 231.

ставляется, по ряду соображений, значение 'меньший палец на руке' (русск. *мизинец*), которое не имеет регулярных соответствий за пределами славянских языков. Первичным является, вероятно, значение 'младший ребенок, младший сын', ср. серб. *мѐзимац* и др.[206] Правда, балтийский представляет обобщенное значение 'малый, маленький', ср. литовск. *mãžas*, но германский дает окончательное свидетельство о семантической принадлежности основы и.-е. **meĝh-*, **maĝh-*, ср. значения 'мальчик, сын, девочка' в примерах, перечисленных выше, наряду с очевидно поздними обобщениями в нем. *Magen*, *Magenschaft* 'родня' < герм. *mêga-* 'родственник'[207]. Исходными для разбираемого индоевропейского слова можно считать значения 'младший, меньший, последний ребенок'[208], ср. ряд слов с таким значением в славянских языках с близкими — в других. Знаменательно значение др.-ирл. *maug* 'раб' того же корня, поскольку это значение правильно развилось из первичного '(младший) ребенок'. Обратный процесс здесь исключается.

Все эти соответствия убеждают нас в том, что в русск. *мизинец* 'палец' мы имеем древний переосмысленный термин родства. Значение 'палец' вторично, ср. ряд других вторичных названий пальца в славянском: **palьcь*, собств. 'колышек, палочка', **pьrstъ* — причастная форма с нулевой ступенью корневого гласного от глагола и.-е. **prek̂-*, слав. *prositi*. Аналогию семантическому развитию русск. *мизинец* 'младший сын' > 'меньший палец на руке' представляет образование нем. *Magen* 'желудок' (т. е. тоже — часть тела) < 'родня', ср. совр. *Magenschaft* 'родня'. Перенос значения в этих случаях осуществлялся, вероятно, метафорически, ср. в нашем случае с русск. *мизинец* 'меньший палец': пять разновеликих пальцев на руке в какой-то мере могли напоминать детей разного возраста в одной семье. Достаточно вспомнить сказку-прибаутку о сороке-белобоке, оделявшей по очереди пятерых детей кашкой, которую обычно рассказывают маленьким детям, показывая на пальцах. Из прочих фольклорных ассоциаций — ср. *мальчик-с-пальчик*[209].

Вообще внимательное знакомство с терминологией родственных отношений неоднократно убеждает в тесной ее связи с названиями частей тела человека, причем нужно отметить, что связь эта выражается не в образовании наших терминов за счет названий человеческого тела, как казалось бы естественным и как это считают некоторые исследователи. Напротив, фонетическое и семантическое развитие целого ряда слов недвусмысленно указывает на образование названий человеческого тела из материала терминов родства.

Поздним и чисто славянским образованием является слав. **otrokъ*, название подростка: ст.-слав. отрокъ 'παῖς, παιδίον, παιδάριον, puer', отрочищь 'παιδάριον, puer', отроча 'παιδίον, puer', отрочица 'puella', отроковица 'παῖς, κόρη, puella', отрочие 'servus', др.-сербск. отрокь 'puer', др.-русск. отрокъ 'дитя', 'подросток, юноша', 'дружинник, воин', 'слуга, раб, работник', отроча 'дитя', отрочище, отрочищь 'дитя, мальчик', др.-польск. *otrok* '1. mężczyzna, wyrostek, młodzieniec; 2. pachołek, dworzanin', otrocządtko, otroczek 'chłopiątko, pacholątko', *otroczyca* 'dziewczyna, córka', кашуб. *woetrok*,

---

[206] См. А. Преображенский, т. I, стр. 535.

[207] F. Kluge. Указ. соч., стр. 4.

[208] Ср., кроме названных славянских значений, болг. диал. *мизул'*, *мизл'у* 'самый маленький и последний ребенок в семье' (Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1954, стр. 150; Ст. Кабасанов. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. — „Известия на Института за български език", кн. IV, София, 1956, стр. 78).

[209] Аналогичный, хотя и совершенно самостоятельный пример такого переноса значений можно видеть в вал. *mawd* 'большой палец' при корнск. *maw* 'юноша, слуга' — из и.-е. **maĝhu*, ср. выше.

'chłopiec, młodzieniec, syn', в.-луж. *wotročk* 'слуга, старший слуга', полабск. *vůotrök*, *vuotrüök* 'Sohn', словенск. *otròk*, *otročâj* 'дитя', собир. *otročâd* ж. р. 'дети', болг. *отро́к* 'подросток'.

Этимология слав. **otrokъ* проста и понятна. Это сравнительно позднее славянское образование мужского рода[210], сложение приставки *ot-* и *rok-*, ср. слав. *rekti* 'говорить, сказать'[211]. Таким образом, *otrokъ* = 'не говорящий', вернее 'тот, кому отказано в праве говорить'[212].

Слав. *otrokъ*[213] обозначало юношу, подростка, который еще не получил права голоса зрелого мужчины, что хорошо показывают данные этимологии, а также многие значения, засвидетельствованные письменными памятниками славянских языков. В отдельных языках имело место изменение значения, ср. значения 'дитя', 'сын' (последнее — в кашубском, полабском). Вполне закономерен переход значения в чешск. *otrok* 'раб'.

Вообще же признак 'не говорить, не говорящий' довольно часто используется в названиях ребенка. Ср. лат. *infans*, причастная форма к глаголу *for*, *fatus sum* 'говорю' (и.-е. **bhā-*) с отрицанием *in-* 'не говорящий'; слав. **ne-mъlvję* — чешск. *nemluvně*, укр. *немовля́* 'дитя, младенец' — из *ne* и *mъlviti* 'говорить'. В формальном отношении слав. *nemъlvję* является причастием настоящего времени[214], и к нему полностью подходит объяснение, которое X. Педерсен дал, — на наш взгляд, не для всех случаев правильно — ряду славянских образований на *-ęt-* (см. выше). Слав. **nemъlvję* 'не говорящий' могло играть роль своеобразного эпитета при названии ребенка[215].

Из прочих названий: слав. **moldę*, *-ęte*, производное от о.-слав. **moldъ*, русск. *молодой*, произведенного, в свою очередь, от **mol-*, и.-е. **mel-* 'молоть, дробить, размягчать'[216] с помощью индоевропейского суффикса *-dh-*, с первоначальным значением результата, достигнутого состояния[217]. Таким образом, **moldъ* = 'мягкий, нежный (только в воз-

---

[210] A. Brückner („Słownik etymologiczny języka polskiego", стр. 387) отмечает для др.-польск. *otrok* (XVI в.) значение, противопоставленное „białej płci", прекрасному полу.

[211] Ср. A. Meillet. Études, стр. 233.

[212] Ср. небольшой семасиологический этюд, посвященный этому слову, в книге: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 57.

[213] Ср. другие славянские имена деятеля с *-rokъ*: ст.-слав. пророкъ 'προφήτης', 'предсказатель, пророк'. Однако слав. *rokъ* и сложения типа польск. *wyrok* 'приговор' — это первоначальные имена действия. Таковы же, видимо, и первоначальные слав. **prorokъ* 'предсказание', **otrokъ* 'отказ, неразрешение или неговорение', которые затем развили значения 'предсказатель, не говорящий', совершив обычный переход nomen actionis > nomen agentis. Поэтому мы не можем вместе с Мейе (Études, стр. 233) видеть во второй части этих сложений *-rokъ* исконное имя деятеля. Вполне вероятно, что первоначально слав. **otrokъ* ничем не отличалось от перечисленных образований с тем же корнем, в том числе и по ударению, ср. болг. *отро́к*, словенск. *otròk*. Акцентологическое отличие, столь характерное, например, для русск. *о́трок*, появилось у него вторично: *о́трок* (имя деятеля) < *отро́к* (имя действия), — знаменуя словопроизводственный акт. Кстати, В. И. Даль (изд. 2, т. II, стр. 750) знает *отро́к* „стар. Отказ землевладельца землевладельцу", — т. е. как раз имя действия, и мы склонны верить Далю, вопреки сомнениям К. Мошинского (JP, t. XXXV, 1955, стр. 130). Не убедительна выдвинутая последним оригинальная этимология слав. *otrokъ* < *o-trokъ* к ст.-слав. тръкъ 'бег' и родств., откуда *otrokъ* = 'гонец' ≥ 'парень, подросток, мальчик' (см. JP, t. XXXII, 1952, стр. 200—201; JP, t. XXXV, 1955, стр. 130 и след., ср. возражения Ф. Славского, JP, t. XXXIII, 1952, стр. 400).

[214] Ср. иначе M. Vasmer (Poln. niemowlę 'infans'. — ZfslPh, Bd. 12, стр. 120): *niemowlę* — не Part. Praes., а уменьшительное от перфекта **mlvilъ* с утратой *i* (*l* в *niemowlę* — не эпентетическое).

[215] Эрну — Мейе (т. 1, стр. 564—565) так объясняют аналогичное лат. *infans*, ср. выражение *infans puer*, где роль *infans* как эпитета очевидна.

[216] См. А. Преображенский, т. I, стр. 549—550.

[217] См. E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. Paris, 1935, стр. 188 и след., где находим ряд примеров (правда, **moldъ* не отражено).

растном смысле)'. Образование **moldę*: ст.-слав. млада 'infans' носит уже определенно уменьшительный характер (как необходимое уточнение вследствие весьма широкого значения слав. **moldъ*, ст.-слав. младъ). От **moldъ* известен целый ряд производных, обозначающих ребенка: ст.-слав. младеничиштъ 'infans,' младеништѧ 'νήπιος, infans', младеньць 'νήπιος, βρέφος, infans' младеньчиштѧ 'puer', младица 'νεανίς, puella', младиштѧ 'νήπιος, infans'. Болг. диал. *истърсàк*, *изтрьсък*, *истришòк* 'последний ребенок'[218], образное обозначение (*из-тѐрся* 'высыпать, вытряхнуть'), *ѝспърдòк* то же, сербск. диал. *беба*, *бебе* 'младенец'[219], польск. диал. *byxyẙ* 'маленькие дети', *smarkwc* 'мальчик'[220], *xośą* 'дитя', *xᵘodåk* 'маленький мальчик'[221], *śurek* 'подросток'[222].

Такая же спорадичность второстепенных названий ребенка известна балтийскому, ср. литовск. *kū̃dikis* 'ребенок', объясняемое заимствованием из слав. *xudъ* или родственных форм[223]; вост.-литовск. *šišavà* 'Ansammlung kleiner Kinder', отмеченное Я. Отрембским, которое Ф. Шпехт объясняет как *u*-основу **šišus*, ср. др.-инд. *śíśu-* 'дитя, юный'[224].

Сын

Для обозначения сына славянский язык располагает древним термином *synъ*, восходящим к **sūnus*, — общему для ряда индоевропейских языков названию сына. Сюда относятся: ст.-слав. сынъ, др.-русск. *сынъ*, русск. *сын*, укр. *син*, белор. *сын*, польск. *syn*, диал. *synek* 'chłopak', 'mężczyzna nieżonaty, młodzieniec', н.-луж. *syn*, полабск. *süönka*, чешск. *syn*, диал. *synča* 'dítě, syneček', *synčoch* 'syneček', *synek* 'hoch'[225], словацк. *syn*, словенск. *sîn*, др.-сербск. *сынь*, сербск. *сûн*, болг. *син*.

Исходное и.-е. **sūnu-s* имеет ту редкую среди индоевропейских терминов родства особенность, что его этимология давно выяснена и всеми без исключения принята: от и.-е. **seu-*, **sŭ̄-* 'рождать', ср. санскр. *sūtē* 'рождает', с другими суффиксами — санскр. *sutá-ḥ* 'сын', греч. υἱός, υἱός 'сын', тохарск. В *soyä* 'сын'[226]. Тем не менее детали словообразования, а также отклонения от общей формы представляют значительные трудности. К. Бругман[227] предполагает сосуществование параллельных индоевропейских форм **sūnu-s* и **sui̯u-s*, которые принадлежат не к тем терминам родства, которые он называет „неэтимологизируемыми" (**pətḗr*, **mātḗr*, **dhughətḗr*), а к словам типа др.-инд. *putrá-s*, *jatá-s*. Поэтому сосуществование **sūnus*, **sui̯us* Бругман сравнивает с сосу-

---

[218] Ст. Стойков. Българска диалектология, литогр., стр. 150; Д. Маринов. Народна вяра и религиозни народни обичаи. — СбНУ, кн. XXVIII, 1914, стр. 156; Ст. Стойков, К. Костов, П. Вапкова, Г. Георгиев, Ж. Желев и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. — „Известия на Института за български език", кн. IV. София, 1956, стр. 305.

[219] Цит. по G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, стр. 30.

[220] A. Tomaszewski. Mowa t. zw. Mazurów wileńskich. — „Slavia Occidentalis", t. 14, 1935, стр. 106.

[221] E. Pawłowski. Gwara podegrodzka. Wrocław — Kraków, 1955, стр. 191—192.

[222] „Północno-polskie teksty gwarowe", pod red. K. Nitscha, стр. 47.

[223] См. E. Berneker, Bd. I, стр. 405.

[224] F. Specht. Litauisch *šišavà*. — KZ, Bd. 70, 1951, стр. 184.

[225] F. Bartoš. Dialektický slovník moravský, стр. 415.

[226] Walde—Pokorny, Bd. II, стр. 469—470; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch..., стр. 460—461.

[227] K. Brugmann. Griech. υἱός, υἱός, υἱωνός und ai. *sūnúš*, got. *sunus*. — IF, Bd. 17, 1905, стр. 486, 490—491. Иную, оригинальную точку зрения развивает А. Жюре, считающий возможным объединить формы **su-i* и **su-n-* в одной древней парадигме, ср. др.-инд. *asth-i*, *asth-naḥ* (A. Juret. La déclinaison de υἱός chez—Homère. — „Mélanges Émile Boisacq". Bruxelles, 1938, стр. 14).

ществованием тоже различно оформленных лат. *puer*, *pūtus*, *pūsus* 'мальчик'. Эти производные от и.-е. **sū-* взаимно вытесняли друг друга в отдельных языках. В и.-е. **sui̯u-s* видят столь же древний, как и **sūnu-s*, термин, получивший преимущественное распространение в отдельных индоевропейских языках: тохарск. В *soyä*, греч. υἱός[228]. Последнее обычно расценивают как преобразование *u*-основы υἱύς[229].

Э. Герман[230] подытоживает наблюдения над своеобразием индоевропейского названия сына следующим образом: 1) реконструкции единой индоевропейской праформы препятствуют **sūnus* индийского, балтийского и славянского и **sunus* германского языков; 2) пять других родственных терминов ('отец', 'мать', 'брат', 'дочь', 'сестра') изменяются по единому склонению родственных терминов, не знавшему родовых различий, чего нельзя сказать о названии сына; 3) и.-е. **sūnus* — единственный из главных терминов родства, который имеет прозрачную этимологию. Как полагает Герман[231], „эти три пункта одновременно указывают на то, что в названиях для сына мы имеем дело со сравнительно новыми образованиями".

Этот вывод интересен для относительной хронологии образования древнейших имен родства. Следует оговориться, что и.-е. **sūnus* представляет собой новое образование по отношению к перечисленным пяти древнейшим терминам родства, но в то же время оно является индоевропейским, в известной мере — общеиндоевропейским образованием. Герм. **sunus* (при **sūnus* в других языках) надо скорее понимать как *sū* : *su*, отношение долгой и краткой ступени одного корня, который и в других формах обнаруживает обе ступени, ср. и.-е. **sū-s* 'свинья' (того же корня) с долгим *ū* в нем. *Sau* и кратким *ŭ* в слав. *svinъ*. В и.-е. **sui̯us* 'сын' важно наличие общего с **sūnus* корня, правда, оформленного другим суффиксом. Таким образом, большинство данных говорит о том, что здесь можно видеть один общеиндоевропейский термин.

Для настоящей работы главный интерес представляет индоевропейская форма **sūnu-s*, так как слав. *synъ* правильно отражает именно ее. И.-е. **sūnus* образовано из корня **su-* и суффикса *-nu-*, который восходит к индоевропейскому суффиксу отглагольных образований пассивного залога. Однако нельзя согласиться с Ф. Клюге и П. Скарджюсом, которые с равной легкостью выделяют суффикс *-nu-* в герм. *sunu-* и литовск. *sūnùs*[232]. Что справедливо для и.-е. **sūnu-s*, не может быть механически перенесено в словообразовательный анализ поздних герм. *sunu-* и литовск. *sūnùs*. Авторы не располагают доказательствами: так, Клюге нерешительно предполагает суффикс *-nu-* еще в герм. *mann* из *manw*, ср. санскр. *manu* 'человек', а Скарджюс определенно указывает, что литовский язык знает только одно существительное с суффиксом *-nu-* : *sūnùs*. Ошибочность такого подхода станет еще понятнее, если обратить внимание на то, что суффикс *-nu-* приводится в названных исследованиях в одном ряду с действующими германскими и балтийскими словообразовательными формантами, а книга Скарджюса, как известно, целиком посвящена анализу современного литовского словообразования.

---

[228] Un fragment tokharien du Vinaya des Sarvastivadins par S. Lévi. Observations linguistiques par A. Meillet. — „Journal asiatique", Paris, 1912, Nr. 1, стр. 116.

[229] См. P. Kretschmer. Über den Dialekt der attischen Vaseninschriften. — KZ, Bd. 29, 1887, стр. 470—471; K. Brugmann, IF, Bd. 17, 1905, стр. 486.

[230] E. Hermann. Einige Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen. — IF, Bd. 53, 1935, стр. 99—100.

[231] Там же, стр, 100.

[232] F. Kluge. Указ. соч., стр. 5; P. Skardžius. Указ. соч., стр. 225.

Во всяком случае возможности этимологического анализа и современная словообразовательная членимость — разные понятия, которые, тем не менее, в исследовательской практике часто смешиваются.

Литовск. *sūnùs* 'сын' весьма архаично в фонетическом отношении и точно соответствует форме, исходной для слав. *synъ*[233], вплоть до *u*-основы:

Ст.-слав.	Литовск.
Им. п. ед. ч. сынъ	*sūnùs*: *ŭ* краткое
Род. п. ед. ч. сыноу	*sūnaũs*: *ū* долгое

Об этой долгой ступени дифтонгического характера пишет А. Вайан[234].

В то же время в акцентологическом отношении литовск. *sūnùs* не отражает древнего состояния и является результатом местного перемещения ударения *sūnùs* из **sū́nus* под влиянием весьма распространенных близких форм на *-us* с наконечным ударением: *žmogùs*, *dangùs*[235]. Ср. также неподвижность ударения русск. *сын*, *сы́на*. Поэтому нет надобности говорить об индоевропейской форме **sūnús*, как это делал К. Бругман[236].

Известно, что и.-е. **sūnus* значит 'рожденный матерью', поскольку исходное и.-е. **sū̆-* определяет материнскую функцию, рождение. Таким образом, в и.-е. **sūnus* совершенно объективно запечатлено именно отношение к матери. Правда, одного этого факта было бы мало, чтобы говорить, что в индоевропейском названии сына отразился древний матриархат, так как называние производится в громадном большинстве случаев не по главному признаку обозначаемого, а по наиболее броскому, т. е. нередко — случайному его признаку. Б. Дельбрюк в известном смысле прав, когда он говорит о санскр. *sūnú* и родственных: „Слова обозначают не предмет во всех его признаках, а только один признак предмета, таким образом, из того обстоятельства, что *sunú* отражает только отношение к матери, нельзя делать вывода о положении отца ни в том, ни в другом смысле“[237].

Но эта апперцепция ('сын' = 'рожденный матерью', 'вскормленный матерью') запечатлена в целом ряде названий сына, детей в индоевропейских языках, ср. др.-исл. *burr* 'сын', готск. *baúr*, *barn*, др.-англ. *byre* из и.-е. **bher-* 'носить', лат. *fīlius*, латышск. *dēls* 'сын', слав. *dětę* из и.-е. **dhē(i)-* 'кормить грудью'[238]. Поэтому здесь нельзя говорить о случайности. Больше того — анализ ряда таких семантически близких слов дает вполне объективное свидетельство о закономерности явления. Что касается общественно-исторических условий, они хорошо известны.

Ошибка Б. Дельбрюка состоит в недостаточной степени обобщения, в недооценке сравнительного изучения семантически близких слов. В таких случаях выводы, очень часто справедливые в отношении к одному языковому факту, оказываются после привлечения семантически близких слов недостаточными или прямо ошибочными.

Из производных от слав. *synъ*: ст.-слав. посынити 'adoptare', посынение 'adoptatio', др.-русск. *сыновение* 'усыновление', *сыновьць* 'племянник, сын брата', русск. (диал., стар.) *сыно́ве́ц*, *сыно́ви́ца* 'племянник',

---

[233] О слав. *synъ* см. F. Miklosich, стр. 335; R. Trautmann, BSW, стр. 292.

[234] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 212.

[235] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, 1913, стр. 122, примеч. См. также J. Kuryłowicz. L'accentuation, стр. 240.

[236] K. Brugmann, IF, Bd. 17, 1905, стр. 490—491.

[237] B. Delbrück, стр. 454.

[238] См. А. Исаченко. Указ. соч., стр. 55—56.

племянница по брату', *сыно́вка* 'жена сына, сноха', болг. *сини́ца* 'сыновица', *синови́ца* 'млада, снажна, левент жена, мома; сыница'. Ср. ст.-литовск. *sunaybis* 'Bruderkind'[239], литовск. *sūnė̃nas* 'племянник', *sūnáitis* 'внук'.

Вопрос об индоевропейском названии сына значительно усложняется еще тем обстоятельством, что ряду индоевропейских языков известно иное название сына, представленное в санскр. *putrá-* 'сын'[240] и родственных формах[241]. Уступая по распространенности индоевропейскому **sūnus* и другим формам от **sŭ̄-*, это второе название сына, тем не менее, носит индоевропейский характер, оно известно, помимо индо-иранских языков, греческому, латинскому и, возможно, славянскому. Правда, только индо-иранские языки знают это слово в его основном значении, все же остальные представляют формы нередко с весьма измененным значением[242]. Ср. лат. *pūbēs* 'мужественный, мужской, взрослый'; 'мужчины, зрелая молодежь', *puer*, *pullus* 'молодой', *pūsus*, *pūpus*, *pūpilla*, *praepūtium* 'крайняя плоть', *pūtus*, оскск. *puklo-* 'дитя', пелигн. *puclois* 'pueris', др.-инд. *pṓta-ḥ*, *pṓtaka-ḥ* 'детеныш', *putrá-ḥ* 'сын, дитя', греч. παῦς, παίς (παϜίς) 'дитя', ст.-слав. пѫта, пѫтица, литовск. *putýtis*, латышск. *putns*, литовск. *paũtas*, авест. *puϑrō* 'сын', осет. *fyrt*|*furt* 'сын', аланск. φουρτ, скифск. имя собственное Φούρτας.

Исследователи уже высказали предположение о первичности для этой группы слов значения 'производить'. Его вторичность[243] гораздо менее вероятна. В этой связи характерно лат. *praepūtium* 'крайняя плоть' < **pūtum* 'penis'[244], сюда же хеттск. *pupus* 'любовник, прелюбодей' < *pu-pu-s* — редуплицированная основа *pūs*, ср. греч. ὀπυίω 'брать в жены, жениться'[245], из **peu-* 'набухать, расти, крепнуть', ср. лат. *puer*, греч. παῖς, санскр. *putráḥ*.

Оставляя в стороне гипотетическое общее значение, предлагаемое Каррузерсом для **peu-*, остановимся на весьма достоверном лат. **pūtum* 'penis' и греч. ὀπυίω 'брать в жены, жениться'. Все они вместе с хеттск. *pupus* 'любовник, прелюбодей' совершенно определенно обозначают чисто мужские действия. Поэтому есть основание конкретизировать предполагаемое значение и.-е. *pu-*, *pou-*: 'производить (о мужчине)', с оттенком мужской активности. Таким образом, в **pŭ̄-* мы имеем мужской термин 'производить', в то время как и.-е. **sŭ̄-* представляет женский термин, собственно — 'рожать'. Исходя из этого, можно толковать формы от *pŭ̄-* с суффиксом *-t-* как 'зачатый (отцом, мужчиной)'. См. выше соответствующие индо-иранские формы и лат. *putus*. Славянский и балтийский хорошо сохранили образования этого рода: литовск. *putýtis*, *putùžis*, ст.-слав. пѫтица 'птенец; детеныш', ср. санскр. *putra-*, лат. *putus*, литовск. *paũtas*[246]. Значение 'детеныш' исконно для этих слов, которые лишь позднее в производных *птенец*, *птица*, польск. *ptak* и

---

[239] Цит. по рукописному этимологическому словарю литовского языка К. Буги (хранится в Ин-те литовск. языка и лит-ры АН Литов. ССР, Вильнюс).

[240] C. C. Uhlenbeck, стр. 169.

[241] O. Schrader. Reallexikon, стр. 781.

[242] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 620—621; F. Solmsen. Zur griechischen Wortforschung. — IF, Bd. 31, 1912—1913, стр. 470—485; Ernout — Meillet, t. II, стр. 959, 960—961; W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, 1892, стр. 236; É. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 2-ème éd., стр. 739—740; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 20, 166.

[243] A. Walde. Указ. соч., стр. 620—621.

[244] Там же, стр. 608.

[245] Clive H. Carruthers. More Hittite — Words. — „Language“ vol., 9, 1933, стр. 155—156. Впрочем, У. Остин (William M. Austin. — „Language“, vol. 17, 1941, стр. 88) считает греч. ὀπυίω заимствованием.

[246] См. A. Fick. Etymologische Beiträge. — KZ, Bd. 22, 1874, стр. 107—108.

родственных приобрели вторичное значение 'птица', принимаемое некоторыми за древнее[247]. Обнаруживая, наряду с другими индоевропейскими языками, значение 'детеныш', славянский сохранил также прямые следы мужского значения, ср. русск. диал. *по̀тка* 'penis, у мальчиков' (< **пътка*).

На основании всего сказанного можно вместе с Ф. Штольцем[248] утверждать, что во всех словах этого корня исконно значение 'сын, дитя' при вторичных 'мальчик, малыш' и что Б. Дельбрюк[249] ошибался, полагая, что в словах санскр. *putrá-*, авест. *puϑra* и родственных не содержится никакого указания на происхождение.

Славянский и балтийский языки отражают как долгую, так и краткую ступень вокализма и.-е. **pu-*, ср., с одной стороны, литовск. *paũtas*, с другой — литовск. *putýtis*, ст.-слав. пътищь. Об отражении славянским также и долгой ступени позволяет нам говорить очевидная принадлежность к этому корню сербск. диал. (черногорск.) *pušo* 'muško dete do 5—6 godina'[250]. Окончание *-o* (*pušo*) восходит, видимо, к звательной форме от **puša*, распространенной впоследствии и на им. п. ед. ч., что представляет собой нередкое явление, например, среди личных имен, в южнославянских языках.

Таким образом, если в слав. *synъ*, и.-е. **sūnus* мы имеем древний реликт материнского счета родства, то в и.-е. **put-* представлен термин, отражающий уже только мужское, отцовское начало. Этим объясняется смысл существования двух разных названий сына в индоевропейских языках. Предположение о таких двух конкретных терминах в древности вполне правдоподобно.

Известны вероятные исторические условия такой парности терминов. Для решения вопроса об относительной хронологии двух неодинаково распространенных индоевропейских названий сына важно помнить, что древний человек долго не имел понятия о связи между половым общением и рождением. Напротив, связь между рождением как таковым и самими родами осознавалась всегда. Поэтому **sūnus*, т. е. 'рожденный (матерью)', гораздо древнее и распространено почти во всех индоевропейских языках. В свою очередь *put-* 'зачатый (отцом)' — относительно позднее образование и имеет меньшую распространенность. Это соотношение важно для вопроса о матриархате и его отражении в терминологии родства. Время возникновения и.-е. **put-*, возможно, — эпоха победы отцовского права. Однако патриархат, утвердившись, застал основные термины уже выработанными. Отсюда — второстепенное значение и.-е. **put-* в роли названия сына и неустойчивость его употребления[251].

---

[247] Сближение *птица*: греч. πέτομαι 'лечу', внешне очень соблазнительное и, казалось бы, безошибочное, в свете результатов этимологических исследований является совершенно неприемлемым, поэтому сопоставление этих форм у А. А. Белецкого, трактуемое как достоверное, вызывает удивление („Этимологическая структура слова". — „XI наукова сесія КДУ, присвячена 300-річчю возз'єднання України з Росією", секція філології. Киев, 1954, стр. 11).

[248] F. Stolz. Lateinisch pūsus, pūtus und Verwandtes. — IF, Bd. 15, 1903, стр. 53—69.

[249] B. Delbrück, стр. 454.

[250] Взято из кн.: St. Rospond. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z suf. *-itj*. — „Prace Komisji Językowej". Kraków, 1937, стр. 60. Сюда же болг. диал. *пу́не* 'мъжко малко дете след кръщението', *пу́жо* 'мальчик' („Думи и форми от говорите в Видин, Вратца, Царибродско и пр." Записал Ц. Сталийски. — СбНУ, кн. V, 1891; Л. Милетич. Към особеностите на гевгелийския говор. — „Македонски преглед", год VIII, кн. 2, София, 1932, стр. 69).

[251] О том, что восприятие 'сын' — 'произведенный, рожденный' было долгое время активным, свидетельствует, помимо **sūnus* и **put-*, отражение его в хеттск. *haššant-* (причастие к *haš*(*š*)- 'рождать, производить') 'рожденный', 'собственный сын' (см. J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, 1952, стр. 62).

Названия пасынка являются, как и все остальные термины сводного родства, исключительно новыми словами. Своеобразие славянских обозначений пасынка выражается в их пестроте. Так, генетически только одно из них восходит к о.-слав. *synъ*: *pasynъkъ* — форма, тоже носящая общеславянский характер. Правда, наряду с нею в том же значении в славянских языках фигурируют другие, совершенно оригинальные образования: *pastorъkъ*, *paserbъ*, произведенные также от весьма древних морфем.

Слав. *pasynъkъ*: др.-русск. *пасынъкъ*, русск. *пáсынок*, укр. *пáсинок*, др.-польск. *pasynek* 1) 'праправнук'; 2) 'пасынок', польск. (стар.) *pasynek* в упомянутых двух значениях, болг. *пáсинче*, диал. *пасинок*[252]. Литовск. *pósūnis* 'пасынок'[253] образовано из тех же морфем — приименной приставки балт. *po-* и и.-е. **sūnus*, но независимо от слав. *pasynъkъ*, ср. характерный для литовского перехода из одной основы в другую в приставочном производном: *sūnùs* > *pó-sūnis* (из *u*-основы в *-ja*-основу). В славянском ничего подобного не отмечается: слав. *pasynъkъ* сохраняет основу слав. *synъ*. В частности, известно, что суффикс *-ъkъ* первоначально оформлял производные только от основ на *-u*. Следовательно, *pasynъkъ* < *pa-synъ-kъ* с сохранением *u*- основы *synъ*. С той же приставкой образовано латышск. *padēlis* 'пасынок'[254].

Слав. *pastorъkъ*: ст.-слав. пасторъкъ 'πρόγονος, privignus', др.-русск. *посторъкъ*, др.-чешск. *pastorek*, *pastořě*, чешск. *pastorek*, сейчас малоупотребительное, диалектное, ср. моравск. *pastorek*, *pastorkyňa*[255], словенск. *pástorek*, сербск. *пäсторак*, болг. *пáстроче* 1) 'пасынок', 2) 'падчерица', ср. болг. *пáстрок* 'отчим'.

Этимологически прозрачно болг. *пáстрок* 'отчим' < **pō-pətōr*. Несколько затруднителен вопрос о развитии значения 'пасынок'. Образование с суффиксом *-ъkъ* вряд ли восходит здесь к глубокой древности, ср. др.-чешск. *pastořě* и болг. *пастроче* с суффиксом *ę-*, *-ent-*. Здесь не исключено первоначальное значение принадлежности ('отчимов, неродной сын' = 'пасынок'). Обращает на себя внимание отсутствие *pastorъkъ* в восточнославянских языках. Единичное др.-русск. *посторъкъ*, вероятно, заимствовано. Из южнославянских языков происходит алб. *pastérk* 'пасынок'[256].

Слав. *paserbъ* представлено главным образом польск. *pasierb*, ср. прибалт.-словинск. *pãspjėř* < *pasėřp*[257].

А. Г. Преображенский приводит еще укр. *пáсерб*, *пáсербиця*, белор. *пáсерб*, *пáсербица*[258] и русск. диал. („воронеж. и др.") *пасерб*. Ф. Миклошич помещает последнее под вопросом[259]. За вычетом приименной приставки *pa-* в польск. *pasierb*, др.-польск. *pasirzb* содержится корень **sьrb-*, **serb-*, который, согласно остроумной этимологии А. Брюкнера[260], служил образным обозначением ближайших, кровных родственников и восходит к значениям 'хлебать, сосать' (в данном случае использо-

---

[252] Б. Цонев. Кои новобългарските говори стоят най-близу до старобългарски в лексикално отношение. — „Списание на Българска академия на науките", кн. 11. София, 1915.

[253] См. А. Salys. Mūsų gentivardžiai. — „Gimtoji kalba", 1937, II, стр. 22.

[254] О значении *pa-* см. И. М. Эндзелин. Латышские предлоги, ч. 1, стр. 149.

[255] E. Bartoš. Dialektický slovník moravský, стр. 283.

[256] G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, стр. 323.

[257] „Slavia Occidentalis", t. 1, 1921, стр. 97.

[258] О заимствовании укр. *пасерб*, *пасербиця* из польского языка см. А. А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке. Автореф. канд. диссерт. Киев, 1954, стр. 7.

[259] F. Miklosich, стр. 292: *serb-*.

[260] A. Brückner. Wzory etymologii i krytyki źródłowej. — „Slavia", roč. 3, 1924, стр. 207—209; его же. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 398.

вано значение 'сосать грудь'), ср. лат. *sorbeo*, греч. ῥοφέω, польск. *sarbać* < и.-е. **sorbh*-, **srobh*-. Сюда же Брюкнер относит собирательное образование *sьrbь* 'ближайшая родня', ср. этноним *срби*, *сербы*, но последнее скорее иранского происхождения. Таким образом, если сингулятивное *sierb* означало 'сосунок, кровный ребенок', то *pa-sierb* значит 'неподлинный ребенок'. Совершенно справедливо отбрасывает Брюкнер неточные сравнения польск. *pasierb* с русск. *себёр*, *сябёр*, предлагавшиеся, например, Г. А. Ильинским[261]. Эти русские слова, несомненно, объясняются из **sěm-ro-*, через *sębrъ* (подробнее см. III главу настоящей книги). Сравнением с *pasierb* (*-*sьr̥b*-, *-*serb*-) нельзя объяснить древнего носового в **sębrъ*, ср. правильный русский рефлекс: *сябр*, *сябер*. Метатеза -*rb*- < -*br*- тоже маловероятна[262].

Описательные названия пасынка: чешск. *nevlastní syn*, вытеснившее в общенародном языке простые обозначения; болг. *доведен син*, *доведеник*.

Дочь

Названия дочери во всех славянских языках без исключения восходят к о.-слав. **dъkti*: ст.-слав. дъшти, др.-русск. *дочи*, *дьчи*, *дчи*, *дъци*, *дочька*, *дъчька*, русск. *дочь*, диал. *дóчи*, *дочерь*[263], *дóцерь*, *дочýха*[264], *дóц'ер'ка*, *дóц'ер*, *дóц'ка*[265], укр. *дочкá*, белор. *дачкá*, польск. *córa*, *córka*, др.-польск. *dca*, кашуб. *córa*, *córka*, прибалт.-словинск. *cõrkă*, чешск. *dcera*, словенск. *hčí*, *hčȩ̂re*, др.-сербск. *дьшти*, *кьшти*, *кьчи*, сербск. *ќи̂*, диал. *шћер*, болг. *дъщеря́*, диал. *щéрка*, *штéру* (зват. форма), *кéрка*, *кьéркьи* = *щерки*[266].

Фонетическая история слав. **dъkti* детально изучена исследователями. Оно восходит к и.-е. **dhughətḗr*, которое является одним из древнейших терминов родства индоевропейского языка, такой же основой на -*r*, как **pətḗr*, **mātḗr*, **su̯ésor*. Характерная особенность индоевропейского названия дочери состоит в том, что оно широко распространено в индоевропейских языках и всюду в точности соответствует названной общеиндоевропейской фонетической форме, не обнаруживая также серьезных отклонений в значении (ср. гораздо бóльшие фонетические и семантические изменения других основных названий, сохранившихся в целом ряде индоевропейских языков в общем хуже, чем название дочери).

Родственные слав. **dъkti* формы в других индоевропейских языках: санскр. *duhitā́*, авест. *dugdar-*, арм. *dustr*, греч. θυγάτηρ, готск. *daúhtar*, литовск. *duktẽ*[267]. Италийские и кельтские языки утратили древнее на-

[261] Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС, т. XXIV, кн. 1, 1919, стр. 140.

[262] Это неверное толкование содержится и у А. Г. Преображенского: „Из *па-серб*. См. *себер*".

[263] Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901, стр. 46

[264]. А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 39.

[265]. В. Г. Орлова. О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. — „Материалы и исследования по русской диалектологии", I. М.—Л., 1949, стр. 53.

[266] „Песни из личния живот" — от Малко Търново. — СбНУ, кн. VI, 1891, стр. 24; от Леринско (Македония). — СбНУ, кн. V, 1891, стр. 146; от Воденско (Приказки. . .). — СбНУ, кн. V, стр. 165.

[267] F. Miklosich, стр. 55; E. Berneker, Bd. I, стр. 244; R. Trautmann, BSW, стр. 62; Walde—Pokorny, Bd. I, стр. 868; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch..., стр. 116; P. Poucha. Tocharica — AO, vol. 2, 1930, стр. 325—326: тохарск. В *tkācer*, *tkācar*, где *t* < i.-e. **dh*, тохарск. А *ckācar* с ассимиляцией *t—c* > *c—c*; C. C. Uhlenbeck, стр. 128; А. Преображенский, т. I, стр. 192—193; F. Sławski, стр. 107—108; Holub—Kopečný, стр. 97; M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 366.

звание дочери, ср. его замену в лат. *fīlia* ж. р. к *fīlius* 'сын'. Остаток **dhughətḗr* в италийских языках указывают в оскск. *fūtír* < **fug'tír*[268].

Вальде и Покорный[269] считают, что в **dhughətḗr* имеется тот же задненебный, что и в и.-е. **eg(h)om* 'я', не придавая значения тому, что в последнем *-ĝh* палатальное (ср. ст.-слав. азъ, литовск. *aš*), в то время как велярность *gh* в **dhughətḗr* не оставляет сомнений, иначе необъяснимы слав., балт. *k* (из **g*) в слав. *dъkti*, литовск. *duktẽ*.

Для вокализма и.-е. **dhughətḗr* характерно наличие гласного *ə* в срединном слоге[270]. А. Мейе, наиболее обстоятельно занимавшийся этим вопросом, обращает внимание на падение срединного *ə* в слове **dhughətēr* как на важный индоевропейский диалектный факт, свойственный иранскому, славянскому, балтийскому, германскому, армянскому, важный также по своим последствиям в области интонации. Падение *ə* не является новшеством славянского, а объединяет его с рядом близких индоевропейских диалектов.

И.-е. **dhughətēr*, будучи древней основой на *r*, утратило этот характерный конечный согласный в отдельных индоевропейских диалектах, ср. литовск. *duktẽ*, слав. **dъkti*. Вопрос об относительном возрасте этого явления представляется, однако, спорным. С одной стороны, известна точка зрения, рассматривающая это отпадание как древний факт, свойственный ряду близких индоевропейских диалектов.

Так понимает А. Вайан историю основы **mātēr* > **mātē*, исходя из свидетельства санскрита, балтийского, славянского. Мейе видит в отпадении конечного согласного литовск. *duktẽ* упрощение особого рода дифтонга (и.-е. *-ēr*) — явление, восходящее к индоевропейскому языку[271]. С другой стороны, по мнению Ю. Куриловича[272], отсутствие сокращения конечного гласного в открытом слоге литовск. *duktẽ*, *akmuõ* указывает на сохранение конечных *-r*, *-n* вплоть до самой балто-славянской эпохи.

Славянский, как полагают, сохранил старое ударение и.-е. **dhughətḗr*, ср. словенск. *hčī*, сербск. *kћȋ*[273]. В русском, в отличие от других случаев, в результате местных изменений старое положение затемнено: *дочь*, *дóчери*, *дóчерь*.

Забвению старой основы на *-r* обязана своим образованием новая парадигма склонения литовск. *duktẽ* в говорах: *duktẽ*, *duktẽs*, по аналогии употребительным *-ė*-основам женского рода[274]. Аналогичное разрушение старой формы приводит к возникновению новых суффиксальных производных от усеченной основы: русск. (ласк.) *дóчка*, укр. *дочкá* (в роли единственного названия дочери), ср. польск. *matka* и под. Такие слова часто носят характер сокращенных ласкательных названий: укр. *дóня* (есть у Шевченко), интимно-просторечное укр. *дóця* 'дочка, доченька'; ср. упоминаемые Э. Френкелем[275] аналогичные пракритск.

---

[268] R. Thurneysen. Italisches. — „Glotta", Bd. 21, 1932, стр. 7—8; P. Kretschmer. Zu osk. *fūtír*. — „Glotta", Bd. 21, 1932, стр. 100; против — J. B. Hofmann. Zur lateinischen und italischen Wortforschung. — „Glotta", Bd. 25, 1936, стр. 119—120.

[269] Walde—Pokorny, Bd. I, стр. 868; ср. еще J. Pokorny, стр. 277.

[270] См. B. Delbrück. Über das got. dauhtar. — KZ, Bd. 19, 1870, стр. 241—247; J. Schmidt. Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen. — KZ, Bd. 25, 1879, стр. 116; K. Brugmann, KVG, стр. 80; J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, 1913, стр. 52; A. Meillet. Les dialectes Indoeuropéens, стр. 63; его же. Des innovations caractéristiques du phonétisme slave. — RÉS, t. 2, 1922, стр. 207; ср. также J. Kuryłowicz. Études indoeuropéennes, I, стр. 29.

[271] A. Meillet, BSL, v. 30, 1930. Comptes rendus [аннотация сборника в честь Я. Розвадовского], стр. 187 и след.

[272] J. Kuryłowicz. L'accentuation, стр. 245.

[273] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, стр. 120.

[274] Ср. P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 76.

[275] E. Fraenkel. Miszellen. — KZ, Bd. 54, 1926, стр. 300.

dhĭtā<*duhitā́*, новогреч. диал. θύγω = θυγάτηρ. Ласкательное значение имеет, далее, литовск. *dukrà*, *dūkrá*, образованное через **duktrà* из *dukterà*, ср. *mótera*[276]. В приравнивании *dukrà* к женским основам на -*о*- (= слав. основы на -*а*-) Э. Френкель видит аналогию слав. *sestra*, тоже переведенному из согласной основы (ср. литовск. *sesuõ*, *seseȓs*) в основу на -*а*-[277].

Вопрос о значении и.-е. **dhughətḗr* решен исследователями окончательно. Попытки увязать, например, санскр. *duhitár* и *duh*- 'доить' и истолковать значение первого как 'сосунок'[278] давно признаны устаревшими, ср. отрицательные суждения на этот счет Э. Бернекера[279], Вальде — Покорного[280], З. Файста[281]. С точки зрения критической ревизии опытов старых этимологов, видевших в и.-е. **pətēr*, **mātēr*, **bhrātēr*, **sue̯sor*, **dhughətēr* своего рода „говорящие" названия ('отец' = 'кормилец, защитник', 'мать' = 'производящая', 'брат' = 'защитник')[282], это вполне справедливо. И тем не менее, поскольку мы уже знаем, до какой степени последовательно отражена в названиях детей, сына апперцепция 'произведенный, рожденный, вскормленный (матерью)', трудно отделаться от мысли, что отношение санскр. *duhitā́*- 'дочь' и санскр. *duh*- 'доить' — нечто большее, чем простое созвучие.

Прочие славянские названия дочери: чешск. диал. *naše holka*, *děu̯če*, *d'ou̯če*, обращение родителей к дочери[283] с переносом значения 'девушка' > 'дочь'; болг. диал. *do čupite* 'aux filles (de la maison)'[284]. На последнем слове стоит задержаться несколько подробнее. Форма *čupa*, *чупа* 'дочь' отмечается как характерная в первую очередь для македонского[285], хотя и не для всех диалектов[286]. По нашему мнению, эта форма связана с польск. диал. *dziopa*, *ʒopa* 'девочка, девушка, дочь', известным всему польскому Подкарпатью и даже северной части Южной Малопольши[287]. Сюда можно отнести зап.-укр. *дзю́ба* 'девушка'[288]. Этимология слов неясна. Возможно, что это заимствование, источник которого указан К. Сандфельдом[289]. Датский ученый определенно считает болгаро-макед. *чупа*, а также греч. τσούπρα 'дочь' заимствованным из алб. *tshup(r)ë*. Правда, Г. Майер объяснял албанское слово заимствованием из сербского, ср. сербск. *чу̏па* 'пучок волос', *чу́па* 'женщина с непричесанными волосами'[290]. Но между сербским и албанским сло-

[276] P. Skardžius. Указ. соч., стр. 45.

[277] E. Fraenkel. Miszellen, стр. 300.

[278] F. Bopp. Vergleichende Grammatik, 1. Aufl., стр. 1134. Цит. по B. Delbrück, стр. 384.

[279] E. Berneker, Bd. I, стр. 244.

[280] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 868.

[281] S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch..., стр. 116.

[282] Ср. поэтизацию подобных воззрений: A. Pictet. Les origines Indoeuropéennes. 2-ème éd., Génève, 1877, 3 t.

[283] Q. Hodura. Nářečí litomyšlské, стр. 69.

[284] A. Vaillant. Les parlers de Nivica et Turija (Macédoine Occidentale). — RÉS, t. 4, 1924, стр. 56.

[285] B. von Arnim. Mazedonisch-bulgarische Studien. Teil 3. Neubulgarische Synonyme für *dъšterja* 'Tochter'. — ZfslPh, Bd. 12, 1935, стр. 2 и след.

[286] Этого слова М. Малецкий не отметил в изученных им диалектах [„Dwie gwarymacedońskie (Sucho i Wysoka)", część II. Słownik. Kraków, 1936].

[287] J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I. Kraków, 1900, стр. 441; Fr. J. Tryszczyła. Muszyna w powiecie Nowo-Sądeckim. — „Lud", t. XIV. Lwów, 1908, стр. 253; E. Pawłowski. Gwara podegrodzka. Wrocław — Kraków, 1955, стр. 181.

[288] См. Є. Желеховский. Малоруско-німецький словар, т. 1, Львів, 1886, стр. 180. Он отмечает еще значение 'девушка, рябая от оспы', ср. *дзюб*, но это значение скорее вторично, ср. польские слова.

[289] K. Sandfeld. Linguistique balkanique. Paris, 1930, стр. 68.

[290] G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891, стр. 450; см. еще S. E. Mann. An historical Albanian-English Dictionary. London, 1948, стр. 64.

вами имеются существенные семантические расхождения, которые делают заимствование маловероятным: алб. *çupë* значит 'девушка, дочь', в то время как в сербском отмечается упомянутое узкое значение. Кроме алб. *çupë*, ср. в албанском наличие слова *çun* 'мальчик, подросток, сын'. Мы приходим к предположению о происхождении также украинского и польского слов из албанского языка. Заимствование могло осуществиться, очевидно, тем же путем, каким проникли в украинский, словацкий и польский языки другие балканские элементы — через посредство подвижного пастушеского населения Балкан и Карпат. Для ряда таких слов исходные формы найдены в албанском, ср., например, *брынза* 'овечий сыр', *барза* 'белая овца', *урда*, *вурда* 'кипяченые овечьи сливки', на что указывал еще Х. Барич. Следует отметить, что эта международная балканская лексика, распространенная пастушескими племенами, отнюдь не ограничивается терминами скотоводческого быта, как обычно думают. В реальной обстановке заимствовались, вероятно, также некоторые бытовые слова. Сюда относится польск. *chustka*, укр. *xýстка* 'платок', ср. рум. *fusta*, болг. *фýста* и, наконец, укр. *кóпил*, *копиля́*, рум. *cópil*, болг. *копиле*, алб. *kopil* — все со значением 'внебрачный ребенок'[291], которое образует с нашим *чупа-dziopa* 'девушка' красноречивую пару терминов, ознаменовавшую продвижение бродячих пастушеских, преимущественно — мужских групп.

Уже отмеченный перенос значения 'девушка' > 'дочь' приобрел в отдельных славянских языках широкие масштабы. Так, польские говоры почти не употребляют *córka*, зная в этом значении *dziewka*[292]. Ср. в том же значении в части карпатских говоров украинского языка слово *дiвка*[293].

В заключение приведем пример резкого изменения значения славянского названия дочери в русск. диал. *дóчка* 'свинья'. Ср. еще болг. диал. *штерúца* 'яловое животное', 'бездетная женщина'[294], производное от *штерка* 'дочь'.

Непосредственно к слав. *dъkti* примыкают названия падчерицы с применной приставкой *pa-*: ст.-слав. ПАДЪШТИ, русск. *пáдчерица*, диал. *пáдочка*, *пáдчерка*, *падчерýха*[295], болг. обл. стар. *пашчерица*, *поще́рка* 'приемная дочь'. Ср. аналогичные по образованию литовск. *pódukrė*, *pódūkra*, *pódukra*[296], латышск. *pameita* 'падчерица'[297], из *meita* 'дочь'. Образование **padъkti*, русск. *па-дчер-ица* не нуждается в объяснении. К **pa-dъkti*, **pa-dъktere* восходят также болг. *па-шчерица*, *па-штерица*, *паштерка* с той лишь разницей, что второй компонент сложения является стяжением *дъщер-* (*дъщеря́*), *dъkter-*. Поэтому ни в коем случае нельзя согласиться с М. Вэ[298], который видит в *pa-šterica*, *pa-šterka* производное от древнего **pō-pətor*, болг. *пáстрок* 'отчим'. Это явная натяжка. М. Вэ упускает из виду существование простого болг. *щерка* 'дочь' (< **dъkter-*), которое никоим образом не связано с **pətēr*, **pō-pətor-*.

---

[291] См. K. Sandfeld. Указ. соч., стр. 93—94; M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 620.

[292] K. Nitsch. Jak kobieta w niewiastę się przeobraziła? — JP, t. XXVIII, 1948, стр. 55.

[293] А. А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке, стр. 6.

[294] См. „Известия на Института за български език“, кн. IV. София, 1956, стр. 331.

[295] См. В. И. Даль, изд. 4, т. III, стр. 10; В. Добровольский. Смоленский областной словарь, стр. 572; А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия, стр. 115.

[296] См. A. Salys. Mūsų gentivardžiai. — „Gimtoji kalba“, 1937, II, стр. 22.

[297] См. И. М. Эндзелин. Латышские предлоги, ч. 1, стр. 149.

[298] M. Vey. Slave *st-* provenant d'i.-e. **pt*. — BSL, t. 32, 1931, стр. 65 и след.

Довольно распространенным является другое славянское название падчерицы: ст.-слав. пастор҄ъка, чешск. диал. *pastorkyňa*[299], словенск. *pástorka*, *pástorkinja*, сербск. *па̏сторка*. Оно связано не с названием дочери, а с соответствующим обозначением пасынка (см. выше), вместе с которым оно восходит к **pōpətor-*, названию отчима (болг. *пáстрок*). Оба слова получают понятное объяснение как 'неродной сын,' 'неродная дочь'. Старое толкование[300] неудачно: древнее упрощение, даже выпадение *ъ* вряд ли могло произойти в этом слове раньше первой общеславянской палатализации с переходом **kte* в *št*, *č*, *ć*[301]. Следует учесть, что название падчерицы не является древним образованием даже в рамках славянского словаря[302]. Столь же позволительно усомниться в древности форм с *-ter*, ср. словенск. *pásterka*, якобы показывающих происхождение из **pa-d(ъk)tera*[303]. Здесь первична форма **pō-pətor* со ступенью *-tor* в производном от **pətēr*, ср. выше о русск. *заматореть* от **matēr-*, 'мать'. Объяснение ст.-слав. пастор҄ъка упрощением слишком длинного слова **padъktorъka*, принятое А. Мейе и Э. Френкелем[304], тоже неубедительно. Этимология *pastorъka* < *dъšter-* критиковалась еще И. Зубатым[305], предложившим свое объяснение слав. *pastorъkъ*: литовск. *pastaras* 'последний'.

Прочие названия падчерицы: польск. *pasierbica*, укр. *пáсербиця*. Как и *pastorъka*, они близки к соответствующему названию пасынка, ср. польск. *pasierb* и родственные. Описательные названия падчерицы: чешск. *nevlastní dcera*, вытеснившее простое образование (ср. диал. *pastorkyňa*), болг. *довéдена дъщеря́*, *довéденица*.

Брат

Большинство индоевропейских форм восходит к общеиндоевропейскому **bhrātēr*: слав. *bratrъ*, герм. *brōþar*, др.-инд. *bhrátar*, греч. φράτηρ 'член фратрии', тохарск. А *pracar*, В *procer*, лат. *frāter*[306].

Попытки этимологии[307] обычно отклоняются современными исследованиями как недоказуемые. А. Исаченко[308] говорит о первоначальном отсутствии общих терминов 'брат', 'сестра' в индоевропейском, ср. наличие в языках, отражающих более древнюю организацию (например, венгерский), особых названий для старшего брата, старшей сестры. Это

---

299 F. Bartoš. Dialektický slovník moravský, стр. 283.

300 F. Miklosich, стр. 55; W. Vondrák, Bd. I, стр. 178: *pastorъka* — упрощение из **pa-dъkter*.

301 Так, Миккола („Urslavische Grammatik") говорит об о.-слав. *dъćti*, как видно, понимая всю условность формы **dъkti* для славянского. Вернее будет предположить о.-слав. *dъt'i*, помня о типичном упрощении *kt* > *t* в славянском. Изменение слав. *kt* > *st* нереально.

302 Литовск. *pódukrė* — аналогичное, а не общее со славянским образование.

303 См. W. Vondrák, Bd. I, стр. 178.

304 A. Meillet, MSL, t. 13, стр. 28; E. Fraenkel. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1923, стр. 402.

305 J. Zubatý. Slav. *pastorъkъ*. — AfslPh, Bd. 13, 1890, стр. 315—317.

306 K. Verner. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. — KZ, Bd. 23, 1875, стр. 97 и след.; C. C. Uhlenbeck, стр. 207; A. Meillet. Observations linguistiques. — „Journal asiatique", 1912, № 1, стр. 111; P. Poucha. Tocharica. — AO, vol. 2, 1930, стр. 322, vol. 3, 1931, стр. 166; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 313; Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 193; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch. . ., стр. 106—107; J. Pokorny, стр. 163—164; C. D. Buck, стр. 107.

307 Ф. Бопп сопоставил санскр. *bhrātar* с *bhar-* 'нести', откуда 'брат' = 'содержатель (матери, сестер, младших братьев)', ср. санскр. *bhartár* 'содержатель' как обозначение супруга.

308 А. Исаченко. Указ. соч., стр. 65.

указание непосредственно подводит нас к вопросу о значении нашего слова. И.-е. *bhrā́tēr могло иметь характер более общего термина, ср. греч. φράτωρ 'член фратрии', которое, возможно, отражает древнее значение индоевропейского слова 'член мужского союза, фратрии'. Об этом позволяет с уверенностью говорить целый ряд известных фактов, прежде всего — признаки перехода индоевропейской терминологии от классификаторской системы к описательной. И.-е. *bhrātēr означало нечто гораздо более широкое, чем просто 'родной брат', и когда в индоевропейском сложился описательный термин 'родной брат' в итоге разрушения классификаторской системы, bhrātēr не во всех диалектах индоевропейского языка с одинаковой легкостью подверглось переосмыслению, ср. специально созданные для обозначения кровного брата новообразования греч. ἀδελφός, осет. æfsymær/ænsuvær (букв.: 'единоутробный'). Исключение греческого и осетинского не случайно, так как в обоих языках формы, продолжающие *bhrātēr, сохранили остатки древнейшего, классификаторского употребления: греч. φράτηρ 'член мужского союза, фратрии', осет. ærvad 'член того же рода, родич'[309], ср. также данные этнографии о брачных союзах мужчин у различных отсталых народностей. Прямого отношения к славянскому этот момент истории и.-е. *bhrātēr не имеет, поскольку славянский сохранил вместе с балтийским только значение 'брат'. Тем не менее и славянский, используя одну и ту же основу brat(r)- для обозначения как родных братьев, так и двоюродных (ср. суффиксальные типа *братич*, *братан*), сохранил определенные следы классификаторской системы[310].

К и.-е. *bhrā́tēr восходит слав. bratrъ, bratъ[311]. Наличие двух вариантов обычно объясняют диссимиляцией bratъ < bratrъ[312] при сохранении также старых недиссимилированных форм: чешск. bratr, диал. вост.-ляшск. brater[313], словенск. bratər[314]. Другое объяснение предусматривает для и.-е. *bhrā́tēr древнее отпадение -r, ср. *mātḗr, *dhug̑hətēr, после чего и дальнейшая история слова должна была сложиться аналогично истории *mātē-, *dŭktē- в славянском, с той лишь разницей, что мужское название *brātē- неизбежно должно было перестроиться по o-основам[315]; согласный -r- в bratrъ вторичен и проник из косвенных падежей. Видимо, так же рассуждает Ю. Курилович[316], предполагая следующую парадигму склонения в балто-славянском: *brõtė, *brõteres, *brõterį, *brõterimi. Это объяснение не опирается на очевидные доказательства вроде парадигмы *мати*, *матере*, *матери*. Далее, трудно согласовать o-основу *bratъ < *bhrātē- с r-основами косвенных падежей в пределах одной парадигмы склонения. В слав. *bratrъ можно видеть форму, аналогичную санскр. *bhrā́tr̥- с нулевой ступенью гласного в последнем слоге, ср. известное для этих имен чередование -ter: -tor-:-tr̥. В слав. *bratrъ наблюдается редукция последнего слога и.-е.

---

[309] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 62; G. Thomson. Aeschylus and Athens. London, 1950, стр. 30—31, 402, 404—405.

[310] G. Thomson. Указ. соч., стр. 403.

[311] См. E. Berneker, Bd. I, стр. 82; R. Trautmann, BSW, стр. 36.

[312] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. стр. 42—43. Сходное явление видим, например, в различно диссимилированных вариантах grab и gabrъ < слав. *grabrъ.

[313] A. Kellner. Východolašská nářečí. II. Brno, 1949, стр. 134.

[314] A. Bajec. Besedotvorje slovenskega jezika, I. Ljubljana, 1950, стр. 22.

[315] Ср. K. Brugmann. Grundriß der indogermanischen Grammatik, Bd. I, стр. 449—451; P. Kretschmer. Indogermanische Akzent- und Lautstudien. — KZ, Bd. 31, 1889, стр. 368.

[316] J. Kuryłowicz. L'accentuation, стр. 203—204; ср. также P. Skardžius. Указ. соч., стр. 498—499, 568.

bhrātēr, балто-слав. **brātera-s*[317]. Однако А. Лескин[318] объясняет слав. *bratrъ* не редукцией *е*, а образованием из слабых падежных форм **bratre* и под. Важно отметить, что как сохраняющее древнее *-tr-* слав. **bratrъ*, так и диссимилированное **bratrъ* давно перестали быть *r*-основами, перестроившись по *о*-основам. Это явление часто отмечается для славянского и трактуется именно как выравнивание по наиболее влиятельным типам основ славянского языка. Нечто подобное мы видим в судьбе немногих индоевропейских имен на *-ter* в хеттском клинописном языке, где они тоже перешли в тематическое склонение общего рода на *-aš*: *u̯eštaraš* 'пастух', *akkutaraš* 'тот, кто пьет'. Поэтому не совсем точна характеристика, данная этому факту у А. Мейе, который говорит о славянских формах как производных. Так, *bratrъ*, *bratъ* он считает тематическими производными от **bhrāter* (нетематического на *-r*), причем любопытно, что и это преобразование он хочет объяснить забвением древнего „аристократического" словаря в балто-славянском[319].

В „Этимологическом словаре латинского языка" А. Эрну и А. Мейе[320] славянские и балтийские формы также признаются производными от индоевропейского названия брата. Следовало бы как раз в данном случае отметить различие между этими языками. В то время как славянский непосредственно продолжает индоевропейскую форму (**bratrъ* < **bhrắtēr*), балтийский, действительно, обнаруживает только производные формы: литовск. *brólis*, латышск. *brālis* 'брат'. Уменьшительное литовск. *broter-ẽlis* 'братец' позволяет восстановить для балтийского положение, близкое славянскому, и констатировать выравнивание *r*-основы по *а*-основам балтийского, которые соответствуют славянским мужским *о*-основам. Так, *broter-ẽlis* < **brótera-s* = **bratro-s* в слав. *bratrъ*. **bróteras* сохранилось еще в литовск. *bróterauties* 'брататься', ср. *bā̃da-s* 'голод': *badáuti* 'голодать'. Ср. еще др.-прусск. *brātrīkai*.

Современные балтийские названия брата — литовск. *brólis*, латышск. *brālis* — представляют собой поздние образования, сокращенные в речи из более длинных, типа литовского уменьшительного *broterẽlis*[321]. Иначе интерпретирует их Миккола[322]: литовск. *brólis* < **brātlis* < **brātris*. Это чисто механическое восстановление форм не считается с достаточно ясными образованиями литовск. *brožis* 'двоюродный брат' из *brotùžis*, которые наглядно демонстрируют возможность *brólis* < *broterẽlis*. Форма литовск. *brolis* показывает, что первоначально это было слово с уменьшительным значением, ср. аналогичное *fratello* в итальянском[323].

В отношении ударения славянский обнаруживает точное соответствие и.-е. **bhrắtēr*, ср. неподвижное ударение корня в русск. *брат*, *бра́та*, акутовое ударение сербск. *бра̏т*, т. е. слав. **brắtъ*, **brắtrъ*[324].

---

[317] В. Скаличка („О фонетической редукции". — Сб. „Пражский Университет Московскому университету". Прага, 1955, стр. 262) упоминает о редукции конечного слога в арм. *hayr* при лат. *pater* 'отец.'

[318] AfslPh, Bd. 3, 1879, стр. 111.

[319] A. Meillet. Les origines du vocabulaire slave. — RÉS, t. 5, 1925, стр. 7. В последнее время ср. оригинальное высказывание о выравнивании слав. *bratrъ* по *о*-основам у Яна Отрембского (J. Otrębski. Miscellanées onomastiques. — „Lingua Posnaniensis", t. II, 1950, стр. 283). Он указывает на противоположение при этом двух соотносимых терминов — 'сестра' и 'брат', оформившихся соответственно в славянском в женскую *-ā-* основу (*sestra*) и мужскую *-о-* основу (*bratrъ*).

[320] Ernout — Meillet, t. I, стр. 447—448.

[321] E. Fraenkel. Zur Verstümmelung, bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1923, стр. 401; его же. Miszellen. — KZ, Bd. 54, 1926, стр. 300.

[322] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, стр. 50.

[323] P. Skardžius. Указ. соч., стр. 575—576. Из прочих форм ср. еще вост.-литовск. *brá* 'брат', междометное (E. Fraenkel. Problemi di grammatica e vocabolario lituani. — „Studi baltici", vol. 6, 1936—1937, стр. 111).

[324] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, стр. 125.

По славянским языкам: ст.-слав. братръ, братъ, др.-русск. *братъ*, русск., укр., белор. *брат*, польск. *brat*, кашуб. *brat*, прибалт.-словинск. *brãt*, в.-луж. *bratr*, *brat*, чешск. *bratr*, словацк. *brat*, словенск. *brat*, сербск. *бра̑т*, болг. *брат*.

Значение названия брата в славянской родственной терминологии состоит также в том, что в славянских языках существует очень много разнообразных производных от этого слова, которые обозначают различные виды кровного (главным образом) и свойственного родства.

Ст.-слав. братана 'ἐξάδελφος, neptis', братаништь 'ἐξάδελφος, neptis', братанъ то же, братаньць 'nepos', братеникъ 'frater', братеньць 'nepos', братоучада 'ἐξάδελφος, nata ex fratre', братоучадо 'ἀδελφιδοῦς, filius fratris vel sororis', братоучадъ то же [325].

Др.-русск. *братана* 'дочь брата', братаничь, братичь 'сын брата', братанъ 'двоюродный брат', 'сын брата', братаньна 'дочь брата', братеникъ, братеничь, братаньць 'брат', братичичь 'сын брата', братичьна 'дочь брата', браточинъ 'сын брата или сестры', братучада, братачада 'дочь брата', братучадие 'сын или дочь брата', братучадо 'сын брата', братучадь то же, самобратъ 'родной брат', дв. ч. самабрата.

Русск. *брате́льница* 'родственница', *брата́н* 'брат', *брата́ниха* 'жена братана', *брата́нич* то же, что *братан*, *братанник* 'двоюродный брат', *брате́йко* 'брат', *бра́тунька*, *брату́шка* ласк., *брата́н* 'двоюродный брат', *двухродный братан* 'троюродный брат', *братан* 'троюродный брат', *бра́те́лко* 'брат', *брате́нек* 'двоюродный брат', *брату́ха* 'брат', *брате́йник*, *брате́нник* 'брат' [326].

Укр. *брата́нич* 'племянник по брату', *бра́тина*, *брато́ва* 'братняя жена', *брат у пе́рших* 'двоюродный брат', *брат у дру́гих* 'троюродный брат', ср. староукр. *братъ въ другихъ* 'дядьків або тітчин син', *брата́н*, *брата́нець* 'племянник по брату'.

Белор. *братава́я* 'жена брата', *брат першей стрэчи* 'двоюродный брат', *брат другой стрэчи* 'троюродный брат', *брата́ніч* 'племянник', *брацéнік* 'двоюродный брат' [327].

Польск. *pobrat*, *pobratek* 'двоюродный брат по дяде, тетке'.

В.-луж. *bratranc* 'Vetters Sohn', *bratrowc* 'Neffe', *bratrowka* 'Nichte'.

Др.-чешск. *bratraňátko* 'bratrovo neb sestřino dítě', *bratřenec* 'bratr', 'příbuzný', чешск. *bratranec* 'сын брата, племянник', диал. *bratránek* то же, *planej bratránek* 'неродной племянник' [328].

Словацк. *bratranec*, *bratenec*, *bratranec* 'племянник по брату, сын брата', *bratanica* 'племянница', *bratnička* 'племянница', *bratník* 'племянник, сын брата', *bratrovec*, *bratovec* 'сын брата, племянник', *bratovica* 'дочь брата', *bratová*, *bratiná*, *bratrovská* 'жена брата'.

---

[325] О последних специально см. E. Dickenmann. Untersuchungen über die Nominal-Komposition im Russischen, I. Leipzig, 1934, стр. 64; ср. также рецензию Е. Френкеля (ZfslPh, Bd. 13, 1936, стр. 207).

[326] „Опыт областного великорусского словаря“, стр. 15; „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря“, стр. 12; В. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия, стр. 25; Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, стр. 6; А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия, стр. 10; Карпов. Сборник амурских слов и выражений. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 1, стр. 3; В. Добровольский. Смоленский областной словарь, стр. 39; Л. В. Ушаков. Описание говора местечка Мглина Гомельской губернии и его окрестностей. — „Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка“, вып. 9. Л., 1929, стр. 152.

[327] С. Малевич. Белорусские народные песни. Словарь. — Сб. ОРЯС, т. LXXXII, вып. 5, 1907, стр. 167; Н. Чудовский. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. — РФВ, 1898, № 3—4, стр. 68; М. В. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929, стр. 35.

[328] Q. Hodura. Nářečí litomyšlské, стр. 69.

Словенск. *bratàn* 'сын брата, племянник', *bratìč* то же, *bratána*, *bratîčna* 'дочь брата, племянница', *bratrána*, *brátrančеk*, *brátranec*, *brátrančič* 'племянница, племянник'.

Др.-сербск. *братаньць* 'племянник', *братоучедь* то же, *братѣньць* 'брат'.

Сербск. *бра̏танић*, *брата̂нац* 'сын брата', *бра̏тић* то же, *бра̏таница* 'дочь брата', *бра̏тичина* то же, *бра̏тинац* 'брат од стрица', *бра̏тучеда* 'сестра од стрица', *првобратучеди* 'двоюродные братья', *другобратучеди* 'троюродные братья,' *треће-* и *четвртобратучеди*[329].

Болг. *бра́та́нец*, *бра́танче*, *бра́тенек* 'племянник, сын брата', *бра́та́ница* 'племянница, дочь брата', *бра́товица* 'невестка, жена брата', *братовче́д*, *пъ́рви братовче́д* 'двоюродный племянник', *вто́ри братовче́д* 'троюродный брат, сестра; внучатный племянник,-ца', *братовче́дка* 'двоюродная племянница'.

При всем многообразии словообразования значительная часть слов представляет аналогичные типы: **brat(r)anьcь*, **brat(r)anъ*, **brat(r)ovьcь*, хотя ими объединяется лишь часть названий[330]. В русском языке вся масса названий является достоянием народных говоров. Признавая за суффиксами определенную модифицирующую роль, следует отметить, что на двоюродных, троюродных братьев в сущности распространялось обозначение брата, что отражает состояние, видимо, характерное для древности[331]. В славянской терминологии родства отмечается особенно широкое распространение этих форм от названия брата и сестры[332].

Столь же обильные производные от названия брата, обозначающие детей брата, племянников, неродных братьев, сестер, представлены в литовском, где их словообразование часто аналогично структуре соответствующих названий славянского. Ср. литовск. *brolìkas* 'сын брата', *brolỹkas* то же, *brotùšis* то же, *brolė̃čia*, *brolýčia* 'дочь брата', *broliãvaikis*, *brolãvaikis* 'племянник', *brolė̃nas* 'сын брата', *bróilaitis*, *brolietis*, *brolýtis*, *broliū̃nas* то же, *pùsbrolis* 'двоюродный брат', *brolaĩtis* 'двоюродный брат', *brólainis* 'сын брата матери'[333].

Заслуживают внимания особые производные формы от слав. **bratrъ*, возникшие путем диссимиляции: чешск. *bát'a*, *bat'a* 'старший брат'[334], болг. *ба́те*, *ба́тю*, *ба́е* то же, сюда же диал. *ба́ка*, *ба́е* 'муж сестры по отношению к ее младшему брату'[335]. Формы *bat'a* уже приходилось касаться выше, остальные — *бака*, *бае* — представляют собой еще более поздние образования с ласкательным значением. Этим названиям в известной мере аналогично по своему образованию, например, нем. *Buhle* 'любовник, возлюбленный', которое тоже является диссимилированным производным (через **bhrātr̥* > **bhrālo-* > **bhālo-*) от обозначения брата[336]. Ср. близкое по происхождению сербск. диал. *ба̏ла*, *ба̏ле̂*, ласкательное название старшего члена задруги[337].

---

[329] См. также П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. — Сб. ОРЯС, т. LXIII, 1897, стр. 283.

[330] Ср. название сводного родства русск. *побрати́м*, болг. *побра́тим*, *бра́тим на -им*, о котором см. выше: *отчим*.

[331] B. Delbrück, стр. 506; А. Исаченко. Указ. соч., стр. 77.

[332] Ср. C. D. Buck, стр. 117—118.

[333] См. P. Skardžius. Указ. соч., стр. 127, 131, 318, 351, 357, 411, 416, 422, 434; A. Salys. Указ. соч., стр. 20—21.

[334] J. Holub, Fr. Kopečný, стр. 66.

[335] Н. В. Державин. Заметка о болгарском говоре с. Терновки, Мелитопольского у. Таврической губ. — ИОРЯС, т. 10, кн. 1, 1905, стр. 143.

[336] F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 11. Aufl., стр. 85.

[337] Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта, св. I. Београд, 1932, стр. 28.

Со стороны значения интересно русск. диал. *побратим* 'брат'[338], представляющее собой результат забвения производной формы.

Прямым наследием индоевропейской древности является слав. **bratrьja* : ст.-слав. братрьꙗ — собирательное существительное женского рода[339], соответствующее греч. φρᾱτρία. Характерно, что эта форма стала впоследствии восприниматься как множественное число, причем во многих славянских языках она стала выступать как единственное выражение множественности, вытеснив правильную форму, которая сохраняется в чешск. *bratři* (в то время как чешск. *bratří* отражает **bratrьja* — через др.-чешск. *bratřie*), укр. *брати́*. Особенное распространение в роли множественного числа получила в славянских языках диссимилированная форма от *bratrьja* : русск. *бра́тья*, польск. *bracia*, болг. *бра́тя*[340]. Употребление **brat(r)ьja* как формы множественного числа наложило на него соответствующий характерный отпечаток, хотя в этом отношении колебания отмечались вплоть до недавнего времени. Ср. в польском языке, в речи современников — Ю. Словацкого и А. Мицкевича: „Tylko słowiki kowieńskiej dąbrowy Z *bracią* swoimi z Zapuszczańskiej góry...“ (А. Мицкевич. Конрад Валленрод. Вступление); „... Poetów wszystkich mi uczyni *braćmi*, Wszystkich, — oprócz tych tylko, których zaćmi“. (Ю. Словацкий. Бениовский.). В первом случае представлено более архаичное употребление *bracią*, тв. п. ед. ч. ж. р. от собирательного *bracia*, и согласование по смыслу: *bracią swoimi*. Во втором случае отражено уже более новое употребление, без смешения форм: *braćmi* (мн. ч.) от *bracia* (мн. ч.).

Следует отметить, что балтийские языки не сохранили образования, подобного архаическому слав. *bratrьja*. Собирательное литовск. *brolavà* 'братия, братство; несколько братьев, совместно ведущих хозяйство' — позднее местное образование от *brólis* 'брат'.

Прочие славянские названия брата: болг. диал. *на́ну* 'старший брат'[341] — того же корня, что разбиравшиеся названия отца, матери, образованные от корня *nan-*, *nen-*. Форма *нану* — звательная по происхождению, собств. *на́но* (запись фонетическая). Такого же характера, например, формы болг. *те́йко*, *чи́чо*. Болг. диал. *ла́ло* 'старший брат'[342].

Сестра

Слав. *sestra*: ст.-слав. сєстра, др.-русск. *сестра*, русск. *сестра́*, укр. *сестра́*, белор. *сястра́*, польск. *siostra*, н.-луж. *sostra*, *sotša*, в.-луж. *sotra*, полабск. *séstra*, чешск., словацк. *sestra*, словенск. *séstra*, сербск. *сѐстра*, болг. *сестра́*, диал. *се́сра*[343].

Слово широко распространено в славянских языках. Повсюду оно однозначно. Как и подавляющая часть основных славянских терминов родства, слав. *sestra* имеет длинную, индоевропейскую историю. Соот-

[338] „Труды Московской диалектологической комиссии. Ярославская губерния“. Обраб. П. В. Васильев. — РФВ, 1912, № 1—2, стр. 255.

[339] J. F. Lohmann. Das Kollektivum im Slavischen. — KZ, Bd. 58, 1931, стр. 212.

[340] Ср. „Słownik staropolski“ pod red. K. Nitscha, Z. Klemensiewicza, J. Safarewicza, St. Urbańczyka, t. I, Kraków, 1953—1955, стр. 145; J. Karłowicz. Imiona zbiorowe polskie typu „bracia“. — PF, t. I, 1885, стр. 121.

[341] И. К. Бунина. Словарь говора ольшанских болгар. — „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 5. М., 1954, стр. 37; ср. ее же. Лексический состав говора ольшанских болгар. — „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 3. М., 1953, стр. 48.

[342] Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ, кн. XII, 1895, стр. 295.

[343] Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1954, стр. 71.

ветствующая общеиндоевропейская форма со значением 'сестра' столь же широко представлена в индоевропейских языках. Исключением является греческий, где можно говорить лишь о следах индоевропейского названия сестры в ἔορ(ἔωρ)[344], а также латышский и албанский, причем в греческом сестру обозначает прежний эпитет при имени сестры ἀδελφή, собств. 'единоутробная', а в двух последних языках в значении сестры использованы названия матери: латышск. *māsa*, алб. *motrε*[345].

Индоевропейское название сестры является древней основой на *-r*. На формах этого слова в отдельных индоевропейских языках сказалось противопоставление между „сильными" и „слабыми" падежами (им. п. ед. ч. — косвенные падежи ед. ч.), характерное в общем и для других индоевропейских основ на -r[346]. В этом основная причина различного оформления названий сестры, например, в литовском и славянском. Если для балто-славянского предполагается общая парадигма **sēsuo*, **sẽseres*, **sẽserį*, **sẽserimi*[347], то уже в славянском наблюдается только слабая падежная форма (**sesr-* > **sestr-*), распространенная на всю парадигму, с одновременным переводом из основ на *-r* в *a*-основу (*sestrā*), в то время как литовский сохранил в основном архаическую согласную флексию (*sesuõ*, род. п. ед. ч. *seseȓs*)[348].

Для славянского был типичным переход *sr* > *str*: *sesr-* > *sestr-*, что сближает славянский с германским. Германское название также развилось из слабой падежной формы и.-е. **su̯esr-*, откуда и в германском образовалась группа *str*: нем. *Schwester* и родственные[349]. Сейчас не считают *t* исконно свойственным индоевропейской форме, как полагал еще Ф. Бопп, считавший, что *t* здесь выпало.

Сравнение родственных форм позволяет предположить для индоевропейского названия сестры начало слова *su̯e-*. Дальнейшее развитие этой особенности, однако, предстает в весьма сложном виде. Имеется в виду целый ряд более или менее древних засвидетельствованных случаев выпадения *u̯* в этой группе, причем природа этого выпадения выяснена недостаточно. Если лат. *soror* продолжает форму с *u̯*: **su̯osor*[350], то менее ясно обстоит дело с литовск. *sesuõ*, слав. *sestra*, которые не сохранили никаких признаков древнего *u̯*[351] и не обнаруживают никаких намеков на условия выпадения этого *u̯*, ср. сохранение группы *su̯e-* в слав. *svekry*. Объяснение Г. Хирта[352], считающего непременным условием исчезновения *u̯* после согласного безударность этого слога, не выдерживает критики, если учесть, что исконно окситонное слав. *svekrý* (русск. диал. *свекры́*, санскр. *svaśrū́-ḥ*) как раз сохраняет *u̯*(*v*) в безударном

---

344 O. Schrader. Reallexikon, стр. 751.

345 Обозрение индоевропейских названий, родственных слав. *sestra*, см. Walde—Pokorny, Bd. II, стр. 533; Ernout—Meillet, t. II, стр. 1125; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch. . ., стр. 415, 469; R. Trautmann, BSW, стр. 258.

346 См. A. Leskien. Spuren der stammabstufenden Deklination im Slavischen und Litauischen. — AfslPh, Bd. 3, 1879, стр. 111.

347 J. Kuryłowicz. L'accentuation, стр. 203—204.

348 F. Specht. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. — KZ, Bd. 62, 1935, стр. 253; J. M. Kořínek. Od indoeuropského prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948, стр. 56. Литовск. диал. *sesuñg* (им. п. ед. ч.) образовано по аналогии им. п. ед. ч. на *-ung-* от основ на *-ōn* — и ни о чем большем эта форма не дает основания судить, как, например, считал Видеман (O. Wiedemann. Zu den litauischen Auslautsgesetzen. — KZ, Bd. 32, 1891, стр. 112).

349 F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte, 2. Aufl., стр. 3; Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. стр. 80.

350 Ср. K. Brugmann, KVGr. стр. 106.

351 W. Vondrák, Bd. I, стр. 284; J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, стр. 65; Ernout—Meillet, t. II, стр. 1125. Др.-прусск. *swestra* отражает влияние нем. *Schwester*, см. Walde—Pokorny, Bd. II, стр. 533.

352 H. Hirt. Kleine grammatische Beiträge. — IF, Bd. 12, 1901, стр. 199.

слоге, а балто-слав. *sēsuo (ударение на корне, ср. и.-е. *su̯ésor, санскр. svásar[353]), при более поздних местных литовск. sesuõ, слав. sestrá (русск. сестра́) с наконечным ударением, напротив, утратило u̯(v) без следа. Следует, с одной стороны, принять во внимание точку зрения, допускающую для древней балто-славянской эпохи чередование форм с u̯ и без u̯ после согласного[354], с другой — важно мнение ван Виндекенса[355], который в тохарск. A ṣar, B ṣer, восходящих к общетохарск. *ṣesär, а равно и в слав. sestra, литовск. sesuõ видит индоевропейские формы с s, упрощеные из форм с su̯. Интересны примеры выпадения v в начальной группе sv-, отмечаемые польскими диалектологами как типичные для ряда кашубских диалектов. Кашубский вообще сохранил немало архаичных особенностей. Примеры: sinčą < svinčą 'поросенок', название местности Sjanowo < *Swianowo, sjat < svjat[356]. Вполне допустимо видеть тут остатки явления, существовавшего уже в балто-славянскую эпоху, ср. литовск. sesuõ (< *su̯e-), *sēšuras (< *su̯e-).

Таким образом, мы приходим к индоевропейской форме *su̯ésor 'сестра'. Этимологией этого слова занимались многие исследователи. А. Вебер толкует svasar, svastar < su-astar, от корня as (es-. — О. Т.) 'быть', т. е. 'дружелюбная' или — каузативно — 'создающая благополучие, заботливая'[357]. Ф. Бопп: санскр. svásar < svástār и strī́ 'женщина', со значением 'родственная женщина'[358]. К. Бругман: su̯e-sōr к и.-е. *su̯e-, местоименный корень[359]. Последнее объяснение существенно дополняется А. Мейе[360]: и.-е. *su̯esor 'сестра' из *su̯e- и того sor-, которое характеризует древние женские образования — числительные санскр. ti-sráḥ, cáta-sraḥ 'три, четыре', ср. далее — лат. uxor (*uk-sor) 'супруга'. Это мнение в дальнейшем специально развивается и обосновывается Э. Бенвенистом[361], который указывает и.-е. *sōr 'женщина', помимо *su̯e-sōr, в греч. ὄαρ < *o-sr̥, авест. hāirišī, где он наблюдает чередование *sōr : *sr. Бенвенист специально возражает против толкования Р. Мерингера[362], который относит это *sōr к и.-е. *ser- 'объединяет, соединяет'. Этимология Мейе и Бенвениста в последнее время подвергнута обстоятельной критике М. Майрхофером[363], который ставит под вопрос реальность и.-е. *sor 'женщина'. Довольно убедительно, вслед за Пизани[364], Майрхофер

---

[353] J. Kuryłowicz. L'accentuation, стр. 203—204.

[354] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik. I. Teil, стр. 65. Вероятно, это обстоятельство проливает свет на еще не выясненные связи в отдельных случаях (ср. ниже о литовск. s nas (se-) 'старый', слав.* svento- (sve-) 'святой').

[355] A. J. van Windekens. Le témoignage du tokharien pour une alternance indo-européenne sw : s, w à l'initiale des mots. — BSL, t. 41, 1941, стр. 203—207; ср. его же. Notes tokhariennes. — AO, vol. 18, 1950, стр. 521—522.

[356] „Ср. Północnopolskie teksty gwarowe", pod red. K. Nitscha. Kraków, 1955, стр. 21, сноска 2.

[357] A. Weber. Svasri Schwester. — KZ, Bd. 5, 1856, стр. 235.

[358] Bopp. Vergleichende Grammatik. 1. Aufl., стр. 1134. Цит. по B. Delbrück, стр. 385.

[359] K. Brugmann. Zur Geschichte der stammabstufenden Deklinationen. — „Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik", Bd. 9, Heft 2. Leipzig, 1876, стр. 394.

[360] A. Meillet. Essai de chronologie des langues indoeuropéennes. — BSL, t. 32, 1931, стр. 8—9.

[361] É. Benveniste. Un nom indoeuropéen de la „femme". — BSL, t. 35, 1934, стр. 104—106; его же, BSL, procès-verbaux: séance du 4 mars 1950, t. 46, 1950, стр. XXI.

[362] R. Meringer. Wörter und Sachen. — IF, Bd. 16, 1904; ср. так же Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 533.

[363] M. Mayrhofer. Gibt es ein idg. sor 'Frau'? — „Studien zur idg. Grundsprache". Wien, 1952, 4. Heft, стр. 32—33.

[364] V. Pisani. UXOR—Ricerche di Morfologia Indoeuropea. — „Miscellanea G. Galbiati", vol. III („Fontes Ambrosiani", XXVII, Milano, 1951), стр. 1 и след. Цит. по M. Mayrhofer. Указ. соч., стр. 32—33.

по аналогии с названием сестер и братьев 'единокровными' видит в **suesor* сложение **su-esor* 'своей крови', где **esor* : **esr* 'кровь', ср. санскр. *ásṛk*, греч. ἔαρ, хеттск. *ešḫar* то же[365].

Нетрудно заметить, что все эти этимологии объединены стремлением видеть в **suesor* сложение из двух компонентов[366]. Относительно первого компонента почти все авторы сходятся к одному толкованию: **su(e)*- 'свой'. Пестрота отличает как раз толкования второго компонента, что невольно настораживает при их использовании. Возможно, что это также свидетельствует об их субъективности. Наиболее достоверно выделение в и.-е. **suesor* местоименного **sue*, что опирается, помимо чисто этимологических доводов, на факты широкого использования этого **sue*- именно в терминах родства, ср. ст.-слав. свьсть 'золовка, сестра мужа', свекры 'свекровь, мать мужа'. Любопытно, что рассуждающий аналогичным образом Ф. Мецгер видит в **suesor* образование **sue-s-or*[367]. Правда, при этом остается неясным, можем ли мы видеть в *sue-s-* частичную редупликацию местоименного корня. Ср. наблюдения О. Шрадера[368], выделяющего *sue-*, кроме **suesor* — термина кровного родства, — еще в древнейших обозначениях брачного, свойственного родства: лат. *socer*, *socrus*. Внимательное изучение связей **suesor* с другими родственными терминами, содержащими **sue-*, позволяет установить, что наличие этого **sue-* 'свой, своя' в названии родственного лица всегда отражает брачный запрет по отношению к данному лицу[369]. Поэтому **suesor*, видимо, являлось обозначением женщин одного брачного класса, связанных, с одной стороны, определенными кровными узами и, с другой стороны, имевших право брачного сожительства с мужчинами соответствующего мужского брачного класса. Ср. ценное свидетельство осетинского, где *xo/xwœrœ* 'сестра' еще и теперь обозначает 'всех женщин моего рода'[370]. Рассматривать вместе с Бенвенистом[371] и.-е. **suesor* не как равноценный и.-е. **bhrātēr* противоположный женский термин, а как простое обозначение близко родственной женщины, нет оснований. Во всяком случае изложенное объяснение более вероятно.

Таким образом, и в и.-е. **suesor* 'сестра' удается выявить столкновение древней классификаторской системы родственных обозначений и новой, описательной системы (**suesor* = 'кровная сестра по отношению к говорящему'), представленной всеми индоевропейскими языками[372].

Из производных от слав. *sestra* в славянских языках отметим прежде всего уменьшительные болг. *селе* 'сестрица', ср. болг. *брале* 'брат, бра-

---

[365] Еще о нереальности и.-е. **sor* 'женщина' см. M. Mayrhofer. Zu ai. strī́ 'Weib'.—KZ, Bd. 72, 1—2. Heft, 1954, стр. 118—120, со ссылкой на Т. Бappoy. („Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute", t. XXXII, 1952, стр. 30).

[366] Между прочим, Ю. Курилович расценивает долготу *ā* в санскр. *svásā* как доказательство производного характера слова, ссылаясь при этом на точку зрения о *svásā* как о старом сложении (J. Kuryłowicz. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956, стр. 62).

[367] F. Mezger. IE *se-*, *swe* and Derivatives., — „Word", vol. 4, 1948, стр. 99; Ср. Witold Jan Doroszewski. Monografie słowotwórcze. — PF, t. 15, 1931, стр. 279.

[368] O. Schrader. Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern. — IF, Bd. 17, 1904, стр. 20.

[369] А. Исаченко. Указ. соч., в разных местах.

[370] См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, стр. 62—63.

[371] E. Benveniste. BSL, t. 46, 1950, стр. XXI.

[372] Указание А. Исаченко (там же) о том, что общие названия кровного брата, кровной сестры образовались сравнительно поздно, следует понимать не как довод в пользу позднего образования индоевропейских корневых морфем* *bhrātēr*, **suesor*, а как подтверждение переосмысления — в нашем случае — и.-е. **suesor* (ср. выше о **bhrātēr*).

тец'[373], сербск. *séja*, *séka*, ср. литовск. *sejė*, *sesùlė*, *sesùtė* 'сестренка'[374].

Обилие собственно производных от слав. *sestra*, обозначающих различные виды кровного и отчасти сводного родства, столь же замечательно, как и в случае со слав. *brat(r)ъ*.

Др.-русск. *сестреница*, *сестрѣница* 'сестра', *сестричичь*, *сестричищь* 'сын сестры, племянник по сестре', *сестричь* то же, *сестричьна* 'дочь сестры'.

Русск.[375] *сестрéни́ца*, *сестрéнница*, *сестрéйка*, *сéстрия* 'двоюродная сестра', *сестрени́ца*, *сестри́чна* 'дочь сестры', *сестрёнка*, *сестря́нка*, *сестру́ха*, *сестру́шка* 'двоюродная или внучатая сестра; падчерица тетки и дяди; дальняя родственница', *сестрина* 'дочь сестры, племянница по сестре', *сестрична*, *сестри́шна* 'двоюродная сестра: дочь тетки, сестры матери или сестры отца', *сестру́хна* 'нянька', *посёстра*, *посёстрина*, *пóсестра* 'подруга, товарка, любовница', *посестре́й* 'названая сестра', *сестрея* 'двоюродная сестра', *пáсестра* 'двоюродная сестра', *двухрóдна сестренница* 'троюродная сестра'.

Укр. *сестрі́неџь*, *сéтрич* 'племянник, сын сестры', *сестрі́ниця*, *сестри́чна*, *сестрі́нка* 'племянница, дочь сестры', *сестрі́нич*=*сестрі́неџь*.

Польск. *siostrzeniec* 'племянник, сын сестры'.

Прибалт.-словинск. *səstřãnă* 'дочь сестры', *sostrĩnc* 'сын сестры', *pôu̯lsəstră* 'двоюродная сестра'. В.-луж. *sotrjenca* 'дочь сестры', *sotrjenc* 'сын сестры'. Чешск. *sestřenec* 'племянник', *sestřenice* 'племянница', диал. *sestřenka* 'племянница'[376].

Словацк. *sesternica*, *sestrenica*, *sesternička* 'племянница, дочь сестры', *sestrenec* 'племянник'.

Словенск. *sestràn* 'племянник, сын сестры', *sestrȋč* 'сын сестры', *sestrȋčna* 'дочь тетки, двоюродная сестра', *séstrna*, *séstrnica* 'племянница, дочь сестры', *séstrnec* 'муж сестры, шурин, свояк', *séstrnič*, *séstrnik* 'сын сестры', 'муж сестры'.

Сербск. *сȅстрић*, *сестричић* 'племянник, сын сестры'.

Болг. *сéстреник*, *сéстринец* 'племянник', *сéстриница* 'племянница', *посéстрима* 'молочная сестра', 'названая сестра'.

Весьма богат аналогичными образованиями литовский язык: *seserẽčia* 'дочь сестры', *seseryčia* то же, *seseriẽtė* то же[377], *seserẽnas* 'сын сестры, племянник'.

Производные от *sestra* в различных языках в большинстве своем объединяются общеславянскими словообразовательными типами. Из них отметим **sestrěnьсь*, ср. польск. *siostrzeniec*, укр. *сестрі́неџь* из слав. **sestrěnъ*, польск. *siostrzan*. Последнее образование выходит некоторым образом за рамки славянского. Так, Р. Траутман[378] предполагает балтославянскую форму **seserēna-*, **sesrēna-*, которая объединяла бы вместе

---

[373] „Памятники болгарского народного творчества", вып. 1. Словарь. Собрал В. Качановский. — Сб. ОРЯС, т. XXX, 1882, стр. 585.

[374] E. Fraenkel. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1923, стр. 401; его же. Miszellen. — KZ, Bd. 54, 1926, стр. 300.

[375] В. И. Даль, изд. 4, т. III, стр. 864; т. IV, стр. 139—140: М. Светлов. О говоре жителей Каргопольского края (Олонецк. губ.). — Ж. Ст., вып. III, 1892, стр. 163; В. Волоцкой. Словарь ростовского говора (Владимир. губ.). — Сб. ОРЯС, т. LXXII, вып. 3, 1902, стр. 83; А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия, стр. 156; Карпов. Сборник амурских слов и выражений, стр. 14; М. В. Ушаков. Описание говора местечка Мглина Гомельской губ. и его окрестностей. — „Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка АН СССР", вып. 9. Л., 1927, стр. 155; В. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия, стр. 43.

[376] Q. Hodura. Указ. соч., стр. 69.

[377] P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 351, 357.

[378] R. Trautmann, BSW, стр. 258.

с названными славянскими формами литовск. *seserẽnas*. Вместе с тем вполне вероятно, что это аналогичные образования из родственных морфем, не обязательно предполагающие общую исходную балто-славянскую форму. Точно так же, несмотря на полное фонетико-морфологическое совпадение лат. *sobrinus*, *consobrinus* (< *s^uesrīnos*) 'двоюродный брат, кузен' с литовск. *seserynas* то же, Б. Дельбрюк[379] считает возможным самостоятельное развитие последнего.

Прочие славянские названия сестры: болг. ***ня́ня*** 'старшая сестра', русск. диал. ***ня́ня*** 'старшая сестра', ***ня́нюшка***, ***ня́нька*** то же: „Няня дома, а тятька с мамой ушли"[380]. Представляется возможным объединить это слово с другими родственными терминами славян, обозначаемыми корнем *nan-/n'an'-:* луж. *nan* 'отец', укр. ***не́нька*** 'мать', болг. диал. ***на́ну*** 'старший брат'. Корень получил чрезвычайно широкое распространение среди имен родства[381]. Семантика его очень богата. Помимо разнообразных терминов родства, которые он образует, назовем еще русск. ***ня́ня*** ж. р. 'кормилица', диал. м. р. 'друг, товарищ': „Няню моего в походе ранили в это место в грудь"[382]. Любопытно выделить также значение 'грудной сосок', встречающееся у этого слова в различных славянских диалектах. Я. Калима[383] видит в русск. ***ня́ня***, ***ня́ни*** 'грудной сосок' заимствование из финских языков, что сомнительно, так как такое же значение имеет болг. ***ня́нка***. Палатализация в формах *n'an'*- носит экспрессивный характер.

Болг. ***ка́ка*** 'старшая сестра' толкуют как слово „детского лепета"[384], упуская из виду некоторые родственные слова (подробнее — ниже).

Русск. диал. ***чика*** ('двоюродная) сестра'[385] Я. Калима называет в числе заимствований из западнофинских языков[386].

Болг. ***до́да***[387], также ***дада***, ***деда***, ***дедя***, ***цеца*** 'старшая сестра'.

Способ обозначения неродной, сводной сестры соответствует прочим знакомым нам терминам сводного родства: ср. укр. ***посе́стра***, латышск. *patāsa* 'сводная сестра' с префиксом *pa-* от *māsa* 'сестра'[388].

Дед

Общеиндоевропейское название деда не определено[389]. О его природе говорит характер образования этого термина в отдельных индоевропейских языках, называющих деда 'отцом отца', 'отцом матери', 'старым', 'большим', 'лучшим' отцом[390]. Такое называние очень знамена-

---

379 B. Delbrück, стр. 511, сноска 1.

380 „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря", стр. 146; Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, стр. 66; В. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия, стр. 92; М. А. Караулов. Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. — Сб. ОРЯС, т. LXX, 1902, стр. 83—84; М. К. Рамзевич. К изучению народной речи в Сибири. — РФВ, 1914, № 1, стр. 31 (педагогический отдел).

381 Ср. выше о простых его формах в других индоевропейских языках в той же роли, например, хеттск. *annaš* 'мать'.

382 М. А. Караулов. Указ. соч., стр. 83—84.

383 J. Kalima. Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 174.

384 Ст. Младенов. ЕПР, стр. 227.

385 М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. — Сб. ОРЯС, т. XУII, вып. 3, 1877, стр. 132.

386 J. Kalima. Указ. соч., стр. 259.

387 Н. Геров, т. 1, стр. 313; см. также СбНУ, кн. IV, 1891, стр. 193 („Приказки фантастични и смешни"); кн. V, 1891, стр. 221 („Думи и форми от говорите в Видин, Врatца, Царибродско и пр."); Д. Матов. Към българския речник. — СбНУ, кн. VII, № 892, стр. 462.

388 И. М. Эндзелин. Латышские предлоги, ч. 1, стр. 149.

389 Ср. B. Delbrück, стр. 483.

390 См. C. D. Buck, стр. 109.

тельно, и по нему можно судить о позднем образовании данного специального термина. В сущности во всех случаях название деда оказывается названием отца, в большинстве их это не вызывает сомнения, в немногих — составляет этимологическую вероятность. Случаи первого рода — образования типа франц. *grand-père* 'большой отец', — будучи поздними, вместе с тем представляют косвенное свидетельство о весьма древнем состоянии. Кроме определений 'большой' и т. п., несущих чисто модификационную нагрузку, это все те же названия отца[391]. Последнее обстоятельство отражает воззрения эпохи родового строя, когда при классификаторской системе родства отец моего отца считался и моим отцом.

Своеобразие славянских языков заключается в том, что в отличие, например, от германского, образовавшего названия деда описательным путем ('большой отец', 'лучший отец'), славянский имеет для деда простое название, об этимологической близости которого к одному из названий отца можно судить лишь с большей или меньшей степенью вероятности.

Таким словом, представленным во всех славянских языках, является *dědъ*: ст.-слав. дѣдъ, др.-русск. *дѣдъ*, русск. *дед*, укр. *дід*, *дьідо* 'дед', 'муж тетки'[392], белор. *дзед*, польск. *dziad* 'дед', 'нищий', *dziadek* 'дед, дедушка', также *dziadko* = *stryj*, *wuj* 'дядя', кашуб. *ʒôd*, н.-луж. *źěd*, в.-луж. *dźěd*, чешск. *děd*, диал. *dědeček*, *děda*[393], словацк. *dedo*, диал. *ʒado*[394], словенск. *dę̀d*, др.-сербск. *дѣдь*, сербск. *дјѐд*, *ђед*, болг. *дя̀до*, диал. *деда̀* 'тесть, дед'[395].

Слав. *dědъ* может восходить к индоевропейской форме **dhēdh-*[396], которую в свою очередь продолжают некоторые греческие родственные обозначения: θεῖος (< *θήιος) 'дядя', τήθη (диссимилировано из *θηθη) 'тетя', гомеровское ἠθεῖε 'обращение младшего брата к старшему', по свидетельству Фриниха, правильно следует называть бабку (πατρὸς ἢ μητρὸς μητέρα) — τήθη, как называли древние[397]. Последнее значение наиболее близко к слав. *dědъ* 'дед'. Сюда же относится греч. τηθὶς 'тетка'. Все эти слова, как отмечает Дельбрюк, являются почтительными обращениями к старшим родственникам. Значение 'дед' для **dhēdh-*, слав. *dědъ* не представляется исконным. Вост.-слав. *дя́дя* 'брат отца, матери', родственное слав. *dědъ*[398], ср. польск. диал. *dziadko* 'stryj, wyj', уже совпадающее фонетически с *dziad*, *dědъ* 'дед', относится к названию деда, как греч. θεῖος 'дядя' — к τήθη 'бабка'. От **dhēdh-* 'дед, бабка, общее обращение к старшим' идут смысловые нити к значению 'брат отца', а вместе с тем и к названию отца (ср. фонетическую близость *tat*, *tet*: *dad*, *ded*). Известны, кроме того, и другие случаи этимологического родства названий отца и отцовского дяди: и.-е. **pətēr* отец': **pətrui̯os*, слав. *stryjь* 'дядя по отцу'.

---

[391] Совершенно аналогично наблюдение А. Исаченко о названиях двоюродных братьев и сестер чешск. *bratřenec*, *sestřenec* и родственные, которые являются, собственно, названиями родных братьев, сестер, что идет от общих обозначений братьев и кузенов в древнем роде.

[392] J. Werchratskij. Über die Mundart der galizischen Lemken. — AfslPh, Bd. 15, 1892, стр. 47.

[393] Q. Hodura. Указ. соч., стр. 89.

[394] F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 146.

[395] Ст. Стойков. Христоматия по българска диалектология. София, 1950, стр. 86.

[396] K. Brugmann, KVGr., стр. 74; W. Vondrák, Bd. I, стр. 56.

[397] B. Delbrück, стр. 468—469.

[398] Ср. выше об отношениях *teta* : *tăta*: слав. *tāta* (последнее с экспрессивным удлинением в славянском *ă* > *a*).

В литературе слав. *dědъ* обычно толкуется как слово „детской речи“ [399].

В балтийском достоверные соответствия слав. *dědъ* отсутствуют, поскольку литовск. *dēdė* 'дядя' и *diēdas* 'дед' заимствованы из восточнославянского [400]. Р. Траутман, однако, предполагает древнее балто-слав. **dēda-*, лежащее в основе балтийских и славянских слов. Этимология литовск. *diēdas* : *dìdis* 'большой' [401] неубедительна.

Отметим также редкую форму, отражающую древнее **dād* с экспрессивным удлинением гласного, но не затронутую экспрессивной палатализацией, в польск. диал. *då^u^dek*, *då^u^da*, *dådek* 'дед, дедушка' [402], которое соответствует русск. *дядя* до палатализации [403].

Дальнейшая восходящая степень родства обозначается в славянском большей частью сложением *dědъ* с префиксом *pra-* < и.-е. **pro-* 'перед': о.-слав. *pradědъ*, ср. литовск. *pro-senoliai* мн. ч. 'предки', лат. *pro-avus*, ст.-слав. прадѣдъ, др.-русск. *прадѣдъ*, русск. *прáдед*, укр. *прáдід*, польск. *pradziad*, чешск. *praděd*, словенск. *prádə̀d*, сербск. *пра̏дед*, *пра̏дjed*, *пра̏ђед*, болг. *прáдядо*. Известные в сербском языке аналогичные обозначения с *pra-* также для побочных линий родства (ср. *prastric*, *prastrina*, *pratetka*, *praujak*, *praujna*) могут считаться вторичными образованиями [404]. Образование с *prě-* с тем же значением: ст.-слав. прѣдѣдъ, др.-сербск. *прѣдѣдь* [405]. Местные образования по отдельным языкам: польск. *zadziad*, *naddziad*, *przeddziad*, сербск. диал. *пȁрадед*, *прȁндед* 'прадед'; последнее, очевидно, — из *прадед* под влиянием употребительного сербск. *чукун-дед*. Следующие термины восходящего родства образуются нанизыванием префикса, ср. русск. *прапрадед*, но практически они употребляются редко. Особые обозначения прапрадеда имеет сербский язык: помимо *прапрађед*, — *чу̏кундед*, *шукунђед*, *шикунђед*, *шакунђед*. Эти слова представляют в своей первой части заимствование из романского источника, ср. лат. *secundus* и структуру ит. *bisavo* 'прадед' [406].

К тому же источнику, в конечном счете, восходит болг. диал. *кучу̀н дедо*, содержащее метатезу согласных [407].

Дальнейшие производные от *dědъ*: др.-русск. *дѣдьньство*, *дѣденьство* 'право на дедовское наследие', *дѣдина*, *дѣдѣна* 'дедовское владение, наследие; дедовский обычай, закон', *дѣдичь* 'наследник', *дѣдичьна* 'наследница', *дѣдичьство* 'дедовское наследство'; польск. *dziedzina* 'область,

---

[399] E. Berneker, Bd. I, стр. 191; А. Преображенский, т. I, стр. 207; R. Trautmann, BSW, стр. 47; E. Sławski, стр. 189; Holub — Kopečný, стр. 97—98; M. Vasmer, Bd. I, стр. 335. К фонетической истории слав. *dědъ* см. еще N. van Wijk. Zur serbokroatischen Entwicklung des slavischen Vokals *ě*. — ZfslPh, Bd. 14, 1937, стр. 9—10.

[400] Ср., впрочем, мнение об исконном родстве славянских слов с латышск. *dę̀ds* 'старик', диал. *dę̃ds* 'чучело', *dẽdêt* 'чахнуть': K. Mülenbach. I sējums, стр. 461.

[401] П. А. Лавровский. Указ. соч., стр. 32—33; см. также Р. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. — РФВ, т. XXI, 1889, стр. 218—219.

[402] W. Tomaszewski. Mowa t. zw. Mazurów wileńskich. — „Slavia Occidentalis“, t. 14, 35, стр. 106; K. Nitsch. Wybór pism polonistycznych, t. II, 1955, стр. 16.

[403] Сюда же мы отнесем сербск. диал. *да̑да*, ж. р., 'мать', 'пожилая женщина' (см. Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског диjалекта, св. I. Београд, 1932, стр. 120).

[404] Близкие польск. *przeciotka* 'сестра прадеда', *przestryjec* 'брат моего прадеда по отцу' представляют собой относительно поздние префиксальные именные сложения, засвидетельствованные с XVI в. (См. M. Karaś. Nazwy miejscowe typu *Podgóra*, *Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955, стр. 83, 89).

[405] По сути дела, обе формы являются древнесербскими с типичным смешением *ě* и *a*. О формах с *прѣ-* вместо *пра-* см. A. Meillet. Études, стр. 116.

[406] K. Štrekelj. Beiträge zur slavischen Fremdwörterkunde, I. — AfslPh, Bd. 12, 1890, стр. 457; P. Skok. Nachtrag zu skr. cijeć. — ZfslPh, Bd. 9, 1932, стр. 139.

[407] Георги поп Иванов. Орханийският говор. — СбНУ, кн. XXXVIII, 1930, стр. 121.

отрасль', *dziedzic* 'помещик', диал. *dziadowizna* 'наследство после деда', чешск. диал. *dědina* 'деревня' [408], *dědit* : *dědí ti to* 'jde ti to k duchu' [409], словенск. *dêdič* 'наследник', *dédina* 'наследие, наследное владение'. Как совершенно очевидно явствует из структуры этих слов, все они первоначально представляли собой различные производные со значениями притяжательности: 'дедово (владение)', 'дедов', 'потомок деда' [410]. Затем довольно широко за ними закрепились значения наследования, местами — еще более узкие (ср. польск. *dziedzic* 'помещик, землевладелец'), даже весьма далекие от исходного значения, как чешск. диал. *dědit* 'идти, быть к лицу', отвлеченное.

Польск. диал. *kåk* 'дед' [411], возможно, родственно болг. *кáка* 'старшая сестра', греч. ἄκκα, 'Ακκώ (имя собственное), лат. *Acca Larentia*, др.-инд. *akkā* 'мать' [412]. Сюда же, видимо, относятся „Lallnamen", упоминаемые П. Кречмером: Κάκκας, Ἄκκα (в Малой Азии) [413]. В фонетическом отношении слав. **kāk-* : **ăkka* = слав. *tāta* : и.-е. **ătta*. Б. Дельбрюк [414], считает болг. *кáка* возможным заимствованием, что едва ли обосновано, поскольку им не был учтен весь родственный материал, ср. близкое польск. *kåk* 'дед' на другом конце славянской территории. В семантическом отношении *kåk* 'дед' так относится к *кáка* 'старшая сестра', как *dědъ* 'дед' к болг. *дéдя* тоже 'старшая сестра'.

Прибалт.-словинск. *γrǟu̯tk*, *γrö̍u̯tk* 'дед', по-видимому, заимствовано из нижненемецких диалектов, где *grot* соответствует в.-нем. (литер.) *groß*, *Groß(vater)* и является, таким образом, вариантом к кашуб., польск. диал. *grósk*, *grosek*, которое получено из верхненемецкого варианта.

Помимо названий деда, не отличающихся этимологической прозрачностью, в славянских языках встречаются формы, произведенные от названия отца: русск. диал. *бáтинька* 'дед' [415], *старый тятя* 'дедушка' [416], ср. образования типа франц. *grand-père* в других индоевропейских языках. Ср. также литовск. *tė̃vōkas*, *tė̃vùkas* 'дед, отец отца' [417], собственно суффиксальные производные от *tė̃vas* 'отец'; старое литовск. *tewas senaszis*, *motina senoy* [418], собств. 'старый отец', 'старая мать'.

Бабка

Слав. *baba*: др.-русск. *баба* 'женщина замужняя', 'мать отца или матери', 'повивальная бабка', 'ворожея', русск. *бáба*, *бабка*, укр. *бáба* 'баба', 'бабка, бабушка', польск. *baba* 'баба, жена', *babka* 'бабка, ба-

---

408 F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 55.

409 Q. Hodura. Указ. соч., стр. 45.

410 См. специально, с этнографическими подробностями: K. Moszyński. Uwagi do 2. zeszytu „Słownika etymologicznego języka polskiego" Fr. Sławskiego. — JP, t. XXXIII, 1953, стр. 359 и след.

411 K. Nitsch. Wybór polskich tekstów gwarowych. Lwów, 1929, стр. 151.

412 C. Uhlenbeck, стр. 1; M. Mayrhofer („Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen". Heidelberg, 1953, стр. 15) склонен объяснять *akkā* заимствованием из дравидийского.

413 P. Kretschmer. Einleitung, стр. 351. Нам кажется, что от образований вроде Κάκκας нельзя отрывать ионийское κοκκύας 'предок', κουκᾶ · πάππων (Гесихий), которые могут быть объяснены редупликацией, подобно слав. *kaka*. Ср. иначе у М. Грошеля (Milan Grošelj. Notes d'étymologie grecque. — „Razprave. Slovenska Akademija znanosti in umetnosti", II. Ljubljana, 1956, стр. 42), который видит в них образования, родственные γυγαί · πάπποι, хеттск. *huhhaš*, лат. *avus*, слав. *ujь*.

414 B. Delbrück, стр. 465.

415 И. Солосин. Материалы для этнографии Астраханского края. Краткие сведения о говоре Ахтубинских сел Царевского уезда. — РФВ, 1910, № 1, стр. 128.

416 Н. Васильев. Свод материалов по Нижегородской губернии (Труды Московской диалектологической комиссии). — РФВ, 1910, № 3—4, стр. 276.

417 P. Skardžius. Указ. соч., стр. 133, 137.

418 Цит. по B. Delbrück, стр. 402.

бушка’, др.-польск. *babak* ‘дед, старик’, *baba* ‘бабка’, ‘старуха’, ‘женщина’, *babina*, *babizna* ‘наследство после бабки’, *babka* = *baba*, полабск. *bába* (*bóba*, *bobó*) ‘alte Frau, Wehemutter, Großmutter (von der mütterlichen Seite)’, чешск. *baba*, *babička*, словенск. *bába* ‘бабка’, ‘акушерка’, сербск. *ба̏ба* ‘бабка’, ‘кормилица’, ‘баба, жена’, ‘свекровь’, болг. *ба́ба*.

Главное значение слав. *baba*: ‘бабка, мать отца или матери’. Впрочем, слово имеет издавна тенденцию к расширению значения, ср. значение ‘баба, жена, замужняя женщина’ во всех славянских языках. Отмечаются случаи переноса на неодушевленные предметы, на животных[419], — явление, известное и некоторым другим названиям родства.

Слав. *baba* довольно единодушно толкуется как первоначальное слово „детского лепета“ [420], о чем подробно см. заключительный раздел настоящей работы.

Слав. *baba* с долгим *ā* в корне может продолжать и.-е. **b(h)ăb(h)-*, распространенную корневую морфему, отличающуюся некоторыми характерными особенностями, уже известными нам из анализа **tăta*, **măma*, **nan-*: греч. ἀπφά, ἄπφα, ἀπφάριον ласковое обращение к братьям, сестрам, влюбленным, ἀπφῦς ‘папа’ < *abhbha*; ит. *babbo* ‘отец’, кимр. *baban* ‘дитя’, англ. *baby* ‘дитя’, шведск. диал. *babbe* ‘дитя, маленький мальчик’, ср.-в.-нем. *bābe*, *bōbe* ‘старуха, мать’, buobe ‘мальчик, слуга’, литовск. *bóba* ‘баба’ [421]. Отношения **bhabha: *abhbha* можно сопоставить, помимо **n-an- *m-am-*, также с и.-е. **bhombh-*: **ombh-* в литовск. *bámba* ‘пуп’ (слав. **pǫpъ*): лат. *umbilicus*, греч. ὀμφαλός то же. Следует также обратить внимание на такие особенности, как употребление одной морфемы для обозначения родственников как по нисходящей линии (названия ребенка, мальчика, англ. *baby*, нем. *Bube*), так и по восходящей (слав. *baba*). Изучение действительных связей и особенностей подобных слов может дать больше, чем принятие постулата о происхождении их из „детского лепета“.

В русском языке популярна производная форма *ба́бушка*[422]. Выражение возрастающих степеней родства аналогично тому, что известно для деда: русск. *праба́бушка*, словенск. *prábába*, сербск. *пра̏баба*, болг. *пра́баба*; сербск. *чу̏кумбаба*, *шукунбаба*; н.-луж. *staromaś*; ср. еще польск. *nadbaba*, *przedbaba*.

Любопытно значение производной восточноляшской формы *pobaba* ж. р. ‘взаимопомощь соседей при различных работах’: *śedlocy byl’i na pobab’e*[423].

Слав. **pra-sk(j)urъ* ‘прапрадед, родоначальник’.

Ст.-слав. праштоуръ ‘pronepotis filius’, праштура ‘pronepotis filius’, др.-русск. *пращуръ*, *прашюръ* ‘прапрадед’, ‘праправнук’, др.-польск. *praskurzę*, *praszczur* ‘праправнук’.

Два прямо противоположных значения у одного и того же слова в отдельных славянских языках — весьма интересный факт. Слав. pra-sk(j)urъ обозначает как самую дальнюю степень родства по восходящей

---

419 J. F. Hruška. Dialektický slovník chodský. Praha. 1907, стр. 11: baba— stará *hus*.

420 E. Berneker, Bd. I, стр. 36; A. Meillet. Études, стр. 247; R. Trautmann, BSW, стр. 23; А. Преображенский, т. 1, стр. 10; A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 9; M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 34; F. Sławski, стр. 24; Ст. Младенов, ЕПР, стр. 12.

421 W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1892, стр. 28; A. Zimmermann. Lateinische Kinderworte, als Verwandtschaftsbezeichnungen. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 150; Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 105—106.

422 О фонетическом изменении *ба́бушка* > *ба́ушка* в диалектах, см. А. И. Соболевский. Благозвучие в жизни языка. — РФВ, т. LXVII, 1913.

423 A. Kellner. Východolašská nářečí. Brno, 1949, 249—250.

линии ('прапрадед'), так и самую дальнюю степень родства по нисходящей линии ('праправнук'). Естественно, что одно из двух значений — результат вторичного переноса, на что давно и вполне справедливо указывали исследователи, считая, что исконно здесь значение 'прапрадед'[424]. Этимология слова подтверждает старое мнение: Э. Бернекер[425] видит в слове тот же корень, что и в греч. ἑ-κυρός, санскр. *śvá-śuras*, и.-е. **su̯e-k̑uros*, только с *k* велярным: **(s)keur-*, **(s)kur-*. Группа *-sk-* налицо во всех славянских примерах[426]. Этим объясняется, например, исконное русское *щ* (< **skj*) в др.-русск. *пращуръ*, *пращюръ*[427]. Необходимость в предположении *s(k)* с *s* подвижным возникает только при объяснении славянского слова на индоевропейском сравнительном материале, за пределами славянского. Обычно привлекается литовск. *prakurė̃jas* 'прародитель'[428]. Ср., далее, греч. κῦρος 'сила, власть', κύριος 'господин', др.-ирл. *caur*, *cur* 'герой', санскр. *çávīra-s* 'могучий', *çūras* 'сильный, герой'[429]. Вариант слав. **skur-* (без *j*) представлен в др.-польск. *praskurzę*. Возможно, здесь существовало отношение чередования **skour-*: **skeur-*, ср., например, русск. *гнус*: диал. *гнюс* с *ju* из *eu*[430].

Внук

Между названиями противоположных степеней родства, в частности — названиями деда и внука, существуют различные смысловые и формальные связи[431]. Значение 'внук', вполне вероятно, не отличается большой древностью и сложилось уже после смены классификаторской системы описательной системой родства. Действительно, 'внук' описан в своем отношении к деду, в то время как в более древнее время, при родовом строе, в таком термине не было надобности, поскольку внук мог считаться таким же 'сыном' деда, как и реальный сын последнего. Таким образом, 'внук' и 'дед' в собственном смысле слова — сравнительно поздние термины. Тем не менее, оба названия могли быть образованы из древних морфем. Это относится также и к слав. *vъnukъ*: ст.-слав. къноука 'ἐκγόνη, nepotis', къноукъ 'ἔκγονος, nepos', др.-русск. *вънука*, *вънукъ*, *унукъ*, русск. *внук*, диал. *мнук*, *мнучонок*[432], укр. *онýк*, *онýчка*, староукр. *внучка*[433], белор. *унýк*, польск. *wnuk*, др.-польск. *wnęk*, *wnęczka*, н.-луж. *wnuk*, чешск. *vnuk*, диал. *vňuk*, *vňučka*[434], словенск.

[424] П. А. Лавровский. Указ. соч., стр. 35.

[425] E. Berneker. Von der Vertretung des idg. *ĕu* im balt.-slav. Sprachzweig. — IF, Bd. 10, 1899, стр. 155.

[426] Сюда же совр. болг. диал. *оштур* 'род, происхождение' (см. „Известия на Института за български език", кн. IV. София, 1956, стр. 80).

[427] Русск. *чур* сюда не имеет отношения: Г. А. Ильинский, изучая его употребление, возводит к **keur-* 'резать, протыкать', русск. *черта*. Мифологическое толкование, а также связь с *пращур* он отрицает (G. Il'inskij. Čur: un faux dieu. — RÉS, t. 8, 1928, стр. 241—242).

[428] F. Miklosich, стр. 344; E. Berneker. Von der Vertretung. . ., стр. 155. Следует в дальнейшем учесть поправку К. Буги (K. Būga. Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etimologijos žodyno. Вильнюсский университет. Отдел рукописей: „Вместо лит. **prakurė̃jas* 'предок' следует писать *prakūrė̃jas*. . . Основным значением слова. . . было 'основатель', ср. *pràkuriu*. . ."').

[429] W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, стр. 169.

[430] Другие предположения относительно этимологии слав. **skjurь*, *prask(j)urь* см. у П. А. Лавровского (указ. соч.), который высказывает различные догадки о связи *щур* с названиями кузнечика в старославянском, крысы в польском (*szczur*), на которых якобы название предка было перенесено в силу мифологических воззрений.

[431] Ср. C. D. Buck, стр. 95.

[432] В. И. Даль, т. II, изд. 4, стр. 871.

[433] Е. Тимченко. Історичний словник українського язика, т. I. Харьков—Киев, 1930, стр. 278.

[434] Q. Hodura. Nářečí litomyšlské, стр. 69.

vnúčad собир. 'внуки, потомки', *vnúk* 'внук', *vnúka*, *vnúkinja* 'внучка', др.-сербск. *вьноукь* 'nepos', сербск. *ȕнук*, болг. *внук* 'внук', диал. 'племянник', *внýка*, *внýчка*.

Сколько-нибудь серьезных отклонений от общеславянской формы в славянских языках нет, если не считать поздних, местных фонетических изменений: польск. диал. *gnuk*[435], упомянутое русск. диал. *мнук*, сербск. диал. *mlȍk*[436]. Каждая отдельная форма правильно продолжает слав. **vъnukъ*. Польск. *wnęk* с носовым гласным не отражает большой древности, как полагали отдельные исследователи, а скорее представляет случай поздней местной польской назализации *wnęk* < *wnuk*[437], ср. известные польск. *między* < слав. **medj-*, русск. *между*, *меж*, *tęsknić* < слав. *tъsk-*, русск. *тоска*, *тосковать*.

Ъ в начале слав. **vъnukъ* оказался в слабой позиции и был рано утрачен, вследствие чего *v-* очутился перед согласным и, вероятно, в отдельных языках приобрел в таком положении билабиальный характер [*w*], близкий к гласному *u*. Отсюда форма *ȕнук* в сербском[438]. Примерно такого же результата можно было ждать в украинском, где, например, предлог и приставка *в* перед согласными дает *у*. Переход *онýк* < **унýк* осуществился, возможно, путем диссимиляции. Г. А. Ильинский[439] считает возможным видеть в укр. *о* прямой рефлекс и.-е. *ă*, ср. др.-в.-нем. *ano* и родственные — параллельно с **vъnukъ*.

Что касается более древней истории слав. **vъnukъ*, несомненно, что согласный *v-* носил протетический характер и появился уже в славянскую эпоху перед *ъ*, который не мог стоять в абсолютном начале славянского слова. Этот *ъ* представляет ступень редукции и.-е. **ă*. Таким образом, слав. **ъn* (без суффикса *-ukъ*) < и.-е. **ăn-*[440], хотя вполне возможно наличие промежуточной ступени в виде слав. *o* (ср. укр. *онук*), в определенных условиях редуцировавшегося.

И.-е. **ăn-* известно в составе самых различных названий родства: иллир. ἄνα, толкуемое в глоссах греческим τὸ γένος 'род'[441], лат. *anus*, *-ūs* 'старуха', имя богини *Anna Perenna* у Варрона, др.-в.-нем. *ano*, ср.-в.-нем. *ane*, *an*, *ene*, нем. *Ahn* 'дед, прапрадед, предок', др.-в.-нем. *ana*, ср.-в.-нем. *ane* 'бабка, прабабка, прародительница', др.-прусск. *ane* 'alte Mutter', литовск. *anýta* 'свекровь', афг. *anā* 'grandmother', хеттск. *annaš* 'мать', *hannaš* 'бабка', ликийск. *χñna* то же[442].

Славянскому **vъnukъ* наиболее близко аналогичное по образованию и по использованию общего и.-е. **an-* нем. *Enkel*, др.-в.-нем. *eninchili* 'внук'. Обычно видят в *eninchili* уменьшительное, т. е. 'маленький дед'[443]. Последнее значение плохо подтверждается фактами, больше того, —

---

[435] K. Nitsch. Wnuk. — JP, t. IX, 1924, стр. 89—92.

[436] См. AfslPh, Bd. 29, 1907, стр. 333.

[437] Fr. Sławski. Oboczność *ą* : *u* w językach słowiańskich. — „Slavia Occidentalis", t. 18, 1939—1947, стр. 265, где *wnąk* < *wnuk* объясняется распространением носовой артикуляции (*n*) на следующий гласный.

[438] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 28.

[439] Г. А. Ильинский. Славянские этимологии XXVI—XXX. — РФВ, т. LXV, 1911.

[440] Ср. F. Miklosich, стр. 396; A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 628; A. Vaillant. Slave commun *vŭnukŭ*. — RÉS, t. 11, 1931, стр. 206: производное с суффиксом -ко- в значении 'потомок' от наречия санскр. *anu*, авест. *anu*, ср. сложение санскр. *anv-aya* 'потомство'.

[441] W. Schulze. Anna. — KZ, Bd. 43, 1909—1910, стр. 276.

[442] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 55; J. Pokorny, стр. 36—37; Ernout — Meillet, t. I, стр. 66; G. Morgenstierne. An Etymological Dictionary of Pashto. Oslo, 1927, стр. 10.

[443] F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte, 2. Aufl., стр. 32; O. Schrader. Reallexikon, стр. 183; F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 11. Aufl., стр. 132.

Шрадер в одной из работ[444], пересматривая особенности др.-в.-нем. *eninchili*, не находит возможным говорить о древнем родстве со слав. *vъnukъ*, а предполагает заимствование из наиболее близкой славянской формы — польск. *wnęk*. Г. Хирт, напротив, повторяет толкование *eninchili* = 'маленький дедушка' и, выводя его из и.-е. **anênkos*, видит в слав. *vъnukъ* заимствование из германского[445]. Оба объяснения недостаточно убедительны, и слав. *vъnukъ* и др.-в.-нем. *eninchili* нужно рассматривать как параллельные образования, не обязательно восходящие к древнеиндоевропейской эпохе. Со стороны формальной др.-в.-нем. *eninchili* представляет производное от названия предка с двумя суффиксами: *-ko-* и *-l-*, для которых может считаться достоверной первичность указания на принадлежность, происхождение, как и вообще для большинства случаев с уменьшительным значением. Значит, 'внук' в сущности — 'принадлежащий предку, деду', 'происходящий от предка, деда'.

Литовск. *anūkas* — позднее заимствование из восточнославянского.

В последние десятилетия, в связи с успешным распространением ларингальной теории на основании изучения фактов хеттского языка, исследователи сообщили ряд новых подробностей предполагаемой древней истории и.-е. **ăn-* 'предок' и т. д. Так, Ю. Курилович[446] сопоставляет хеттск. *ḫannaš* 'бабка', сохранившее *ḫ* ларингальный в абсолютном начале слова, и лат. *anus* 'старуха', др.-в.-нем. *ana* 'бабка', литовск. *anýta* 'свекровь', греч. ἀννίς 'бабка', арм. *han* 'бабка'[447]. Ларингальный перед гласным исчез, не оказав на последующий гласный никакого влияния в количественном отношении, поэтому и.-е. **(ḫ)ăn-* > литовск. *anýta*, слав. *vъnukъ*. Помимо древнего ларингального для этого индоевропейского корня указывается еще подвижный *s-* в начале слова[448]. Это дает возможность сблизить ранее разграничивавшиеся формы: без *s-*, с древним ларингальным др.-в.-нем. *ano* и другие, в том числе слав. *vъnukъ* с поздним наращенным *v-*; с *s-* подвижным санскр. *sána* 'старый', авест. *hana-* 'старый', лат. *senex* 'старик', др.-ирл. *sen* 'старый', арм. *hin* 'старый'; ср., далее литовск. *sēnas* 'старый' и из славянского — ранее не привлекавшееся сюда слав. **svętъ*[449], засвидетельствованное только в значении 'святой, ἱερός'. Что касается различий между балтийским и славянским, слав. **svento-*: литовск. *sēnas* = слав. *svekrъ*: литовск. **sēšuras* (ассимилированное в *šēšuras*) 'свекор'. Ср. выше о балто-славянском отношении *se-*: *su̯e-*.

И.-е. **an-* объединяет многие значения из сферы родственных отношений. Но наиболее часто встречаются в разных индоевропейских языках значения 'старый', 'предок'. Вполне возможно, что именно это наиболее древние значения. В связи с этим ср. мысль О. Шрадера о близости **ano* 'предок, прадед' и греч. ἀνά 'вверх', причем предки могли восприниматься как такие, к которым обращались взоры наверх, как к началу рода[450]. Естественно предположить, что и.-е. **an-* относилось а предкам рода, почитаемым всеми членами рода и косвенно игравшим

---

[444] O. Schrader. Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei indogermanischen Völkern. — IF, Bd. 17, 1904, стр. 34—36.

[445] H. Hirt. Untersuchungen zur indogermanischen Altertumskunde. — IF, Bd. 22, 1907, стр. 84.

[446] J. Kuryłowicz. Études indoeuropéennes, I, стр. 74.

[447] Ср. William M. Austin. Is Armenian an Anatolian Language? — „Language", vol. 18, 1942, стр. 22.

[448] Henry M. Hoenigswald. Laryngeals and S Movable.—„Language", vol. 28, 1952, стр. 182—183.

[449] Другие этимологии слав. *svętъ*, русск. *святой* — см. А. Преображенский, т. II, стр. 255—266; Meillet, RS, t. 2, 1909 (рецензия А. Мейе на словарь Э. Бернекера), стр. 66: литовск. *šventas*: слав. *svętъ*: авест. *spəntō-*.

[450] O. Schrader. Reallexikon, стр. 308.

большую роль в жизни рода[451]. Тогда остальные значения остается объяснить как более поздние переносы значений. Для **ăn-*, как и для и.-е. **tăt-*, **măm-*, **băb-* характерно несколько особое словообразование, ср. родственное редуплицированное **nan-* (с экспрессивным удлинением в славянском) в луж. *nan* 'отец' и других, упоминавшихся выше. Сюда же немецкие диалектные формы тирольск. *nēnə* м. р. 'дедушка', *nūnə* ж. р. 'бабушка', тоже редуплицированные[452].

Дальнейшие нисходящие степени родства обозначаются теми же средствами, что и для восходящего, т. е. присоединением префикса *pra-* слав. *pravъnukъ*: др.-русск. *правънукъ*, *правнукъ*, русск. *правнук*, др.-польск. *prawnęk*, *praprawnęk*, польск. *prawnuk*, *praprawnuk*, словенск. *právnúk*; фонетические отклонения — болг. диал. *парàунук* (трынский говор в Западной Болгарии), макед. диал. *prumlùk*. Словенск. *povnúk* — то же. Этимологически *pra-* в этом сложении не имеет смысла, оно взято из сложения *pradědъ* (и.-е. **pro-* 'перед', т. е. 'прежде, старше').

Интересно, что в польском народном языке старое название внука почти не употребляется, его заменяют описательные: *sin u̯od moji córcé* (кашуб.), *synek u̯od naszej cery*, *corzina dziou̯cha* — в Силезии[453]. Другие описательные обозначения внуков в индоевропейских языках: др.-датск. *barnœbarn*, нем. *Kindeskind*, *Kindskind*, литовск. *vaĩkvaikis*, произведенные соответственно от названий ребенка *barn*, *Kind*, *vaĩkas*. В литовском еще — *vaikų̃ vaikaĩ* мн. ч., т. е. 'дети детей', причем это не дистрибутивное удвоение типа греч. γενεὰ καὶ γενεά, ст.-слав. родъ и родъ, литовск. *kartà põ kartõs*, как полагал Э. Гофман[454], а просто описательное обозначение: 'внуки' = 'дети детей'.

В Восточной Литве распространены еще образования *vaikáitis*, *sūnáitis*, *dukráitė*, *dukteráitė* 'внук, внучка', последние — от *sūnùs* 'сын', *duktẽ* 'дочь' при помощи суффикса *-áitis*, *-áitė*. Дальнейшая степень, как и в славянском, образуется с префиксом *pro-*: *próvaikis*, жемайтск., *próvaikaitis*, *prósunaitis*, *ródukraitė*[455].

Слав. **netijь*, **neti*, *-ere*. К вопросу о специальном обозначении племянника

Др.-русск. *нетии* 'племянник, filius fratris, sororis', *нестера* 'племянница', др.-польск. *nieć* (*nyecz*)[456], чешск. *neti*, *-eře* 'племянница', словацк.

[451] В связи с этим еще раз вернемся к вопросу о причине связи терминов 'предок' — 'внук, потомок'. На примере и.-е. **ăn-* 'предок': слав. *vъnukъ* можно говорить не только о связи производной и непроизводной основ, но и о тождестве, поскольку в слав. *vъnukъ* мы имеем модифицированное обозначение предка подобно тому, как в слав. *bratranъ* — модифицированное название брата, а в *stryjь* — отца. Название предка переносится на внука, потомка. Мотивы этого явления снова помогает нам вскрыть изучение духовной жизни отдельных архаических народностей. В языке племени аранта дед по отцу называется *aranga*, бабка по отцу — *pala*, точно так же сын моего сына — *aranga*, дочь моей дочери — *pala*. Это повторение терминов находит объяснение в поверии туземцев, согласно которому во внуке может воплотиться тот же тотемный дух *kuruna*, что и в деде, возвращающийся через определенные промежутки времени (A. Sommerfelt. La langue et la société. Oslo, 1938, стр. 154). Нам и в этом случае пришлось вернуться к той древней эпохе, когда человек, не зная действительной природы продления рода, вынужден был осмысливать ее мифологически.

[452] F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 11. Aufl., стр. 219—220. Автор ставит эти формы рядом с др.-в.-нем. *ano*, *ana*.

[453] K. Nitsch. Wybór pism polonistycznych, t. II, стр. 16.

[454] E. Hoffmann. Ausdrucksverstärkung. — „Ergänzungshefte zur KZ", Göttingen, 1930, № 9, стр. 20.

[455] A. Salys. Mūsų gentivardžiai, I, стр. 5, 6.

[456] Куда Л. Малиновский (PF, t. I, 1885, стр. 146—147) предложил отнести и слово *nać* в пословице *jaka mać*, *taka nać*, объясняя его без достаточных оснований из **nieć*.

netera, _net'_ 'племянница', др.-сербск. _нетии_ '_sororis filius_', сербск. _нѐстера_ 'племянница', _нѐчака_ 'дочь сестры, племянница', _нѐħак_ 'сын сестры, племянник'.

Анализом этих и близких им индоевропейских форм занимались многие ученые. Ф. Миклошич, А. Брюкнер[457]: слав. _netij_ < _neptij_, ср. санскр. _napāt_, _naptar_, _naptī_; слав. _nestera_ < _nep(s)tera_; Ф. Бопп, Б. Дельбрюк[458]: санскр. _náptār_ — к _pitār_ 'отец', т. е. 'не-отец', 'не-отцов', 'не господин'; слав. _neti_ < и.-е. _*neptī_, слав. _*netijь_ < и.-е. _*neptịio-_ ср. готск. _niþjis_ < _*neptio-_; В. Прельвиц, В. Штрайтберг[459]: греч. ἀνεψιός < _*sm̥-neptịio-_, ср. авест. _naptija-_ 'семья'; νέποδες < и.-е. _*ne-pŏt-_ 'несамостоятельный, несовершеннолетний'; последнее толкование поддерживает А. Вальде[460], отвергающий связь с _*pətḗr_ 'отец'; Р. Траутман[461] выдвигает балто-славянскую форму _*nepōt-_ 'внук, племянник'; Г. А. Ильинский[462], вслед за Погодиным[463], объясняет слав. _nestera_ 'племянница' из _*nept-dъktera_.

Со стороны значения и.-е. _*nepōt-_ представляет, пожалуй, не меньший интерес, чем со стороны формы. Действительно, анализ целого ряда родственных индоевропейских форм показывает, что оба значения 'внук' и 'племянник' весьма древни. А. Исаченко[464], интересуясь в первую очередь принципиальной стороной вопроса, полагает, что первоначально и.-е. _*nepot-_ обозначало внучатного племянника, т. е. внука (внучку) сестры мужчины или брата женщины. Этим объясняется потенциальная возможность древнего _*nepot-_ стать в будущем в одних случаях 'внуком', в других — 'племянником'. Отсутствие общеиндоевропейских названий 'племянник, -ца' Исаченко объясняет последовавшими семантическими сдвигами. Эти названия существовали, когда племянники, племянницы одновременно были кросскузенами[465] — и мужьями и женами моих „детей".

В морфологическом отношении и.-е. _*nepot-_ образовано из отрицания _ne-_ 'не' и и.-е. _*pot-_, которое нам известно во втором компоненте слав. _gos-podь_, литовск. _pats_ 'сам' и которое обозначало, вероятно, старшего в роде, на стадии патриархата — старшего мужчину, отца. Соответственно этому форма с отрицанием _*ne-pot-_ должна была при известных условиях обозначать не-старейшину, не-отца. Строго говоря, такое значение может иметь только и.-е. _*ne-pŏt-_, полностью сохраняющее корневой вокализм и.-е. _*pŏt-_ (_ŏ_ краткое). Тогда формы _*nepōt-_, последовательно повторяющиеся во многих индоевропейских языках со значением 'внук, племянник': санскр. _nápāt-_, лат. _nepōs_, литовск. _nepuotìs_[466] — будут производными типа _vr̥ddhi_ (т. е. образованными путем удлинения корневого гласного, ср. у Дельбрюка объяснение санскр. _tātá_, обозначение сына,

---

[457] F. Miklosich, стр. 214; см. рецензию Брюкнера на кн. W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. — AfslPh, Bd. 29, 1907, стр. 119; Р. Брандт, напротив, ставит существование _нестера_ под сомнение („Дополнительные замечания к Разбору Этимологического словаря Миклошича". — РФВ, т. XXIII, 1890, стр. 89—90).

[458] См. B. Delbrück, стр. 384, 478, 499.

[459] W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, стр. 23—24 и далее; W. Streitberg. Die Entstehung der Dehnstufe. — IF, Bd. 3, 1893—1894, стр. 334.

[460] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 515.

[461] R. Trautmann, BSW, стр. 196.

[462] Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 266.

[463] А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903, стр. 253.

[464] А. Исаченко. Указ. соч., стр. 68, 71.

[465] Кросскузены — букв.: 'перекрестные кузены' (этногр. термин), между которыми в древнем родовом обществе были возможны брачные отношения.

[466] Литовск. _uo_ < и.-е. _*ō_.

собственно, производное: 'отцов'). Форма и.-е. **nepōt-* ясно свидетельствует, что оно могло значить 'принадлежащий не-отцу, не-старейшине'. Такое толкование вполне соответствует термину побочного родства 'внучатный племянник', т. е. 'неродной внук'. Ю. Курилович[467] говорит о долгой ступени корневого гласного в балто-славянском как морфологическом средстве выражения производного характера слова, сопровождающем известную суффиксацию или имеющем тенденцию вытеснить ее[468]. Описанный способ словопроизводства не был единственным, ср. восходящие к и.-е. **neptio-*, **neptiio*, греч. ἀνεψιός, готск. *nipjis*, слав. *netijь*[469]. Не случайно в этих производных, образованных с суффиксом принадлежности *-io/-iio*, нет никаких признаков ō долгого в корне, напротив — нулевая ступень **nept-*, полученная из **nepŏt-*[470]. Это показывает, что ō долгое характеризовало производное, функционально равноценное производному с суффиксом. Поэтому этимология, исходившая из **ne-pŏt-* 'несовершеннолетний, несамостоятельный', принятая рядом авторов, не может быть признана достаточно точной ни в фонетическом, ни в смысловом отношении. Попытка В. Махека[471] объяснить **nepōt-* из **nevo-pot-* 'новый, или молодой господин' через гаплологию *ne(vo)pot-* с заменительным растяжением *o* (*nepōt-*) неубедительна, поскольку, в отличие от изложенного объяснения, опирается на незасвидетельствованные и маловероятные формы.

Что касается слав. *nestera* ж. р.[472], следует вместе с Брюкнером[473] видеть в нем результат аналогического выравнивания по слав. *sestra*. Слав. *nestera* < **netera*, которое продолжает *r*-основу **neter-*, сохранившуюся еще в чешск. *neti*, *neteře* ж. р. и образованную по аналогии **mati*, *-ere*, **dъkti*, *-ere*. Группа *pt* всюду упростилась в славянском, дав *t*: *netijь*, *neti*, в то время как в литовском она сохранилась, ср. *neptẽ* = слав. *neti*. А. Вайан[474] объясняет в слав. *nestera st* < *pt* при более новом упрощении *t* < *pt* в *netijь*, в чем он видит следы количественного чередования **nepōt*: **nept* — в склонении в балто-славянском. Видеть в *nestera* компаративное **nept-terā*, (ср. лат. *matertera* 'тетка', с суффиксом *-ter-*[475]) нет надобности, если учесть местное аналогическое происхождение как слав. *nestera*, так, например, и санскр. *náptar*[476]. А. Мейе[477] точно так же из компаративного образования объяснял слав. *netijь* с суффиксом *-jo-*.

Что касается современных названий племянника, племянницы в славянских языках, очень большое число их произведено от названий сестры, брата, и они были нами рассмотрены в соответствующих разделах. Это очень употребительные формы сравнительно с более редкими слав. **netijь*, **neti*. Поздние образования представлены в русском

---

[467] J. Kuryłowicz. Le degré long en balto-slave. — RS, t. XVI, 1948, стр. 1 и след.

[468] Ср. также важное указание Э. Френкеля на то, что литовск. *nepuotis* было согласной основой, выравненной по вин. п. ед. ч. на *-i* („Slav. *gospodь*, lit. *viẽšpats*, pr. *waispattin* und Zubehör. — ZfslPh, Bd. 20, 1948, стр. 61 и след., где подробно об этой форме и родственных).

[469] Сюда же литовск. *neptẽ* < балто-слав. **neptiā*, аналогичного греч. ἀνεψιά.

[470] Видимо, в результате акцентологических изменений, ср. место ударения греч. ἀνεψιός.

[471] V. Machek. Étymologies slaves. — „Récueil linguistique de Bratislava", I, 1948, стр. 98, примеч. 1.

[472] Ср. следы в русск. *Нестеров* (имя собств.) и под.

[473] См. его рецензию в AfslPh, Bd. 11, стр. 137. Ср., впрочем, выше другое его высказывание.

[474] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 82.

[475] Ср. R. Trautmann, BSW, стр. 16; J. Pokorny, стр. 36—37.

[476] Так объясняют последнее слово Вальде и Покорный (Bd. I, стр. 55).

[477] A. Meillet. Études, стр. 393.

языке: *племянник* (первоначально — 'родич, соплеменник вообще'), диал. *племя́нка* 'племянница'[478], *племя́ненка* 'племянница'[479], *пле́мник*, *пле́мница* 'племянник, племянница'[480]. Поздний, местный характер носят укр. *небо́га* 'племянница', *небожа́*, *-а́ти* 'племянник, племянница', белор. *небо́га*, *небо́ж* то же[481], собств. 'бедняжка'.

Прибалт.-словинск. *bẽlă*, *bẽlk* 'Vetter, Brudersohn' происходит, возможно, из нем. *Buhle* 'любовник; соперник'.

Дядя, тетка по отцу, по матери
Слав. **stryjь*

Славянская родственная терминология знает специальные названия для дяди по отцу — **stryjь* и по матери — **ujь*, в то время как тетки по отцу и по матери не имеют особых терминов в славянском, а обозначаются производными от названий дядьев. Таким образом, славянский не отражает того, видимо, древнего состояния, которое сохраняется в латинском, где, кроме *patruus* 'дядя по отцу', *avunculus* 'дядя по матери', есть еще особые *amita* 'тетка по отцу', *matertera* 'тетка по матери'[482].

Дядя по отцу имеет в индоевропейском название близкое, почти тождественное названию отца — **pətruo-/*pətrui̯o-*. Это производное от **pəter-* с суффиксом, который Дельбрюк считает не указывающим на происхождение, а детерминирующим (*-uo-*, *-uio-*), т. е. **pətruo-* представляется своего рода отцом, вторым отцом, ср. **mātrui̯ā* 'вторая мать, мачеха, тетка'[483], лат. *matertera* (см. выше). Сюда, кроме лат. *patruus*, относятся санскр. *pitṛvya*, греч. πάτρως[484].

Перейдем к рассмотрению слав. **stryjь* 'дядя по отцу'. Оно сохранилось в славянских языках почти повсеместно. Исключение представляет современная восточнославянская ветвь, где **stryjь* забыто и уступило место новому обобщающему названию. Но вплоть до XIV в. *стрыи* весьма употребительно в древнерусском и лишь после этого времени становится архаизмом, вытесняется[485]. Для украинского языка отмечается частичное сохранение старых названий *стрий*, *стрик*,

---

478 В. Водарский. Областные слова Рыбинского у. Ярославской губ. — Ж. Ст., 1902, вып. III—IV, стр. 404.

479 А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия, стр. 123.

480 Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, стр. 83.

481 Н. Чудовский. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. — РФВ, 1898, № 3—4, стр. 68.

482 B. Delbrück, стр. 488.

483 Там же, стр. 500—501. Выше мы уже неоднократно встречались в индоевропейской и славянской терминологии родства с такими детерминирующими суффиксальными производными от ряда основных терминов родства и указывали, в согласии с некоторыми исследователями, что эти производные в сущности сохраняют значение основного имени. Но древность отдельных словообразовательных типов (и.-е. **pətrui̯o: *pətēr*), как и самого принципа образования, позволяет, основываясь на некоторых аналогиях, сделать также и другой вывод: по тому, как модифицирующее словообразование затрагивает главным образом основные термины, как бы формируя соответствующую систему производных терминов, можно заключить, что таким путем внутри совокупной системы родства складывалась упрощенная система родства. Существование упрощенной системы наряду со сложной системой родства отмечает у племени аранта А. Соммерфельт. Его примеры очень близки отдельным индоевропейским случаям. Так, когда речь идет о родственниках одного ранга, например, обо всех, кого я могу назвать 'женами', существует термин *noa-tja* 'моя жена' в отличие от других *noa*, *kata-tja* 'мой отец' в отличие от других *kata*, например, его братьев (см. A. Sommerfelt. La langue et la société, стр. 155).

484 B. Delbrück, стр. 488.

485 Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. — „Ученые зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена“, т. 80, 1949, стр. 21.

стрийко, *стрико* и соответствующего ему *вуйко* в юго-западных говорах[486]. По отдельным языкам:

ст.-слав. стрыика, стрыка, стрыи, стрика 'θεῖος, patruus', стрыць 'θεῖος, patruus', стрыичишть 'filius patrui', стрынꙗ 'amita', стрыꙗ 'θεῖος patruus'; др.-русск. *стрыи*, *стръи*, *строи* 'дядя по отцу, брат отца', 'брат деда и прадеда', *стрыиня* 'жена дяди', *стрыичичь*, *стръичичь*, *строичичь* 'сын дяди', *стрыка* 'дядя'; укр. *стрий* 'дядя', *стрийна* 'тетка, сестра отца', 'жена дяди'; др.-польск. *strycz*, *stryczek* 'дядя по отцу', *stryj*, *stryk* то же, *stary stryj* 'брат деда', *starszy stryj* 'брат прадеда', *strykowina* 'наследство после дяди'; польск. *stryj* 'дядя по отцу', кашуб. *strij*, *-éja* 'stryj', *strijna* 'stryjenka'; прибалт.-словинск. *strïk* 'дядя по отцу', *strîna* 'тетка по отцу', *strïnka* то же, полабск. *stroij*, *stróija* 'дядя по отцу', *stroijüövka* 'тетка по отцу', чешск. *strýc* 'дядя по отцу', диал. *strýček* то же, *stryná* 'сестра отца' (валашск.), *stryk* (ляшск.) 'дядя по отцу', *strynka* 'прабабка', *strejc*, *strejček* 'дядя по отцу'[487], словацк. *strýko*, *strico*, *strik*, *strina*[488], словенск. *stríc*, *strícej* 'дядя по отцу', *mrzli stric* 'двоюродный брат отца', *stari stric* 'брат дяди', *stričîčna* 'дочь дяди', *stríčič* 'сын дяди', *strîčnica* 'племянница', *strîčnik* 'племянник', *strijec=stric*, *strína* 'жена дяди по отцу', *strînec*, *strînić* 'двоюродный брат', др.-сербск. *стрыи*, *стрыць*, *стрыꙗ*, сербск. *стрúка*, *стрûна* 'жена дяди по отцу', *стрúко*, *стрûц* 'дядя по отцу', болг. *стрúко* 'дядя по отцу', *стрúна* 'жена дяди по отцу', диал. *стрици* 'девери'[489].

С иным значением сюда же польск. *strych* 'нищий', уничижительная форма с *ch* от *stryj*[490].

И. Миккола выдвинул правдоподобную этимологию слав. **stryjь*. Он сближает его с лат. *patruus*, особенно с др.-иранск. *tūirya-* в том же значении, которое содержит нулевую степень от **pətḗr*, т. е. *ptr-*. Следовательно, слав. *stryjь*<**ptruu̯i̯o-*. Миккола предполагает здесь *ptr-*>*ttr-*, где двойное *tt-* переживает особую судьбу в начале слова перед *r-*. Особенно интересно в этой связи в.-луж. *tryk* 'дядя по отцу'[491]. Это толкование нашло позднее поддержку у других исследователей — М. Ве[492], А. Вайана[493]. Авторы отмечают наличие напряженного ъ перед *i̯*, нашедшее специальное выражение в др.-русск. *стръи*, *строи*[494], при сохранении форм *stryj* в остальных славянских[495].

Эта этимология является весьма важным достижением, особенно, если вспомнить, что еще Дельбрюк не мог объяснить славянского слова[496], в связи с чем от него ускользала весьма важная нить, свя-

---

486 А. А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке, стр. 10.

487 F. Bartoš. Dialektický slovník moravský, стр. 408; Q. Hodura. Указ. соч., стр. 69.

488 Ср. F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 216.

489 СбНУ, кн. VI, 1891, стр. 26 („Песни из личния живот. От Малко—Търново").

490 A. Brückner. Etymologische Glossen. — KZ, Bd. 43, 1909—1910, стр. 304.

491 J. J. Mikkola. Zur slavischen Etymologie. — IF, Bd. 23, 1908—1909, стр. 124—125; его же. Urslavische Grammatik, I. Teil, 1913, стр. 65.

492 M. Vey. Slave *st*-provenant d'i.-e. *pt-*, стр. 65 и след.

493 A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Paris, Lyon, 1950, стр. 82.

494 Ср. подробнейший анализ вопроса о напряженном ъ в др.-русск. *стръи* в книге Б. М. Ляпунова „Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи" (ч. 1, СПб., 1899, стр. 119 и след.).

495 J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, стр. 65; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, стр. 137—140. Более старая этимология — см. J. Zubatý. Zu den slavischen Femininbildungen auf *-yńi-*. — AfslPh, Bd. 25, 1903, стр. 355—365: из женского образования **stry* < **srūs*, 'сестра отца' к **seser* — 'сестра'.

496 B. Delbrück, стр. 500.

зывающая индоевропейскую и славянскую терминологию родства. Изложенная этимология слав. **stryjь* — не единственная, хотя другие сопоставления отнюдь не могут быть названы правдоподобными. Так, Миклошич[497] сближает *stryjь* с литовск. *strujus* 'старик', К. Буга[498] — слав. *stryjь*, литовск. *strūjus* 'дед' (в Катехизисе Даукши, 26, 16), ирл. *sruith* 'старый, достопочтенный' из **stru-ti-*. Так же, только с литовск. *strūjus*, сближает славянское слово А. Брюкнер[499]; Вальде — Покорный[500], указывая на польское происхождение литовского слова, относят слав. *stryjь* к и.-е. **stru-* 'старый, престарелый', вместе с ирл. *sruith*. Х. Барич, принимая за основу предположение, что слав. *stryjь* продолжает **pət-ruio-*, объясняет, однако, славянскую форму как сложение: **sm̥-ptrūi̯o-* > *sъ-[p]tryjь*, ср. префиксальные 'ἀ-νεψιός, α'-δελφός[501].

Надежность этимологии Микколы подтверждается и доводами исторического характера. А. Исаченко[502] видит остатки общинно-родовых отношений с кросскузенным браком в факте распространения названия 'отец' на братьев отца, отцовских дядьев: **pətḗr* > **pətrui̯os* > слав. **stryjь*. Кроме того, правильное объяснение слав. *stryjь* важно как подтверждение отражения и.-е. **pətēr* в славянском (вопреки мнению А. Мейе).

В латинском языке следы классификаторской системы родства совершенно очевидны: *pater* — 'отец', а 'брат отца' — *patruus*, т. е. модифицированное *pater* 'отец', распространенное, помимо отца, также на его братьев[503]. Тем интереснее для нас всякое новое свидетельство о подобных древних реликтах, особенно, если его дает славянский. Так, П. Ровинский[504] указывает, что название отцовского дяди — *стрико* распространяется очень часто у черногорцев на деда и также на отца, вообще — на старшего мужчину в роде. Это является смутным отражением классификаторской системы, при которой всех старших мужчин в роде я считаю своими отцами[505].

Слав. **ujь*

Ст.-слав. оуи 'θεῖος avunculus', оуика f. 'θεία amita', m. 'θεῖος avunculus', др.-русск. *уи* 'дядя по матери', укр. *вуй* 'дядя', *вíйна* 'тетка, жена брата отца'; др.-польск. *uj*, польск. *wuj*, *wujaszek* 'дядя по матери'; кашуб. *wuj* 'дядя по матери', прибалт.-словинск. *vùi̯k* 'дядя по матери', *wũi̯nă* 'тетка по матери', в.-луж. *Huj* (Beiname 'Onkel' als Schmeichelname), *Hujk*, *Hujko* (Schmeichelname: 'Onkelchen, Vetterchen, Vetterlein'), в.-луж. *wuj* 'Vetter', *wujowc* 'Oheimssohn, Cousin', *wujowka* 'Oheimstochter,

---

497 F. Miklosich, стр. 327.

498 К. Буга. Славяно-балтийские этимологии. — РФВ, 1916, № 1—2, стр. 147.

499 A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 522.

500 Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 651.

501 H. Barić. Albanorumänische Studien. I. Zur Kunde der Balkanhalbinsel. Quellen und Forschungen. 7. Sarajevo, 1919, стр. 123.

502 А. Исаченко. Указ. соч., стр. 56—57.

503 Ср. G. Thomson. Aeschylus and Athens, стр. 404.

504 П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. — Сб. ОРЯС, т. LXIII, № 3, 1897, стр. 285.

505 Из работ о славянском слове следует специально упомянуть довольно обширную монографию в плане лингвистической географии, посвященную польским формам: A. Obrębska. *Stryj*, *wuj*, *swak* w dialektach i historii języka polskiego. Kraków, 1929, где анализируются варианты *stryk*, *stryja*, *stryjo*, *stryjko*, *stryj*, *stryjek*, *stryjk* в польских говорах. Несколько удивляет то, что составительница, говоря об этимологии слова, сочла возможным обойти молчанием объяснение Микколы (см. выше). О происхождении формы на *-o stryko* из звательного падежа см. на материале словацкого — Ján Stanislav. Zo slovenskej historickej gramatiky. Hypokoristiká na *-o*, *-e*. — „Slavia", roč. XXII, 1953, стр. 247 и след.

Cousine’, полабск. *våuja* ‘Oheim’, чешск. *ujec* (стар., диал.) ‘дядя по матери’, *uječek* то же, *ujčiná*, *ujčenka*, *ujčinka* ‘жена дяди по матери’, *hojec*, *hojček* ‘дядя по матери’[506], словацк. *ujko*, *ujo*, *ujec* ‘дядя по матери’, словенск. *ûj*, *uják*, *ûjec* ‘дядя по матери’, *ûja* ‘тетка по матери’, *ûjčica* то же, *ûjčič* ‘двоюродный брат по матери’, *ujčîčna* ‘двоюродная сестра по матери’, *ûjna* ‘тетка по матери’, ‘жена дяди по матери’, др.-сербск. *оуиць* ‘avunculus’, сербск. *ȕјâк* ‘дядя по матери’, *ујац* то же, *ујко* то же, *ȕјна* ‘жена дяди по матери’, болг. *уйка́*, *уйча́* ‘дядя по матери’, *ву́йко*, *ву́йчо* то же, *ву́йна* ‘тетка’, ‘жена дяди по матери’.

Слово **ujь* является общеславянским, хотя в некоторых языках оно уже отмечается как областное, устаревшее. Для русского языка характерно полное забвение этого слова, почему к обстоятельному перечислению русск. *уй*, *вуй*, *уе́ц*, *у́йчич*, *ву́ец*, *у́йка*, *ву́йка* у В. И. Даля[507] следует отнестись осторожно, поскольку автором по сути дела привлечены древнерусские слова.

Из фонетических особенностей слав. **ujь* нужно отметить протетические согласные. Обычно это *v*, поскольку наращение происходит перед гласным *u*: польск. *wuj* и др.[508] Есть случаи наращения *h*: чешск. диал. *hojec*, *hojček*, н.-луж. *Huj*, *Hujk*. Корень слав. *ujь* содержит полный гласный *u*, поэтому др.-русск. *вои*, вместо *оуи* объясняется аналогией др.-русск. *строи*, где *о* органично, из *ъ* напряженного[509]. Нам уже неоднократно приходилось сталкиваться с фактами взаимовлияния как противоположных, так и однородных имен родства[510]. Болг. диал. *у́ке*, *у́кье* ‘дядя по матери’, а также ‘муж сестры матери’[511] в фонетическом отношении представляет собой скороговорное стяжение из *у̯ікье*, ср. *дево́ки* < *дево́йки*.

Итак, наиболее древней общеславянской формой (до наращения согласных перед *u*) является **ujь*. Как выясняется при сравнении, *u* продолжает индоевропейский дифтонг **au*, следовательно, формой, предшествующей слав. **ujь*, будет **au̯i̯os*. Эта индоевропейская форма прослеживается во многих индоевропейских языках: лат. *avia*, др.-прусск. *awis*, литовск. *avýnas*, слав. *ujь*; сюда же, по Бругману, относится и греч. αἶα (см. ниже). При изучении этих форм можно отметить различное место слогораздела: лат. *avia* < **a/u̯i̯a*, а слав. *ujь* < **au̯/i̯os*[512]. Характер слогораздела форм, легших в основу литовск. *avýnas* (*a/u̯-*) и слав. *ujь* (*au̯-*), противоположен отношению литовск. *naũjas* (*nau̯-*): слав. *novъ* (*no/u̯o-*) ‘новый’.

А. Исаченко[513] указывает на **-i̯ь* в слав. **ujь*, **stryjь* как на новый славянский словообразовательный элемент терминов родства. С этим нельзя согласиться: **-i̯ь* весьма древен и не является специфически славянским, а непрерывным продолжением и.-е. **-i̯os*, ср. лат. *avia* ж. р. и др. Славянский же сохранил производную форму. Непосредственно

---

506 F. Bartoš. Dialektický slovník moravský, стр. 408—460.

507 Т. IV, изд. 4, стр. 977.

508 Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика, стр. 163; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 186; подробно об этом и вообще о польских формах славянского слова см. A. Obrębska. Указ. соч., в разных местах.

509 См. Ф. П. Филин. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке, стр. 336.

510 Между прочим, именно из др.-русск. *вои* можно объяснить укр. *віїна* ‘тетка’, продолжающее древнерусскую форму в производном виде: **во́йна*.

511 Н. В. Державин. Заметка о болгарском говоре с. Терновки Мелитопольского у. Таврической губ. — ИОРЯС, т. 10, кн. 1, 1905, стр. 145; СбНУ, кн. IX, 1893, стр. 13 („Песни... от Искрецко“).

512 K. Brugmann, KVGr., стр. 99.

513 А. Исаченко. Указ. соч., стр. 76.

к и.-е. **aṷos* восходит литовск. *avà* 'тетка (по матери), жена дяди', упоминаемое в „Словаре литовского языка" А. Юшкевича и даже в более или менее современном „Литовско-русском словаре" Серейскиса[514], хотя Траутман, видимо, не совсем уверен в его реальности[515]. Впрочем существование литовск. *avà* 'тетка по матери' в речи отмечает также хороший знаток литовского языка А. Салис[516]. Как литовск. *avà*, так и литовск. *avýnas* 'дядя по матери' очень редки в современном литовском языке и вытесняются, как устаревшие, обобщающими *tetà* 'тетка', *dė̃dė* 'дядя'[517], подобно тому, как это имело место в восточнославянских языках, в русском.

Литовск. *avýnas* образовано от **aṷos* с суффиксом *-yna-* генетически—индоевропейским суффиксом притяжательности *-*īno-*, ср. лат. *suīnus* 'свиной'[518], литовск. *brolynas*, *seserynas* 'племянник по брату, по сестре', хотя в литовск. *avýnas*, как и в *mótina* 'мать', не осталось никаких признаков этой принадлежности. Из славянских названий в структурном отношении в известной мере аналогично литовск. *avýnas* (*aṷ-īno-*) болг. *ýйна* (**uj-īna* < **aṷ-īna-*) 'тетка, жена дяди', с ясным притяжательным значением: 'принадлежащая дяде по матери'. Ср. еще русск. диал. *дя́д-ина* 'жена дяди'.

Дальнейшие соответствия слав. *ujь* в других индоевропейских языках: нем. *Oheim* 'дядя'[519], арм. *hav* 'дед', ср. каппадокийскую глоссу ἀβοῦκα · πάππος[520], греч. αἶα, у Гомера, синоним γαῖα 'земля', объясняемое К. Бругманом как *ἀϜjα, родственное лат. *avia* 'бабка', ср. представление греков о земле как прародительнице всего живого[521]. Известно сравнение упомянутых слов с санскр. *ávati* 'радуется', а также объяснение из „детского языка"[522]. А. Вальде специально указывает на неприемлемость сближения с указательным местоимением слав. *ovъ* 'тот' и родственными[523]. Ср. далее готск. *awo* 'μάμμη, бабка'[524], хеттск. *ḫuḫḫaš* 'дед'[525]. Ф. Мецгер недавно выдвинул этимологию, согласно которой в основе этих слов лежит индоевропейское пространственное обозначение **aṷi-*, **au-* 'прочь, в сторону', ср. лат. *au-fero*, а также образования с *-tr-*, например, вал. *ewythir* 'дядя по матери'[526].

В последние десятилетия были предприняты попытки внести коррективы в изучение фонетической истории и.-е. **aṷos* в связи с теорией об индоевропейском ларингальном. Так, исходя из существования

---

514 B. Sereiskis. Lietuviškai-rusiškas žodynas. Kaunas, 1934, стр. 74; в „Dabartinės lietuvių kalbos žodynas" (Vilnius, 1954) этого слова уже нет.

515 R. Trautmann, BSW, стр. 21.

516 A. Salys. Mūsų gentivardžiai, I, стр. 8.

517 Возможно, употребительности *avýnas* 'дядя' вредит омонимическая близость к *ãvinas* 'баран', как объясняют некоторые уроженцы Литвы, пользующиеся литовским как родным языком.

518 A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, стр. 143.

519 H. Osthoff. Etymologica. I. — „Beiträge", Bd. 13, 1888, стр. 447 и след.; S. Bugge. Beiträge zur vorgermanischen Lautgeschichte. — „Beiträge", Bd. 24, 1899, стр. 439—440.

520 S. Bugge. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. — KZ, Bd. 32, 1891, стр. 10.

521 K. Brugmann. Beiträge zur griechischen, germanischen und slavischen Wortforschung. — IF, Bd. 15, 1903, стр. 93—97.

522 A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 78—79; Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 17, 19, 20—21.

523 A. Walde. Указ. соч., стр. 78—79.

524 S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch. . ., стр. 71.

525 Ernout — Meillet, t. I, стр. 109—110; Покорный (J. Pokorny, стр. 89) сомневается в родстве этих форм с хеттск. *ḫuḫḫaš*, видимо, без достаточного основания.

526 F. Mezger. Some Formations in *-ti-* and *-tr(i)-*. — „Language", vol. 24, 1948, стр. 155.

хеттск. *ḫuḫḫaš* 'дед', Ю. Курилович[527] предполагает, что в основу лат. *avus*, ст.-слав. оуи, литовск. *avynas*, др.-исл. *afe*, др.-ирл. *aue* легла форма с ларингальным и сильной ступенью корневого вокализма *$ə_2$*eu*$ə_2$*os*, позднее — **au̯os*, наряду с *$ə_2$*u*$ə_2$*os* (слабая ступень корневого вокализма), которое имеется в хеттск. *ḫuḫḫaš*. Уильям М. Остин возводит лат. *avus* и хеттск. *ḫuḫḫaš* к общему исходному „индо-хеттскому" *xauxos*[528].

Что касается этимологической стороны исследований и.-е. **au̯os*, совершенно очевидно, что далеко не все согласны видеть в нем „Lallwort", слово „детского лепета", хотя принципиального отличия от и.-е. **ătta*, **ăn-* в этой корневой морфеме нет вплоть до *ă*-вокализма, который Мейе постулирует для таких образований индоевропейской интимной, семейной речи. Так, ряд исследователей (ср. выше) видит в **au̯os* полнозначную морфему, сближая ее то с **au̯-* 'радоваться', санскр. *avati*, то с указательным **au̯-* 'то, отдаленное', ст.-слав. овъ. Подобные попытки предпринимаются и в последнее время, ср. оригинальную этимологию Ф. Мецгера — от индоевропейского пространственного обозначения **au̯* — 'в сторону, прочь'. Но такое обилие взаимно исключающих друг друга и более или менее правдоподобных этимологий одного слова заставляет относиться ко всем ним в равной мере осторожно. Не случайно Бругман считал дальнейшие сближения и.-е. **au̯os* малодоказательными, а потому и малоплодотворными.

Вместе с тем и.-е. *au̯os* обнаруживает структурное сходство с и.-е. **atta*, **an-* и др., например, характерное словообразование путем редупликации: *vava* 'бабка', неаполитанская форма для лат. *av(i)a*[529].

Гораздо плодотворнее, напротив, изучение развития терминологического значения и.-е. **au̯os*. Обычно принято считать, что **au̯os* обозначало деда, отца матери. Так полагают Б. Дельбрюк[530], О. Шрадер[531], в последнее время — Э. Бенвенист[532]. В связи с этим производные от и.-е. **au̯os* с суффиксами принадлежности *-i̯o* (слав. *ujь*), *-īno-* (литовск. *avýnas*) толковались как 'дедов, принадлежащий деду'[533]. А. Исаченко[534] вслед за Дж. Томсоном[535] указывает, однако, что и.-е. **au̯os* не 'материнский дед', как принято думать, ибо отец матери был бы неизвестен при групповом браке родовой эпохи. Если лат. *avunculus* = 'маленький avus' и в то же время 'брат матери', то *avus* = 'брат бабушки'. Исаченко[536] полагает, что и.-е. **au-*, легшее в основу названий дяди по матери, означало сначала 'одного из предков во втором поколении'. Она сменило в функции названия брата матери и.-е. **su̯ek̑uros*, поскольку Дж. Томсон указывал, что при древней классификаторской системе родства моим мужем был мой двоюродный брат (кросскузенный брак), а следовательно, мой свекр, и.-е. **su̯ek̑uros*, был моим дядей, братом моей матери[537].

---

527 J. Kuryłowicz. Études indoeuropéennes, I, стр. 74.

528 William M. Austin. Is Armenian an Anatolian Language? — „Language", v. 18, 1942, стр. 22. Х. Педерсен („Hittitische Etymologien". — AO, vol. 5, 1933, стр. 183—186), одобряя сближение хеттск. *ḫuḫḫaš*: лат. *avus* (E. H. Sturtevant. — „Language", vol. 4, стр. 163), уточняет: *ḫu* = лат. *av-*, т. е. *ḫ* = *a*, так как „. . . обратное соотношение слогового и неслогового моментов не представляет собой чего-либо необычного".

529 A. Zimmermann. Lateinische Kinderworte als Verwandtschaftsbezeichnungen. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 150.

530 B. Delbrück, стр. 482.

531 O. Schrader. Reallexikon, стр. 308.

532 E. Benveniste, BSL, t. 46, 1950; procès-verbaux du 4 mars, стр. XXI—XXII.

533 H. Osthoff. Etymologica. I. — „Beiträge", Bd. 13, 1888, стр. 447 и след.

534 А. Исаченко. Указ. соч., стр. 67.

535 G. Thomson. Studies in Ancient Greek Society. London, 1949, стр. 80.

536 А. Исаченко. Указ. соч., стр. 62—63.

537 G. Thomson. Указ. соч., стр. 80.

Восточнослав. *дядя*

Современные восточнославянские языки забыли оба древние специальные названия для отцовского и материнского дядьев и употребляют в обоих значениях общее название: *дядя*. „В ранних древнерусских и церковнославянских памятниках слово *дядя* не встречается вовсе. Первоначальное значение этого термина (дядя), существовавшего издревле в восточнославянских диалектах, было не только 'дядя', но и 'отец', 'старик'. В украинских говорах *дядю*, *дядик* и до настоящего времени известно в значении 'отец'[538]. Об отношениях слова *дядя* к названиям деда, отца говорилось уже раньше.

Др.-русск. дадѧ 'брат отца или матери': „Изяславъ и Святославъ выяша дядю стрыя своего Судислава изъ поруба". Псков. 1 л. 6567. В русском, помимо общенародного *дядя*, диал. *дядяка* то же[539], в говорах существуют производные, обозначающие жену дяди, тетку: *дéдина*, *дéдинка*, *дéдинушка*, *дéдна*, *дя́дина*[540], *дя́динка*[541]. Ср. укр. *дя́дина* 'жена дяди', *дя́дько* 'дядя', белор. *дзя́дзька* то же.

В литературе русск. *дядя* давно рассматривается как родственное слав. *dědъ*[542].

Алб. *džadža* 'брат отца, дядя' объясняют заимствованием из славянского[543], хотя сопоставляют его только с русск. *дядя*, не указывая таких же балканославянских форм, которые могли бы явиться источником заимствования.

Не совсем ясно сербск. (далматинское) *dundo* = *stric* 'брат отца'. Лавровский[544] видел в этой форме отражение носового, ср. др.-русск. дадѧ, что является очевидной ошибкой, так как ѧ в дадѧ не более как орфографическая особенность. Словарь Югославской Академии (кстати, тоже предлагающий неверное толкование из удвоения слога *dun* в „детской речи") характеризует сербск. *dûndo* как сравнительно новое слово (с XVI в., главным образом в Приморье) со следующими значениями: 'брат отца', 'брат матери', также о более отдаленных родственниках, вообще — о пожилом человеке, почтительно[545].

Позднее этимологией *dundo* занимался К. Штрекель[546]. К нему

---

538 Ф. П. Филин. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке, стр. 338.

539 „Труды Московской диалектологической комиссии". Саратовская губ. Обработали А. Ст. Мадуев и Н. Н. Дурново. — РФВ, т. LXVI, стр. 205.

540 Я. Светлов. О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губ.). — Ж. Ст., 1892, вып. III, стр. 161; А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия; стр. 37; В. Добровольский. Смоленский областной словарь, стр. 206.

541 „Труды Московской диалектологической комиссии". Смоленская губерния. Обработал Н. Дурново. — РФВ, 1909, № 3—4, стр. 212.

542 Ср. B. Delbrück, 498; E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grèque. 2-ème éd. Heidelberg—Paris, 1923, стр. 337: греч. θεῖος 'дядя', τηθίς 'тетка': лит. *dėdė* 'дядя', ст.-слав. дѣдъ; Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 826: *dhē-* редуплицированное *dhe-dh(ē)-*, слово „детского лепета" для обозначения старших членов семейства, ср. греч. θεῖος 'дядя', τηθίς 'тетка'; литовск. *dėdė* 'дядя', ст.-слав. дѣдъ, ср. аналогичное н.-в.-нем. *deite*, *teite* 'отец, старик', русск. *дя́дя*: см. еще M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 387.

543 B. Delbrück, стр. 491; G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, стр. 79—80.

544 П. Лавровский. Указ. соч., стр. 36.

545 „Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika", dio. II, Jugoslavenska Akademija, Zagreb, 1884—1886, стр. 888.

546 K. Štrekelj. Zur slavischen Lehnwörterkunde. — „Denkschriften der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. phil.-hist. Klasse", Bd. 50. Wien, 1904, стр. 16. Здесь сербохорватское слово объясняется как романское заимствование, причем приводятся истро-итальянские слова *dǫnda*, *bidónda*, *pidónda*, *anda*, *amita* 'тетка'. В таком случае женское название ит. *donda* 'тетка' дало в сербохорватском мужское *dundo*. Правда, автор отмечает очевидное отсутствие промежуточной формы между истро-

отсылает Э. Бернекер[547]. К. Сандфельд[548], говоря о романском влиянии на Балканском полуострове, упоминает о заимствовании истро-рум. *cuńăt*, *cumnăt* 'beau-frère' из ит. *cognato* и лат. *cognatus*. Нам кажется, что правильную этимологию сербск. *dundo* надо искать именно здесь. Это позднее местное слово можно объяснить как заимствование из романского источника, ср. истро.-рум. *cuńăt* или ит. *cognato* [*konjato*]; аналогичная романская форма могла дать **kûnjdo*, **kûndo* с последующей ассимиляцией — *dûndo*, ср. также близость значений слов. Касаясь названных выше примеров, К. Сандфельд отмечает, что „венецианские слова, проникшие в истрорумынский язык, частично прошли через сербохорватский"[549], хотя при этом не приводит никаких сербохорватских форм. Во всяком случае в слове *dundo* мы имеем еще один поздний романизм сербохорватской родственной терминологии наряду с *чукундјед* (*шикунђед* и под., см. выше) и *непуча* < лат. *nepotia* 'племянница'[550].

Болг. диал. *тьутьу* 'чичо, казва детето на таткова си брат'[551], очевидно, одна из форм корня **tăt* : **tet*, столь широко использованного славянскими терминами родства.

Слав. * *teta*

Ст.-слав., др.-русск. тєта, тєтъка 'тетка', тєтичьна 'дочь тетки', тєтъчичь 'сын тетки', русск. *тётка*, *тётушка*, диал. *тёта*, *тётенька*, *тётя*, *тетюха*, укр. *тímка*, польск. *ciotka*, кашуб. *cotka*, прибалт.-словинск. *cùọtkă*, н.-луж. *śota*, полабск. *téta* 'Base', *tétĕnă* 'das Kind der Base', чешск. *teta*, диал. *tetka*, *tetička*[552], *tetéč* 'муж тетки'[553], словацк. *teta*, *tetka*, *totka* 'sestra otcova', *tetčenica* 'tetina dcera', *teteč* 'matčin bratr', *tetkoš* 'tetin muž', словенск. *téta* 'тетка', 'посаженая мать', *tétček* 'брат по отцу', *tetčîčna* 'дочь дяди', *têtec* 'муж тетки', сербск. *méта*, *тетка* 'тетка', *méтак* 'муж тетки', болг. *méта*, *méтка* 'тетка', *méтúн* 'дядя, муж тетки', диал. *тетак* 'сестра отца'[554].

С оригинальными фонетическими особенностями ср. русск. диал. *тятька* 'тетка'[555], по внешней форме непосредственно примыкающие к названию отца — русск. диал. *тятя*; болг. диал. *цейка* 'старшая сестра'[556].

Сюда относятся литовск. *tetà* 'тетка', *tetĕnas* 'дядя, муж тетки'.

Из области соприкосновений с названиями отца ср. еще греч. τέττα 'отец', в обращении[557], литовск. *tėtis* 'отец'[558].

итальянским и остальными романскими, а именно — итальянско-фриаульского *donda*. С другой стороны, для некоторых из приведенных истро-итальянских форм возможно объяснение влиянием венгерского языка, а именно — *anda*, ср. словацк. *andika* из венгерского.

547 E. Berneker, Bd. I: *dědъ*.

548 K. Sandfeld. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930, стр. 60.

549 Там же, стр. 59.

550 Там же, стр. 54.

551 СбНУ, кн. VIII, 1892, стр. 282 („Думи и форми по говора в село Плевня, Драмско").

552 Q. Hodura. Указ. соч., стр. 69.

553 F. Bartoš. Dialektický slovník moravský, стр. 444.

554 П. А. Сырку. Наречие карашевцев [болгаро-сербский говор в округе Речица]. — ИОРЯС, т. 4, кн. 2, 1899, стр. 659.

555 Н. Н. Дурново. Словарь к материалам по Тамбовской губернии. — РФВ, 1911, № 3—4, стр. 216.

556 П. А. Сырку. Указ. соч., стр. 660.

557 См. W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, стр. 458.

558 F. Miklosich, стр. 355.

Обычно слав. *teta*, *tetъka* относят к редуплицированным образованиям „детской речи“, точно так же, как *baba*, *tata*[559].

Укр. *тітка* < *тетка*, ср. укр. *піч* < *печ*.

Из числа прочих названий можно привести следующие: русск. диал. *братька* 'дядя'[560]; сербск. *да̀ица* 'дядя по матери'; болг. *чи̂чо* 'дядя по отцу', *ба̂е* то же, *чи̂на*, *чи̂нка*, *чичана*, *чича*, *чана* 'тетка, жена дяди'. Ст. Младенов допускает для болг. *чичо*, сербск. *чика*, *чико* заимствование из тюркских языков[561]. Далее — болг. диал. *на̂не* (шопск.) 'дядя по отцу', *сва̂ко* 'дядя (муж сестры матери)', 'свояк', *дайя*, *дайчо* 'дядя'.

Др.-русск. *лелѣя* 'родственница': „...сестра матере моея есть ми великая лелѣя, братучад или братучада матере моея или отца моего есть ми малая ужика или малая лелѣя“. Корм. XVI в.; *леля* 'тетка'; ср. русск. диал. *леля*, *лёля*, *лёленька* 'крестный отец, мать'[562], зап.-укр. диал. *лелі́ка* 'тетка', *ле̂льо* 'папаша', болг. *леля*, *ло̂ла* 'тетка по отцу', 'сестра матери', диал. *лели̂н* 'дядя, муж тетки'[563], диал. (белослатинское) *йе̂йя* = *леля*[564], ср. „сладкоязычие“ некоторых русских говоров Сибири (*л* > *й*), например, по материалам Богораза о колымском наречии; далее — болг. диал. *ляля* 'тетка со стороны матери'[565], *ле̂лю* 'сестра дяди по отцу'[566], ср. также *лале*: так „меньший брат называет старшего“[567], полабск. *l'oléina* 'сестра по отцу'[568].

Словацк: *nena*, *nenika* 'тетка по отцу', *nena*, *nenuša*, *ninuš*, *ninuša*, *nina*, *ninka*, *and'(ik)a* 'жена дяди по отцу', болг. диал. *на̂на* 'жена дяди по матери, тетка', *на̂не* 'дядя, дяденька' (обращение).

* * *

В заключение следует сказать, что исключительно сложные соотношения внутри славянской терминологии кровного родства, которые представляются еще более сложными при попытке этимологически исследовать ее, объясняются главным образом наличием в ней ряда хронологических слоев, на протяжении истории смещавших, вытеснявших или же только оттеснявших друг друга в той или иной функции. В последнем случае интересно, что этимологическое исследование подчас приводит к тождественным значениям разных корневых морфем, наводит как будто на мысль о дублировании, о наличии древних синонимов, ср. слав. **dědъ* и древнее **ăn-* (слав. **vъn-ukъ*, нем. *Ahn*) — оба со значением 'дед, предок'. На самом же деле правильнее будет признать в этих словах продукты разных эпох, которые одновременно в одной функции не существовали[569].

---

[559] Ср. F. Sławski, стр. 103.

[560] Н. Васильев. Свод материалов по Нижегородской губ. (Арзамасск. у.). — РФВ, 1910, № 3—4, стр. 276.

[561] St. Mladenov. Etymologisches aus einer kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache. — „Списание на Българска академия на науките“, кн. 43. София, 1930, стр. 94 и след.

[562] В. И. Даль, т. II, изд. 4, стр. 636; С. С. Высотский. О говоре д. Лека. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, т. II. М.—Л., 1949, стр. 68.

[563] Д. Маринов. Думи и фрази из западна България, стр. 250; Георги поп Иванов. Народни песни и приказки от Софийско и Ботевградско, стр. 529.

[564] Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1954, стр. 87.

[565] И. К. Бунина. Словарь говора ольшанских болгар, стр. 32.

[566] Н. В. Державин. Указ. соч., стр. 144.

[567] Там же.

[568] См. еще об этих словах: F. Miklosich, стр. 167; M. Vasmer, REW, Bd. II, стр. 29.

[569] Что касается стилистических оттенков, несомненно, игравших важную роль в градации наших терминов, они обычно ускользают при этимологическом исследовании, вскрывающем только основные словопроизводные отношения.

Глава II

ТЕРМИНЫ СВОЙСТВЕННОГО РОДСТВА

Следующая большая группа терминов объединяет терминологию свойственного родства, которое в общем противостоит кровному родству как родство по браку. Между ними, однако, существует теснейшая взаимосвязь. Свойственное родство образуется вследствие сближения прежде не родственных лиц через брак. Вместе с тем в основе каждого кровного родства лежит свойственное родство, а именно сближение не родственных кровно родителей.

Такое современное понимание свойственного (брачного) родства имеет свою длительную историю. Оно было постепенно выработано человечеством в результате оформившегося еще в родовую древность запрета кровосмесительства (т. е. брака кровно родственных особей) и выразилось далее в широко известном обычае экзогамии, при которой жены выбирались за пределами своего численно небольшого, связанного кровными узами рода. Впоследствии это было закреплено естественным правом для каждой отдельной семьи.

При первом же знакомстве с терминологией кровного и свойственного родства у индоевропейских народов становится ясным особое положение терминологии свойственного родства, усложняемое расхождениями между отдельными индоевропейскими языками. Это побудило некоторых ученых высказать предположение об исконно агнатическом характере индоевропейской семьи, при котором родственники жены рассматривались лишь как друзья, а не как родственники семьи мужа[1]. Очевидна связь этого положения с распространенной концепцией исконности индоевропейского патриархата (см. введение и гл. I настоящей книги). Так, Г. Хирт[2], не желая признавать вместе с О. Шрадером и Б. Дельбрюком чисто агнатического характера семейно-родовых отношений древних индоевропейцев и видя в отсутствии ряда общеиндоевропейских терминов свойства скорее их забвение, вовсе не собирается делать вывода об индоевропейском матриархате[3].

Ниже мы коснемся некоторых фактов, которые дают возможность рассматривать под иным углом зрения свойственное родство и соответствующую терминологию. Прежде всего отметим, что свойственное родство приравнивалось к кровному, ср. *свекор-батюшка* в русских народных песнях (отражено Некрасовым) и болг. диал. *дядо*, *баба* в значе-

---

[1] См. О. Schrader. Reallexikon, стр. 214.

[2] H. Hirt. Untersuchungen zur idg. Altertumskunde. — IF, Bd. 22, 1907, стр. 78—86.

[3] Там же, стр. 80.

ниях 'свекор', 'свекровь'. Ср. весьма характерные обозначения брачного родства во французском языке, который, например,

имеет вместо лат. *glōs* 'золовка' — *belle-soeur*,
„ „ *socrus* 'свекровь' — *belle-mère*,
„ „ *socer* 'свекор' — *beau-père* и т. д.

При этом использованы названия кровных родственников — отца, матери, сестры[4]. Обычай переноса старых терминов кровного родства на родственников по браку у индоевропейских народов анализирует О. Шрадер в специальном исследовании об индоевропейской терминологии свойственного родства[5].

При этимологическом исследовании названий свойства также обнаруживается в ряде случаев использование корневых морфем, которые образуют названия родства, родовой общности: греч. πενθερά 'свекровь' < и.-е. **bhendh-* 'вязать, связывать', нем. *binden*, ср. литовск. *beñdras* I 'общий', II 'товарищ, друг', возможно, также сюда литовск. *bandà* 'стадо домашнего скота'[6]; слав. **šurь*, **šurьjь*, **šurinъ* 'шурин, свояк' < и.-е. **si̯ū-* 'шить, вязать', ср. греч. Ὑμήν 'бог бракосочетания': санскр. *syū́man-* 'повязка'[7], в основе которого лежит тот же признак связи, связывания, часто характеризующий общие определения родства в индоевропейском (ср. еще нем. *Verwandtschaft* 'родство').

В различных названиях свойства запечатлены различные моменты истории родственных отношений, ср. лат. *affinis* 'свойственный', собств. 'соседний, сопредельный' < *ad fines*[8], что может отражать в какой-то мере экзогамные воззрения: 'свояк' = 'из соседнего рода'.

Но как наиболее типичную особенность многих терминов свойства исследователи отмечают использование местоименного корня и.-е. **su̯e-*, **su̯o-*, **su̯ei-*, *suoi-*[9], ср. греч. ἀέλιοι, αἴλιοι, εἰλίονες 'свояки' < **su̯elio(n)-*, др.-исл. *svili* 'свояк'[10], нем. *Geschwei* 'свояк и свояченица' < **gi-swīun*, ср. *Gebrüder*, *Geschwister*[11]; с зубным расширением основы — лат. *sodalis* 'член братства', греч. (гомеровское) ἕταρος, слав. *svatъ*[12]. Из славянских образований ср. др.-русск. *своетьство* 'сродство', русск. *свойство*, сербск. диал. *svȍšćina* 'родство', словенск. *svȍšćina* 'свойство'[13]. Ср. характерное для территории сербохорватского языка топонимическое обозначение *Svojići*[14], от нарицательного обозначения родственных групп, общины. Эта особенность названий свойства (наличие **su̯e-*, **su̯o-*) хорошо известна. При всем том именно в ней заключается возможность совершенно иного объяснения терминологии свойственного родства, чем, например, то, которое выдвигал О. Шрадер.

---

[4] О происхождении французских слов см. M. Bréal. Notes étymologiques. — MSL, t. 7, 1892, стр. 447, сноска 1.

[5] O. Schrader. Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den idg. Völkern. — IF, Bd. 17, 1905—1906, стр. 18.

[6] Ср. K. Mühlenbach, I, стр. 261—262.

[7] См. K. Brugmann, KVGr., стр. 94.

[8] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910, стр. 19.

[9] См. O. Schrader. Über Bezeichungen. . ., стр. 18.

[10] Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 533.

[11] F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 11. Aufl., Berlin u. Leipzig, 1934, стр. 202.

[12] См. Ernout — Meillet, t. II, стр. 1115; É. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2-ème éd., Heidelberg—Paris, 1923, стр. 291—292.

[13] Mate Tentor. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres.—AfslPh, Bd. 30, 1908, стр. 201.

[14] St. Rospond. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe na *-itj*. — „Prace Komisji językowej". Kraków, 1927, стр. 19.

Наличие местоименного корня *$\underset{\frown}{s}$ue-/*$\underset{\frown}{s}$uo- органически связывает термины свойства с древним термином кровного родства и.-е. *suesor, слав. sestra. Выше уже говорилось, что наиболее вероятной частью этимологии и.-е. *suesor является выделение местоименного корня *sue- 'свой, своя', т. е. именно того, который характеризует различные термины свойства (и.-е. *suekro-s, *suekrū-s, слав. svekrъ, svekry). Выходит, что очень широкая группа родственников, начиная от кровной сестры и кончая весьма далекими родственниками жены, называлась 'своими', т. е. строгого разделения между родственниками мужа и родственниками жены в древнюю эпоху анализ терминов не позволяет предполагать. Больше того, как отмечают исследователи, в первобытно-общинную эпоху в условиях кросскузенного брака какое бы то ни было разграничение кровного и свойственного родства являлось излишним, так как, например, 'брат мужа' — позднейший *daiuer — был просто одним из моих мужей, сестра мужа — впоследствии *ĝəlōu- была моей сестрой[15]. Известная несогласованность индоевропейских терминов свойства — факт, которому обычно приписывают решающее значение в суждениях об этих терминах, — объясняется вторичностью оформления названий свойства как таковых, что соответствует эволюции рода и семейно-родовых отношений[16]. Исследователи отмечают, что „различие кровных родственников и свойственников, которому мы придаем такое большое значение, не имеет в глазах австралийца большой цены"[17]. Говорить, что вторичность терминов свойства отражает второстепенное положение родственников жены в индоевропейской семье, было бы ошибкой.

После этого необходимого отступления вернемся к нашему изложению и рассмотрим по порядку термины свойственного родства.

Слав. *nevěsta

Слово общеславянское, известное всем славянским языкам: ст.-слав. невѣста 'νύμφη, sponsa', невѣстица 'sponsa', невѣститель 'νυμφίος, sponsus', невѣстьникъ 'νυμφίος sponsus', др.-русск. ***невѣста*** 'sponsa', ***невѣста*** 'nurus, жена сына', ***невѣстиньство*** 'брачный обряд', ***невѣститель*** 'жених', ***невѣстити*** 'приводить невесту, обручать', ***невѣстъка*** 'сноха, жена сына', ***невѣстьникъ*** 'νυμφίος 'жених', ***невѣстьство*** 'свадьба, брак', русск. *неве́ста*, диал. *н'ев'êста*, *н'ев'и́ста*[18], укр. устар. *невістa*: 1) 'невеста', 2) в Галиции, Буковине 'жена'; польск. *niewiasta* 'женщина', диал. *nevjasta*, *ňev'asta* (территория Словакии, Teplička)[19], кашуб. *ńasta*, в.-луж. *ńewjesta*, чешск. *nevěsta* 'невеста', 'невестка', 'жена', диал. восточно-ляшск. *ńevasta* 'сноха', 'невеста'[20], словацк. диал. *ňevesta*, 'замужняя женщина'[21], др.-сербск. ***невѣста*** 'sponsa', сербск. *нѐвјеста* 'невеста', 'невестка, жена сына, брата', *невòвâње* 'das Brautsein, status sponsae', *невòвати* 'Braut sein', *Не́ка* (сокращ. ласк.) = *нѐвјеста*, ср. *не́ва*[22], разговорные сокращенные формы слова; болг. *неве́ста*, *невя́ста*, *неве́стче* 'невеста', 'молодая жена, женщина'.

---

[15] См. А. Исаченко, Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания. — „Slavia", roč. XXII, 1953, стр. 72.

[16] Там же, стр. 72, 73.

[17] А. Максимов. Системы родства австралийцев. — „Этнографическое обозрение", отд. отт. из кн. 92—93, стр. 62.

[18] С. С. Высотский. О говоре д. Лека. — „Материалы и исследования по русской диалектологии", II. М.—Л., 1949, стр. 18.

[19] Gejza Horák. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955, стр. 178.

[20] A. Kellner. Východolašská nářečí, II. Brno, 1946, стр. 231.

[21] F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 184.

[22] E. Fraenkel. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1923,

Вряд ли можно назвать какое-нибудь другое слово, по поводу которого было бы предложено больше разнообразных этимологических объяснений, чем слав. *nevěsta*. Впрочем, это неудивительно, поскольку данное слово издавна стоит в центре внимания исследователей, занимающихся изучением славянских семейно-родовых отношений. Уже для Ф. Миклошича были очевидны трудности, с которыми сопряжена этимология слав. *nevěsta*. В своем этимологическом словаре[23] он дает два варианта этимологии, не настаивая на каком-либо одном: 1. из корня *ved-* 'вести', ср. древнерусское словоупотребление: *ведена бысть Ростислава за Ярослава;* 2. *ne-věsta* = 'неизвестная'. Второе объяснение, как думал Миклошич, не подтверждается фактами. Следует отметить, что в дальнейшем бо́льшая часть толкований слова исходит либо из одного, либо из другого варианта, предложенного Миклошичем. Р. Ф. Брандт[24] присоединяется к этимологии *невѣста* = 'неизвестная' и считает сомнения Миклошича на этот счет необоснованными, ср. в русских песнях: жених — 'чуж чуженин'. Фр. Прусик[25], напротив, развивает первое объяснение, принимая *nevěsta* < **nevověsta* через гаплологию *vo-vě* > *vě*, т. е. **neu̯o-* 'новый' и *vēd-*, удлиненного *ved-* 'вести' в part. perf. pass. *vēd-tŭ*, ж. р. *věsta*.

Этимология Ф. Прусика встретила неодобрение И. Зубатого[26], подробно указавшего на ее недостатки. Относительно первого из них (*nev-* вместо *nov-*) с ним можно не согласиться, поскольку, **neu̯(o)-* перед гласным переднего ряда в славянском могло сохраниться. Говоря же о загадочности *ě*, Зубатый совершенно прав, так как *ě* для *vesti* известно только в аористе ст.-слав. вѣсъ, вѣхъ. Подчеркивая, что трудно предложить категорическое объяснение слова *nevěsta* ввиду затемненности его внутренней формы, Зубатый склоняется к мысли Миклошича (*nevěsta* = 'неизвестная'), которая опирается на достоверную форму: причастие на *-to- věstъ* 'знакомый'. Зубатый думает, что в *nevěsta* = 'неизвестная' необязательно видеть отголосок умыканий и такое толкование приемлемо также для более поздних эпох.

Важно также авторитетное мнение В. Ягича[27], который высказался за толкование *nevěsta* = 'ignota, неизвестная', и отметил попутно несостоятельность критики Г. А. Ильинского[28], предложившего оригинальное, но малоправдоподобное объяснение: *невѣста* — собств. *невѣ-ста* (ср. *старо-ста*), где *невѣ* — местн. п. от **neu̯os*, т. е. 'находящаяся в новом положении'. В достоверных сложениях мы, однако, не находим следов местного падежа, ср. привлекаемое Г. А. Ильинским *старо-ста*. С этимологией Ильинского и другими, выделяющими в *nevěsta* **neu-* 'ново-', перекликается в материальном отношении этимология А. Л. Погодина[29]: *невеста* объединяется с *невод*, навь 'мертвец' и выводится из **nāv-esta*. И. Миккола тоже сопоставляет слав. *nevěsta* и *nevodъ*, по его мнению — это сложения, первая часть которых стала ощущаться как отрицание[30].

стр. 401; так, видимо, надо объяснять и болг. диал. *не́^{а}ца* 'буля, жената на по-стар брат' (Д. и К. Г. Молерови. Народописни материали от Разложко. Речник. — СбНУ, кн. XLVIII, 1954, стр. 489).

[23] F. Miklosich, стр. 214.

[24] Р. Ф. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. — РФВ, т. XXIII, 1890, стр. 90.

[25] Fr. Prusík. Slavische Miszellen. — KZ, Bd. 33, 1893, стр. 160 и след.

[26] J. Zubatý. Slavische Etymologien. — AfslPh, Bd. 16, 1894, стр. 404—407.

[27] V. Jagić. Zusatz. — AfslPh, Bd. 24, 1902, стр. 229.

[28] G. Jljinskij. Zur slavischen Wortbildung. III. Die Etymologie des Wortes *невѣста*. — AfslPh, Bd. 24, 1902, стр. 227—228.

[29] А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.

[30] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil. Heidelberg, 1913, стр. 44.

А. Вальде и Ю. Покорный высказываются за толкование слав. *nevěsta*='неизвестная'[31], ср. также Зд. Штибер о серболужицком *njewěsty* 'unbekannt' и *njewjesta* 'Braut'[32].

Из прочих старых толкований слова можно еще назвать сближение *nevěsta* с литовск. *vaisà* 'плодородие', т. е.='дева'[33], отмеченное также К. Бугой[34], а также — для полноты картины — толкование, приводимое Н. В. Горяевым[35]: *не-веста* — и санскр. *viç* 'входить', *niviç* 'жениться, выходить замуж', греч. Ϝοικ-έ-ειν 'жить, обитать', литовск. *viešėti* 'быть гостем'.

Обстоятельный этимологический анализ нашего слова принадлежит Н. Трубецкому[36]. Н. Трубецкой предлагает совершенно новое объяснение, признавая старые неудовлетворительными. Так, этимология **ne-věd-ta*='неизвестная' отражает, по его мнению, не более как народную этимологию, т. е. переосмысление по ассоциации с употребительными корневыми морфемами. Ему неясно, какая здесь форма от корня *věd-*, значение же представляется искусственным (?). Не одобряет Трубецкой и этимологию **nevo-věsta* к **vesti*. „Нам кажется, что вообще надо отказаться от взгляда на слав. *nevěsta* как на compositum. Лучше попытаться рассматривать его как самостоятельное, несложное слово“[37]. Форму *nevěsta* Н. Трубецкой считает неисконной и восходящей к индоевропейскому прототипу **neu̯isthā*, superlativus от **neu̯os* 'новый, молодой'. Другого примера *-*istho-*, правда, ни славянские ни балтийские языки не дают. Ср. готск. *hauhists*, санскр. *navišṭhaḥ*. Итак, **neu̯isthā*='самая молоденькая'. Затем был осуществлен фонетический переход в слав. **neu̯ьsta* (*eu̯* не перешло в *ou̯* перед гласным переднего ряда *ь*). Далее происходит переосмысление ввиду возможности существования причастия **u̯istos*, греч. Ϝιστός и т. д., part. pass. от **u̯eid-*, **u̯oid-*, **u̯id-*, т. е. **ne-vьstā* 'не изведанная, не познанная еще мужчиной'. Затем во все формы проникла ступень *oi̯* ('знать', при *u̯eid-* 'видеть'): **nevoistā*.

Нам не представляется убедительным ход мыслей Н. Трубецкого. Правильнее было бы в соответствии с наиболее вероятными из выдвинутых этимологий (Брандт, Зубатый, Ягич) ограничиться сопоставлением **ne-vois-tā* с **voidmi* 'знаю'. Ступень *oi̯* (*ě*), смущавшая Трубецкого в *nevěsta*, несомненна еще в морфологически тождественных др.-сербск. *невѣсть* 'inscitia', др.-русск. *вѣстыи* 'известный, notus, γνωστός', русск. диал. *вéсто*: то же, что *вестно* ('ведомо, известно'): *Весто*, кормилец, *весто*[38]. Ср. также серболужицкое *njewěsty* (см. выше). Трубецкой, доказывая иное, оперирует не фактами, а довольно смелыми гипотезами, которые отнюдь не пополняют наших сведений об истории слова.

Широкого признания эта новая этимология не получила, и вплоть до последних лет этимологизирование слова *nevěsta* продолжает обогащаться новыми толкованиями. Ср. В. Махек: *nevěsta* 'jeune

---

[31] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 255.

[32] Z. Stieber. Etymologisches. — ZfslPh, Bd. 9, стр. 381—383.

[33] См. подробнее А. Преображенский, т. I, стр. 599.

[34] Ср. в его рукописной картотеке к литовскому этимологическому словарю (хранится в Ин-те литовск. языка и лит-ры АН Лит. ССР).

[35] Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

[36] Н. Трубецкой. О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском праязыке. 1. Слав. *nevěsta*. — „Slavia“, roč. I, 1922—1923.

[37] Там же, стр. 13.

[38] „Опыт областного великорусского словаря“. СПб., 1852, стр. 33.

épouse' < **nevě-vьsta*, через гаплологию[39]. И. М. Коржинек[40] рассматривает слав. *nevěsta* как сложение: *neu-* 'ново-' + **ēdtā*, part. perf. pass. fem. от глагола **ē-dō-* 'принимать, брать себе', ср. др.-инд. *ātta-*. Ту же основу он видит в слав. **ědъ* = *ē-d(ō)-* 'то, что принято в себя'. Кроме этого оригинального толкования, следует еще назвать объяснение Я. Отрембского, также совершенно отличное от всех предшествующих. Я. Отрембский, неоднократно занимавшийся этимологией слав. *nevěsta*[41], считает для последнего возможным в древности образование, морфологически однородное с другими старыми именами родства: **neu̯-ēr*, ср. лат. *noverca* 'мачеха' и **neu̯ēter*/**neu̯ēser*, которые в славянском дали *-ā*-основу, ср. *sestra* < **su̯esōr*; *-r-* утрачено аналогично слав. *bratъ*. В дальнейшем Я. Отрембский сюда же привлекает лат. *nurus* „avec le r primitif" (?).

Все толкования нового времени, начиная с Трубецкого, одинаково неудовлетворительны и одинаково недоказуемы при всем их остроумии. Указывая на это, М. Фасмер[42] с полным основанием предпочитает старое объяснение *nevěsta* = 'неизвестная', очевидное в фонетико-морфологическом отношении и понятное в этнографическом плане как проявление речевого табу.

Обобщая наблюдения над перечисленными этимологиями, мы настаиваем на одной из старых этимологий: **ne-věsta* = 'неизвестная'. Э. Гаспарини использует эту этимологию в своей недавней работе о древнеславянской экзогамии с привлечением обширного этнографического материала[43]. В то же время А. Исаченко в своей статье о терминах родства, часто цитируемой нами, предпочитает возводить *nevěsta* к **vedǫ*, **vesti*, ср. лат. *uxorem ducere*[44]. Старая этимология *nevěsta* настолько очевидна, что поиски каких-то новых объяснений не представляются целесообразными. Можно заранее сказать, что они не смогут противопоставить ничего равноценного по ясности старому объяснению.

Возможно, что еще далеко не исчерпан соответствующий этнографический материал, который бы иллюстрировал вероятность этимологии *nevěsta* = 'неизвестная'. Достаточно вспомнить отмечавшиеся в литературе обряды молчания по отношению к невесте, невестке в первые дни после вступления ее в дом жениха, мужа, обычай обращаться с ней, как с незнакомым человеком, что — интересно — совершенно независимо

---

[39] V. Machek. Étymologies slaves. — „Récueil linguistique de Bratislava", I, 1948, стр. 98, сноска 1, со ссылкой: ZfslPh, Bd. 18, стр. 316.

[40] J. M. Kořínek. Slov. *nevěsta*. — LF, roč. 57, 1930, стр. 8—15.

[41] J. Otrębski. Słow. *nevěsta*. — PF, t. 11, 1927, стр. 284—289; его же. Origine du mot latin „noverca". — „Eos", t. XXVII, 1929; см. его рецензию на кн. J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, II. Teil, 1942, III. Teil. 1950. — „Lingua Posnaniensis" t. II, 1950, стр. 282; см. также его рецензию на кн. „Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde, Von J. B. Hoffmann". — „Lingua Posnaniensis", t. III, 1951, стр. 343—344. Аналогичное по оригинальности и, пожалуй, по неправдоподобности объяснение слова *nevěsta* предложил в свое время X. Барич, выводивший его из **neu̯ē-stor* 'новая женщина', сложения, вторая часть которого родственна др.-инд. *str̥-i* 'женщина' (H. Barić. Albanorumänische Studien. I. Zur Kunde der Balkanhalbinsel. Quellen und Forschungen. 7. Sarajewo, 1919, стр. 80).

[42] См. рецензию М. Фасмера на кн. W. Havers. Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien, 1946. — ZfslPh, Bd. 20, 1950, стр. 454. Возражает против новых этимологий слав. *nevěsta* и М. Будимир, придерживающийся старого объяснения этого слова как *ne-věsta*, ср. *věstъ* 'δῆλος; в подтверждение он приводит ономасиологические параллели названий женщины как 'покрытой', ср. также обычай покрывать, повязывать голову у невесты (М. Будимир. Ономасиолошки и граматички прилози. 4. *nevěsta*. — „Јужнословенски филолог", књ. VI, 1926—1927, стр. 174 и след.).

[43] E. Gasparini. L'esogamia degli antichi Slavi. — „Ricerche Slavistische", vol. II, 1953, стр. 146.

[44] А. Исаченко. Указ. соч., стр. 77.

от того, знали или не знали ее раньше домочадцы мужа. Ср. довольно новое свидетельство из Сербии: «Младу не зову најчешће по имену већ — млада, невјеста, сна'а, или пак по селу одакле је (Будимљанка, Винићанка). Сусједи је зову обично по братству из кога је родом — Поповача, Бакићуша... а понекад и по имену мужа — Љубовица, Бацковица, Јововица...»[45] Невесту не называют в доме жениха по имени, и в этом, а также в других упомянутых обыкновениях можно видеть одно из бесчисленных проявлений древнего эвфемизма: стремление скрыть от злых духов переход девушки в другой дом, чтобы они не смогли помешать удачному началу супружеской жизни. Это обыкновение, безусловно, древнее, но характерно оно не для всех исторических эпох. В частности, в эпоху родового строя времен кросскузенного брака, когда моя жена была моей кузиной, для подобных обычаев, как и для особого обозначения невесты, не существовало еще никаких предпосылок. Таким образом, слово *nevěsta* представляет целиком порождение славянской эпохи, т. е. образование сравнительно новое[46], хотя и состоящее из индоевропейских корневых морфем.

Непосредственно следует вывод о позднем характере обозначений невесты в различных индоевропейских диалектах. Ср. пóзднее местное название невесты в германских языках: нем. *Braut*. Целый ряд противоречивых этимологических решений, существующих в литературе по поводу этого слова, напоминает нам в какой-то мере историю изучения славянского названия невесты. Литовский язык также представляет пóзднее, местное название невесты — *núotaka*[47], отглагольное от *tekěti* 'выходить замуж', собств. 'бежать'. Соблазн видеть в этом значении реминисценцию экзогамного умыкания еще не дает достаточного основания считать название невесты очень древним.

Славянские языки далеко не согласны между собой в обозначении невесты и, помимо общеславянского и потому относительно древнего названия *nevěsta*, они насчитывают ряд более поздних местных слов с этим значением. Ср. прибалт.-словинск. *brãtkă*, *brutká*, заимствованное из немецкого (*Braut*), с присоединением славянского суффикса *-ка*, ср. словацк. диал. *bralta* с $l < u̯$[48], полабск. *ninka* 'невеста, Braut' (из Песни Геннинга, по Гильфердингу: *Katü mes Ninka bayt*? 'Кто должен невестой быть?'[49], *nénka*, однокоренное с многочисленными названиями кровного родства — 'отец', 'мать', 'сестра' и др., выраженными корнем **nan-*, **nen-*.

---

[45] Мирко Барјактаровић. Свадбени обичаји у околини Берана (Иванграда). — „Зборник филозофског факултета“, књ. III. Београд, 1955, стр. 243.

[46] См. А. Исаченко. Указ. соч., стр. 77. Попутно нельзя не привести очень ценное для нас мнение Э. Бернекера, высказанное им по поводу разобранной этимологии Н. Трубецкого, ценное также и потому, что оно восполняет отсутствие соответствующей статьи в его неоконченном этимологическом словаре: „... Это слишком остроумное толкование невероятно. *Nevěsta*... не была не чем иным, как 'неизвестной'...; аналогично обозначает алб. *re* ('новая') 'невесту, сноху'... Причину этого обозначения можно объяснить по-разному; может быть, из страха перед демонами, который играет такую большую роль при сватовстве и свадьбе (ср. Samter. Geburt, Hochzeit und Tod, стр. 98 и след.), из боязни произнести имя, чтобы не дать злым духам власть над новым членом семейства“ (AfslPh, Bd. 38, 1923; стр. 269).

[47] Диалектные варианты см. у P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 191: *nutakuõlė*, *núotekuolė*, *núotakuolė*, *nutekuõlė*.

[48] F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese, стр. 135. Из близкой германской формы заимствовано, далее, русск. диал. (арханг.) *брю́дгá* 'сваха, крестная мать, замужняя сестра невесты', 'провожатая жениха', сюда же *брю́ньга*, *брю́ньгушка*, *брю́нюшка*; эти слова объясняют из древнегутнийского *brÿttügha*, ср. вслед за И. Ю. Микколой Clara Thörnquist. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala, Stockholm, 1948, стр. 28—29.

[49] См. Pfuhl. Pomniki Połobjan Słowanščiny. — „Časopis Macicy Serbskeje“, 1863, № 28, Budyšin, стр. 103—105.

Отражают различные моменты свадебного обряда болг. *бу́лчица* < *було* 'свадебное покрывало, фата'[50], русск. диал. *сговорёнка* 'просватанная, невеста'[51], *порученйца* 'невеста от достойна до свадьбы'[52], *молода́я*[53], ср. выше сербск. диал. *млада* то же, укр. *наречена*, ср. польск. *narzeczona*, укр. *прі́чка*.

Жених

Ст.-слав., др.-русск. женихъ 'sponsus, νυμφίος', русск. *жени́х*, диал. 'женатый мужчина'[54], польск. диал. *żenich* 'oblubieniec', 'narzeczony', восточноляшск. диал. *žyńich*[55], сербск. *же̏ни̑к* 'der Bräutigam, sponsus'. Все эти формы говорят об о.-слав. *ženixъ* (сербская форма, видимо, — аналогического происхождения). В слав. *ženixъ* мы имеем дело не с балто-славянским суффиксом **-is-* (слав. **-ix-*), первоначальным суффиксом принадлежности и происхождения, ср. русск. *богачиха* и под.[56] Скорее всего, слав. *ženixъ* образовано прибавлением славянского суффикса *-xъ* (*ženi-xъ*) к глагольной основе *ženi-ti*, т. е. *ženixъ* — отглагольное имя деятеля и в этом смысле его нельзя непосредственно соотносить со слав. *žena* 'жена'. Прекрасную аналогию славянскому слову видим в греч. μνηστήρ 'жених' — к μνάομαι 'свататься', которое в свою очередь происходит от *μνᾱ < *g^{u}*nā* 'жена'[57].

Прочие славянские названия: русск. диал. *молоди́к* 'молодой, новобрачный'[58], укр. диал. стар. *заручник*, н.-луж. *nałožéńa*, *nawožeńa* 'Bräutigam, жених', в.-луж. *nawožeń*, *nawoženja* (< *wo*ž*enić so*) Bräutigam', чешск. *snoubenec*, словацк. *snúbenec*, *verenec*, болг. *годени́к*, *сгодени́к*, диал. *арма́сник*, заимствованное из новогреческого[59], диал. *гла̣ш-ни́к* 'годеник'[60].

В сербском языке в значении 'жених, супруг' употребляется также слово *храбар* < о.-слав. **xorbrъ* 'храбрый доблестный', ср. др.-сербск. *храбрь* 'fortis', несомненное отражение свадебной обрядовости, при которой жених изображается охотником и наделяется соответствующими воинственными эпитетами. Ср. болг. *во́ино*, *во́йно* в обращении к жениху, — аналогичного происхождения. Поэтому Ф. П. Филин ошибался, предполагая, что в *храбар* 'жених, супруг' сохранилось „очень раннее значение"[61].

Об относительной хронологии возникновения различных индоевропейских названий можно повторить все то, что уже было сказано

---

[50] См. еще O. Schrader. Reallexikon, стр. 355.

[51] В. И. Даль, т. IV, изд. 4, стр. 100; Ф. Покровский. Особенности в говоре населения... по реке Письме, Костромск. губ. Буйского у. — Ж. Ст., 1895, вып. IV.

[52] И. Кедров. Слова ладожские. — Ж. Ст., 1899, вып. III—IV, стр. 405.

[53] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 415—416.

[54] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 23.

[55] A. Kellner. Východolašská nářečí, II, стр. 335.

[56] A. Gāters. Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung. KZ, Bd. 72, H. 1—2, 1954, стр. 51 и след.

[57] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 681.

[58] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 92.

[59] См. Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1954, стр. 154.

[60] Георги Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. — „Известия на Института за български език", кн. IV. София, 1956, стр. 219.

[61] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. — „Ученые зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена", т. 80, 1949, стр. 94.

о названиях невесты: все это — вторичные, местные образования. Это совершенно очевидно как из несогласованности свидетельств различных индоевропейских языков, так и из этимологической прозрачности большинства названий. Ср. литовск. *jaunìkis*, *vedỹs*[62], греч. νυμφίος, производное с суффиксом *-i̯o-* от νύμφη 'невеста', готск. *brufaþs*, нем. *Bräutigam*, англ. *bridegroom*, тоже производные (точнее сложения) от общегерманского названия невесты **brūdi*.

Муж, мужчина

Индоевропейское название человека претерпело в славянском коренное изменение значения, в итоге которого оно оказалось вовлеченным в сферу терминологии родства[63]. Так образовалось о.-слав. *mǫžь* 'мужчина, муж': ст.-слав. мѫжь 'ἀνήρ', 'ἄνθρωπος', 'ἐπιβάτης', 'τίς', др.-русск. мужь = мѫжь 'homo, vir, человек', 'свободный человек', 'именитый, почтенный человек', 'maritus, супруг', мужатаа, мужатица = мѫжатица 'замужняя женщина', польск. *mąż* 'муж', *mężczyzna* 'мужчина', *mężatka* 'замужняя женщина', русск. *муж*, *мужчина*, кашуб. *mǫž* 'муж, мужчина', чешск. *muž* 'мужчина', диал. *mužský*: „ženatí (voženělí) slovou mužský"[64], словацк. диал. *muš* 'супруг'[65], словенск. *mȏž* 'муж', *zá-mož dati* 'выдать замуж', *zá-mož iti* 'выйти замуж', сербск. *му̑ж* 'der Ehemann, maritus', *му̀жатица* 'das Eheweib, mulier', диал. *muškȃč* 'Mann'[66], болг. *мъж* 'мужчина', 'муж, супруг', *мъ́жа* 'выдавать замуж', *мъ́жа се* 'выходить замуж'.

Что касается этимологии слав. *mǫžь*, то на это слово распространяли старое толкование индоевропейского названия человека: нем. *Mann*, др.-инд. *manu-* < **man-* 'думать, мыслить', якобы в отличие от животных, т. е. 'homo sapiens'[67]. В принципе было бы трудно возражать против такого толкования. Вместе с тем такие образные значения, предполагаемые для глубокой древности, обычно вызывают понятное недоверие. С другой стороны, можно с большей вероятностью допустить существование у и.-е. **man-*, слав. **mǫžь* функции технического термина, который определяет мужских особей древнего рода с наиболее существенной практически стороны, а именно как таковых в противоположность женским членам. Во всяком случае мы вправе искать такое значение в древнем славянском термине **mǫdo* 'testiculi' (у Преображенского нет), самостоятельном старом производном от и.-е. **man-* 'мужчина' с суффиксом *-do*. Искать также и в **mǫdo*, ст.-слав. мѫдо древнее значение 'мыслить' было бы более чем странно.

Слав. *mǫžь* образовано самостоятельно из и.-е. **man-* 'мужчина' с помощью суффиксов[68]: **mon-g-i̯o-s*, поэтому *-ž-* в слав. *mǫžь* развилось органически, а не в результате контаминации, как думал Г. А. Ильинский, сложно объяснявший возникновение *mǫžь* из сочетания *zamǫžь*, полученного контаминацией слав. **monъ* (= санскр. *manuḥ*, нем. *Mann*)

---

[62] См. P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 131, 65.

[63] Ср. C. D. Buck, стр. 80: „In Slavic there was a complete shift from 'man' 1 ['человек'] to 'man' 2 ['мужчина'] and 'husband', and in part a later restriction to 'husband' with new derivatives in the sense of 'man' 2, as SCr. muškarac, Russ. mužčina, etc.".

[64] Q. Hodura. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1904, стр. 70.

[65] F. Buffa. Указ. соч., стр. 179.

[66] P. Skok. Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg). — AfslPh, Bd. 33, 1912, стр. 365.

[67] B. Delbrück. стр. 432—433, 435.

[68] Ср. A. Meillet. Études, стр. 209, 354; J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, III. Teil. Heidelberg, 1950, стр. 35.

и _za tožь_: _mog̨ǫ_[69]. Попытка Г. А. Ильинского была продиктована стремлением правильно объяснить укр. _за́між_, которое, как он полагал, может продолжать только _*za tožь_, а не _*za mǫžь_. Тем не менее мы предпочитаем остаться при старой точке зрения. Укр. _за́між_ не имеет доказательной силы, ср. еще один случай неорганического украинского _і_ на месте общеславянского носового: _дібро́ва_ < _*dǫbrova_.

Относительно происхождения славянской формы _mǫžь_[70] существуют различные точки зрения. Одна из них принадлежит А. Вайану. Указывая на неясный характер конца слова, Вайан видит в _-ž-_ не суффикс, а результат весьма редкого в славянском фонетического развития: атематическая флексия _*manu-_ с вин. п. ед. ч. _*manṷi(n)_, по которому все сложение преобразовалось в склонение на _-i-_, а _-nṷ-_ дало _-ng^ṷ-_, т. е. произошло усиление группы согласных типа _*-mi̯-_ > _-mlj-_[71]. Другая точка зрения может быть признана общепринятой. Так, А. Мейе, В. Вондрак, Р. Траутман, в последнее время Ю. Покорный и Ф. Мецгер единогласно видят в слав. _mǫžь_ образование с суффиксом _-g-_[72].

Не возражая в принципе против мысли Вайана о возможности редкого развития _g-_ перед _ṷ-_[73], в ряде вопросов с ним можно не согласиться. Прежде всего невероятен вин. п. ед. ч. _*manṷi(n)_ от _-u-_основы _*monu-_, и.-е. _*manu_, ср. _u_-основу ст.-слав. сынъ, вин. п. ед. ч. сынъ < _*sūn-m̥_, литовск. _sūnų_ (_*sūnum_). Далее, нет никаких следов этой предполагаемой _u_-основы в слав. _mǫžь_. Фактические данные говорят только о возможности существования _*mongjo-_, мужской основы на _-o-_[74]. Эта производная форма образована нанизыванием нескольких суффиксов: _*măn-g-i̯o_. Таким образом, мы не видим необходимости вместе с Вайаном признавать здесь органический фонетический процесс _*măngu-_ < _*măn^gṷ-_ < _*mănu_ уже потому, что ни _*manu-_, ни _*mangu-_ в славянском неизвестны, а развитие нашего _*măngi̯o-_ из _*mangu-_ сомнительно. Следовательно, образование _*măn-g-i̯o-_, слав. _mǫžь_, ст.-слав. мѫжь проходило главным образом морфологическим путем[75].

Мы подходим к вопросу о материальной природе этих суффиксов. Занимаясь одним из интересующих нас формантов, Ф. Мецгер[76] подчеркивает единичность индоевропейских образований с суффиксом _-g-_,

---

[69] Г. А. Ильинский. — „Рідна мова“, I, 1933, стр. 117 и след. Цит. по „Indogermanisches Jahrbuch“, Bd. XIX, 1935, стр. 271—272.

[70] Греч. Ἀμαζόνες не имеет к слав. _mǫžь_ никакого отношения и хорошо объясняется из греч. μαστός 'сосок': ἀ-μαζ-ονες собств. 'без соска', что соответствует мифологическим данным. Иначе см. H. Jacobsohn. Σκυθικά. — KZ, Bd. 54, 1926, стр. 280: к слав. _mǫžь_, т. е. 'без мужа'.

[71] A. Vaillant. Slave _mǫžь_. — RÉS, t. 18, 1938, стр. 75—77; его же. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, 1950, стр. 96, 185.

[72] A. Meillet. Études, стр. 354; его же. Les origines du vocabulaire slave. — RÉS, t. 5, 1925, стр. 12; W. Vondrák, Bd. I, стр. 470; R. Trautmann, BSW, стр. 169; J. Pokorny, стр. 700; F. Mezger. Zu einigen indogermanischen _g-_ und _l_-Bildungen. — KZ, Bd. 72, Heft 1—2, 1954, стр. 99 и след.

[73] Такие случаи, действительно, вероятны для славянского, ср. _gvozdь_ < _*vozdь_, см. нашу статью „Славянские этимологии 1—7“. — „Вопросы славянского языкознания“, вып. 2. М., 1957.

[74] Ст.-слав. вин. ед. мѫжеви объясняется влиянием других обозначений лиц независимо от основы, как правильно отмечал С. Кульбакин в своей критике объяснения слав. _mǫžь_ < _*mongju-_ на основании ст.-слав. зв. мѫжоу и дат. мѫжеви у Мейе (A. Meillet. Les vocatifs slaves du type _mǫžu_. — MSL, t. XX, 1916, стр. 95—102; позднее ср. его же. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 288, 398). С. Кульбакин подкрепляет свое замечание указанием, что различия _-u-_ и _-o_-основ в славянском были утрачены очень рано (см. „Јужнословенски филолог“, књ. V, 1925—1926, Библиографија, стр. 329).

[75] Особую этимологию недавно выдвинул Я. Отрембский („Miscellanées onomastiques“. — „Lingua Posnaniensis“, t. II, 1950, стр. 86 и след.): слав. _mǫžь_ < _*man-gh-_, ср. вариант готск. _magus_.

[76] F. Mezger. Указ. соч., стр. 99 и след.

не позволяющую применить какую-либо классификацию: слав. *mǫžь*, литовск. *namiegas* 'домашний, домочадец', литовск. *sárgas* 'охранник, сторож', слав. **storžь*[77]. Нельзя, однако, не отметить неполноты перечня, причем упущены слова, как раз наиболее близкие по значению к слав. *mǫžь*: литовск. *mer-g-à* 'девушка' (к греч. μεῖραξ < *μερ-ιαξ то же), др.-сканд. *ekkja* 'вдова', которое В. Краузе[78] объясняет из герм. **ein-kjō* 'Alleinstehende'. Герм. **ein-kjō* восходит к и.-е. **ein-gjā*, этимологически прозрачному производному от **ein-* 'один' (слав. *inъ*, лат. *ūnus* < **oino-s*) в соединении с теми же суффиксами, которые мы обнаруживаем в слав. *mǫžь*: **ein-g-i̯ā* (ж. р.) — **măn-g-i̯o-s* (м. р.). Морфологическое тождество образований очевидно, что находит также поддержку в семантической однородности последних слов: *mer-g-à* 'девушка', **ein-gjā* 'одинокая (женщина)', **măn-gjo-s* 'мужчина'. Разумеется, относительный возраст этих образований мог быть различным (**ein-gjā-* только в скандинавских языках, **man-gjo-s* только в славянском).

Сравнение слав. *mǫžь* с названными образованиями кажется более оправданным, чем привлечение сильно затемненного образования литовск. *zmogùs* 'человек'.

Этим не исчерпывается круг сопоставлений слова *mǫžь*. Ср. латышск. *mûžs* 'век'. Это слово, в котором И. М. Эндзелин[79] видит старую основу среднего рода *-i̯a-n*, может объясняться из балтийск. **mangja-*[80], формы, тождественной слав. **mongjo-* в *mǫžь*, ср. и соотношение значений 'век': 'мужчина, человек', аналогичное отношению ст.-слав. вѣкъ 'век, возраст': чловѣкъ 'ἄνθρωπος'. Э. Леви[81] указывает на близость ст.-слав. мѫжь и литовск. *amžis* 'lange Zeit', др.-прусск. *amsis* 'Volk', но для него эта близость выражается только в общем окончании *-*žis* и в возможности взаимного влияния.

Если верно то, что сказано о латышск. *mûžs*: слав. *mǫžь*[82], то это, возможно, дает еще одно свидетельство о конце основы слав. *mǫžь*, поскольку в таком случае наличие латышск. *mûžs* (*-i̯a*-основа) исключает мысль А. Мейе о *mǫžь* < **mon-gju-*.

Из местных производных от слав. *mǫžь* интересно русск. *мужик* 'крестьянин', 'грубый мужчина', с уничижительным эмоциональным оттенком. Лингвисты объясняли последнее образование различно. Х. Педерсен выводил суффикс *-ikъ* из *-*inkъ* (ср. литовск. *-ininkas*) и причину наличия *-ik-*, вместо *-ic-*, видел в том, что „закон Бодуэна де Куртене, который, между прочим, действует после *n̥* и *m̥*, не действовал

---

77 Кстати, приводить литовск. *sárgas*, слав. **storžь* как пример имени с суффиксом *-g-* еще преждевременно в силу недостаточной выясненности этимологии.

78 W. Krause. Die Frau in der Sprache der altisländischen Familiengeschichten. — „Ergänzungshefte zur KZ“, 1926, № 4, стр. 237.

79 См. РФВ, т. LXXVI, стр. 308.

80 К. Буга („Aistiški studijai“, I, стр. 52, 114) объясняет латышск. *mûžs*, литовск. *amžias* 'век' вслед за А. Лескином („Die Bildung der Nomina im Litauischen“, стр. 309) из **múmžja-s*. Но это говорило бы об исконной палатальности задненебного (и.-е.*ĝ), и мы ожидали бы латышск. *mužs*! Литовск. *ž* и др.-прусск. *s*, таким образом, неясно.

81 E. Lewy. Preußisches, — IF, Bd. 32, 1913, стр. 160, сноска 2.

82 Различные соображения против данного сближения видвигает Э. Бенвенист (E. Benveniste. Notes d'étymologie prussienne. „Studi baltici“, t. 2. 1932, стр. 80, 81). Ср. еще к вопросу о родстве латышск. *mûžs*.: слав. *mǫžь* — K. Mülenbach, II, стр. 681, где прежде всего отмечается родство латышск. *mûžs*, литовск. *amžis*, др.-прусск. *amsis* (И. М. Эндзелин). Конечно, **mangja-* (слав. *mǫžь*) должно было бы дать латышск. **mûdzs*. В наличии *mûžs*, возможно, сказалось влияние литовских форм с *ž*, ср. известные примеры в.-латышск. *eš* вместо *es*: литовск. *aš* и др. Старые влияния, унифицировавшие здесь характер согласного, были вообще возможны, в том числе и со стороны славянского с *ž* < *g*, ср. выше Э. Леви.

после *-in-*": *мужи́к*[83]. Иначе объяснял слово А. Вайан: формы на *-іcь* могли развиваться из *-ьcь* после *-jo-*основ (словенск. *možîc* от *mǫ̂ž*), но это *-іс* обычно заменялось *-ik*: русск. *мужик*[84]. Но образование *мужи́к* нельзя отрывать от такого же образования русск. *стари́к*, для которого объяснение Вайана неприемлемо вообще, поскольку *starъ* — древняя твердая *о*-основа. Русск. *мужик*, *старик* близки по своему суффиксу немногочисленным, но достаточно древним литовским образованиям с суффиксом *-eika-*, *-eika*, ср. *jauneikà* 'jaunylis', *kabeikà* 'kuris kabinėjasi' с характерными эмоционально окрашенными значениями, ср. и значение русск. *мужик*. Ср. еще литовск. диал. *seniekas* 'senas'[85], т. е. *sen-ieka-s* (чередование различно интонированных долгот *-ieka-*: *eĩka-*), точно соответствующее по структуре, суффиксу и значению русск. *стар-и́к*, *стари-ка́* (русское подвижное ударение говорит о древней форме **star-ei-kó-s*). Производные на **-eiko-* нашли преимущественное отражение в восточнославянских языках: русск. *стари́к*, *мужи́к*, диал. *молоди́к* 'молодой, новобрачный'[86], сюда же укр. *молоди́к* 'молодой месяц'. Первоначально формы **star-eiko-s* и **star-ĭko-s* были очень близки как варианты количественного чередования суффиксального гласного. Положение изменилось только в результате различного отражения закона прогрессивной палатализации: *starьcь*, *старец*, но *старик*.

Весьма загадочно название мужа, из славянских языков лучше всего известное древнерусскому, но по ряду признаков имеющее право считаться древним славянским образованием: др.-русск. ладა. Ср. в „Слове о полку Игореве" обращение плачущей Ярославны к ветру: „чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея *лады* вои?" (стихи 443—445 изд. 1800 г.). А. Г. Преображенский называет еще чешск. *lada*[87]. Ср. сербск. *ла́да* 'супруга'. Слово сохранилось в живом русском языке, в устном народном творчестве почти до́ наших дней, обозначая всякий раз мужа — 'милого, любимого мужа' (возможны переносы на жену), 'возлюбленного', а также его противоположность — 'нелюбимого, немилого мужа'[88]. Др.-русск. *лада* (ср. и другие случаи употребления этого слова) фигурировало „с оттенком ласкательности (следовательно, оно не было собственно термином для обозначения данного понятия)..."[89].

В восточнославянских народных песнях слово *лада* употребляется еще и в других, более затемненных случаях, как например в известной песне, которая начинается словами: „А мы просо сеяли, сеяли, ой, *дед-ладо*, сеяли, сеяли" — считающейся одной из древнейших у славян[90]. Еще более затемнено и удалено от своего возможного первоначального значения употребление слова в детской песенке: „Ай, *ла́душки*, *ла́душки*, где были? — у бабушки..." — где форма от *лада* лишена всякого конкретного значения, близка к междометию. Неудиви-

[83] H. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, Bd. 38, 1902, стр. 384.

[84] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, Paris—Lyon, 1950, стр. 143.

[85] Литовские примеры взяты из кн. P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, 159, 160.

[86] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, стр. 92.

[87] А. Преображенский, т. I, стр. 428.

[88] См. П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины. — „Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР", VI. М., 1954, стр. 122, со ссылкой на запись песен, сделанную М. Н. Косич (там же, стр 67).

[89] Ф. П. Филин. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке. — „Язык и мышление", т. XI, 1948, стр. 341.

[90] См. E. Gasparini. L'esogamia degli antichi Slavi. — „Ricerche Slavistiche", vol. II, 1953, стр. 134—135; K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian, część II, Kraków, 1939, стр. 1085.

тельно, что именно такие „темные" места в первую очередь давали повод для кривотолков в те времена, когда велись деятельные разыскания древнеславянских божеств. Это порождало и резко противоположную точку зрения. Так, А. Брюкнер отказывался вообще видеть в слове *лада* что-либо большее, чем простое восклицание из песенного рефрена[91]. Последняя мысль является другой нежелательной крайностью, так как если междометное употребление в песнях действительно лишено сейчас конкретного значения (хотя есть все основания полагать о развитии этих восклицаний из полнозначного слова), то примеры вроде др.-русск. *лада* 'муж' чужды всякой двусмысленности и нуждаются в ином объяснении.

Форма русск. *лада*, слав. *lada* в таком виде, возможно, неисконна и является одним из случаев славянской метатезы плавных, ускользнувших от внимания исследователей. Тогда *lada* < **ắld-*, и.-е. **aldh-*, которое в свою очередь поддается расчленению на индоевропейский аффикс *-dh-*(*-d-*), выражающий состояние, особенно — завершенное состояние[92], и известный индоевропейский корень **al-* 'расти'[93]: **al-dho-s* 'выросший, зрелый'. Полученное гипотетическое значение могло лечь в основу названия человека, мужа, мужчины, что действительно имело место в отдельных индоевропейских диалектах, ср. основанные на близких признаках ('смертный', 'сильный'): греч. βροτός, арм. *mard* 'человек', лат. *vir*, литовск. *výras* 'муж, мужчина'. К и.-е. **aldhos* восходят др.-сакс., др.-англосакс. *aldi* 'Mensch', сюда же лангобардск., др.-бавар. *aldius* 'halbfrei' < 'Mensch'[94]. Сюда же, далее, принадлежат готск. *alds* 'βίος', *aldeis* 'γενεαί', др.-шведск. *aldr* 'отпрыск (дитя)', 'человечество', др.-сев.-зап. *ǫld* 'жизнь, время господства', на связь которых с готск. *alan* 'расти', *aljan* (каузатив) 'кормить', ср. лат. *alo*, ирл. *alim*, производное лат. *altus* 'высокий', указывает В. Х. Фогт[95]. Отношение значений готск. *alds*, др.-сев.-зап. *ǫld* 'жизнь': *aldius* 'человек' сопоставимо с выработавшимся в славянском соотношением значений *věkъ* 'век, возраст': *čelověkъ* 'человек'. Помимо др.-русск. *лада* 'муж', соответствующего указанному герм. *aldi-* 'человек', славянский представляет и другую группу слов, материально восходящих к **al-dh-*, а по значениям примыкающих к др.-исл. *ǫld*, готск. *alds* 'жизнь': русск. *лад* 'порядок, согласие', *ладить* 'жить в согласии', 'устраивать', которые состоят в очевидном родстве с др.-русск. *лада* 'муж'[96].

Таким образом, слав. *lada* может быть объяснено из формы **ắld-*, которая в конечном счете восходит к и.-е. **ăl-* 'расти', ср. выше готск. *alan*, нем. *alt*, лат. *altus*. В славянских языках тот же корень имеется в др.-русск. *лода* 'особая кость', а также в др.-русск. *лодья*, русск. *лодка* (< **ŏld-*), причем везде точно прослеживается их связь с корнем, обозначающим 'ствол', 'выросшее' < 'расти'.

Слав. *lada* представляет собой применение этого корня в названиях родства, ср. нем. *Eltern* 'родители', собственно 'старшие'. Этимологиче-

---

[91] См. A. Brückner. Mythologische Studien. III. — AfslPh, Bd. 14, стр. 161, 185; ср. обзорную статью словенского ученого Francè Bezlaj. Nekaj besedi o slovenski mitologiji v zadnjih desetih letih. — „Slovenski etnograf", letnik III—IV, 1951, 346.

[92] См. É. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen, I. Paris, 1935, стр. 189.

[93] Там же, стр. 190.

[94] См. W. Bruckner. Aldius. — „Beiträge", Bd. 17, 1893, стр. 573—575.

[95] W. H. Vogt. ALDARTRYGGÐIR ok ÆVINTRYGGÐIR. — „Beiträge", Bd. 58, 1934, стр. 1—66; см. еще A. Jóhannesson. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951—1954, стр. 37—38.

[96] М. Фасмер (REW, Bd. II, стр. 4—5) указывает, помимо родства с др.-русск. *лада*, на невыясненность этимологии слова *лад*.

ские данные позволяют высказать предположение о первичности для слав. *lada* именно значений 'старший, муж', а не 'жена, супруга'. При наличии известных названий для старшего рода — слав. **voldyka*, **starъ* (и его производных — компаративных образований **starějьšь*, *starějьšina*) — справедливо предположить, что *lada* — один из детализирующих синонимов, возможно — часто употребляющийся эпитет, ср. также его очевидную отглагольность: 'старший' < 'выросший', при собственно названиях старшего в роде. Ср. употребление в песне: „А мы просо сеяли, сеяли, ой, *дед-ладо*, сеяли, сеяли...", — где *дед-ладо* представляет собой именно такое словосочетание: **dědъ lada*, где *dědъ* — название старшего родича, а *lada* — именное определение при нём. Форма *ладо* — остаток звательной формы от *ā*-основы (*lada*). Укр. *дiд ладу* является в таком случае поздним преобразованием под сильным воздействием аналогии обычных звательных форм на *-у* от имен мужского рода: *дiду*, *синку*, *батьку* и др., что естественно, ибо в украинском звательная форма — живая категория. Принадлежность мужского термина слав. *lada* к *ā*-основам стоит закономерно в ряду других индоевропейских основ на *-ā*, обозначающих мужчину: слав. **starosta*, **voldyka*, готск. *frauja* 'господин', лат. *scriba* 'писец'.

Сделав попытку этимологически объяснить происхождение слав. *lada*, мы вполне отдаем себе отчет в ее гипотетичности, в необходимости поисков новых сравнительных данных, в том числе — более близких к славянскому, чем обширный круг германских слов (хотя последние, на наш взгляд, заслуживают в настоящем случае всяческого доверия). Здесь было бы ценно свидетельство балтийского, который для изучения истории сочетаний с плавными в славянском всегда представляет картину, наиболее близкую к славянскому и вместе с тем архаическую, позволяя безошибочно определить фонетическое развитие славянской формы.

Прямые соответствия др.-русск. *лада* в балтийском неизвестны. Но одно из литовских имен собственных, по-видимому, является словом того же корня в производной форме: *Aldonà*, женское имя[97], т. е. *Ald-ona* с суффиксом *-ona* от **áldas* или **álda* (= др.-русск. *лада*), 'принадлежащая *a*', 'происходящая от *a*'. Ср. с тем же суффиксом *Lieponà* 'левый приток р. Ширвинты' < *liepa* 'липа', с суффиксом *-uona Beržuona*, *Ežeruona* от *béržas* 'береза', *ēžeras* 'озеро', ср. греч. Διώνη 'дочь Зевса' от Ζεύς, род. п. ед. ч. ΔιϜός 'Зевс'[98].

Обычай образовывать собственные имена от названий родства (что мы предполагаем для литовск. *Aldonà* от **ald-*) давно известен, ср. анализируемые А. М. Селищевым[99] древнерусские личные имена *Внук*, *Дед*, *Дедко*, *Дедило*, *Дедилец*, *Дедун*, *Дядя*, *Дядько*, *Зять*, *Пасынок*.

В свете сказанного следует считать сомнительным сравнение др.-русск. *лада* с ликийск. *lada* 'жена, женщина'[100], которое навело Г. Гюн-

---

[97] Ср., однако, критическое замечание А. Брюкнера: „... больше всего нам известная [из старых литовских женских имен. — *О. Т.*] *Алдона*, т. е. *Анна*, первая жена Казимира Великого и дочь Гедимина, которая так любила танцы и так трагически кончила, появляется лишь только у Стрыйковского и не вызывает никакого доверия, — я не считаю этого названия подлинным" (A. Brückner. Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa, 1904, стр. 29). Специально о литовск. *Aldona* см. J. Safarewicz. Polskie imiona osobowe pochodzenia litewskiego. — JP, t. XXX, 1950, стр. 117—118.

[98] Анализ литовск. *Lieponà*, *Beržuona*, *Ežeruona* взят из кн.: P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 274, 284.

[99] А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — „Ученые зап. МГУ", вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1. М., 1948 [посмертно], стр. 136.

[100] См. установление этого ликийского слова и его значения у J. Imbert. Termes de parenté dans les inscriptions lyciennes. — MSL, t. 8, 1894, стр. 454—455;

терта на мысль о заимствовании славянским этого слова: русск. *ладá* (sic!) 'Gattin', сербск. *лада*, чешск. *lada* (ср. греч. Λήδα, ликийск. *lada*, халд. *lutu*, аварск. *thladi* 'супруга') — из малоазиатского[101]. Сравнение ликийского и славянского слов приводится также в одной из последних работ В. Георгиева[102]. Подобные сопоставления допустимы как предварительные при отсутствии возможности объяснить фонетическое развитие славянского слова на более близком индоевропейском материале. Однако такая возможность вероятна (см. выше). Кроме того, привлеченный нами германский и другой сравнительный материал вынуждает нас считать первичным для слав. *lada* мужское значение, ср. др.-русск. *лада* 'муж'.

Между тем именно предположение о первоначальном женском значении слав. *lada* побуждает отдельных исследователей выдвигать важные гипотезы. Так, М. Будимир считает это слово одним из матриархальных реликтов, связывающих доклассическую Анатолию с протославянским словарем. Сам М. Будимир предлагает совершенно новую этимологию слав. *lada* — из **vladha*, ср. *vladati* с потерей *v* в начальной группе *vl*, по закону Лидена, откуда *lada* = 'властвующая'[103]. Все это, однако, чрезвычайно гадательно и маловероятно.

Индоевропейский язык развил еще одно распространенное обозначение мужчины, исходящее из его конкретных физических качеств: **v̆īro-s*. Наличие целого ряда сосуществующих обозначений мужчины как 'старшего, выросшего' (см. выше, **al-dh-*), особенно — 'сильного' не должно удивлять, если учесть ту важность, магическое значение, которые древний человек мог придавать подобным названиям, считая, что, называя так мужчину, он одновременно наделял его соответствующими качествами. Вовлечение таких обозначений по мере забвения их конкретного значения в сферу терминов родства состоялось уже потом, в течение письменного периода истории отдельных древних индоевропейских языков. Формы, восходящие к **v̆īro-s* в различных индоевропейских языках: санскр. *vīrá-*, авест. *vīra-*, лат. *vir*, литовск. *výras*, латышск. *vîrs*, др.-прусск. *wijrs*, др.-ирл. *fer*, готск. *waír*, др.-исл. *verr*, др.-в.-нем., др.-сакс., др.-англосакск. *wer*.

Б. Дельбрюк[104] анализирует значения санскр. *vīrá-* 'мужчина', особенно 'сильный мужчина', 'герой', 'воин', затем 'сын', 'самец', указывая, что значение 'муж, супруг', засвидетельствовано только в эпическом языке, в то время как лат. *vir* с раннего времени значит 'супруг'. К. К. Уленбек[105] сближает санкср. *vīrás* 'мужчина, герой' и *váyas* 'сила, здоровье'. В. Прельвиц[106] считает, что и.-е. **virós* < **viēr* (ср. греч. ἰατρός: ἰατήρ) значило собств. 'преследователь, воин', ср. санскр. *vītar-* 'пре-

---

это сравнение справедливо признается случайным, ср. M. Vasmer, REW, Bd. II, стр. 5.

[101] H. Güntert. Labyrinth. — „Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse“, 1932—1933, стр. 49; против — P. Kretschmer. Etymologie und Wortforschung. — „Glotta“, Bd. 22, стр. 252—253. Недавно гипотезу о близости слав. *lada* и малоазиатских и переднеазиатских слов поддержал вслед за другими исследователями В. Поляк, причисляющий этот случай к „лексическим интерференциям языкового союза“ между славянскими и кавказскими языками (V. Polák. K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a jazyky slovanskými. — LF, roč. 70, 1946, стр. 27—28, где указана и литература).

[102] В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. — ВЯ, 1954, вып. 4, стр. 65.

[103] М. Будимир. Протословенски и староанадолски Индоевропљани. — „Зборник филозофског факултета“. Београдски универзитет, књ. II, 1952, стр. 262.

[104] B. Delbrück, стр. 418, 425.

[105] C. C. Uhlenbeck, стр. 291.

[106] W. Prellwitz. Idg. *vīrós* 'der Mann'. — „Glotta“, Bd. 16, 1927, стр. 156.

следователь'. Большей популярностью пользуется толкование К. К. Уленбека, ср. А. Вальде[107], Вальде — Покорный[108], Эрну — Мейе[109].

Этимология и.-е. **vīros* как производного с суффиксом *-ro-* от и.-е. **vī-*, **vei-* 'сила' является весьма вероятной, но совершенно естественно, она не дает права выделять суффикс *-ra-* в современном литовск. *výras*[110], неразложимом с точки зрения современного литовского словообразования.

В то время как балтийские языки прекрасно сохранили и активно употребляют формы, продолжающие и.-е. *u̯īro-s*[111], славянским языкам это индоевропейское название неизвестно, что дало повод А. Мейе еще раз высказать свою известную точку зрения о существенных пробелах в индоевропейском наследии славянского словаря[112]. Указанное расхождение между балтийским и славянским языками Мейе относит к числу существенных: славянский не знает балтийск. *vīras*, балтийский — слав. *mǫžь*. Не исключена возможность, что вопрос об отражении и.-е. **vīro-s* и **măngjo-s* соответственно в балтийском и славянском обстоит гораздо сложнее. Так, выше уже приводились данные о возможном сохранении следов **măngjo-s* в балтийском. С другой стороны, А. Вайан, например, указывает на то, что славянский знал и.-е. *vīr-* 'муж, мужчина', ср. следы в названии обычая — др.-русск. *вира*, которое нельзя объяснить заимствованием из германского, ср. нем. *wer-geld*[113]. А. Вайан спрашивает, не следует ли здесь видеть, вместо производного, форму родительного падежа, точно соответствующую литовск. *výro* (род. п. ед. ч.) и закрепленную в каком-нибудь древнем выражении вроде '(плата за) мужа', после чего, когда форму перестали понимать, она получила значение существительного женского рода[114].

Последняя мысль А. Вайана не может не вызвать сомнений, тем более, что она не опирается ни на какие подтверждающие факты. Видеть в др.-русск. *вира* окаменевший родительный падеж существительного мужского рода **виръ* в роли нового существительного женского рода *вира* значит объяснить его как явление единственное в своем роде, во всяком случае — с точки зрения славянских языков. Такое окаменение хорошо известно как способ адвербиализации (ср. наречия *сегодня*, *вчера* — собственно родительные падежи существительных мужского рода *сь дьнь*, *вечер*), здесь же мотивы этого явления были бы совершенно непонятны. Объяснение сокращением древнего выражения **<plata za>vira>* др.-русск. *вира* выглядит искусственным. Достаточно сказать, что свободное словосочетание этого типа предполагает скорее полнозначность

---

[107] А. W a l d e. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 840.

[108] W a l d e—P o k o r n y, Bd. I, стр. 230—231, 314—315.

[109] E r n o u t—M e i l l e t, t. II, стр. 1305—1306.

[110] Как это, например, делает П. С к а р д ж ю с („Lietuvių kalbos žodžių daryba", стр. 298).

[111] Ср., однако, отклонение в виде перемены места ударения — литовск. *výras* при и.-е. **vīrós*, ср. др.-инд. *vīrá* (J. K u r y ł o w i c z. Accentuation, стр. 237).

[112] См. рецензию А. М е й е на кн. R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch.—BSL, t. 24, 1923, стр. 135. (Comptes rendus); е г о ж е. Les origines du vocabulaire slave. — RÉS, t. 5, 1925, стр. 11.

[113] См. еще F. M i k l o s i c h, стр. 392. В настоящее время преобладает мнение о невозможности заимствования древнерусского слова из германского, так как, во-первых, германские языки не имеют равнозначного эквивалента, а нем. *Wergeld*, близкое по значению к *вира*, дало бы другую форму; во-вторых, все германские формы близкого названия мужчины имеют *е*, ср. др.-в.-нем. *wer* и др., что также не объясняет др.-русск. *вира* (ср. С. T h ö r n q v i s t. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala — Stockholm, 1948, стр. 172).

[114] См. рецензию А. Вайана на кн: J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, III. Teil, Formenlehre. Heidelberg, 1950. —BSL, t. 47, 1951, стр. 190—191. Из старой литературы о др.-русск. *вира* см. Louise W a n s t r a t. Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes. Berlin, 1933, стр. 91, где это слово приводится в числе заимствований из нижненемецкого.

всех его компонентов и тем более объекта *_vira_ (ср. к тому же актуальность соответствующего обычая — штрафа — даже в течение первых веков письменного периода истории Киевской Руси). А в таком случае отсутствие всех других падежных форм, кроме род. п. ед. ч. *_vira_, выглядело бы очень странно. Точно так же у нас нет оснований видеть в *_vira_ несогласованное определение, предпосланное определяемому, вроде тех, которые широко употребляют литовский и латышский языки.

Напротив, если мы обратимся к другому объяснению, мимоходом упомянутому Вайаном, — _vira_ производное от *_virъ_, — процесс забвения *_virъ_ в славянском получит весьма естественное толкование: в итоге длительной борьбы за роль общего термина 'муж, мужчина' в славянском победило *_mǫžь_, более удобное в силу одинаково легкого употребления в обоих важных значениях, в то время как более узкий семантически термин *_virъ_ 'взрослый мужчина'[115] был рано вытеснен, не найдя поддержки в древнем (и поэтому давно деэтимологизировавшемся) -_ā_-производном *_vir-ā_: др.-русск. _вира_.

Литовская форма _vyriškis_ представляет собой фактическое притяжательное прилагательное на -_išk_- 'мужской', но сейчас не ощущается как таковое[116] и значит 'мужчина'. Забвение производной притяжательной формы с возвращением к значению исходной формы — нередкое явление, ср. чешск. _ženská_ 'женщина', сюда же русск. _мужчи́на_ из прилагательного _мужьскъ_ + суф. -_ина_ в сингулятивном значении, ср. болг. диал. _мъшчина́_ 'мъжкото в хора или животни'[117].

Вторичность и поздний характер специальных обозначений 'муж, супруг' становится еще очевиднее при знакомстве с многочисленными местными терминами этого значения, реквизированными сравнительно недавно из других словесных групп: ст.-слав. малъжена, малъженьца (дв. ч.) 'conjuges', польск. _małżonek_, чешск. _manžel_ 'супруг', вероятно, из др.-в.-нем. _mahal_ 'бракосочетание, договор', и слав. _žena_[118], сюда же в.-луж. _mandźel_ 'супруг'; ст.-слав., др.-русск. сѫпрѫгъ, _супругъ_ 'муж, супруг', 'супружеская чета', очень похожее на кальку греч. σύζυξ; слово известно также в значении 'пара, упряжка волов'; русск. _сам_ 'муж, хозяин, барин', ср. _сам_ в обычном значении местоимения; укр. _чоловíк_ 'муж' — значение, известное также диалектам русского[119], сербского и болгарского[120], ср. совершенно аналогичное употребление франц. _homme_ 'человек, мужчина' в диалектах: _ome_ 'mari' — _lié é s'n ome_ 'elle et son

---

[115] Мысль о более позднем развитии значения и.-е. *_vĭros_ 'муж', осуществлявшемся собственно уже в отдельных ветвях индоевропейского, подтверждается этимологией. Балтийский развил значение *_vīras_ 'муж', по-видимому, самостоятельно, отдельно от славянского, в котором употребление *_virъ_ могло рано ограничиваться предположенным образом.

[116] См. P. Skardžius. Указ. соч., стр. 158—159; J. Otrębski. Randbemerkungen zu dem Werk von Pr. Skardžius „Lietuvių kalbos žodžių daryba. — „Lingua Posnaniensis, t. 4, 1953, стр. 43.

[117] Д. и К. Молерови. Народописни материали от Разложко. Речник. — СбНУ, кн., XLVIII, 1954, стр. 482.

[118] F. Miklosich, стр. 182; A. Semenovič. Über malžen, manžel, mandžel, manžen, mažen, mąlžen, mążen und mązžen. — AfslPh, Bd. 6, 1882, стр. 26—30, против В. Неринга, который объяснял из ст.-слав. мѫжьлѣти 'virum fieri' (AfslPh, Bd. 5, стр. 466); ср. также Norbert Reiter. Die deutschen Lehnübersetzungen im Tschechischen.— „Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin", Bd. 3, 1953, стр. 118.

[119] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 980: _человек_ 1) 'муж', 2) 'человек', _челаве́чица_ 'жена': Жаниўся, _ачилаве́чиўся_ — взяў сабе _чилавечицу_.

[120] Мирко Барјактаровић. Свадбени обичаји у околини Берана (Иванграда). — „Зборник филозофског факултета", књ. III. Београд, 1955, стр. 243; Стойков, К. Костов, П. Вапкова, Г. Георгиев, Ж. Желев и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. — „Известия на Института за български език", кн. IV. София, 1956 стр. 330: _чове́к_ 'съпруг'.

mari'[121]; чешск. диал. *chot'* 'супруг'[122], сербск. диал. *по̏друг* 'супруг, муж'[123].

Целую коллекцию частных названий мужа насчитывает литовский народный язык, в котором, кроме общенародного *výras* 'муж', есть еще *preĩkšas* 'второй муж' < *pr[i]-ei-kšas* 'пришедший [в дом жены]', *ūžkurỹs*, *ančkurys* то же, *užtupỹs*, *ánčtupinis* 'третий муж', *bobkalỹs*, *kaliboba* 'четвертый муж', а также в роли общего названия — *gulõvas* 'муж' (: *gulti* 'лечь'), *drauguõlis* 'муж', также — 'товарищ'[124], ср. сербск. *по̏друг* 'супруг', укр. *дружи́на* 'жена, супруга'.

Из прочих индоевропейских названий ср. готск. *guma* 'ἀνήρ, муж', тоже вторичное значение одного из древних индоевропейских названий человека **ĝhəmón-*, **ĝhmón-* 'земной', ср. лат. *homo*[125].

Жена, женщина

О.-слав. *žena*: ст.-слав. жєна 'γυνή', жєнима 'uxor', 'παλλακή, pellex', женимичиштъ 'υἱὸς παλλακῆς, pellicis filius', женимиштъ то же, др.-сербск. *жена* 'mulier', др.-русск. *жена*, *женьщина* 'femina', русск. *жена́*, диал. *жо́нка* 'замужняя женщина'; „в Архангельске жонками называют женщин поденщиц"[126], *жу̂енка*, *жве́нка*[127], *же́ноцька* (Выгозеро) — приветливое обращение к женщине[128], *женидба* 'жена': *Женитьба* мая любезная, забирай-ка трубки, наметки, выруч коня вароного. Смоленск. у.[129]; из производных ср. название разведенной жены в калужских говорах: Ана́ *ражжо́наjа*, жыв'е́т' у ма́т'ир'и, ина́ шо́стаjа[130]; укр. *жі́нка*, польск. *żona* 'жена', диал. *żeńcowa* 'молодая замужняя женщина', чешск. *žena* 'женщина', 'жена, супруга', диал. *ženské* 'замужние женщины'[131], н.-луж. *žona* 'жена, женщина', словенск. *žéna* 'das Weib', *ženîtba*, *ženîtev* 'das Heiraten, die Hochzeit', сербск. *жѐна* 'женщина', 'жена', *жѐнба*, *жѐнидба* 'свадьба', болг. *жена́* 'женщина, жена'.

Слав. *žena*, развившее *ž* из *g* велярного, восходит к древней форме **gena*, ср. др.-прусск. *genno*[132], которое А. Брюкнер считал, как и многие другие прусские слова, завуалированным недавним заимствованием из соседнего польского: *żona*[133]. Э. Френкель указывает еще др.-прусск. *gema* 'Frau'[134].

---

[121] C. Joret. Essai sur le patois normand du Bessin. Dictionnaire étymologique. — MSL, t. 4, 1880, стр. 169.

[122] Fr. Bartoš. Dialectický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 120.

[123] Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта, свеска II. Београд, 1935, стр. 92.

[124] Названия взяты из следующих источников: A. Salys. Mūsų gentivardžiai. — „Gimtoji kalba", 1937, II, стр. 22; K. Būga. Medžiaga lietuvių kalbos žodynui ir šnektoms tirti. — „Tauta ir žodis", t. I, 1923, стр. 345; P. Skardžius. Указ. соч., стр. 190, 387, 437.

[125] См. S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, 3. Aufl., Leiden, 1939, стр. 225—226.

[126] А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия, стр. 45.

[127] А. М. Бескровный. Из истории образования переходного украинско-руского диалекта в Воронежской области. — „Материалы и исследования по русской диалектологии", II. М.—Л., 1949, стр. 317.

[128] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, стр. 23.

[129] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, стр. 218. Здесь интересен переход nomen actionis (*женитьба*) > nomen agentis.

[130] Н. П. Гринкова. Заметки о калужских говорах. — „Материалы и исследования по русской диалектологии", I. М.—Л., 1949, стр. 249.

[131] Q. Hodura. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1904, стр. 70.

[132] См. R. Trautmann, BSW, стр. 84.

[133] A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 666; его же рецензия на кн. R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. — ZfslPh, Bd. 4, 1927, стр. 213; его же. Preußen, Polen, Witingen. — ZfslPh, Bd. 6, 1929, стр. 64.

[134] E. Fraenkel. Baltisches und Slavisches. — „Lingua Posnaniensis", t. II, 1950, стр. 120.

Слав. *žena* — очень древнее, бесспорно, индоевропейское слово. Ближайше родственные слова с известными славянскому языку значениями есть почти во всех ветвях индоевропейского. Заметное исключение представляет италийский, не сохранивший соответствующей формы, а также балтийский, кроме упомянутого возможного остатка в др.-прусск. *genno*, *gema*, не знающий этого слова. Естественно, что сохранение или забвение данного общеиндоевропейского названия в местном индоевропейском диалекте обусловливалось часто уже поздней, случайной заменой его другими индоевропейскими формами в этом значении, иногда — формами соседних диалектов. Очевидна поэтому рискованность поспешных выводов о „лучшем" или „худшем" сохранении словаря „индоевропейской цивилизации", а равно и самой „цивилизации", основанных на одном лишь сопоставлении современного состава балтийского и славянского словарей. Так, в местных условиях италийского осуществилось вытеснение соответствия славянскому *žena* латинским *femina* < и.-е. **dhē(i)-* 'кормит грудью', в литовском — путем переосмысления *patì* 'сама' (и.-е. **pot-*) и образования местного *žmonà*.

Индоевропейскую форму, лежащую в основе слав. *žena*, определить трудно. В этом убеждает краткое ознакомление с литературой вопроса. Уже характер начального **g* в общеиндоевропейской форме являлся предметом споров. Так, И. Шмидт[135] видел в нем чистый велярный задненебный, без участия губ, с поздним местным появлением лабиальности в ряде индоевропейских диалектов, в то время как в индоиранских, славянских и балтийском отсутствие лабиальности исконно: санскр. *gnā*, слав. *žena*, но **gᵘ* в греч. диал. βανά, готск. *qinō*, др.-ирл. *ben*. Общеиндоевропейская основа слова характеризовалась наличием сильной и слабой форм. Слабую форму указывают в род. п. ед. ч. др.-ирл. *mná* 'жены', а также в греч. μνάομαι 'свататься' из *βνᾱ- < **gᵘna-*[136]. Славянский обобщил в своем *žena* сильную форму, ср. корневой вокализм славянского слова.

Дополнительный свет на характер индоевропейского **g* проливает герм. *k*, *ku̯* как результат общегерманского передвижения согласных: готск. *qinō*, др.-в.-нем., др.-сакс. *quena*, др.-исл. *kuenna*, ср. слав. *žena*[137]. См. еще об индоевропейском слове — Ф. Ф. Фортунатов[138], К. Бругман[139], Л. Зюттерлин[140], которые в общем считают характерным для общеиндоевропейской формы наличие лабиализированного задненебного.

К. Бругман в специальном исследовании, посвященном формам этого слова[141], ставит в один ряд арм. *kin*, ирл. *ben*, слав. *žena* как формы с гласным полного образования в корне, по отношению к которым формы греч. γυνή, ирл. род. п. ед. ч. *mná*, санскр. *gnā́*, авест. *gᵊnā-* представляют различные ступени редукции корневого гласного, при сохранении в слав. *žena* древнего вокализма корня. Другую древнюю особенность слав. *žena* нужно видеть в сохранении *ā*-основы, перестроенной, например, в готск. *qinō*, род. *qinōns*, греч. γυνή, род. п. γυναικός[142]. А. Мейе,

---

[135] J. Schmidt. Zwei arische a-Laute und die Palatalen. — KZ, Bd. 25, 1879, стр. 134.

[136] H. Osthoff. Μνάομαι 'ich freie'. — KZ, Bd. 26, 1883, стр. 326.

[137] E. Zupitza. Die germanischen Gutturale. Berlin, 1896, стр. 96.

[138] F. F. Fortunatov. Die indogermanischen Liquiden im Altindischen. — KZ, Bd. 36, 1898, стр. 37. (Та же статья в сб. Χαριστήρια. М., 1896).

[139] K. Brugmann, KVGr, стр. 124.

[140] L. Sütterlin. Der Schwund von idg. *i* und *u*. — IF, Bd. 25, 1909, стр. 70.

[141] K. Brugmann. Die Anomalien in der Flexion von griech. γυνή, arm. kin und altnord. kona. — IF, Bd. 22, 1907, стр. 173—174.

[142] Там же, стр. 187.

напротив, усматривает в славянской *a*-основе позднее выравнивание древней аномальной флексии[143].

С этими исследователями можно согласиться лишь в констатации многочисленных аномалий в формах индоевропейского названия женщины, но нельзя не видеть, что К. Бругман в сущности не может объяснить различий между отдельными формами. Сейчас на основании обобщающих исследований Ю. Куриловича об индоевропейском чередовании звуков с участием ларингального можно внести существенные поправки в объяснение разбираемых форм. Дело в том, что участие ларингального объясняет, по-видимому, не только аномалию флексии, но и аномалию вокализма корня. Все противоречивые индоевропейские формы этого слова объясняются из общей исходной формы, содержащей нулевую ступень корневого гласного в соседстве со слогообразующим сонантом *n̥*: **gn̥*-. Совершенно закономерным такое сочетание может быть в положении перед согласным, в то время как перед гласным возможно только *gn*-. Этим согласным в нашем слове мог быть ларингальный: отсюда исходная общеиндоевропейская форма: **gn̥ə*-[144]. В таком случае непосредственно продолжают эту исходную нулевую ступень санскр. *gnā́*, греч. γονή (υ в греческом слове представляет вокализацию индоевропейского лабиального элемента при задненебном согласном: *gunā* < **g^{u}nā*). Вокализм остальных форм слова объясняется в рамках общей тенденции морфологической замены нулевой ступени в положении перед гласным, т. е. значительно позже падения индоевропейского ларингального согласного, ср. также типичное расхождение в способах замены: с участием гласного *a* в южных языках — арм. *kanayk̕*, 'женщины', греч. диал. βανά, с участием *e* в северных — готск. *qinō*, слав. *žena*. Значит, ни флексия, ни корневой вокализм слав. *žena* не являются архаическими в полном смысле слова.

Непосредственно сюда примыкает сложный вопрос о вероятной этимологической принадлежности нашего слова. К. Бругман был прав, видя в греч. γυνή и родственных образованиях „весьма изолированное имя, которое имело различные производные, но не имеет близкого по корню первичного глагола...“[145]. Целиком надо согласиться с Бругманом и в том, что греч. γυνή и известный корень и.-е. **ĝen*- 'рождаться, становиться' (греч. γίγνομαι) трудно объединить[146], хотя это делалось неоднократно, ср. соответствующую статью в польском этимологическом словаре А. Брюкнера. Упомянутому сближению определенно противоречит последовательно выраженная палатальность задненебного в и.-е. **ĝen*- и продолжающих его формах и не менее последовательная велярность задненебного в названии жены, женщины: слав. **genā* > *žena* (иначе было бы **zena*). Правда, еще И. Шмидт пытался объяснить соотношение этих корней „смешением двух рядов задненебных“ в формах одного и того же корня, причем противопоставление обозначилось в плане противопоставления сильных и слабых форм: так, велярный *g* И. Шмидт прослеживает последовательно в слабой форме санскр. *gnā́*, авест. *g^{ə}na*, греч. γυνή, βανά, др.-ирл. род. п. ед. ч. *mnā́* и — под их влиянием — в сильной форме ст.-слав. жена, др.-прусск. *genno*, вместо ожидавшегося ввиду авест. *zīzanañti* 'gignunt', литовск. *žéntas*, ст.-слав. зать — ст.-

---

[143] A. Meillet. Études, стр. 246; его же. Essai de chronologie des langues indoeuropéennes, стр. 20. Аномалию индоевропейской флексии объясняет падением ларингального согласного в конце слова Курилович (J. Kuryłowicz. Les effets du ə en indoiranien. — PF, t. 11, 1927, стр. 203).

[144] J. Kuryłowicz. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956, стр. 173.

[145] K. Brugmann. Die Anomalien..., стр. 174.

[146] Там же.

слав. *зєна[147]. Сюда же относит И. Шмидт слав. *gos-podь*, литовск. *gentìs* 'родственник', *gimù*, *gìmti* 'рождаться', которые он также объясняет из слабых форм с редуцированной ступенью гласного и велярным *g*.

Тем не менее отношения этих двух корней остаются неясными, хотя возможность семантического соприкосновения слов с аналогичными значениями вполне реальна, ср. древнеиндийские формы, продолжающие и.-е. *$\hat{g}$en- 'рождать(ся)': *jāyā́* 'женщина, жена, супруга' = 'существо, в котором, через которое осуществляется продление рода', ср. глагол *jā́yate*, как понимали эти формы еще сами индийцы, сюда же *jánī* (Веды) 'жена'[148]. Ср. экспансию форм с *g-* среди литовских слов, сблизившихся по значению: литовск. *gentìs* 'родственник' вместо **žentìs* (ср. *žéntas*, лат. *gener* 'зять') под влиянием литовск. *gìmti* 'рождаться', имеющего иное происхождение: и.-е. *g^{u}en-/m- 'приходить'[149].

В силу большой фонетической близости и.-е. *g^{u}enā́[150] 'жена' и и.-е. *g^{u}en- 'приходить', лат. *venire*, нем. *kommen*, некоторые этимологи видели в и.-е. *g^{u}enā́ 'женщина, жена' название, построенное на соответствующем исходном значении: *g^{u}enā́ = 'пришлая', ср. лат. *venire*, литовск. *genù* 'гоню'[151]. Сюда же примыкает этимология слова, предложенная И. Левенталем[152]: и.-е. *g^{u}énā (sic!) = 'та, за которой гонятся', ср. др.-ирл. *benim* 'pulso, ferio', ст.-слав. женѫ 'διώκω, καταδιώκω', т. е. значение слова восходит к эпохе умыканий, знакомых довольно поздно еще древним пруссам. Отсюда он предполагает существование др.-прусск. *gintas* 'Mann' по выражению *dyrsos gyntos* 'Frommann', а в литовск. *Gintas* (имя собственное) видит древнее значение *'persecutor'. Рассуждения Левенталя основываются на недостаточно проверенном материале. Опуская здесь вопрос о восстановлении упомянутых названий 'мужчина' = 'преследователь' в древнепрусском и литовском[153], укажем, что предполагаемое значение *g^{u}enā́ = 'пришлая' (ср. лат. *venio*) может исходить только из *g^{u}en-/m- 'идти, приходить', лат. *venio*, нем. *kommen*. Сопоставление же с литовск. *genù*, а равно и ст.-слав. женѫ 'гоню' без надобности усложняет дело и серьезно расходится с сущностью изложенных этимологий: и.-е. *g^{u}hen(i̯)ō объединяет греч. θείνω, φονεύω, хеттск. *ku̯en-*, все — со значением 'бить, убивать', сюда же с известным изменением значения и литовск. *genù*, ст.-слав. женѫ 'гнать', собств. 'гнаться за кем-либо с целью убить'. Это сопоставление дало бы маловероятное значение и.-е. *g^{u}enā, слав. *žena*: 'та, которую убивают (гонятся, чтобы убить)'. Очевидно, эта этимология ошибочна[154].

О наконечном ударении и.-е. *g^{u}enā́, унаследованном слав. *ženā́*, русск. *жена́*, см. исследования Мikkолы[155] и Ю. Куриловича[156].

К слав. *ženā́* примыкает интересное литовск. *žmonà* 'жена, супруга'. Это слово, как нам кажется, не может считаться самостоятельным образованием литовского языка. Указывают на его звуковую связь с *žmónės*

---

147 J. Schmidt. Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen. — KZ, Bd. 25, 1879, стр. 115, 129—130.

148 См. B. Delbrück, стр. 411, 412, 413.

149 Ср. A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 338: *gener*.

150 Сохраняем условно это изображение индоевропейского слова как традиционное, уточнения см. выше.

151 См. К. Буга, РФВ, т. LXУ, стр. 221,

152 J. Loewenthal. Wirtschaftsgeschichtliche Parerga. — WuS, Bd. 9, 1926, стр. 188.

153 Совершенно неизвестна точка зрения Левенталя на отнюдь не гипотетическое, а реальное литовск. *gintas* (к *gimti* 'рождаться'), 'матка', анатомическое название.

154 Из дальнейшей литературы об и.-е. *g^{u}enā см. Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 681; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch..., стр. 386; J. Pokorny, стр. 473—474.

155 J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, 1913, стр. 120—121.

156 J. Kuryłowicz. L'accentuation, стр. 420—421.

pl. 'люди', им. п. ед. ч. *žmuõ*, вин. п. *žmūnį*, др.-прусск. *smunents* 'человек', согласная *-n*-основа, ср. сопоставление литовск. *zmónės*, *žmonà* с лат. *hūmānus*, принятое Х. Педерсеном вслед за И. Шмидтом и Р. Мерингером[157], хотя нельзя также забывать о характерном для литовского позднем аналогическом распространении редких в других индоевропейских языках древних основ (*-n*, *-u*).

Но самое странное в литовск. *žmonà* — это значение 'жена', резко обособленное от значения других форм этого корня: 'человек, люди'. Обособленность его еще больше бросится в глаза, если мы вспомним, что и.-е. *g^{u}enā* во всех формах по языкам имеет не только значение 'жена', но и 'женщина', причем последнее представлено не менее, если не более последовательно, чем первое. Ср. сосуществование обоих значений *žena* в славянском, где сопоставление древних и новых свидетельств позволяет говорить о более древнем значении 'женщина', вытесненном затем в ряде случаев другим значением. Ничего подобного нельзя сказать о литовск. *žmonà* 'жена', историю значения которого в рамках литовского языка было бы трудно проследить. Это образование не находит также никакой поддержки в древнепрусском языке, хотя тот же корень со значением 'человек' древнепрусскому известен (латышский стоит в стороне, имея ныне названия *cilvēks* 'человек', *sieva*, *sieviete* 'женщина, жена').

Таким образом, литовск. *žmonà*, имеющее только значение 'жена'[158], как бы лишено собственной оригинальной истории в балтийском, тем более, что мы вообще не имеем сколько-нибудь древних примеров семантической связи терминов 'человек' и 'жена', 'женщина' в индоевропейском[159]. Это значит, что литовск. *žmonà* 'жена' < *žmon-* 'человек' было бы явлением, единственным в своем роде. Нам кажется поэтому, что образование литовск. *žmonà* 'жена, супруга' стало возможным под влиянием слав. *žena* 'женщина, жена' с последующей контаминацией с местными литовскими формами корня *žmon-* 'человек', 'люди'[160]. Контаминация одних лишь местных образований маловероятна, ибо литовское соответствие славянскому *žena* — **gena* (ср. прусск. *genna*, *genno*) с обязательным велярным *g* не годилось для подобной контаминации. С другой стороны, ср. заимствованный литовский глагол *žẽnytis* 'жениться' < слав. *ženiti sę*.

Итак, признавая в общем недостаточную убедительность всех попыток этимологии *g^{u}enā*, *žena*, а также не видя какой-либо иной возможности объяснить происхождение этого слова, мы ограничимся уточ-

---

[157] H. Pedersen. Wie viel Laute gab es im Indogermanischen. — KZ, Bd. 36, 1898, стр. 101.

[158] Значение 'женщина' известно производному *žmonýna* в тверечском диалекте Восточной Литвы, граничащем с территорией восточнославянских языков (см. P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 269).

[159] Иное положение наблюдается при сравнении термина 'человек' и 'мужчина', когда можно говорить не только о семантической связи, но даже о тождественности, например, для и.-е. * *mǎn-*. Больше того, расхождения индоевропейских названий человека и указанное тождество дают право говорить об индоевропейском термине 'человек' как чисто мужском генетически, а, следовательно, позднем образовании, точнее — образованиях времен индоевропейского патриархата и распада единства. Отсутствие общеиндоевропейского термина 'человек' в этом смысле показательно.

[160] Подобные примеры в балто-славянских языковых связях хорошо известны, ср. литовск. *šventõrius* 'кладбище' < литовск. *šveñtas* × польск. *cmentarz*, ст.-литовск. *suvodba* < заимствованное *svodbà* 'свадьба' × литовск. *suvedìmas*, литовск. *turgãvietė* 'рыночная площадь' < литовск. *vietà* × заимствованное *turgawiczia*, польск. *targowica*, о которых см. E. Fraenkel. Kreuzung einheimischer und fremder Synonyma ähnlicher Lautung im Baltischen (Ein Beitrag zur Fremdwortforschung dieser Sprachgruppe. — ZfslPh, Bd. 8, 1931, стр. 412 и след.). Ср. еще о литовск. *lakštingala*, латышск. *lakst gala* 'соловей' как о скрещении балт. * *lakstingā* × нем. *Nachtigall* 'соловей' (см. комментарии И. М. Эндзелина в словаре K. Mülenbach, II, стр. 416).

нениями семасиологического порядка, а именно тем, что в этом слове мы имеем древнее название женщины, только вторично использованное для обозначения жены, супруги, ср. аналогичное развитие значений 'мужчина' > 'муж'. Было бы излишне специально останавливаться на том, что такое выделение вторичных значений находит подтверждение в развитии семейно-родовых отношений от смешанного брака кросскузенного характера к парному браку через все более глубокие запреты кровосмесительства и экзогамию. Однако многие историки языка, к сожалению, не видят в этом наиболее существенного момента семантической истории слова, ср. соответствующую статью в словаре К. Д. Бака[161], интересующегося скорее игрой вторичных значений нашего слова.

Прочие названия жены, женщины в славянских языках

Польск. *kobieta* 'женщина'. Слово известно только в польском языке. Его история и происхождение довольно загадочны[162]. В попытках этимологии недостатка не было, но большинство из них неудовлетворительно. Я. Отрембский[163] видит в слове сложение **ko-obieta*, ср. ст.-польск. *obieta* 'жертва', ст.-слав. обѣтъ 'votum', что, как полагает Т. Милевский, сопряжено с семантическими затруднениями[164]. Позднее появление слова *kobieta* в литературном польском языке объясняют заимствованием его из диалектов[165]. Ср. еще объяснение *kobieta* < *kobita*, причастия прошедшего времени от глагола *kobić* 'wróżyc', т. е. 'ta, która była wróżona na żonę', своеобразный эпитет[166]. Тем самым слово включается в круг терминов, связанных с гаданием, предсказанием, сюда же — названия счастья, удачи, которые обозначаются довольно известным в славянских языках древним корнем: ст.-слав. коба 'augurium', чешск. *pokobiti se* 'удаться', сербск. *кôб* 'хорошее предзнаменование, пожелание'; 'предчувствие', *кòбим*, *кобити* 'желать счастья', 'предчувствовать'. Последние слова имеют индоевропейскую этимологию, ср. Э. Цупитца[167]: к др.-исл. *happ* 'счастье', англ. *hap* 'случай', *to happen* 'случаться'.

Однако наиболее правдоподобна этимология, предложенная В. Махеком: польск. *kobieta* < др.-в.-нем. *gabetta* 'Bettgenossin, супруга', префиксальное сложение с *bett* 'постель', т. е. 'разделяющая ложе', ср. также наличие в польск. *kobieta* первоначально уничижительного значения[168].

Ст.-слав., др.-русск. сужложь, сължжь, сължжьница 'супруга', ср. греч. ἄλοχος, ἄκοιτις, ἀκοίτης — названия законной супруги[169], калькой которых могло явиться славянское слово.

Польск. *niewiasta* 'женщина' представляет собой использование о.-слав. *nevěsta* 'невеста, невестка'[170], см. выше.

---

161 C. D. Buck, стр. 82.

162 E. Berneker, Bd. I, стр. 533.

163 J. Otrębski. Przyczynki słowiańsko-litewskie. Wilno, 1935, стр. 175.

164 См. его аннотацию в RS, t. XIII, 1937, стр. 73.

165 J. Żebrowski. Historia użyć wyrazu *kobieta*. — „Poradnik Językowy", 1937 — 1938, стр. 71—75.

166 См. его же. Fonetyka i etymologia wyrazu kobieta. Там же, стр. 109—112.

167 E. Zupitza. Die germanischen Gutturale, 1896, стр. 22. См. также Walde—Pokorny, Bd. I, стр. 457—458.

168 V. Machek. Germano-slavische Wortstudien. — „Časopis pro moderní filologii", roč. XXVI, č. 1, 1939, стр. 164—165, где указана и остальная литература.

169 B. Delbrück, стр. 421, 423; É. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, стр. 36.

170 A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 362.

Ст.-слав. мѫжатица 'ὕπανδρος, viro subdita', жена мѫжатица 'γυνὴ συνῳκισμένη ἀνδρί', др.-чешск. *mužatka* 'žena zmužilá', 'žena vdaná', польск. *mężatka* 'замужняя женщина', производное от названия мужа [171].

Др.-русск. *хоть* 'желанная, милая, жена', 'наложница', чешск. *choť*, словацк. *choťa*, *choť* 'жена, супруга', с типичным переходом nomen actionis > nomen agentis, ср. отглагольность названия действия *хоть* 'желание', русск. *по-хоть* (:*хотеть*) [172].

Др.-русск. *подружие*, *подружье* 'супруга, супруг', давшее затем укр. *подрýжжя* 'супружеская чета', совр. укр. *дружúна* 'супруга' (с конца XVIII в.) [173] с прозрачной этимологией (: друг). Укр. *дружúна* является производным с суффиксом *-ина* с одним из двух значений этого суффикса, активных в славянском, — сингулятивным, ср. в то же время собирательность др.-русск. *дружина* 'воины'.

Др.-русск. *веденица* 'жена законная или главная', 'наложница', *ведовица* 'γυνὴ ἄρχουσα', *въводьница* 'женщина, принятая в дом', ср. литовские названия жениха, невесты, жены, свадьбы, в основу которых положены формы глагола *vèsti* 'вести': *vedỹs*, *nauvedà*, *vedỹbos*, *antrãvada* 'вторая жена'.

Ст.-слав. малъжена, малжена, малжена, маложена (дв. ч.) 'супруги, муж и жена', ср. польск. *małżonka*, чешск. *manželka*, о которых уже говорилось выше.

Прибалт.-словинск. *bjãłkă* 'женщина', кашуб. *bjałka* 'женщина, жена', польск. диал. *bialiczka*, *białeczka* то же, устар. *białogłowa* 'женщина' (букв.: 'белоголовая') — названия замужней женщины по белому головному убору [174].

Ст.-слав. посестрие 'uxor'; польск. диал. *roba* 'взрослая женщина', 'жена', 'неряха', ср. также *roba* 'свинья', ср. *roba* 1. 'взрослая женщина', 2. 'жена' в переходных восточнолашских диалектах [175], сербск. *љýба* 'die Gattin, conjux'.

Из балтийских названий ср. литовск. *mótė*, *móteris* 'женщина' — преобразованное старое название матери, *moterìškė* 'женщина', формально—притяжательное производное с суффиксом *-išk-*, ср. чешск. *ženská* = *žena* и др.; латышск. *sieva* 'жена' < **k̂ei-u̯-*, ср. др.-в.-нем. *hīwo* 'супруг', лат. *cīvis* 'гражданин' [176]; менее распространенные литовск. *gulovà* (только в народных песнях) 'жена', как и *gulõvas* 'супруг' — к *gulė́ti* 'лежать', *antrãvada* 'вторая жена' [177].

Из более интересных местных названий других индоевропейских языков ср. лат. *fēmina* 'женщина', от **dhē-* 'кормить грудью' с суффиксом медиопассива *-meno-*/*mno* [178] и тохарск. *B tlai* 'женщина', производное на *-l-* от того же корня [179]; нем. *Weib*, герм. **wība* 'жена, женщина', как полагают [180], — первоначально отглагольное название действия *wība* < *wēban* 'прясть, ткать' с переходом nom. actionis > nom. agentis (ср. также средний род *Weib*), причем **wība* сначала значило 'ткачиха, служанка', затем — 'женщина' и 'жена'.

---

[171] См. A. Meillet. Études, стр. 290.

[172] Ср. Ф. П. Филин. О терминах родства . . ., стр. 342.

[173] См. А. А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке. Автореф. канд. диссерт. Киев, 1954, стр. 16, 17.

[174] A. Zaręba. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954, стр. 107, сноска 3.

[175] A. Kellner. Východolašská nářečí, II, стр. 269.

[176] См. E. Zupitza. Die germanischen Gutturale, стр. 184; A. Walde. Указ. соч., стр. 164: *cīvis*.

[177] P. S. Skardžius. Указ. соч., стр. 387, 431.

[178] K. Brugmann. KVGr., стр. 316; Ernout—Meillet, t. I, стр. 398—399.

[179] J. Duchesne—Guillemin. Tocharica. — BSL, t. 41, 1941, стр. 152.

[180] G. Tavernier—Vereecken. De etymologie van „wijf“. — „Revue belge de philologie et d'histoire“, t. XXXII, № 1, 1954, стр. 97 и след.

Вдова

Слав. *vьdova*: ст.-слав. вьдова 'χήρα, vidua', вьдовица то же, др.-сербск. *ѥьдова*, *вьдовица*, др.-русск. *въдова*, *вьдова* 'vidua', *въдовица*, *въдовичии*, *въдовичьныи*, *въдовующии*, *въдовыи*, *въдовьствие*, *въдовьство*, русск. *вдова́*, *вдо́вая*, *вдо́вый*, укр. *вдова́*, *удова́*, *вдови́ця*, *удовиця*, *вдовиче́нко* 'сын вдовы', польск. *wdowa*, диал. *gdowa*, прибалт.-словинск. *vdö̯ufkă*, *vdö̯uka* 'вдова', н.-луж. *hudowa*, в.-луж. *wudowa*, *wudowc* 'вдовец', чешск. *vdova*, словацк. *vdova*, *vdovica*, *bdova*, *gdova*, словенск. *vdova*, *vdovica*, сербск. *удо̀вица*, *ȕдов* 'вдовый', болг. *вдови́ца*.

Это общеславянское слово прекрасно сохранилось во всех славянских языках[181].

Слав. *vьdova* — слово, видимо, еще общеиндоевропейское, оно имеет ряд тождественных форм в других индоевропейских языках и выясненную этимологию. Правда, следует заметить, что это слово по сути дела неизвестно балтийским языкам, за исключением др.-прусск. *widdewū* 'вдова', и Р. Траутман, предполагающий балто-славянскую форму **u̯idau̯ā* 'вдова'[182], фактически демонстрирует отсутствие ее в балтийском. Литовский язык не знает этого индоевропейского слова, причем соответствующий термин выражен в нем не каким-либо поздним словом, а другим древним индоевропейским корнем, о котором — ниже. Рефлекс индоевропейского гетеросиллабического **-eu̯-* в др.-прусск. *widdewū* является несколько необычным: ожидалось бы балт. *-av-* = слав. *-ov-* (*vьdova*)[183]. Заимствование из славянского (польского)[184], однако, формально маловероятно. А. Бецценбергер видел в знаке долготы след первоначального ударения на окончании: *widdewū* = русск. *вдова́*[185]. Сочетание *-ov-* в слав. *vьdova* является существенной фонетической особенностью слова и развилось из и.-е. **eu̯-* в гетеросиллабическом положении[186], перед гласным заднего ряда.

Итак, слав. *vьdova* непосредственно восходит к форме **vĭdeu̯ā*. Сравнение последней формы с готск. *widuwo* 'χήρα'[187] указывает на общую для обоих древнюю форму **u̯ĭdheu̯ā*, ср. санскр. *vidháva* то же[188] и греч. ἠίθεος 'холостой, холостая'. Кроме этих слов, сюда же относятся лат. *vidua* 'вдова', алб. *e ve* 'вдова'[189]. В хеттском языке отмечена форма *ˢᵃˡudati* (*ˢᵃˡutati-*) 'вдова', которую И. Фридрих относит к лат. *vidua* и родственным[190].

Этимология **u̯idheu̯ā* была выдвинута в свое время Р. Ротом[191] и одобрена Б. Дельбрюком[192]: санскр. *vidh-ava* < **vidh-* 'быть пустым, недоставать', лат. *viduus*, ср. греч. ἠίθεος 'холостой, холостая'. Эта этимология получила широкое признание. Некоторый дополнительный материал предлагает И. Зубатый[193], обративший внимание на ст.-слав.

---

181 Ср. F. Miklosich, стр. 398.

182 R. Trautmann, BSW, стр. 357.

183 K. Brugmann. Grundriß, 2. Aufl., Bd. I, стр. 130; Бругман предполагает, что в прусск. *widdewū* 'вдова' *e* стоит вместо безударного *a*.

184 См. A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 606.

185 A. Bezzenberger. Sprache des preußischen Enchiridions. — KZ, Bd. 41, 1907, стр. 75.

186 W. Vondrák, Bd. I, стр. 83—84; K. Brugmann, KVGr., стр. 106.

187 S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch . . ., стр. 562.

188 C. C. Uhlenbeck, стр. 286—287.

189 Stuart E. Mann. The Indo-European Vowels in Albanian. — „Language", vol. 26, 1950, стр. 385.

190 J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954, стр. 237.

191 R. Roth. Etymologien: ἠίθεος. — KZ, Bd. 19, 1870, стр. 223—224.

192 B. Delbrück, стр. 442—445.

193 J. Zubatý. Slov. *pьjanъ* a jiné tvary podobné. — „Studie a články", sv. II. Praha, 1954, стр. 177.

кълдкати в значении 'κενοῦν, evacuare' в Хронике Манассии (при обычном его значении 'dare, давать'), которое, по его мнению, связано с лат. *vidua*, *viduare*, а с дакати сближено по народной этимологии. Сюда же, несомненно, принадлежит этимологически литовск. *vidùs* 'внутренность', 'внутренность дома' < 'полость, пустое пространство'. Для подкрепления морфологической связи этих слов важно отметить *u*-основу литовск. *vidù-s*, род. п. *vidaũ-s*, вин. п. *vìdų* и то, что слав. *vьdovā*, и.-е. **u̯idheu̯ā* представляют собой *-ā*-производные женского рода именно от древней *u*-основы: **u̯idheu̯-ā* (и.-е. **u̯ĭdheu-*: **u̯ĭdhu-*, ср. литовск. *vidù-s*). Следы этой древней *u*-основы сохраняются в производном названии вдовы в виде и.-е. **eu* и его рефлексов.

Ударение слав. *vьdovā́*, русск. *вдовá*, является результатом специально балто-славянских перемещений ударения, согласно закону Фортунатова — де Соссюра. О циркумфлексной интонации предпоследнего слога позволяет нам говорить с уверенностью литовск. *vidù-s*, род. п. *vidaũ-s* с циркумфлексной долготой дифтонга, которая объясняет метатонию, проходившую обычным образом: **vĭdaũ-ā* > **vĭdavā́*, слав. *vьdova*, русск. *вдовá*. Вместе с тем передвижения старого ударения в индоевропейском слове определенно свидетельствовали об ощущении „мотивированного", производного характера и.-е. **u̯idheu̯ā*[194].

Недавно высказывалось лингвистически аргументированное мнение о преимущественном отражении индоевропейскими терминами родства эпохи матриархата (Дж. Томсон, А. В. Исаченко). При матриархате не было еще потребности в таком термине, как 'вдова', поскольку смерть мужа (= одного из мужей) на положении женщины никак не отражалась: она оставалась женой братьев умершего[195]. Обозначение вдовы сделалось актуальным при парном браке. Таким образом, **u̯idheu̯ā-* — последний общеиндоевропейский термин — был одновременно новым термином, созданным отцовской семьей[196]. Такое название женщины могло возникнуть в условиях расцвета патриархата, ср. четкое указание на то, что жена лишилась мужа. Развивая далее мысль А. В. Исаченко о том, что 'вдова' — последний общий термин перед разделением индоевропейцев, можно заключить, что индоевропейская общность (ибо только общность могла создать такой единый однозначный термин) длилась до расцвета патриархата включительно.

Возникшая возможность специально обозначать женщину в данном положении не предполагала обязательного стереотипного обозначения во всех индоевропейских диалектах. Более того, в отдельных диалектах общеиндоевропейский словарный материал использовался по-своему, вследствие чего образовались синонимы. Именно такое положение дела можно предположить для балтийского. Так, литовский язык, сохранивший древнее и исключительно ценное для истории слав. *vьdova* слово *vidùs*, сам так и не воспользовался им, уже имея другое древнее название вдовы — *našlė̃*.

В литературе известна правильная индоевропейская этимология этого слова, выдвинутая американским лингвистом Ф. Р. Преведеном[197]: литовск. *našlỹs* 'вдовец', *našlė̃* 'вдова', *našláitis* 'сирота', *našlỹstė* 'вдовство' с общим для всех них семантическим признакам: 'переживший, -ая чью-нибудь смерть'. Вслед за А. Лескином[198] Ф. Преведен относит

[194] J. Kuryłowicz. L'accentuation . . ., стр. 130—131.

[195] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 74.

[196] Там же.

[197] Francis R. Preveden. Etymological Miscellanies. — „Language", vol. 5, 1929, стр. 148.

[198] A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. — „Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königlich Sächsischen Gessellschaft der Wissenschaften", Bd. XII, № III. Leipzig, 1891, стр. 462.

našlỹs, *našlẽ* к группе имен действия или деятеля с суффиксом *-lys*, *-lė*. В семантическом отношении Ф. Преведен считает нужным отделить эту группу от литовск. *nèšti* 'нести'. Он относит *našlẽ* к и.-е. **nek̂-*, **nok̂-* 'умирать, смерть, мертвый', санскр. *naçati* 'он гибнет', авест. *nasu-* 'труп', греч. νέκυς, νεκρός 'мертвый', лат. *nex* 'убийство', др.-исл. *naglfar* 'Totenschiff' и др. Таким образом, *našlẽ*, *našlỹs* можно рассматривать как субстантивированное прилагательное: **našl-i-s* 'относящийся к мертвому человеку'. Ср. сербск. *пòсмрче* 'ребенок, рожденный после смерти отца'. Эта этимология отмечена также как принадлежащая Фр. Преведену в известном новом словаре индоевропейских синонимов К. Д. Бака[199]. Тем не менее справедливость требует указать, что на самом деле эта интересная этимология впервые была предложена К. Бугой[200], умершим в 1924 г. В печатном виде эта этимология фигурировала в достаточно известном труде К. Буги[201]. На нее ссылается также П. Скарджюс в своем капитальном исследовании по литовскому словообразованию (1943 г.). Буга видит в литовск. *našlẽ* вторичное производное от **nãšlas*, *-à*, общего по корню с перечисленными латинскими и греческими словами[202].

Литовск. *našlẽ* 'вдова' является самым интересным этимологически, но не единственным диалектным синонимом и.-е. **u̯ĭdheu̯á*. Ср. ряд местных индоевропейских названий вдовы[203]: латышск. *atraikne*, *atriekne*, *eidene*[204], исл. *ekkja*, датск., норв. *enke*, шведск. *änka*, собств. 'одинокая' (ср. выше), арм. *ayri* < **n̥-nēr-iyā*: **nēr* 'муж', т. е. 'без мужа'[205], греч. χήρα: дат. п. ед. ч. χήτεϊ 'недостаток, нужда': хеттск. *kašti* 'голод'[206].

* * *

Мы рассмотрели выше ряд важных терминов, примыкающих к названиям свойства, а именно — названия невесты, жениха, мужа, жены и вдовы. Это не термины свойственного родства в собственном смысле слова, но сопоставление их с названиями свойства диктуется всей спецификой родственной терминологии. В ходе нашего изложения было уже немало случаев привлечения смежных или более далеких образований, которые связаны с изучаемыми терминами либо непосредственными материальными отношениями родственных морфем, либо общей аналогией. Такое же отношение к родственной терминологии имеет название девы, девушки.

Слав. *děva*

Ст.-слав. дѣва, дѣвая, др.-сербск. *дѣва*, *дѣвая*, *дѣвица*, *дѣвоика*, др.-русск. *дѣва*, *дѣвица*, русск. *дéва*, *девúца*, *дéвушка*, *дéвочка*, укр. *дíвчина*, *дíвка*, польск. *dziewczyna*, *dziewucha*, *dziewczę*, диал. *dziewa*, *dziewka* = *córka* 'дочь', прибалт.-словинск. *ʒöfčą -čică* 'Mädchen', полабск. *déva* 'Mädchen', 'Magd', *dévka* 'Mädchen, Tochter', чешск. *dívka*,

---

199 C. D. Buck, стр. 131.

200 Ср. запись в его рукописной картотеке к Литовскому этимологическому словарю (хранится в Ин-те литовск. языка и лит-ры АН Лит. ССР, Вильнюс): „našlė 'vidua' i.-e. 'kuriai mirė výras': lot. necō noceō gr. νέκυς νεκρός K. Būga".

201 K. Būga. Kalba ir senovė. Kaunas, 1922, стр. 273.

202 См. также P. Skardžius. Указ. соч., стр. 75, 169.

203 Названия вдовца (ср. слав *vьdovьcь*) представляют собой поздние этимологически прозрачные образования и специально здесь не рассматриваются.

204 K. Mūlenbach, I, стр. 566.

205 G. Dumézil. Séries étymologiques arméniennes. — BSL, t. 41, 1940, стр. 69.

206 См. E. H. Sturtevant. A comparative Grammar of the Hittite Language, vol. I. 2 ed., New Haven, 1951, стр. 58.

děvče, словацк. *dievča*, словенск. *dę̂va* 'die Jungfrau', сюда же *dę̂kla* 'das Mädchen', 'die Magd', *dęklača* 'die Dirne', *dęklâj* м. р. 'das Mädchen', *dęklè* ср. р. 'das Mädchen', *dę́klica* 'das Mädchen', *dęklȉč* м. р. 'das Mädchen', сербск. *дјéва*, *дјѐвôјка* 'das Mädchen puella', диал. *dȅkla*, *deklȉca* 'Magd', *dȉkle* 'Mädchen'[207], болг. *дѣ́ва*, болг. (банатское) *divíca* 'девица'[208], совр. болг. *девóйка* 'девочка'.

Значение перечисленных слов достаточно единообразно: 'девушка, девочка'. Слав. *děva* используется также в отдельных славянских языках и диалектах в качестве замены о.-слав. *dъkti*. Поздний характер значения 'служанка' (пример см. выше) не оставляет никаких сомнений.

В словообразовательном отношении слав. *děva* правильно объясняется как древнее субстантивированное прилагательное с суффиксом *-va*[209]. Это подтверждается фактами старославянского языка, в котором, как указывает А. Вайан в последнем из названных сочинений, адъективность дѣва, правда уже субстантивированного, акцентируется употреблением дублета дѣваꙗ, дат. п. ед. ч. дѣвѣи (Клоц. 898 = Супр. 452⁵). Отмеченный для ст.-слав. дѣваꙗ вторичный суффикс *-aja*, видимо, связан отношениями количественного чередования гласных с *-oja* в польск. *dziewoja* 'девка, девушка'; В. Вондрак[210] приводит единственный пример с суффиксом *-oj-* в виде упомянутого польского слова. Важно отметить, что и этот редкий непродуктивный суффикс характеризовал первоначально адъективные образования. Сюда же примыкают осложненные суффиксом *-ка* болг. *девой-ка*, сербск. *дјевој-ка*. Славянский дает крайне мало материала для подобного обобщения, однако число примеров с суффиксом *-oj(a)*, очевидно, не ограничивается названными. Так, например, сюда может относиться русск. *Утрóя*, название реки бассейна Псковского озера, которая в своих верховьях, на территории латышского языка, носит название *Rītupe* (собств. 'утренняя река'). Тем самым русск. *Утроя* этимологически объясняется как *Утро-ja*/*утр-oja*, адъективное производное от *утро*: **Utroja rěka* 'утренняя река', ср. значение латышского названия[211].

Слав. *děva* давно получило правдоподобную в своей сущности этимологию: к известному индоевропейскому корню **dhēi-* 'кормить грудью' и др. В деталях этимологического толкования авторы расходятся между собой. Так, В. Вондрак[212] видит в слав. *děva* первоначальное название ребенка женского пола. Э. Бернекер[213] полагает, напротив, что *děva* имело активное переходное значение 'кормящая', ср. греч. θῆλυς 'женский'. Примерно таково же мнение А. Брюкнера[214], который считает,

[207] P. Skok. Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg). — AfslPh, Bd. 33, 1912, стр. 361.

[208] Л. Милетич. Книжнина и езикът на банатските българи. IV. Словарь. — СбНУ, кн. XVI—XVII, 1900, стр. 475; ср. также диал. *девица*. Тетевен (Б. Цонев. Кои новобългарски говори стоят найблизу до старобългарски в лексикално отношение. — „Списание на Българска академия на науките“, кн. 11, 1915, стр. 12).

[209] См. А. Преображенский, т. 1, стр. 207; особенно — A. Vaillant, RÉS, t. 18, 1938, Chronique, стр. 137; ср. его же. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 200.

[210] W. Vondrák, Bd. I, стр. 407.

[211] Нам хотелось бы настоять на предложенной этимологии русск. *Утроя* вопреки объяснению М. Фасмера, который (см. AfslPh, Bd. 38, 1923, стр. 88—89) в русск. *Втроя* (река, приток Наровы) видит сложное слияние герм. *utra-* 'выдра' и эстонск. *oja* 'ручей'. Русск. *Утроя* представляет собой скорее кальку латышского слова или явление семантического параллелизма, естественного в языках населения сопредельных районов. Примеры можно было бы умножить. Форма *Втроя*,* *Бътроя* (Фасмер) может быть объяснена как фонетический вариант *Утроя*, распространившийся на север (Нарова) позднее.

[212] W. Vondrák, Bd. I, стр. 163.

[213] E. Berneker, Bd. I, стр. 197.

[214] A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 111; ср. С. Младенов. ЕПР, стр. 150.

что *děva* первоначально обозначало женщину именно как 'доящую' ('кормящую'). Новый словарь И. Голуба и Фр. Копечного[215], к сожалению, даже не ставит вопроса о конкретном значении морфологического образования слав. *děva*. Фр. Славский[216] в основном обобщает сведения по литературе вопроса, предлагая на выбор весьма различные решения: 'сосущая' или 'имеющая особенности женщины, например, могущая кормить'.

Что касается судьбы индоевропейского корня **dhē(i)-* в слав. *dě-va*, славянский, как видно, имел на месте данного *ě* древний дифтонг **oi*, о чем могут свидетельствовать следы его в гетеросиллабических позициях: словацк. *dojka* 'кормилица', *dojčit'* 'кормить (грудью)', *dojča* 'грудной ребенок', словенск. *doj* 'das Säugen, die Ammenschaft', сербск. *дȍјење* 'das Säugen, nutritio', 'das Saugen, lactatio', *дȍјилица*, *дȍјиља*, *дȍјкиња* 'Amme, nutrix', болг. *дóйка* 1. 'кормилица', 2. 'грудь женщины', *дойлка*, *дойлница*, *дойтелка*, *подóйка*, *подóйница* 'нянька, кормилица', *подóйниче* 'грудное дитя', ср. русск. *доить*, уже специфически животноводческий термин, наиболее далекий от значений привлеченных выше слов.

Остается вопрос о форманте *-va* (*dě-va*) и его семантико-морфологической роли в данном славянском производном. Не решив этого вопроса, мы вправе констатировать лишь то, что славянское слово состоит из и.-е. **dhē(i)-* и *-u̯ā*, всякие же дальнейшие предположения о значении славянского слова в древности носили бы голословный характер. Суффикс *-u̯ā*, точнее *-u̯(v)*, при помощи которого образовано слово, принадлежит к числу общеиндоевропейских словообразовательных формантов. В славянском почти нет этимологически прозрачных производных с суффиксом *-v-*, что также говорит о его большой древности и непродуктивности в собственно славянский период. Однако трудно согласиться с А. Г. Преображенским, который заявляет, что „слов с таким образованием только три: *дева*, *диво*, *пиво*...“[217]. Этимология позволяет выделить суффиксальное *-v-* в гораздо большем количестве случаев. Трудность заключается в том, что *-v-* был одним из материальных средств расширения индоевропейского корня[218]. При этом — этимологически суффиксальное — *v* постоянно вовлекалось в структуру корня в роли корневого детерминатива. Хронологические рамки этого процесса трудно определить даже приблизительно. Так, слав. *pьr̥vъ* 'первый' унаследовало этот древний суффиксальный *-v-* в роли неотделимого корневого детерминатива, ср. оформленное иным суффиксом литовск. *pìrmas* 'первый'. Этот пример различного расширения корня, возможно, относится к числу древнейших диалектных различий индоевропейского, ср. также примеры, с одной стороны, из индо-иранского, с другой стороны, лат. *primus*. Есть, несомненно, и менее древние аналогичные случаи, ср. слав. *čьr̥-vь*: литовск. *kir-mìs* 'червь' и с аблаутом — *kùr-mis* 'крот' — к общему корню **ker-* 'рыть, копать, резать'. Ср. также только балто-слав. **kor-u̯ā*, *корова*, производимое от и.-е. **kor-* 'рог' и, наконец, только славянское — **děva* < **doi-u̯ā*.

Познакомившись в общем с особенностями исторического употребления суффикса *-v-*, перейдем к семантико-морфологическому анализу образований для выяснения наиболее типичного их морфологического

---

215 Holub—Kopečný, стр. 99.

216 Fr. Sławski, стр. 200; ср. еще M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 333; K. Moszyński. Uwagi do 2. zeszytu „Słownika etymologicznego języka polskiego“ Fr. Sławskiego. — JP, t. XXXIII, 1953, стр. 362; J. Pokorny, стр. 241—242.

217 А. Преображенский, т. I, стр. 207.

218 Ср. Per Persson. Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. Uppsala, 1891.

значения. Предположительные значения слав. **čъr̥-vъ*, **kor-va*, **pi-vo*, **dě-va* — 'способный рыть', 'имеющая рога', 'пригодное для питья'[219], 'способная кормить'. Понять эти образования можно, лишь допустив для древнего суффикса *-v-* значение потенции, способности, наличия. Значение отглагольного *dě-v-a* было скорее медиальным ('способная кормить своих детей'), а не активно-переходным (ср. Э. Бернекер, выше) и уж, конечно, не пассивным, как полагали Ф. Миклошич и В. Вондрак. Таким образом, этимология слав. *děva* не говорит о древности значения 'дева, не вступившая в брак'. Это название могло обозначать каждую молодую женщину, которая уже способна кормить.

Общего термина, аналогичного слав. *děva*, индоевропейские языки не знают. Они развили соответствующие возрастные названия в большинстве своем уже поздно, ср. характер отдельных названий девы, девушки, приводимых ниже.

Болг. *мома*, *момиче* С. Младенов толкует как слово „детского языка"[220].

Греч. μεῖραξ, μειράκιον из *μεριακ- с индоевропейским корнем **mer-*, встречающимся в близких возрастных обозначениях нескольких языков, ср. критск. μάρνα 'девушка'[221], литовск. *mergà* 'девушка', с суффиксом *-g-*[222]. Последнее название девушки в литовском языке насчитывает по говорам огромное множество производных форм: *mergìkė*, *mergùila*, *mergžnà*, *mergìnas*, *mergȳnas*, *mergýnà*, *mergesà*, *mergẽsė*, *mer̃gšė*, *mer̃giščia*, *mergȳštė*, *mergiõtė*, *mergiõkštė*, *mergiõčius*, *mergýtė*, *mergȳtė*, *mergy-štáitė*, *mergutà*, *mergẽlė̩*, *mergū́kštis*, *mergū́kštė*, *mergùžė* — все со значением 'девочка, девушка'[223].

Греч. κόρη, диал. κόρϜᾱ, κούρη связано с κείρω (*κεριω) 'резать', возрастной термин, ср. обычай обрезания волос у подростков, τριχοκουρία. Греч. παρθένος 'дева' не имеет этимологии и подозревается в заимствовании из „догреческого" языка. Лат. *virgo* 'дева, девственница' тоже как будто не имеет этимологии[224]. Ср., однако, в книге Г. Хирта и Г. Арнтца[225] попытку объединить греч. παρθένος, лат. *virgo*, а также англ. *girl*, н.-нем. *Göhre* 'девушка' вокруг и.-е. **ghʷьrghʷen*, **gʷerghen*.

Хеттск. *šuppeššara* 'дева' — местное образование хеттского языка из прилагательного *šuppi-š* 'чистый, незапятнанный' и суффикса имен женского рода *-šara*[226].

Готск. *magaþs* 'παρθένος', герм. *maȝa-*[227], наряду с *maȝu-*, корень, которого уже приходилось подробно касаться в первой главе при рассмотрении целого ряда обозначений ребенка, мальчика, девочки; этот корень лежит в основе некоторых возрастных обозначений.

* * *

Переходим к основным названиям свойственного родства, которые обозначают лиц, породнившихся через брак кровных родичей, как своих

---

[219] Таково древнее общее значение слав. *pivo* 'напиток вообще, все пригодное для питья', сохраненное диалектами сербского, см. M. Tentor. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres.—AfslPh, Bd. 30, 1908, стр. 197.

[220] С. Младенов. ЕПР, стр. 303.

[221] G. Legerlotz. Griechische Etymologien. — KZ, Bd. 8, 1859, стр. 127—128.

[222] См. также P. Skardžius. Указ. соч., стр. 102.

[223] Там же, стр. 131, 192, 219, 242, 267, 269, 312, 316, 332, 352, 356, 359, 360, 361, 373, 392.

[224] Ernout—Meillet, t. II, стр. 1307—1308; ср. впрочем M. Runes. Virgo.—IF, Bd. 44, 1927, стр. 151—152: к *vireo* 'зеленеть'.

[225] H. Hirt, H. Arntz. Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939, стр. 21—22.

[226] E. H. Sturtevant. A Comparative Grammar of the Hittite Language, vol. I, 1951, стр. 67, 68; J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, стр. 199.

[227] S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch . . ., стр. 339.

людей, входящих в общий, свой род. В связи с этим важно обратить внимание на участие местоименного корня и.-е. **su̯o-* 'свой' в таких образованиях, ср. *свекор*, *свояк*, *сват*.

Свойственная терминология очень сложна и многопланова. Например:
свекор, *свекровь* — жене сына,
тесть, *теща* — мужу дочери,
невестка, *сноха* — родителям мужа,
зять — родителям жены,
золовка — сестра мужа по отношению к его жене,
деверь — брат мужа по отношению к его жене,
шурин — брат жены по отношению к ее мужу и т. д.

Значительная часть терминов свойства имеет индоевропейские этимологии: *свекор*, *тесть*, *золовка*, *зять*. Этимологическая неясность некоторых из них также говорит о древнем образовании. Они представляют интерес для исследования с различных точек зрения.

Слав. *svekrъ, svekry*

Ст.-слав. свекръ 'πενθερός, socer', свекры 'πενθερά, socrus', др.-русск. *свекры*, *свекъръ*, *свекоръ*, русск. *свёкор*, *свекровь*, диал. *свекры́*[228], *свекрóва* (Онежск., Шенкурск.)[229], *свякрóвья*, *свякры́*[230], архангельское еще — *секрóва*[231], ср. из недавних материалов — рязанск. *с'в'акры́*, *с'в'якрóва*[232], вологодск. *свекрóва*, *свекрóўка*[233], калужск. *свякрá*, *свякровь*[234]; укр. *свéкор*, *свекрýха*, др.-польск. *świekrew*, *świekrucha*, *świokra* 'свекровь', 'теща', *świokier*, *świekier* 'тесть', *świekra* 'teściowa, matka męża lub żony'[235], польск. *świekier*, *świekra* (устар.), диал. *świekr* 'ojciec męża', świekra 'matka męża', ср. также *wsiekra* = *świekra*, *świekrucha*, др.-чешск. *svegrušě*, *svekrušě* 'matka manžela neb *manželky*, tchyně̩', *svekr* 'tchán', *svěkrov* 'švagrová', диал. *svogruša*, *cvogruša*, *cvegruša* 'tchyně̩'[236], словацк. *sveker*, *s'veker*, *s'viker*, *svoker*, словенск. *svę́ker*, *svȩ̂krv*, *svȩ̂krva*, сербск. *свȅкар* 'der Schwiegervater, socer, mariti pater', *свȅкрва* 'die Schwiegermutter, socrus, mariti mater', диал. *svekȓva*[237], болг. *свéкър*, *свекъ́рва*.

Наиболее сложную фонетико-морфологическую историю пережило слав. *svekry*, ж. р., что понятно вследствие особого положения древних *-y-(ū)*-основ, неизбежно подвергающихся разным аналогиям и выравниваниям. Соответствующий материал богаче всего представлен в русском языке, о чем свидетельствует даже беглое знакомство с формами по говорам. Прежде всего, русские говоры широко сохра-

---

228 Диттель. Сборник рязанских областных слов. — Ж. Ст., вып. 2, 1898, стр. 222; Н. Н. Дурново. Словарь к материалам по Тамбовской губ. — РФВ, 1911, № 3—4, стр. 216.

229 А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия, стр. 154.

230 Н. Н. Дурново. Словарь Курск. губ., Корочанского у., Лесковской вол., с. Шахово. — РФВ, 1913, № 3, стр. 4.

231 Взято из кн. А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 162.

232 Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. — „Материалы и исследования по русской диалектологии, I. М.—Л., 1949, стр. 206.

233 В. Г. Орлова. О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, I, стр. 53.

234 „Труды Московской диалектологической комиссии“, 1. Ответы на южновеликорусскую программу (Калуж. губ., Мосальского у., Жерелевск. вол., д. Козловка Жерелевского прихода). — РФВ, 1916, № 1—2, стр. 260.

235 W. Taszycki. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955, стр. 260 [словарь].

236 Fr. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 41, 414.

237 P. Skok. Mundartliches aus Žumberak. — AfslPh, Bd. 33, 1912, стр. 370.

нили древнейшую общеславянскую форму *свекры* < *svekrý*, повсеместно и давно вытесненную в прочих славянских языках. Но и в русском эта форма сохранена в разрушенном виде, как разрушена уже давно в русском и древняя парадигма склонения -*ū*-основ. Так, *свекры* встречается не только как им. п. ед. ч., но и как вин. п. ед. ч.[238]; род. п. ед. ч. на -*ве* (-*ъве*) характерен только для древнерусского периода. Особенно широко обобщена, однако, древняя форма вин. п. ед. ч. *свекровь*, фигурирующая в им.-вин. падежах ед. ч. (в том числе и в литературном языке) в связи с аналогическим переходом в склонение на -*и*(*ĭ*). Далее в русских говорах представлены формы от старой -*ū*-основы, преобразованные по женским *а*-(*ja*)-основам: *свекрóва*, *свекрóвья* и далее — *свекрóвка*. О полном забвении старой основы говорит образование русск. диал. *свекра* 'свекровь', ср. польск. (стар. и диал.) *świekra*. Производными от старой основы являются также русск. диал. *свекруха*, укр. *свекрýха*, польск. диал. *świekrucha*, др.-чешск. *svekruše* — по аналогии с другими употребительными названиями женщин с суффиксом -*их-а*, которые имеют, кстати, совершенно особое происхождение, не связанное с -*ū*-основами. В южнославянских языках широко распространились производные от старой -*ū*- основы на -*а*: словенск. *svȩ̂krva* (также *svȩ̂krv*), сербск. *свȅкрва*, *svekȑva*, болг. *свекърва*, ср. русск. *свекрóва* в говорах.

В чешском языке, кроме того, сказалось сильное воздействие заимствованных форм — *švagrová* (нем. *Schwager*, *Schwägerin*) 'золовка, невестка, свояченица', откуда *švekruše*, *švegruše*, др.-чешск. *svegruše*, диал. *cvogruša* и формы, свидетельствующие об окончательном расшатывании старой, этимологически верной формы: диал. моравск. *cvegruša*, *cvogruša*.

История мужского соответствия гораздо единообразнее. Общеславянской формой является *svekrъ* из **su̯ekro-s*, ср. ст.-слав. свекръ. Формы русск. *свёкор*, укр. *свéкор*, польск, *świekier*, сербск. *свȅкар*, болг. *свéкър* говорят о **svekъr*-, но -*ъ*- или заменяющие его „беглые" гласные здесь, видимо, эпентетического происхождения, они появились в результате общеславянского падения редуцированных через промежуточную ступень **svekr̥*. Полную фонетическую аналогию видим в развитии русск. *остёр*, сербск. *ȍштар*, болг. *óстър* из о.-слав. *ostrъ*, ср. литовск. *aštrùs*, греч. ἀκρός < и.-е. **ak̑ro-s*.

Предполагать о.-слав. **svekъrъ* (= литовск. *šẽšuras*!) нет достаточных оснований. С другой стороны, видеть в слав. **svekrъ* **svekro-s* из **su̯ekuro-s* с выпадением и.-е. *u*, как это делает Л. Зюттерлин[239], анализируя готск. *swaihra*, тоже нет оснований[240]. Если бы это было следствием фонетической закономерности вроде той, которую мы имеем в литовск. *duktė̃*, слав. **dъkti*, готск. *daúhtar*, последовательно утративших срединный гласный и.-е. **dhughәter*, то исключение в виде литовск. *šẽšuras* представляется странным. Оно наводит нас на мысль о контаминационном происхождении мужских соответствий с *u*: лит. *šẽšuras*, греч. ἑκυρός, др.-инд. *śváśura*-, о чем — ниже. Таким образом, анализ славянских форм приводит к о.-слав. **svekry*, **svekrъ*.

Подавляющее большинство свидетельств индоевропейских языков согласно говорит об общеиндоевропейской форме **su̯ek̑rū-s* с палатальным *k̑*. Исключение представляет слав. *svekry*, *svekrъ*. Предпринимались различные попытки фонетического объяснения этого факта,

---

[238] С. С. Высотский. О говоре деревни Лека. — „Материалы и исследования по русской диалектологии", II, М.—Л., 1949, стр. 67.

[239] L. Sütterlin. Der Schwund von idg. *i* und *u*. — IF, Bd. 25, 1909, стр. 70.

[240] Редуцированные в соседстве с плавным в славянском вообще обладали, как известно, большой стойкостью.

в частности И. Шмидт видел здесь смешение двух рядов задненебных[241]. Палатальный *k̑* дал в языках satəm палатальный спирант, который действовал ассимилирующе на *sv-* в начале слова: **su̯ek̑rū-s* > **śu̯eśrū-*, ср. др.-инд. *śvaśura-*, *śvaśru-*, арм. *skesur*, литовск. *šẽšuras*. И. Шмидт[242] считает эту ассимиляцию очень древним явлением, в то время как А. Мейе, очевидно, с полным правом видит здесь самостоятельные аналогические процессы[243]. Действительно, в каждом отдельном случае можно отметить оригинальные особенности. Так, литовск. *šẽšuras* получено не из **svešuras*, а из чисто литовского **sešuras*, ср. начало слова *sesuo*. Отношение литовск. **sešuras:* слав. *svekrъ* принадлежит к разбиравшимся случаям чередования *sv : s* в начале слова в балтославянском, ср. и.-е. **su̯esor:* балто-слав. **sesuo*, литовск. *svẽčias*: русск. *посетить*.

В связи с вопросом о непоследовательном отражении различными языками и.-е. *su̯ek̑rū-s* с палатальным задненебным согласным отдельные исследователи ставили под сомнение общеиндоевропейскую древность палатальных задненебных. Так, в то время как П. Кречмер[244] расценивает слав. *svekry* с *k* вместо *s* как результат смешения с венетами (язык centum), обращая внимание, помимо слав. *svekry*, на многие нарушения в древнеиндийском языке, В. Георгиев[245] считает возможным исходить только из наличия древних индоевропейских велярных и лабиовелярных задненебных, лишь впоследствии подвергшихся палатализации. Возможно, что данная мысль весьма обоснованна, и было бы излишне против нее возражать в принципе[246]. Гораздо надежнее обратиться к конкретному анализу данного слова, сферы его употребления и соприкосновений с другими словами, поскольку, видимо, именно здесь кроется причина нарушения.

Наиболее характерной частью слов *svekrъ*, *svekry* для славянского языкового сознания, несомненно, было *sve-*: *svo-*, *svojь*. В целом слово может продолжать **svesry*, в котором, как полагают[247], вторая часть заменена была путем народной этимологии звучанием *-kry* под влиянием слав. *kry* 'кровь', что в случае с терминами родства вполне допустимо, ср. польск. *krewni* (='кровные') 'родственники'. Таким

---

[241] J. Schmidt. Zwei arische a-Laute und die Palatalen, стр. 126.

[242] Там же, стр. 134—135, сноска 1.

[243] См. рецензию А. Мейе на кн. H. Arntz. Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-Slawisch. Heidelberg, 1933. — BSL, t. 34, 1933, стр. 39 (Comptes rendus); A. Meillet. Les dialectes indoeuropéens, 2-ème éd., Paris, 1922, стр. 88.

[244] P. Kretschmer. Zu osk. *fūtir*. — „Glotta", Bd. XXI, 1932—1933, стр. 112 и след.

[245] V. Georgiev. Eine gemeinsame Lauteigentümlichkeit des Albanischen, Phrygischen, Armenischen und das Gutturalproblem. — KZ, Bd. 64, 1937, стр. 104 и след.

[246] Существует и другая точка зрения — о первичности палатальных и велярных задненебных в индоевропейском языке (ср. недавнюю работу Ю. Куриловича „L'apophonie en indoeuropéen". Wrocław, 1956, Chapitre X, стр. 356 и след.). В случае с и.-е. **su̯ek̑rū-s* сомневаться в древности палатального задненебного нет оснований. Основным источником сомнений здесь является различная судьба *k̑* в разных языках satem, ср. слав. *svekry*. Однако нельзя подменять понятие индоевропейской палатализации понятием славянской палатализации. Ведь то, что мы называем различными славянскими палатализациями, является по сути дела ассибиляцией, заменой задненебных свистящими, шипящими. Такой результат ожидается и для и.-е. **su̯ek̑rū-s* в славянском. Действительно, ассибиляция охватила большинство индоевропейских палатальных. Но принципиально важно вместе с Ю. Куриловичем отметить, что индоевропейская палатализация и ассибиляция — хронологически разные явления, причем ассибиляция осуществлялась позже, по-разному даже в близких языках и определялась местными особенностями. Естественно ожидать в этих условиях нарушения, и такие нарушения действительно известны.

[247] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 65, сноска 56.

образом, *свекровь*, *svekry* воспринималась как 'своя кровь' (ср. сходные рассуждения Вассы Железновой у Горького). Вероятнее всего, что это изменение осуществилось в женской форме слова, наиболее созвучной с *kry*: **svesry* > *svekry*, ср. общий для обоих слов конец основы (*y*). В мужской форме *k* было обобщено после этого: *svekrъ*. Чисто фонетическое объяснение здесь просто неприемлемо, как указывал еще А. Брюкнер[248] в разборе книги А. Стендер-Петерсена „Slavisch-germanische Lehnwortkunde" (1927), видевшего в слав. *svekrъ* диссимиляцию **svesr-* < **svek̑uro-*[249]. Брюкнер говорит о том, что славянский не знает диссимиляции двух *s* (*s*—*s*), ср. *ses(t)ra*, *sъsǫ*, **slus-(sluxъ)*, которые иначе дали бы *s-k* или *s-š*.

Общеиндоевропейскими формами славянских слов являются **su̯ek̑rū-s*, (ж. р.) и **su̯ek̑ro-s* (м. р.). Женская форма слова не вызывает никаких сомнений, будучи хорошо засвидетельствованной древней -*ū*-основой. С мужской формой дело обстоит иначе, ср. санскр. *śváśura-*, греч. ἑκυρός, литовск. *šešuras*, на основании которых часть исследователей устанавливает и.-е. **su̯ek̑uro-s*. Но последняя форма не объясняет слав. *svekrъ*, лат. *socer*, готск. *swaihra*, ср.-в.-нем. *swāger*, которые происходят из **su̯ek̑ro-s*[250]. В женской форме **su̯ek̑rū-*, др.-инд. *śvaśrú-ḥ* тоже нет никаких признаков гласного *u* между *k* и *r*. С другой стороны, происхождение *u* в **su̯ekuro-s*, др.-инд. *śváśura-* и других мужских формах вполне очевидно объясняется эпентезой *u*[251]. Это осуществлялось в мужской форме, видимо, под влиянием женской -*ū*-основы: **su̯ek̑rū* → **su̯ek̑ruo-s* > **su̯ek̑uro-s*, причем не обязательно вместе с Кречмером[252] предполагать общеиндоевропейскую -*u*-основу мужского рода наряду с -*ū*-основой женского рода **su̯ek̑rū-s*. Появление *u* в мужской форме объясняется постоянной аналогией оригинальной женской основы, и это *u* сначала появляется в конце мужской основы и только после этого передвигается эпентетически вглубь нее. Существование исконно различных основ и.-е. **su̯ek̑rū-s* и **sūe-k̑ro-s* в качестве женского и мужского терминов родства не представляет чего-либо исключительного. Развитие **su̯ek̑uros* < **su̯ek̑ruos* мы понимаем как интерверсию звуков *w*, *r*, нередкую при соседстве этих звуков, именно в том плане, в каком ее описал на материале разных языков М. Граммон[253]. Он анализирует один вид интерверсии — interversion par pénétration, — отмечая, что это явление чуждо случайности, какую ему приписывают, и диктуется стремлением лучше распределить слоги с целью избежать непроизносимых или ставших непроизносимыми типов. М. Граммон уделяет много внимания случаю соседства *w*, *r* и хорошо показывает, что интерверсия — не метатеза. Это — развитие тембра *w* при согласном в том положении, которое наиболее удобно

---

[248] A. Brückner. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen. — AfslPh, Bd. 42, 1929, стр. 126—127, сноска 1.

[249] Диссимиляцию здесь видит и Миккола (J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, II. Teil, 1942, стр. 153.

[250] P. Kretschmer. Indogermanische Akzent- und Lautstudien, — KZ, Bd. 31, 1889, стр. 446—447.

[251] Там же. На вторичное развитие *-u-* как на новшество указывает М. Бартоли (M. Bartoli. Il carattere conservativo dei linguaggi baltici. — „Studi baltici", vol. III, 1933, стр. 9.

[252] Также из наличия мужской формы и.-е. **su̯ek̑rūs* при женской **su̯ek̑rūs* исходит Ю. Курилович („L'apophonie en indoeuropéen", стр. 129). Однако нельзя не отметить, что достоверно известны только и.-е. **su̯ek̑rūs* и **su̯ek̑ros*, в то время как существование мужской формы **su̯ek̑rūs* не подтверждается фактами.

[253] Maurice Grammont. L'interversion. — „Streitberg-Festgabe". Leipzig, 1924, стр. 111—118.

для распределения слогов в слове, чему есть очень много примеров в истории греческого и романских языков, ср. греч. κούρη < κορϝᾱ 'девушка'. Так, **suekruos* > **suekrwos*, где *w* находилось в позиции, способствовавшей превращению его в неслоговой согласный, откуда возможно **suekrwos*. Группа согласных была усовершенствована путем описанной интерверсии в **suekuros*, где *w* снова вокализовалось в *u*, ср. греч. ἑκυρός, др.-инд. *śváśuraḥ*, литовск. *šẽšuras*. Другими словами, мы имеем в этом индоевропейском процессе явление, аналогичное тому, что позднее произошло в славянском: *svekrъ* > *svekъrъ* (см. выше).

Отсюда следует, что этимологическая гипотеза о **suekūro-s*: греч. κῦρος 'сила, власть', κύριος 'господин', как указывал П. Кречмер, маловероятна, так как не учитывает древнего **suekrūs*.

Правильное понимание фонетического развития индоевропейского варианта с *-u-* эпентетическим (**suekuro-s*) помогает лучше понять историю отдельных форм. Так, литовск. *šẽšuras* говорит о том, что и литовская мужская форма развилась под воздействием парной женской формы с *-ū*-основой, которая сама по себе в литовском языке не сохранилась.

Из прочих родственных индоевропейских форм ср. алб. *vjerr*, *vjehërr* 'Schwiegervater', *vjéhërre* 'Schwiegermutter'. Алб. *vjehërr* Г. Майер[254] объясняет из **svekro-*, ставя, таким образом, албанское слово в один ряд с ст.-слав. свекръ и другими в противоположность литовск. *šẽšuras* и др. Ср. иначе Стьюарт Э. Манн[255]: алб. *vjehërr* 'father-or, mother-in-law' < **suekuros*, **suekrūs*, если только последние формы не взяты автором машинально из словаря Вальде — Покорного. Готск. *swaíhra* 'πενθερός, Schwiegervater' при *swaíhro* 'πενθερά, Schwiegermutter'[256]. Основные сведения по истории нашего слова см. у Вальде—Покорного[257]: и.-е. **suékuro-s* (м. р.), *suekrū-s* (ж. р.) 'родители женатого мужчины, свекор, свекровь', куда относятся др.-инд. *śváśura-*, авест. *xvasura-* 'свекор', др.-инд. *śvaśrū-* 'свекровь', арм. *skesur* то же, греч. ἑκυρός 'свекор' (вместо ἕκυρος), алб. *vjehërr*, *vjërr*, *vjéhërre*, лат. *socer* 'свекор', *socrus*, *-ūs* 'свекровь', кимр. *chwegr*, корнск. *hweger* 'свекровь', др.-в.-нем. *swehur*, др.-англосакс. *swēor* 'свекор', др.-в.-нем. *swigar*, англосакс. *sweger* (< **swegrū*) 'свекровь', готск. *swaíhrō* = др.-исл. *sværa* 'свекровь' (**swehran-* < **swehrū* с *h* вместо *g* из мужской формы), новообразование готск. *swaíhra* 'свекор'; литовск. *šẽšuras*, ст.-слав. свекры, свекръ. „Слово содержит основы возвратного местоимения *sue-*. . ."[258].

Эрну — Мейе[259], анализируя лат. *socer*, *-eri*, *socrus*, *-ūs* 'свекор, свекровь', указывают, что эти названия, принадлежащие к группе **swe-* (ср. *sodalis* и др.), обозначают принадлежность к одной и той же социальной группе; важное значение 'матери мужа' для молодой жены явствует, по их мнению, из того, что в армянском языке 'свекор' называется *skesrayr* 'муж свекрови', а в славянском — *svekrъ*, *svekъrъ*, очевидно, образовано по форме *svekry*. То, что индоевропейское слово значило 'член группы', вообще вытекает из того обстоя-

---

[254] G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891, стр. 475.

[255] Stuart E. Mann. The Indo-European Vowels in Albanian. — „Language", vol. 26, 1950, стр. 382.

[256] S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, стр. 463—464.

[257] Walde—Pokorny, Bd. II, стр. 521—522.

[258] Там же.

[259] Ernout—Meillet, t. II, стр. 1114.

тельства, что для шурина имелось вторичное производное типа *vṛddhi*: санскр. *śvāśuráḥ*, ср.-в.-нем. *swāger*[260].

Анализируемое слово не имеет достоверной этимологии, если не считать выделения местоименного элемента *su̯e-*, с чем большинство авторов согласно. Этот факт находит подтверждение в структуре других индоевропейских терминов родства, ср. и.-е. **su̯esor* 'сестра', у которого общее с нашим термином не только **su̯e-*, но и невыясненность второй части основы. Остановимся кратко на этимологиях слова.

А. Вебер[261] видел в слове древнее сложение: *su*+*aç*='der in guter Weise schaffende, rührige'. О. Шрадер[262] с некоторым колебанием разлагает слово на части **sve-k̂uro-*, ср. греч. κύριος 'господин', т. е. — 'собственный господин' (по отношению к невестке). Оригинальная этимология принадлежит И. Левенталю[263]: он считает, что алб. *vjehërr*, литовск. *šẽšuras*, болг. *свéкър* и прочие родственные формы по закону Брюкнера[264] восходят к и.-е. **su̯esku̯(e)ro-s* и что предположение **su̯ek̂uro-s* исключается албанским и славянским. Вторую часть и.-е. **su̯e-sk̂uero-s* он относит к русск. *сквара* 'жар', ст.-слав. скврада 'ἐσχάρα, focus'. Таким образом, и.-е. **su̯é-sku̯ero-s*='имеющий собственный очаг'. У нас есть все основания не доверять этой этимологии, очень искусственной, как и многие другие этимологии И. Левенталя.

Свод старых исследований слав. *svekry*, *svekrъ* см. у А. Преображенского[265]. Интересный анализ слова содержится в известном руководстве А. Мейе[266], где наиболее подробно излагаются соображения о морфологической истории слова, о развитии окончания *-*ū*- из древнего *-*wā*-. Что касается фонетической части анализа, Мейе видит здесь диссимиляцию *s-s*>*s-k*. Эта точка зрения довольно успешно оспаривалась в свое время А. Брюкнером, чего мы уже касались в другом месте. Ф. Мецгер, исследующий различные случаи употребления и.-е. *se-*, **su̯e-*, выделяет этот корень и в **su̯e-k̂rū-*, однако древнейшими значениями и.-е. **su̯e-* он считает пространственные — 'далеко, в стороне, прочь', которые лишь впоследствии, изменившись в значения 'уединенный, одинокий, отдельный', приблизились к более поздней функции возвратного местоимения[267].

Характер задненебного в герм. *svegrá*, а также герм. *svehra-*, др.-в.-нем. *swehur* правильно указывает место ударения[268]: и.-е. **su̯ek̂rū́-s*, но **su̯ék̂ro-s*. Непосредственно к **su̯ek̂rū́-s*, испытавшему закономерное сокращение окончания (>*ŭs*) в германском, относят др.-в.-нем. *swigar*[269].

---

[260] Кстати, на наш взгляд, последние образования этимологически означают только 'сын свекра, свёкров', что само по себе еще ничего не говорит об этимологии названия свекра.

[261] А. Weber. *Çvaçura—socer—svaihra*—ἑκυρός. — KZ, Bd. 6, 1857, стр. 319.

[262] См. O. Schrader. Reallexikon, стр. 753. О непригодности этой этимологии уже сказано выше.

[263] I. Loewenthal. ΘΑΛΑΤΤΑ. — WuS, Bd. 10, 1927, стр. 164—165.

[264] См. А. Brückner. Slavisches *ch-*. — KZ, Bd. 51, стр. 223.

[265] А. Преображенский, т. II, стр. 257.

[266] А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 25, 109, 279, 344.

[267] F. Mezger. IE *se-*, *swe-* and Derivatives. — „Word", vol. 4, 1948, стр. 99, 101. Из прочей литературы о слове см. W. Doroszewski. Monografie słowotwórcze. — PF, t. 15, 1931, стр. 280; Holub—Kopečný, стр. 362; A. Brückner, стр. 536; R. Trautmann, BSW, стр. 295—296.

[268] K. Verner. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. — KZ, Bd. 23, 1875, стр. 97 и след.

[269] F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte, стр. 26; H. Hirt. Grammatische Miszellen. A. Die germanischen Kürzungsgesetze. — „Beiträge", Bd. 18, 1894, стр. 277.

Некоторые исследователи считали возможным устанавливать более тесные связи между германскими и славянскими терминами. Так, О. Шрадер специально обращает внимание на нем. *Schwager* 'свояк', ср.-в.-нем. *swâger*. По его мнению, это пóзднее слово нельзя прямо увязывать с и.-е. **su̯ek̑ro-* 'свекор' или объяснять германским новообразованием. Поэтому Шрадер высказался о заимствовании ср.-в.-нем. *swâger* из слав. *svāk*, *svak*, *svojak*[270]. Это предположение маловероятно, и оно было встречено в литературе в основном отрицательно[271]. Авторы обычно характеризуют *swâger* как производное по типу санскр. *śvāśura-* 'принадлежащий свекру', т. е. *vr̥ddhi*.

К числу древних особенностей, сохраненных славянским, относится ударение *svekrу́* — русск. диал. *свекры́*[272]. Относительно древним является и значение, четко представленное в слав. *svekry*, *svekrъ* '(мать) отец мужа', как это специально отмечалось исследователями[273]. Соответствующие основы в других языках представляют нередко видоизмененное, расширенное значение, ср. в германских, латинском. Недавние исследования не позволяют, однако, видеть в упомянутом значении отражение глубокой древности. Так, например, Дж. Томсон[274], а вслед за ним А. В. Исаченко[275] рассматривают и.-е. **su̯ek̑ro-* времен кросскузенного брака и матриархата как название 'материнского дяди', поскольку при этой древней форме брака мой свекор был одновременно моим дядей (братом моей матери). Выявляемое таким образом значение оказывается наиболее архаическим, порожденным еще классификаторской системой обозначения родственных отношений.

В литовском языке *šẽšuras* 'свекор' давно утратил парный женский термин того же корня, вытесненный производной формой от другого корня: *anýta* 'свекровь'. Ср. еще эллиптическую для современного литовского языка форму мн. ч. *šešuraĩ* 'свекор и свекровь' (собств. 'свёкры').

Прочие славянские названия свекра и свекрови: русск. диал. *бáтинькя* 'свекор'[276] < *батя* 'отец', *богодáнны* (арханг.) 'свекор и свекровь', польск. диал. *zimná mać* 'свекровь'[277], чешск. диал. *tatínek* 'свекор', *maminka* 'свекровь'[278], н.-луж. *pśichodna maś* 'теща или свекровь', *pśichodny nan* 'тесть или свекор', прибалт.-словинск. *rā̂u̯čnā̊ či̯ęsc* 'Schwiegermutter, Brautmutter', болг. *пéхер* 'свекор', *пéхера* 'свекровь', ср. греч. πενθερός, πενθερά[279] с передачей чуждого славянскому новогреческого интердентального глухого согласного ϑ фрикативным глухим задненебным *x*, ср. *p'èfira*, *pèfir* в македонских диалектах[280]; болг. диал. *дьаду* 'свекор', *баба* 'свекровь'[281], сербск. диал. *бабо*

[270] O. Schrader. Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern. — IF, Bd. 17, 1904, стр. 25—26.

[271] Ср. рецензии Meringer на работы Шрадера (O. Schrader. Die Schwiegermutter und der Hagestolz; O. Schrader. Über Bezeichnungen . . .). — IF, Bd. 17, Anzeiger, стр. 7; W. Schulze. Ahd. *suagur*. — KZ, Bd. 40, 1905, стр. 400—418; H. Jacobsohn. Lat. *svecerio*. — KZ, Bd. 44, 1911, стр. 11—13.

[272] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Teil, стр. 120.

[273] B. Delbrück. стр. 532.

[274] G. Thomson. Aeschylus and Athens. London, 1950, стр. 410.

[275] А. В. Исаченко. Указ. соч.; см. также в I гл. настоящей книги о названиях дяди по матери.

[276] Е. Будде. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, 1892, № 3, стр. 51.

[277] K. Nitsch. Wybór polskich tekstów gwarowych. Lwów, 1929, стр. 60.

[278] См. Q. Hodura. Nářečí litomyšlské, стр. 69.

[279] Ср. С. Младенов. ЕПР, стр. 421.

[280] M. Małecki. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka), cz. II. Słownik. Kraków, 1936, стр. 81.

[281] См. „Песни из личния живот" от Малко Търново. — СбНУ, кн. VI, 1891, стр. 26.

'свекор', *мајко* (в обращении) 'свекровь'[282]. Наиболее регулярна тенденция называть свекра и свекровь отцом, матерью. Ср. арм. *tauru* 'свекровь' из **mātruu̯i̯ā* к **mātēr*[283].

Тесть, теща

Слав. **tьstь*, **tьstjā*: ст.-слав., др.-русск. тьсть, тєсть, тьща, тєща 'мать жены, теща', 'свекровь', др.-сербск. *тьсть* 'socer', русск. *тесть*, *тёща*, диал. *тес'*, *т'ест'*, *т'ошша*[284], *тестяга* 'тесть'[285], укр. *тесть*, *тéща*, зап.-укр. диал. *тесьцьовá*, субстантивированное притяжательное прилагательное от *тесьць* 'тесть'[286], последние два — результат польского влияния, особенно в отношении консонантизма, др.-польск. *teść* '*teściowa*'[287], польск. *teść* 'тесть', *teściowa* 'теща', в.-луж. *ćest* 'Schwiegervater', *ćesta* 'Schwiegermutter', др.-чешск. *test* 'тесть', чешск. *tchán*, *tchyně* 'тесть, теща', неизвестные ряду народных говоров чешского[288]; словацкий язык сохранил соответствующий общеславянский корень лучше, ср. *test* 'тесть' (др.-чешск. *test*), *testiná* 'теща', *testec* 'отчим жены', *testica* 'мачеха жены'; словенск. *tâst* 'Schwiegervater', *tâšča* 'Schwiegermutter', *tâstba* 'die Schwägerschaft', сербск. *тâст*, *тäшта*, болг. *тъст*, *тъ̀ща*. Из особенностей употребления в отдельных языках укажем на утрату старых *teść*, *teściowa* в польском народном языке, где их заменяют *pan ojciec*, *pani matka*, *ojciec*, *matka*[289].

Этимология слав. *tьstь* не может считаться выясненной окончательно. Б. Дельбрюк вообще воздерживался от каких-либо суждений[290]. Более или менее интересное сопоставление предлагал, однако, еще П. А. Лавровский[291]: к греч. τίκτω, τέκω 'рождать', т. е. *tьs-tь* = 'родитель [жены]'. Ср. также франкск. *tichter*, с которым сравнивал славянское слово Г. Хирт, специально указывавший на древность слав. *tьstь*[292]. Хирт, правда, сознавал трудности, представляемые наличием *t* в немецком слове, но ср. старые немецкие формы с *d* (< герм. **d* < и.-е. **t*): *diehter* 'внук' (*-ter* аналогического происхождения, ср. термины родства *Mutter*, *Vater*, *Schwester*, *Vetter*), *degan* 'молодой парень', совр. нем. *Degen* 'шпага', с измененным значением. Форма *degan* восходит к **tek̑ón*, по закону Вернера (**ték̑on* дало бы нормальное **dehan*), отглагольному прилагательному среднего рода на *-no-* от и.-е. **tek̑-*, ср. греч. τέκω 'производить, рождать'. Индоевропейский корень с этим значением образовывал обычным путем названия детей, потомков в некоторых индоевропейских языках, ср. греч. τέκνον 'дитя' с прозрачной этимологией. В таком случае отглагольное слав. *tьstь* представляется названием дея-

---

[282] Мирко Барјактаровић. Свадбени обичаји у околини Берана (Иванграда). — „Зборник филозофског факултета", књ. III, Београд, 1955, стр. 243.

[283] Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 229.

[284] Н. П. Гринкова. Заметки о калужских говорах. — „Материалы и исследования по русской диалектологии", I, стр. 251.

[285] В. Волоцкой. Словарь ростовского говора (Владимирск. губ.). — Сб. ОРЯС, т. LXXII, вып. 3, стр. 92.

[286] А. А. Бурячок. Назвaния родства и свойства в украинском языке. Автореф. канд. диссерт. Киев, 1954, стр. 15.

[287] См. W. Taszycki. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955, стр. 260 [словарь].

[288] Q. Hodura. Указ. соч., стр. 69.

[289] K. Nitsch. Słownictwo gwarowe. Wybór pism polonistycznych, t. II. Wrocław—Kraków, 1955, стр. 16.

[290] B. Delbrück, стр. 533.

[291] П. А. Лавровский. Коренное значение в названиях родства у славян, стр. 66—67.

[292] H. Hirt. Untersuchungen zur idg. Altertumskunde. — IF, Bd. 22, 1907, стр. 85.

теля вроде греч. οἱ τοκεῖς = γονεῖς 'родители'. Гораздо труднее определить реальный морфологический характер и значение этого отглагольного образования, причем возможны три варианта предположений: 1) *tьstь* — собирательное название с древней *i*-основой, 2) *tьstь* — имя деятеля мужского рода, ср. *gostь*, 3) *tьstь* — имя деятеля женского рода. Лучше всего представлено в славянских языках письменного периода значение мужского рода, ср. русск. *тесть* и др. Но это не обязательно говорит о его древности. Так, если учесть поздний производный характер женского термина слав. **tьst-ja*, мы вправе заключить, что в течение известного времени до появления этого специально женского образования слав. *tьstь* имело какое-то общее значение, которое у него сменилось мужским значением, как только возникла необходимость противопоставления женскому **tьstjā* в плане корреляционной пары: мужской род — женский род. Именно такие факты в истории языка имеет в виду Ю. Курилович, говоря: „...значение производного стремится отбросить исходную форму (mot-base) к диаметрально противоположному значению. Таким образом, исходная форма уменьшительного производного принимает — в противоположность значению этого последнего — увеличительный смысл или исходная форма образования женского рода приобретает значение существа мужского пола (*vr̥ka-* в противоположность *vr̥kī́-*), хотя первоначально значение исходной формы было нейтрально"[293]. Мы можем после этого предположить у слав. *tьstь* в древности морфологические функции собирательного имени, ср. аналогичное собирательное *-ti*-производное слав. *dětь*. Женское значение некоторых рефлексов слав. *tьstь*, а именно др.-польск. *teść* 'teściova' (ср. также прибалт.-словинск. *raučna čiesc* 'Schwiegermutter') является результатом позднего развития по аналогии, ср. женские *-i-* основы.

Что касается значения слав. **tьstь*, у нас нет достаточных оснований видеть в последнем с самого начала его возникновения, когда связь с исходным глаголом еще не утратилась, терминологическое значение 'отец жены'. Это название определяло не отношение отца, resp. матери жены к моей жене, а отношение родителя (родителей) жены ко мне самому. То, что зять называл родителей жены своими родителями (**tьstь*, собир. 'родившие', своего рода эпитет), находит оправдание в древнем обыкновении — приравнивать свойственное родство к кровному (ср. выше). Условия для забвения внутренней формы слова здесь возникли очень рано, и.-е. **tek̂-* 'рождать' было поставлено в славянском в невыгодное положение вследствие омонимической близости очень употребительных технических терминов от глагола *tesati* еще в балтославянскую эпоху, а также вследствие оформления в славянском новых слов с соответствующим значением — ст.-слав. родити и родственных, получивших абсолютное распространение.

Существует также и другая этимология. Так, Г. А. Ильинский не сомневается в родстве **tьstь*, **tьstja*, с слав. *teta*, литовск. *tetà* 'тетка', значение которых он считает не исконным, при всей его древности, ср. греч. τέττα 'папаша', русск. *тятя* „из **tętę*..."; таким образом, *tьstь* < **tьt-stь* с суффиксом *-*st-(h)i-* и редуцированным вокализмом корня **tьt-*. Значение сложения: 'находящийся на месте [-*st(hi)*-] отца [-*tьt*-]'. Сюда же относится др.-прусск. *tisties* с суффиксом *-io-*[294]. А. В. Исаченко[295] видит в славянском слове образование с суффиксом *-tь*: **tьt-*

[293] J. Kuryłowicz. La nature des procès dits „analogiques". — „Acta linguistica", vol. V, 1945—1949, стр. 22.

[294] G. Iljinskij. Die Reduktionsstufe in den Wurzeln ohne Sonanten in den slavischen Sprachen. — AfslPh, Bd. 34, 1912, стр. 14—15; ср. M. Vasmer, REW, Bd. III, стр. 100.

[295] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 76.

tь < **tьt-*/**tet-*. Пара *tьstь* : *teta*, как полагает А. В. Исаченко, является отголоском группового кросскузенного брака, причем **tьstь* был 'мой дядя' = 'отец моей жены' (ср. выше об. и.-е. **su̯ek̂ro-s*). Несколько раньше А. В. Исаченко[296] характеризует слово *teta* как вторичное образование. Окончательное суждение о последнем слове затрудняет разнообразие форм (**tet-*, **tăt-*, **ăt-*) и значений этого корня. Возражения вызывает морфологическая сторона изложенных этимологий. Г. А. Ильинский и А. В. Исаченко предполагают весьма гипотетические образования, первый — с суффиксом *-st(h)i-*[297], второй — с суффиксом *-ti-*, в сущности недоказуемые и не подкрепляемые убедительными примерами. Причем, если Ильинский стремится истолковать семантические мотивы образования с суффиксом *-st(h)i-*, то Исаченко совершенно не анализирует функцию суффикса *-tь*, которая в данном сложении так и остается невыясненной: **tьt-tь* — **teta*. Проводимое им сравнение со слав. **zętь*, где *-tь*, выделилось как суффикс после переразложения[298], указывало бы скорее на поздний характер слав. **tьstь*, если видеть в нем тот же суффикс, в то время как Исаченко склонен видеть в *tьstь* след индоевропейского кросскузенного брака.

Не более вероятна возможность образования **tьt-tь* и в структурном отношении. Древний балто-славянский язык обработал сочетание двух смычных зубных согласных известным образом (*t-t*, *d-t* > *st*) на стыке двух морфем обычно только в системе глагольных форм, где такие сочетания были совершенно неизбежны в инфинитиве (**plet-ǫ*, **plet-ti*, **vedǫ*, **ved-ti*) и где они были радикально решены (слав. *plesti*, литовск. *vesti*). Но в принципе сочетания *t-t* вне строго замкнутой системы глагольных форм даже на стыках двух морфем, не говоря уже о древнем упрощении долгого и.-е. **tt*, были противны духу балтославянского языка и избегались. Поэтому отрывать изменение *t-t* > *st* от конкретных условий его возникновения и манипулировать им в любых гипотетических построениях этимологии, в данном случае — в предположении единичного именного производного (**tьt-tь* > **tьstь*), было бы неосмотрительно[299].

Оригинальными производными от о.-слав. *tьstь* являются чешск. *tchán*, *tchyně*, по-видимому, фамильярные образования, ср. наличие *ch* суффиксального[300].

Др.-прусск. *tisties*, единственная близкая слав. *tьstь* балтийская форма, могла быть заимствована из славянского[301].

Из производных от слав. *tьstь* форм следует отметить сербск. *таз-бѝна* 'родители жены', собирательное[302], собственно — контаминационного происхождения, ср. словенск. *tâstba* 'свойство' и суффикс собирательности *-ина*, ср. еще *родбѝна*. Впрочем, разные суффиксы *-b-*, *-ina-*,

---

[296] Там же, стр. 67.

[297] Этот суффикс Г. А. Ильинский хочет видеть и в *nevěsta* ≤ **nevě-sta* 'in novo stans' (см. выше).

[298] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 76.

[299] Этимологию А. Брюкнера („Wzory etymologii i krytyki źródłowej", II. — „Slavia", roč. 5, 1927, стр. 436): *tьs-tь*: *tiskati*, т. е. 'тискающий', вряд ли можно разбирать серьезно. В своем этимологическом словаре (стр. 569: *teść*, *teściowa*) он в сущности не дает объяснения этому слову. Не объясняется оно и в новом чешском этимологическом словаре Голуба—Копечного (стр. 384).

[300] Holub — Kopečný, стр. 384: *tchán* < **tьs-anъ*.

[301] B. Delbrück, стр. 530; с сомнением — Эндзелин (см. его рецензию на кн. R. Trautmann. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910. — AfslPh, Bd. 32, стр. 286); ср. T. Milewski. Stosunki językowe polsko-pruskie. — „Slavia Occidentalis", t. 18, 1939—1947: *tisties* из прапольск. **tьstь*.

[302] J. F. Lohmann. Das Kollektivum im Slavischen. — KZ, Bd. 58, 1931, стр. 213.

видимо, уже образовали новый суффикс *-bina* с определенной сферой употребления, ср. сербск. *отаџбина* 'отечество', которое образовано с суффиксом *-бина* прямо от *о̀тац* 'отец'.

Слав. *tьstь* является только славянским образованием, неизвестным балтийскому, если не считать др.-прусск. *tisties*. Литовский язык обозначает тестя, отца жены, другим, по-видимому, древним словом *úošvis*, ср. латышск. *uose*. Этимология балтийского слова окончательно не выяснена, ср. более или менее правдоподобное сближение литовск. *úošvis* 'отец жены': лат. *uxor* 'жена'[303].

В общем названия тестя оформились поздно, по-разному в отдельных языках, ср., помимо слав. *tьstь* и литовск. *uošvis*, еще распространение названия отца мужа, свекра, на отца жены, неразличение обоих: лат. *socer*[304].

Прочие названия тестя в славянских языках: сербск. диал. *пријатељ*, *прија* 'тесть', 'теща', также 'свекор', 'свекровь', в обращении родителей жены и мужа друг к другу[305]; *pretelji* (в Косове) 'ženini rođaci', т. е. букв. 'друзья'. Причину такого наименования И. Попович видит во влиянии сев.-алб. *mik* < лат. *amicus*. Сербск. диал. *пу̏ница* 'теща', ср. словенск. *polnica* 'теща'. Неизвестное другим славянским языкам, это слово возникло как противопоставление синониму *та̏шта* 'теща', которое в диалектах смешивали с прилагательным ж. р. *ташта* 'пустая' (= русск. *тощая*), поэтому *пу̏ница*, *polnica* этимологически = 'полная'[306], русск. диал. *хорови́на* 'теща'[307], болг. (устар.) *бабалъ̀к* 'тесть', 'свекор', заимствованное из турецкого языка[308]; чешск. диал. *tatínek* 'тесть', *maminka* 'теща', также 'свекор, свекровь'[309], *svat* 'тесть', *svatka* 'теща'[310]; польск. диал. *pòn ųećec* 'тесть'[311], н.-луж. *pśichodny nan*, *pśichodna maś*, в.-луж. *přichodny nan*, *přichodna mać* 'тесть, теща'.

Зять

О.-слав. **zętь*: ст.-слав. зѧть 'γαμβρός, gener', 'νυμφίος, sponsus', зѧтьство 'affinitas', др.-русск. зѧть 'γαμβρός', 'жених', узѧтити 'взять в зятья', русск. *зять* 'муж дочери', 'муж сестры', диал. *зяте́лко* 'зять'[312]; укр. *зять* 'зять, муж дочери, муж сестры', также *зєть*, *зіть*[313], белор. *зяць* 'зять', польск. *zięć* 'зять', польск. диал. (в Словакии,

---

[303] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl., стр. 865 G. Devoto. Lit. *úošvis*, lett. *uôsvis* 'suocero'. — „Studi baltici", vol. 4, 1934, стр. 57—62. Совершенно невразумительна этимология И. Левенталя (WuS, Bd. 9, 1926, стр. 191): др.-инд. *aśnāti* 'frißt': лит. *úošvis* 'Fresser'.

[304] См. O. Schrader. Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern, стр. 19.

[305] Ivan Popović. Neki gentilni i njima srodni termini kod Crnogoraca i Arbanasa. — „Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Radovi", knjiga II, odjeljenje istorisko-filoloških nauka, knjiga I. Sarajevo, 1954, стр, 64; см. еще Љубо Мићевић. Живот и обичаји Поповаца. Београд, 1952, стр. 133.

[306] Ivan Koštiál. Srbohrv. *pünica*, slovenački *pólnica*, *púnica* „socrus, mater uxoris". — „Јужнословенски филолог", књ. IV, 1924, стр. 183—184; ср. также M. Vey, BSL, t. 49, 1953, fasc. 1, Procès-verbaux des séances, стр. XXIX.

[307] М. Герасимов. О говоре крестьян южной части Череповецкого у. Новгородск. губ. — Ж. Ст., 1893, вып. III, стр. 387; его же. Словарь уездного череповецкого говора. Сб. ОРЯС, т. LXXXVII, № 3, 1910, стр. 92.

[308] С. Младенов. ЕПР, стр. 12.

[309] Q. Hodura. Указ. соч., стр. 69.

[310] F. Bartoš. Dialektický slovník moravský, стр. 411.

[311] A. Tomaszewski. Mowa t. zw. Mazurów wieleńskich. — „Slavia Occidentalis", t. 14, 1935, стр. 106.

[312] А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия, стр. 57.

[313] Ср. А. А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке, стр. 15.

z'at'//*żeńt'*[314], полабск. *zāt* 'Einkömmlung, Schwiegersohn', *zātėk* 'Bräutigam, junger Ehemann', в песне Геннинга: *Katü mês Santik bayt?*[315]; чешск. *zet'* 'зять', диал. (ходское) *zet* то же[316], словацк. *zat'*, *zäc*, *z'ec*, *z'ac* 'зять'; *mladý zat'* 'жених', словенск. *zèt* 'der Schwiegersohn', *zętinja* 'сноха', др.-сербск. *зеть* 'gener', сербск. *зе̏т* 1. 'der Schwiegersohn, gener', 2. 'сестрин муж, Schwestermann, sororis vir', ср. также *домàзет*, *домàзетовић* 'зять, пришедший в дом жены', болг. *зет* 'зять', 'муж дочери', 'муж сестры', 'муж золовки', диал. *зек'*, *зък'*[317], ср. также *домазéт* 'зять, живущий в доме отца жены', макед. диал. *z'ènt'*, *z'ènt'u* 'зять', 'свояк'[318].

Слово **zętь* представляет собой, очевидно, древнее образование, ср. его рàспространение во всех славянских языках без каких-либо существенных различий формы или значения[319]. Сопоставление с материалом других индоевропейских языков позволяет более или менее четко определить широкий круг родственных, близких по значению форм; таким образом, данное название родства носит в известной мере индоевропейский характер. Правда, это осложняется различиями морфологического порядка. Кроме того, ряд примыкающих сюда форм двусмыслен в этимологическом отношении.

Лат. *gener* 'зять' А. Вальде[320] связывает с **gem-* 'paaren, verbinden', ср. греч. γαμεῖν 'жениться', др.-инд. *jāmí-ḥ*, *jāmā* 'невестка', в то время как непосредственно к и.-е. **ĝen-* 'рождаться и т. д.' он относит литовск. *žéntas*, ст.-слав. зѧть, лат. *genta* 'зять'. В лат. *genta* Э. Герман[321] видит, напротив, старое латинское обозначение зятя, в то время как *gener* образовалось по аналогии с *socer*. Эрну — Мейе[322] указывают на связь с **ĝenə-*, **ĝnē-* 'рождать', осложненную в греч. γαμβρός сближением по народной этимологии с γαμεῖν 'жениться'. О греч. γαμβρός (< *γαμρός с вставным β подобно δ в ἀνδρο-) см. еще у Ф. Шпехта[323]. Сюда же относится алб. *dhéndër* 1. 'жених', 2. 'молодожен', 3. 'зять', которое имеет общую с слав. *zętь*, литовск. *žéntas*, а также лат. *genta* исходную форму **ĝent-*, что отмечал для славянского и литовского названий еще Г. Мейер[324].

---

314 G. Horák. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955, стр. 174.

315 P. Rost. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907, стр. 441; Pfuhl. Pomniki Połobjan Słowanšćiny. — „Časopis Macicy Serbskeje", 1863, № 28, стр. 104.

316 J. Fr. Hruška. Dialektický slovník chodský. Praha, 1907, стр. 120.

317 Ст. Стойков. Българска диалектология (литогр.). София, 1954, стр. 103, 109, 154.

318 M. Małecki. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka), część II, стр. 132.

319 Можно отметить необычное образование др.-русск. *зятя* 'nurus, сноха' (см. А. Дювернуа. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894, стр. 64).

320 A. Walde. Указ. соч., стр. 337.

321 E. Hermann. Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen. — IF, Bd. 53, 1935, стр. 103.

322 Ernout — Meillet, t. I. стр. 480; ср. еще A. Meillet. Études, стр. 287; C. C. Uhlenbeck, стр. 99.

323 F. Specht. Beiträge zur griechischen Grammatik. — KZ, Bd. 59, 1932, стр. 96. Отклонением от обычных воззрений является крайне оригинальная этимология И. Левенталя (см. его „Wirtschaftsgeschichtliche Parerga", II. — WuS, Bd. 10, 1927, стр. 185): γαμβρός 'зять, жених' < **gam-ro-s*: др.-инд. *gamanam* 'das Gehen", т. е. 'бегущий за девушкой'; в томе 11 „Wörter und Sachen" (1928, стр. 73) он предлагает: γαμβρός к γωγγάμη и др. 'сеть', т. е. 'связь', а γαμβρός = 'связанный', ср. πενθερός.

324 G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch..., стр. 85; см. также Stuart E. Mann. The Indo-European Vowels in Albanian. — „Language", vol. 26, 1950, стр. 383: „*dhândërr*... сомнительного происхождения...". Об алб. *dhéndër* < *ĝenətēr* см. W. Cimochowski. Le sandhi dans la langue albanaise. — „Lingua Posnaniensis", t. II, 1950, стр. 228.

Упомянутые слова славянского, литовского, албанского, латинского языков, а также лат. *gens* 'род' и **genti* м. р. 'член рода' сопоставляет О. Шрадер в цитировавшейся работе об индоевропейских терминах свойства[325], где он указывает на возможность аналогического происхождения форм на *-ter*, *-er* (др.-инд. *jā́mātar*, лат. *gener*), выравненных по другим именам родства: др.-инд. *bhrā́tar*, лат. *socer*. Сводный обзор всех относящихся сюда форм имеется у Вальде — Покорного[326], которые объединяют их вокруг и.-е. **ĝem(e)-* 'жениться', сюда же **gem-* 'спаривать', контаминированного в ряде случаев с **ĝen-* 'рождать(ся)'. Интересным образом рассматривает названия зятя В. Кипарский, видя в латышск. *znuôts*[327], литовск. *žéntas* производные от **ĝenə-*, *ĝnō-* '(у)знать': 'зять' оказывается 'знакомым'[328]. В. Кипарский касается интереснейшей проблемы соотношения форм **ĝen-* 'рождать(ся)' и **ĝen-* 'знать', которые в литературе до последнего времени разграничивались, на наш взгляд, совершенно искусственно (об этом подробнее см. III главу настоящей книги). Из прочей литературы см. о слав. *zętь* словари А. Брюкнера[329], А. Преображенского[330], С. Младенова[331], И. Голуба — Фр. Копечного[332], М. Фасмера[333]. С некоторым колебанием относит слав. *zętь* к **ĝenə-* 'род, племя' А. В. Исаченко[334].

В акцентологическом отношении слав. *zętь* представляет акутовую интонацию, ср. сербск. *зе̏т*, русск. *зять*, *зя́тя*. Это хорошо согласуется с акутом литовск. *žéntas* 'зять' и общим происхождением этих форм из и.-е. **ĝenət-*, утратившего *ə* в срединном слоге[335]. Все это скорее свидетельствует о том, что литовск. *žéntas* исконно родственно слав. *zętь*, а не заимствовано из славянского.

Проведенное сравнение свидетельствует о том, что мы здесь имеем индоевропейское название. Удается определить вероятную форму, общую для большинства сравниваемых слов: **ĝenət-* — производное от **ĝenə-* 'рождать(ся)'. Формы **ĝenter* вряд ли исконны, как полагает А. В. Исаченко[336], они скорее обусловлены аналогическим воздействием прочих древних имен родства на *-ter*. Поэтому, очевидно, неправ О. Шрадер[337], считающий, что индоевропейское название зятя, мужа дочери отсутствовало. Ряд формальных расхождений, различных оформлений индоевропейской основы — еще недостаточное основание для такого мнения. Так, наличие общеиндоевропейского названия сына никем не ставится всерьез под сомнение и в то же время общеизвестны факты различного оформления его основы по индоевропейским диалектам: литовск. *sūnùs*, греч. υἱύς, υἱός, др.-инд. *sūtá-ḥ*. С другой стороны, Шрадер прав, когда он обращает внимание[338] на многозначность этого индоевропейского

---

[325] IF, Bd. 17, 1904, стр. 19.

[326] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 574—575.

[327] О латышском слове см. также K. Mülenbach, IV. стр. 748—749.

[328] V. Kiparsky. Der Schwiegersohn als „Bekannter". — „Neuphilologische Mitteilungen", Bd. 43, 1942, стр. 113—121. Цит. по кн.: „Indogermanisches Jahrbuch", Bd. 28, 1949, стр. 265, где Э. Френкель отделяет литовск. *žéntas* от „омонимического" **ĝenə-* 'рождать' по неясным для нас мотивам.

[329] A. Brückner, стр. 654; его же. Wzory etymologii i krytyki źródłowej II. — „Slavia", roč. 5, 1927, стр. 436.

[330] А. Преображенский, т. I, стр. 260.

[331] С. Младенов, ЕПР, стр. 191.

[332] Holub — Kopečný, стр. 436.

[333] M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 466—467.

[334] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 70.

[335] Ср. А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 50.

[336] Там же.

[337] O. Schrader. Reallexikon, стр. 213; его же. Über Bezeichnungen..., стр. 20.

[338] Там же.

слова: 'зять', 'свояк', 'тесть'. Слово, давшее слав. *zętь*, обозначало чаще всего зятя, но могло распространяться и на другие степени свойственного родства, могло употребляться самим зятем как обращение к тестю. В чем причина такого употребления? Как известно, *zętь* и родственные происходят от **ĝenə-* 'рождать'. Поэтому предполагаемое значение *zętь* следует конкретизировать: не вообще 'родственник', а 'кровнородственный', 'единокровный', 'родной', т. е. зять и некоторые другие родственники по браку обозначались как родные, родственники по крови. В этом причина незакрепленности названия за определенным лицом, особенно в древности. Этот пример показывает, насколько регулярно проявлялось обыкновение приравнивать свойственное родство к кровному, ср. выше о *tьstь* и другие случаи.

Вторичные названия зятя в славянских языках, отражающие положение зятя, живущего у родителей жены: русск. диал. *валáзень*, ср. *влáзины* 'обряд, коим сопровождается переселение в новую постройку'[339], белор. диал. *приймáч*[340], ср. укр. *приймáк*, польск. диал. *přistac*[341], болг. диал. *привидини́к*[342], ср. аналогичное латышск. *iegātnis*[343]; болг. диал. *калѐк*[344], чешск. диал. *ženich* 'зять'[345].

Сноха (невестка)

Слав. *snъxa*: ст.-слав., др.-русск. снъха, русск. *снохá*, диал. *сношéльница*, *снашéнница*[346], др.-польск. *sneszka*, польск. диал. *sneszka*, *snèska*, *śnièszka*, а также через контаминацию с *synowa* 'жена сына' — мазовецкое *syneska*, *synoska*[347], сербск. *снàха* болг. *снахá*, *снъхá*, ср. чешск. *snacha*.

Родственные этому древнему слову формы широко известны другим индоевропейским языкам: лат. *nurus*, *-ūs* 'сноха, невестка'[348], др.-инд. *snušā́*, греч. νυός, арм. *nu*, др.-в.-нем. *snur*, др.-англосакс. *snoru*, др.-исл. *snor*, *snør*, нем. *Schnur*[349]. Если не считать перестройки в отдельных языках по *-ā*-основам, ср. ст.-слав. снъха (лат. *nurus-*, *-ūs* по *-ū*-основе *socrus*), то все формы правильно продолжают и.-е. **snusó-s*, древнюю *-o*-основу женского рода, что предположил уже К. Бругман[350], который сначала придерживался иного мнения. Сейчас это общепринятая точка зрения.

И.-е. **snusó-s* было предметом многих этимологических исследований. Звуковая близость и постоянная ассоциация с и.-е. **sūnus* 'сын' ('сноха' = 'жена сына') определяют направление старых толкований

---

[339] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, стр. 71.

[340] В ломазском и других говорах бывшей Седлецкой губернии; см. Сб. ОРЯС, т. LXXV, вып. 7, 1903, стр. 311.

[341] K. Nitsch. Wybór polskich tekstów gwarowych, стр. 51.

[342] „В Чирпанско". — СбНУ, кн. X, 1894, стр. 211.

[343] K. Mülenbach, II, стр. 16.

[344] П. Орешков. Българските села в околността на Цариград. — „Списание на Българска академия на науките", кн. 8. София, 1914, стр. 100.

[345] Q. Hodura. Указ. соч., стр. 69.

[346] В. И. Даль, т. IV, изд. 4, стр. 327; Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, 1892, № 3, стр. 64.

[347] J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. 5. Kraków, 1907, стр. 184, 276; K. Nitsch. Słownictwo gwarowe. Wybór pism polonistycznych, t. II. Kraków—Wrocław, 1955, стр. 16.

[348] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 531—531; Ernout—Meillet, t. II. стр. 802.

[349] Walde—Pokorny, Bd. II, стр. 701—702.

[350] K. Brugmann. Νυός, *nurus*, *snuṣā* und die griechischen und italischen femininen Substantiva auf *-os*. —IF, Bd. 21, 1907, стр. 315—322.

*snusā́ < *sūnu-[351]. Эта этимология безукоризненна с семантической стороны, в то время как исчезновение *u* вызывает у исследователей сомнение, почему эта этимология сейчас в основном оставлена. Напротив, большинством исследователей принята этимология *snusó-s < *sneu- 'вязать'[352], которая подтверждается также фактом широкого использования основ со значением 'вязать, связывать' (и.-е. *bhendh-, *si̯eu-) в обозначениях родства, особенно свойственного: 'связанный', т. е. 'родственный'[353]. Так называли родители жену сына, так же называла их она сама (греч. πενθερός 'свекор' < *bhendh-). Между прочим, немецкий язык имеет, помимо *Schnur* 'сноха', еще особенно распространенное *Schnur* 'бечевка, шнур', причем исторически это не омонимы, а одна отглагольная форма от и.-е. *sneu- 'вязать'; нем. *Schnur* 'бечевка' сохранило именно это архаическое значение.

Остаются менее доказуемые объяснения: этимология И. Левенталя[354], поддержанная И. М. Коржинеком[355]: *snusó-s = 'кормление молоком матери' < 'кормилица детей', 'сноха, невестка', ср. др.-инд. *snā́uti* 'выпускает молоко', лат. *nūtrix* 'кормилица', далее — датск. *snør*, шведск. *snor* 'Rotz' < герм. *snuzá-, формально тождественное греч. νυός и др. Ф. Мецгер[356] видит в и.-е. *snusó-s распространение древней местоименной основы *se-: и.-е. *se-nu-, *se-ni*, *s-n̥-t-r* 'отдельно, уединенно'; к и.-е. *snusó-s он относит тохарск. *A ṣñaṣṣe* 'родственник'. В. Поляк рассматривает слав. *snъxa*, лат. *nurus* и другие близкие названия снохи в ряду заимствований из языков Кавказа и Передней Азии, ср. лазск. *nusa*, мингрельск. *nosa*, *nis* 'сноха, невеста'[357]. Вряд ли можно согласиться с таким объяснением, учитывая широкую распространенность и.-е. *snusos также в языках, далеких от влияний кавказских языков. Этимология и.-е. *snusos проще объясняется на индоевропейском материале. Включение этого слова Вацлавом Поляком в круг вопросов, связанных с проблемой лексикальных соответствий между славянскими и кавказскими языками, представляется непродуманным в методологическом отношении, поскольку в слав. *snъxa* мы имеем несомненно индоевропейское наследие. С другой стороны, древность индоевропейских форм, в том числе в близких Кавказу географически индо-иранских языках, делает вероятной другую возможность — заимствование перечисленных кавказских слов из индоевропейских языков, что, однако, не относится к теме нашей работы.

Слав. *snъxa* правильно продолжает и.-е. *snusó-s, если не считать вторичного аналогического перехода в *-a*-основу, через *snŭsā с закономерным переходом *s > x* после *u* в славянском[358].

Слав. *snъxa* с древним окситонным ударением (ср. русск. *снохá*) сохранило место ударения и.-е. *snusó-s, которое нам известно на осно-

---

[351] B. Delbrück. стр. 535; ср. L. Sütterlin. Der Schwund von idg. *i* und *u*. — IF, Bd. 25. 1909, стр. 70.

[352] См. K. Brugmann. Νυός, *nurus*, *snuṣā*. . ., стр. 315—322.

[353] См. Fr. Sławski. Oboczność *ą : u* w językach słowiańskich. — „Slavia Occidentalis“, t. 18, 1939—1947, стр. 270, где говорится о связи слав. *snъxa* и *snuti* (и. -е.* *sneu-*).

[354] J. Loewentahl. ΘΑΛΑΤΤΑ, стр. 165.

[355] J. M. Kořínek. K indoevropskému *snusós 'nurus'. — IF, roč. 59, 1932, стр. 126—144 и 316.

[356] F. Mezger. IE *se-*, *swe-* and Derivatives, стр. 100.

[357] V. Polák. K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a jazyky slovanskými. — IF, roč. 70, 1946, стр. 28 (там же дается литература). Кстати, В. Махек в редакторском примечании специально указывает, что это сближение заинтересовало его больше других (там же, стр. 30, сноска 1).

[358] C. C. Uhlenbeck. Die Behandlung des indog. *s* im Slavischen. — AfslPh, Bd. 16, 1894, стр. 369; H. Pedersen. Das indog. *s* im Slavischen. — IF, Bd. 5, 1895, стр. 34. О слав *snъxa* см. также этимологические словари Фр. Миклошича

вании закона Вернера. Согласно последнему, герм. **snuza-* (др.-в.-нем. *snura*, др.-исл. *snor*, др.-англ. *snoru*) < и.-е. **snuso-* при условии, если ударение падает на слог после согласного, в данном случае *z*[359].

Болг. *снахá* обязано своим вокализмом влиянию сербск. *снàха* (при исконном болг. *снъхá*). Тем же влиянием объясняется чешск. *snacha*[360] (в то время как в польском языке есть фонетически правильное *sneszka*), в противном случае непонятное, хотя пути этого влияния недостаточно ясны. Сербск. диал. *snàja* образовано в условиях выпадения *x* (*h*) по форме дат.-местн. п. ед. ч. *snài* (*snài̯i*)[361]. Подробности фонетического развития слав. *snъxa* и этимологические связи и.-е. **snusó-s* выяснены почти бесспорно. Этого нельзя сказать об исторических условиях образования данного индоевропейского названия. В частности, не совсем ясно, считать ли вместе с А. В. Исаченко[362], что и.-е. **snusó-s* восходит еще к кросскузенному браку матриархата, а следовательно обозначает не только 'жену сына', но и 'племянницу' 'кросскузину' сына, или считать, что описанная древняя форма брака еще не создала условий для специальных названий 'зять', 'сноха', поскольку соответствующие брачные отношения легко укладывались в понятие 'племянник', 'племянница'. Тогда необходимо будет заключить, что термин **snuso-s* возник несколько позже собственно кросскузенного брака, уже как термин свойственного родства.

В роли названия снохи было также использовано слав. *nevěsta*, *nevěstъka*, в отдельных славянских языках даже вытеснившее слав. *snъxa*, как, например, в украинском[363].

Прочие названия: др.-чешск. *chýra*, чешск. *švagrová* 'свояченица', 'жена брата', немецкого происхождения, ср. нем. *Schwager*, *Schwägerin*, н.-луж. *šwagrnica* (диал.) 'невестка, золовка, свояченица' того же происхождения; болг. *бýлка* 'невестка, сноха, жена брата, свояченица', *бýля* то же, местный термин, связанный со свадебным обрядом, ср. *бýло* 'фата, свадебное покрывало'.

Особым древним названием снохи обладает балтийский, не знающий и.-е. **snuso-s*: литовск. *marti͂*, *-čiõs*, также *jaũnamartė͂*,*-ė͂s*[364], латышск. *mãrša* то же. Из балтийского это слово заимствовано западнофинскими языками: *mõrsja*[365]. Этимология балтийского слова неясна: вряд ли вероятны сближения с греч. δάμαρ через **dmortī* (ср. критск. Βριτόμαρτις) или с герм. **brūđī*. Скорее сюда относится крымскоготск. *marzus* 'nuptiae'[366]. Может быть, литовск. *marti͂* является производным с суффиксом *-tia*: **mar-ti̯a* (ср. латышск. *mārša*) к *mer-gà* 'девушка' (с другим суффиксом). Затем оно могло преобразоваться по употребительному *pati͂*,*-čiõs* 'сама, жена'.

Деверь

Слав. *děverь*: ст.-слав. дѣверь 'δαήρ, levir', др.-русск. *дѣверь* 'levir, δαήρ, брат мужа', *деверіе*, собир., 'leviri', русск. *де́верь*, диал. *д'ив'ър*,

(стр. 312), Горяева (стр. 334), А. Преображенского (т. II, стр. 345), Р. Траутмана (стр. 273).

[359] K. Verner. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. — KZ, Bd. 23, 1875, стр. 97 и след.; ср. также А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, стр. 48; J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, Bd. I, стр. 120—121; J. Kuryłowicz. L'accentuation, стр. 131.

[360] W. Vondrák, Bd. I, стр. 137; Holub — Kopečný, стр. 343.

[361] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, 1950, стр. 44.

[362] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 71.

[363] А. А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке, стр. 17.

[364] А. Юшкевич. Словарь литовского языка, вып. 2. СПб., 1904, стр. 679.

[365] Э. Вяари. Терминология родства в прибалтийско-финских языках: Автореф. канд. диссерт. Тарту, 1953, стр. 10.

[366] F. Solmsen. Etymologien. — KZ, Bd. 35, 1897, стр. 481—483.

д'ев'ир[367], укр. *дівер* 'деверь, мужнин брат', *діверка* 'жена деверя', белор. диал. *дзевярь*[368] с отличным значением 'муж сестры', польск. *dziewierz* 'brat męża, szwagier', *dziewierka* 'szwagierka', в значительной степени вытесненные новыми словами *szwagier*, *szwagierka*[369], др.-польск. *dziewierz*, *dziewior* 1. 'брат мужа', 2. 'отец мужа, свекор', словацк. *dever* 'брат мужа', *deverina*, *deverinka*, *deverkyňa* 'сестра мужа, золовка', сербск. *дjѐвêр*, *ђевер* 'брат мужа', болг. *де́вер* 'брат мужа, деверь', 'дружка', сюда же производные болг. *девернъов син*, *девернъо́ва дъщера* 'племянник и племянница по брату мужа, деверю'[370].

Слово имеет общеславянский характер. Лучше всего оно сохранилось в восточных и южных славянских языках, в то время как в западных оно в основном вытеснено.

Слав. *děverь* имеет ряд индоевропейских соответствий, ср. родственные и тождественные по значению лат. *lēvir*, греч. δᾱήρ, др.-инд. *dēvár*, др.-в.-нем. *zeihhur*, арм. *taigr*[371]. Формы греч. δᾱήρ < *δαιϝήρ, слав. *děverь*, др.-инд. *dēvár* позволяют предположить общую форму **dāi̯u̯ēr*. Лат. *lēvir* объясняют местной италийской заменой и.-е. **d* сабинским *l*[372], достоверно известной для начала слова *lacruma* : греч. δάκρυον : нем. *Zähre* 'слеза', и преобразованием конца основы **dēver*, **lēver* по *vir* 'муж'. Что касается литовск. *dieveris*, латышск. *diẽveris*, они объясняются также как заимствование из слав. *děverь*[373] (подробно — ниже).

Если о литовск. *-ie-*, латышск. *-ie-* в этих словах возможны различные суждения[374] (< балт. *ai*, ср. литовск. *sniẽgas*, слав. *sněgъ*), то конец основы (*-ris*) определенно отражает слав. *-rь*. Сбивчивые показания форм косвенных падежей (литовск. род. п. ед. ч. *dieveȓs*, также *dieveriẽs*)[375] говорят о воздействии на слово *-i*-основ и согласных *-r*-основ. Попытка рассматривать литовск. *dieveris* и слав. *děverь* как родственные формы[376] менее убедительна.

Вместе с тем возможно, что и в случае с и.-е. **dāi̯u̯ēr* балтийский представляет весьма важный дополнительный материал. Известно, что, кроме названных выше форм, литовский язык имеет старое исконное *láiguonas*, *laigõnas*, *laigū̃nas*, правда, в значении 'брат жены, шурин'[377].

---

[367] В. Н. Сидоров. Наблюдения над одним из говоров рязанской мещеры. — „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I. М.—Л., 1949, стр. 97, С. С. Высотский. О говоре д. Лека. — „Материалы и исследования. . ." т. II, 1949, стр. 18.

[368] Н. Чудовский. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. — РФВ, 1898, № 3—4, стр. 68.

[369] Ср. К. Nitsch. Słownictwo gwarowe, стр. 16.

[370] Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ, кн. XII, 1895, стр. 270.

[371] С. С. Uhlenbeck, стр. 130; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 423; Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 767; J. Pokorny, стр. 179; Ernout — Meillet, t. I, стр. 628.

[372] R. Seymour Conway. On the change of *d* to *l* in Italic. — IF, Bd. 2, 1893, стр. 165. О вокализме лат. *lēvir* см. K. Brugman, KVGr., стр. 84.

[373] Так — В. Ягич (см. его рецензию в AfslPh., Bd. 20, стр. 369 и след.). Таково, как будто бы и мнение К. Буги, см. его рукописную картотеку к Литовскому этимологическому словарю (Вильнюс, АН Лит. ССР).

[374] Ср. рецензию S. Stang на кн. E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Lieferung 1—2. Heidelberg, 1955. — „Die Welt der Slaven", Bd. I, Heft 3, 1956, стр. 353.

[375] См. R. Trautmann, BSW, стр. 43.

[376] F. Specht. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. — KZ, Bd. 62, 1935, стр. 249—250.

[377] Так уже в словарях Ф. Руига (1747) и Хр. Г. Мильке (1800), ср. рукописи К. Буги, Lituanica V (Вильнюсский университет. Отдел рукописей); см. также A. Salys. Mūsų gentivardžiai. — „Gimtoji kalba", Ⅱ, 1937, стр. 76; P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 272—282.

Что касается измененного значения, то это видоизменение могло развиться вторично уже в литовском.

Вследствие близости значения и несомненной древности литовск. *láiguonas* можно поставить вопрос о его этимологической связи с и.-е. **dăi̯uēr*, слав. *dĕverь*, если предположить литовск. *daiguonas*. Довольно трудно указать при этом причины перехода *d* > *l*: то ли этот переход был осуществлен в плане признаваемого некоторыми учеными редкого чередования зубного и плавного согласных в начале слова в индоевропейском (ср. отношение **tout-* (в италийском и др.): **leud-*, слав. *ljudьje*), то ли здесь проявилась тенденция избежать ассоциации с группой лит. *iš-dáiga* 'шутка, шалость'. Другая оригинальная особенность литовск. *láiguonas* — наличие *-g-* — интересным образом перекликается с такими старыми индоевропейскими диалектными формами, как др.-в.-нем. *zeihhur* (< герм. **taikuraz* с герм. *k* = и.-е. **g*), арм. *taigr*. Возможно, что образование *g* в известных условиях здесь произошло еще в индоевропейском языке фонетическим путем, поскольку случаи „усиления" *u̯* путем развития перед ним *g* > *gu̯* известны различным индоевропейским языкам. В данном случае наличие герм. **taikuraz* не имеет характера специально германского процесса, называемого „*Verschärfung*"[378]. Что касается вокализма, дифтонг в корне *láiguonas* точно соответствует и.-е. **dăi̯u̯er*, слав. *dĕverь*. Если вероятно вышесказанное, то литовский язык сохранил в *láiguonas* производную форму от индоевропейского названия деверя[379].

Как показал И. Миккола[380], так называемое Verschärfung *j* > *ddj*, *w* > *ggw* в германских языках представляет известную аналогию закону Вернера в том смысле, что оно имеет место перед ударяемым слогом и отсутствует после ударяемого слога. Позволим себе использовать эту теорию в нашем случае. При русск. *де́верь*, известно ударение δᾱήρ, санскр. *devā́r*, герм. **taikuraz* (ср. др.-в.-нем. *zeihhur*). Наличие Verschärfung в германских словах также подтверждает древность ударения и.-е. **daiu̯ḗr*. Следовательно, ударение *dĕ̀verь*, русск. *де́верь* не исконно, оно сменило более древнее **dĕvérь*. Литовск. *dieverìs*, вин. п. ед. ч. *diẽverį* отражает именно позднюю парадигму с подвижным ударением русск. *де́верь* — мн. ч. *деверья́*, *деверьёв*, а не более древнее **dĕvérь* с постоянным ударением на основе, что также говорит скорее о заимствовании балтийских слов из славянского.

См. еще о слав. *dĕverь* этимологические словари Э. Бернекера[381], А. Преображенского[382], А. Брюкнера[383], М. Фасмера[384].

Прочие славянские названия деверя: болг. *драги́нко* 'деверь, младший брат мужа'.

---

[378] Ср. об этом слове: William M. Austin. A Corollary to the Germanic Verschärfung. — „Language", vol. 22, 1946, стр. 109.

[379] B. Delbrück, стр. 530, признает литовск. *láiguonas* неясным. В последнее время предложил этимологию литовского слова В. Крогман [„Das Buchenargument" (Schluß). — KZ, Bd. 73, 1955, стр. 13], который сравнивает литовск. *láiguonas*, *laigõnas* с греч. λοιγωντίον, φρατρίαν (Гесихий), укр. *полйгатися* 'связываться', лат. *ligo* 'связывать', подкрепляя сравнение аналогией образований слав. *šurь*, греч. πενθερός, и.-е. **snusos* с исходным значением 'связывать'. В дополнение об и.-е. **dāi̯u̯ēr* ср. бездоказательную этимологию И. Левенталя:* *dāi̯u̯ēr* < **daidu̯ēr* 'насильник', ср. иллир. *Daversi*, что говорило якобы об умыкании и девере как пособнике жениха (J. Loewenthal. Wirtschaftsgeschichtliche Parerga III. — WuS, Bd. 11, 1928, стр. 56).

[380] J. J. Mikkola. Die Verschärfung der intervokalischen *j* und *w* im Götischen und Nordischen. — „Streitberg-Festgabe". Leipzig, 1924, стр. 267 и след.

[381] E. Berneker, Bd. I, стр. 198.

[382] А. Преображенский, т. I, стр. 176.

[383] A. Brückner, стр. 112.

[384] M. Vasmer. REW, Bd. I, стр. 333.

Золовка

Слав. **zъly*: ст.-слав. зълъва, русск. *золóвка* 'сестра мужа', диал. *зóлва* (иркутск.), *зóлвица* (тверск.), *золóвка, зóлва, зóлвица* 'братнина жена, невестка' (олонецк.), *золóвка* 'сестра жениха, сестра мужа' (холмогорск.)[385], укр. *зовúця* 'золовка, мужнина сестра', ныне малоупотребительное[386], словацк. *zolva, zolvica* 'сестра мужа', 'жена сына, брата, невестка', словенск. *zèl̃va, zèl̃vica, zôl̃va, zóva* „die Mannesschwester", сербск. *зȁова, зава, зȁовица* 'золовка', болг. *зълва, зъ́лва* 'сестра мужа', с диалектными разновидностями *зḁва, зльва, зòлва, зъlва*[387].

В современных славянских языках слово представлено далеко не полно. Так, почти все западные языки его забыли. Из восточнославянских оно сохранилось в русском языке лучше и шире, чем в украинском. Слав. *zъly* — старая *-ū-* основа женского рода, как и *svekry*, расширявшаяся аналогичным способом: *зълъва*, далее — русск. *золовка*, ср. *свекрова*, сербск. *свекрва*, русск. диал. *свекровка*, с той лишь разницей, что для названия золовки нигде не сохранилась древняя форма наподобие русск. диал. *свекры*.

Слав. *zъly* связано с родственными индоевропейскими словами, восходящими к форме **ĝₑlōu-s*: греч. γάλως, лат. *glōs*, арм. *tal, calr* — все с хорошо сохраненным значением 'золовка, сестра мужа'. Ср. также (глоссовое) фриг. γέλαρος· ᾽αδελφοῦ γυνή, т. е. 'жена брата, невестка'[388]. И.-е. **ĝₑlŏu-s* имеет этимологию, выдвинутую в свое время Асколи[389] и принятую Вальде — Покорным, суть которой (по Асколи) сводится к тому, что лат. *glos*, греч. γάλως происходят от γαλ, γελ 'веселиться', ср. индийские термины *nanāndṛ, nandinī* < *nand* 'веселиться'. Эта формально допустимая этимология в сущности недоказуема. Надежные семантические аналогии, какие известны, например, для ряда случаев использования корней 'вязать, связывать' при обозначении родства, здесь отсутствуют. Без таких аналогий налицо остается только фактическое глубокое различие значений, почти совершенно обесценивающее фонетическое сходство.

Слав. **zъly, -ъve* < и.-е. *ĝₑlŏu-s* с закономерным развитием *-y(ū)*-основы в славянском[390]. Во всяком случае в ст.-слав. зълъва и других формах на *-va* нельзя видеть что-либо большее, чем вторичное расширение древней *-ū*-основы. Было бы неосторожно прямо сопоставлять эти славянские новообразования с греч. γαλόως и другими индоевропейскими формами[391]. Древность и общеславянский характер формы **zъly*,

---

[385] „Опыт областного великорусского словаря", стр. 71; Куликовский. Словарь олонецкого наречия, стр. 30; А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. LXXXIII, вып. 5, 1907, стр. 159; В. И. Даль, т. I, изд. 2, стр. 691.

[386] А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке, стр. 18.

[387] Ст. Стойков. Българска диалектология, стр. 91—92, 94, 95, 100.

[388] Из литературы: Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 631; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 347; Ernout — Meillet, t. I, стр. 494; Sophus Bugge. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. — KZ, Bd. 32, 1892, стр. 27—28; P. Kretschmer. Einleitung, стр. 230. Ср. также (о фриг. γέλαρος) H. Hirt. — IF, Bd. 2, 1893, стр. 145; J. Pokorny, стр. 367—368.

[389] Ascoli. γάλως, *glos*. — KZ, Bd. 12, 1863, стр. 319—320; предположение И. Левенталя: греч. γάλως, слав. *zъly*, герм. **kalađaz*, с перестановкой в др.-исл. *kađall* 'канат, веревка' опирается на недостаточный материал (J. Loewenthal. Etymologica. — „Beiträge", Bd. 52, 1928, стр. 459).

[390] С колебанием об этом говорит П. Кречмер (P. Kretschmer. Indogermanische Akzent- und Lautstudien. — KZ, Bd. 31, 1889, стр. 333).

[391] Р. Траутман предполагает балто-слав. **žulṷā* на основании этих расширенных форм (BSW, стр. 373).

-ъve, ст.-слав. зълы, -ъве подчеркивает Р. Брандт[392]. Он отмечает, что ст.-слав. зълва не существует, реальна лишь форма ст.-слав. зълъва, что подтверждается и фонетическим развитием сербск. *за̏ова* (*злъва* дало бы **зува*)[393].

Прочие славянские названия золовки: сербск. диал. (обращение) *госпо*, *дивна*, *дуња*, *златка*[394]; болг. диал. (Драмско) *биркуша* 'золовка во время свадьбы'[395], *лельки* (Малко-Търново) 'золовки'[396]; целый ряд названий золовки приводит Н. Геров[397]: *калина*, *малина*, *хубавка*, *ябълка*, *дунка*. Литовский язык имеет особое название *mõša* 'золовка' < *mótė*, *mótina* 'мать'.

Слав. **jętry* 'жена брата мужа'

Др.-русск. *ятры*, *-ъве* 'невестка, жена брата', русск. устар. диал. *я́тровь*, *ятро́ва*, *я́тровка*, *я́тровья*, *ятровица* 'жена деверя', 'жена шурина', 'жена брата (деверя)', *я́трови* 'жены братьев между собою', *ятровья* 'свояченица', *ятро́ўка* 'невестка'[398], гдовск. *утровка* с результатом чередования носовых *ǫ : ę*, ср. *ятры*, *ѫтры*[399]. Все эти старые названия отживают в русском языке, употребляются сбивчиво, их старое терминологическое значение забывается, сами они уступают место новым, ср. владимирск. *сноше́ницы* 'жены братьев'[400]. Ср. далее, укр. *ятрі́вка* 'свояченица, невестка, жена деверя', почти вышедшее из употребления[401], *атра* 'невестка'[402], белор. *ятро́вка* 'жена братняя, невестка'[403], *ятроука*[404] [точнее — *ятро́ўка*. — *О. Т.*], др.-польск. *jątrew* 'жена брата'[405], чешск. стар. *jatrev* 'manželka švakrova'[406], сербск. *jȇtrva* 'die Schwägerin, leviri uxor', диал. *jetr̃va*[407], болг. *етърва* 'золовка, невестка', макед. диал. *jèntrăva*, *èntrăwa* 'жена брата'[408].

Родственные формы ряда индоевропейских языков указывают на общеиндоевропейское **i̯enəter*, которое в части индоевропейских диалектов сохранило свое срединное *ə* (например, в греческом языке), в других — последовательно его утратило, что типично для балто-славянского. Совершенно аналогична фонетическая судьба и.-е. **dhŭg̑həter*: греч. θυγάτηρ, но балто-слав. **dŭktēr*, готск. *daúhtar*. Правильным сла-

---

[392] Р. Ф. Брандт. — Золовка. „Jagić—Festschrift". Berlin, 1908, стр. 348—354.

[393] См. П. Лавровский. Коренное значение в названиях родства у славян, стр. 75; см. также о слав. *zъly* этимологические словари Ф. Миклошича (стр. 400), А. Преображенского (т. I, стр. 255), А. Брюкнера (стр. 651), М. Фасмера (REW, Bd. I, стр. 460).

[394] Мирко Барјактаровић. Свадбени обичаји у околини Берана. „Зборник — филозофског факултета", књ. III. Београд, 1955, стр. 243.

[395] СбНУ, кн. VIII, 1892, стр. 279.

[396] СбНУ, кн. VI, 1891, стр. 26.

[397] Н. Геров, кн. II, стр. 159.

[398] В. Даль, т. IV, изд. 4, стр. 1587; Добровольский. Смоленский областной словарь, стр. 1021.

[399] Ф. П. Филин. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке. — „Язык и мышление", т. XI, 1948, стр. 343.

[400] См. П. Лавровский. Коренное значение в названиях родства у славян, стр. 86.

[401] А. А. Бурячок. Названия родства и свойства в украинском языке, стр. 19.

[402] Эта форма отмечена только в словаре Ф. М. Пискунова (стр. 8).

[403] И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, стр. 728.

[404] Н. Чудовский. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор, стр. 68.

[405] Ср. W. Taszycki. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w., стр. 248.

[406] Fr. Kott. Česko-německý slovník, díl I, *A—M*, 1878, стр. 604.

[407] P. Skok. Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg). — AfslPh, Bd. 33, 1912, стр. 363.

[408] M. Małecki. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka), część. II. Słownik, стр. 44.

вянским продолжением и.-е. **ienəter-* после падения *ə* в середине слова было бы **jęti*, ср. *mati*, **dъt'i*. Но эта форма еще в общеславянскую эпоху испытала сильное влияние конца основы слав. *svekry*[409], столь близкого семантически: *svekry* 'мать мужа' — *jętry* 'жена брата мужа', затем часто — 'невестка'. Правильные формы сохранил балтийский, ср. литовск. *jentė*, *-ės* 'невестка, жена брата', *jentė*, *-ters*, ср. ст.-литовск. *intė*, тоже с очевидными нарушениями древней согласной *-r-* парадигмы; с различными местными вариантами развития основы: латышск. *iẽtal'a*, также *ìetere*, куршск. *jentere*[410]. Есть случаи контаминации, ср. литовск. *žentė* < *jentė* под влиянием *žéntas*[411]. Возможно, такого же происхождения ст.-литовск. *gentė* 'Schwägerin, Mannes Bruders Weib', находимое в литовско-немецких словарях XVIII в.[412], причем вовсе не обязательно видеть в *g* (*gentė*) старое графическое изображение *j*, поскольку слово лучше объясняется как контаминация *jentė* и *gentìs* 'родственник'[413]. Во всяком случае ввиду совершенно недвусмысленного значения, зафиксированного словарями (*gentė* 'Mannes Bruders Weib'), трудно согласиться с Ф. Шпехтом[414], что „это *gentė* не имеет ничего общего с *jentė*".

Прочие родственные индоевропейские формы: др.-инд. *yā́tar-* 'жена брата мужа'[415], греч. ἐνατέρες, εἰνάτερες, лат. *janitrīces* 'жены братьев', арм. *ner*, *nēr* 'жены братьев или жены одного и того же мужчины', фригийск. вин. пад. ед. ч. ιανάτερα[416].

Надо признать, что этимология и.-е. **ienəter*, слав. *jętry* нам неизвестна. Имеющиеся этимологические исследования этого слова вообще не предлагают, даже в форме гипотезы, какое-нибудь этимологическое решение вопроса о происхождении слова, идущее дальше сопоставления родственных форм и определения общей исходной формы. Асколи[417] предполагал для индоевропейского слова исходную форму **anyatarā* 'одна из двух'. Но кроме того, что эта форма фонетически не соответствует закономерной исходной форме и.-е. **ienəter* (см. выше), предположенное Асколи значение свидетельствует о весьма смутном представлении, которое имел ученый о соответствующих семейно-родовых отношениях. Почему именно „одна из двух?" — фактические данные об остатках родового строя на Балканах лишают эту этимологию семантической основы, ср. из болгарской песни: „Нъме́ри Ја́нкъ хо́ръ за̀дружни: све́кър, свикъ̀рва, девик' де́вир'ъ, *седим итърви*, че́тири зъ̀лви"[418].

Слав. šurь и прочие

Др.-русск. шуринъ 'брат жены', *шуричь* 'сын шурина', *шурия* 'шурья, братья жены', русск. *шу́рин* 'брат жены', укр. *шуря́к*, польск. устар.

---

409 F. Specht. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. — KZ, Bd. 62, 1935, стр. 252.

410 Там же; см. K. Mūlenbach, II, стр. 110.

411 E. Berneker, Bd. I, стр. 456.

412 См. также K. Būga. Kalba ir senovė. Kaunas, 1922, стр. 214.

413 Несколько иначе у Шпехта, см. F. Specht. Указ. соч., стр. 251.

414 Там же.

415 C. C. Uhlenbeck, стр. 237.

416 См. P. Kretschmer. Indogermanische Akzent- und Lautstudien. — KZ, Bd. 31, 1889, стр. 410; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 373; Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 207—208; Ernout — Meillet, t. I, стр. 543; J. Pokorny, стр. 505—506.

417 Ascoli. εἰνάτερες, *janitrices*, *yātaras*. — KZ, Bd. 12, 1863, стр. 239—240; см. также о слав. *jętry* в этимологических словарях А. Преображенского (см. „Труды ИРЯ", т. I, стр. 142), А. Брюкнера (стр. 203), Р. Траутмана (стр. 107—108).

418 „Песни из челядния живот" — от Елена. Доставил Н. Бобчев. — СбНУ, кн. IX, 1893, стр. 64.

szurzy, вытесненное новым заимствованным *szwagier*[419], др.-польск. *szura*, *szurza*, *szurzy*, др.-сербск. *шоура*, сербск. *шу̏ра*, *шу̏ра̑к*[420], болг. *шурей* 1. 'шурин', 2. 'деверь', *шурнайка* (областное) 'свояченица, сестра жены', диал. *šurna* 'femme du beau-frère'[421].

Наиболее правдоподобна, особенно в свете анализа ряда других названий свойства, этимология слав. *šurь* и родственных слов, принятая Словарем Вальде — Покорного[422]: и.-е. **si̯əur(io)-* 'брат жены' < **si̯ū-* 'шить', т. е. 'вязать'; сюда, кроме слав. *šurь* и родственных, еще др.-инд. *syālá-ḥ* 'брат жены' с иной, чем в *šurь*, ступенью корневого вокализма. Этой этимологии следует отдать преимущество по сравнению с менее удачным сближением *šurь* и *sve-kъrъ* у Э. Бернекера, о чем уже говорилось выше, а также по сравнению с этимологией слова, предложенной Х. Педерсеном[423] и поддержанной Э. Френкелем[424]. Согласно мнению этих двух ученых, слав. *šurь* происходит из **seur-* с тем же корнем, что и русск. *свояк*, литовск. диал. *savaitinis*, тохарск. *ñaṣṣe* 'родственник', собств. 'свой', ср. латышск. *savrup* 'abseits, für sich'. Эта этимология сопряжена, однако, с фонетическими трудностями. Так, нам кажется более надежной старая точка зрения, соответственно которой и.-е. *eu* > балт. *iau*, слав. *ou(u)* ср. литовск. *kiáutas* 'скорлупа': русск. *кутать*. В то же время *šurь* предполагает не **seur*, а **sjour-* (**si̯əur-*), которое стоит в отношении количественного чередования к слав. *šiti*, литовск. *siūti*, и.-е. **si̯ū*.

Таким образом, слав. *šurь*, русск. *шурин* является бесспорно древним, индоевропейским словом. Последнему утверждению не противоречит немногочисленность родственных форм в разных языках. Напротив, в его пользу говорит точное терминологическое значение **siəur(io)-*, засвидетельствованное славянским и древнеиндийским языками, а также очевидность его этимологических связей. Самостоятельное наличие тождественных форм одного специального термина в разных концах индоевропейского мира говорит о древнем характере индоевропейского названия одного из родственников жены, что весьма ценно как наблюдение, противоречащее теории агнатической семьи у индоевропейцев, согласно которой родственники жены никогда не воспринимались родней мужа как родственники, а только лишь как друзья. На самом деле положение гораздо сложнее и вопрос не может быть решен подсчетом процентного соотношения количества индоевропейских форм с тем и с другим значением[425].

Слав. *svьstь, названия свойства от svojь
Прочие термины

Рассмотрим довольно значительную, но в целом однородную группу терминов свойства. Эту группу составляют производные от индоевропейского местоименного корня **su̯e-* 'свой', которые являются тем самым наиболее характерными названиями свойства, так как определяют

---

[419] K. Nitsch. Słownictwo gwarowe, стр. 16.

[420] Ср. также Љубо Мићевић. Живот и обичаји Поповаца, стр. 133.

[421] A. Vaillant. Les parlers de Nivica et de Turija (Macédoine Occidentale). — RÉS, t. 4, 1924, стр. 64.

[422] Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 514.

[423] H. Pedersen. Lit. *iau-*. — „Studi baltici", vol. 4, 1934—1935, стр. 153, где приводится и литература по данному вопросу.

[424] См. рецензию Э. Френкеля на кн.: J. Otrębski. Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań, 1947. — „Lingua Posnaniensis", t. II, 1950, стр. 2ι6.

[425] О славянском слове см. также словари А. Преображенского („Труды ИРЯ", т. I. стр. 111) и А. Брюкнера (стр. 558).

лиц, породнившихся через брак родичей, как своих. В других индоевропейских языках есть много аналогичных названий, произведенных от индоевропейского корня *su̯e-*. Но детали словообразования настолько разнообразны и так расходятся между собой, что у нас есть возможность говорить только об общем использовании индоевропейского корня, в то время как образование происходило независимо, аналогичным путем в разных языках. Так, независимое образование этих названий очевидно для балтийского и славянского языков, о чем подробно — ниже.

В рамках самого славянского можно выделить различные моменты образования соответствующих названий, с отражением различных ступеней корневого вокализма: наряду со слав. **svo-*, **svojo-* в русск. ***свояк*** и родственных, имеется слав. **svь-* < **svĭ-* в слав. **svьstь*.

Слав. **svьstь*: др.-русск. ***свесть***, русск. диал. ***свесть***, ***свéстка***, ***свéсточка*** 'свояченица, женина сестра'[426], укр. ***свiсть***, ***-сти*** 'свояченица', др.-польск. *świeść* 'siostra męża albo żony, szwagierka', польск. *świeść* 'siostra męża lub żony', диал. *świeć* 'siostra żony', *świeść* 'siostra bratowej'[427], словенск. *svâst* 'сестра жены', *svȩst* 'сестра жены', 'жена брата мужа', сербск. ***свâст***, ***свâсти*** 'женина сестра', ***свастика*** 'сестра жены'[428], болг. ***свéстка*** 'сестра жены, свояченица'.

Конец слова не вполне ясен: то ли из **svьs-ti-*[429], то ли из **svь-stь*. Г. А. Ильинский[430], специально занимавшийся этимологией слова, анализирует его вторым из двух названных способов, причем *-stь* < **st(h)ā-* 'стоять', т. е. 'состояние'; **svьstь* = 'состоящая в свойстве', ср. также формы **svěstь* и его же этимологию слова **nevěsta*, о которой — выше. Нельзя здесь не отметить натяжек, характерных для этой, как и для других смежных этимологий Ильинского. Прежде всего, Ильинский с известной долей пристрастия стремится видеть в различных терминах родства с суффиксальным элементом *-st-*, *-sta-* равноценные сложения с обязательным значением второй части 'стоящий, состоящий, -ая'. Вряд ли это может считаться доказанным, так как для этого нужно показать, что ко времени образования сложения *-st-* было не словообразовательным формантом[431], а полнозначной корневой морфемой, еще не утратившей семантическую связь с глаголом *stoją*.

Может быть, справедливее предположить в слав. **svьstь*, **svěstь* древнее отвлеченное существительное со значением 'принадлежность к своим, свойство', причем *-stь* выступало в своей типичной словообразовательной функции, с последующим семантическим переносом на отдельное лицо женского пола: 'свояченица'. Примеры подобной конкретизации абстрактных образований известны. Что касается редукции корня (*svь-* < *sve-*, *svo-*), ср. — тоже древнее — ст.-слав. сладсть: сладъкъ, наряду со сладость. Мейе[432] затрудняется объяснить сладсть, так как оно противоречит его теории генезиса слав. *-ostь* < *-os* + *tь*.

Русск. ***свояк*** 'муж сестры жены', ***свояченица***, диал. ***своячина***, ***своякиня***, ***свойка***[433], др.-польск. *swak*, *szwak* 'szwagier', польск. *swak* 'свояк',

---

[426] А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия, стр. 154.

[427] J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. 5, стр. 365.

[428] Љубо Мићевић. Живот и обичаjи Поповаца, стр. 133.

[429] A. Meillet. Études, стр. 286.

[430] G. Iljinskij. Slavische Etymologien. — AfslPh, Bd. 28, 1906, стр. 455—457.

[431] Что вероятнее всего, поскольку в *-st-*, *-stь*, *-sta* нужно видеть древний суффикс, возникший еще в общеиндоевропейском языке, ср. хеттск. *daluga-šti-š* 'длина', слав.* *dḷgo-stь* то же.

[432] A. Meillet. Études, стр. 285.

[433] А. Подвысоцкий. Указ. соч., стр. 154.

диал. *swojωk* 'rodowicz, z tej samej wsi'[434], прибалт.-словинск. *svậuk* 'Schwager', н.-луж. *swak*, *swack*, в.-луж. *swak* 'Schwager', *swakowa*, *swakowka* 'Schwägerin', чешск. *svak* (устар.) 'свекор по отношению к тестю и наоборот', словацк. *svák*, *sváko* 'муж тетки', *svakro* 'свояк', словенск. *svák* 'Schwager', *svákinja* 'Schwägerin', сербск. *свак* 'муж сестры жены'[435], болг. *свойк*, *сва́ко* 'муж сестры'[436].

Этимологические связи русск. *свояк* и родственных совершенно прозрачны, ср. слав. *svojь*, русск. *свой*. Ф. Мецгер[437], изображая историю этих названий как развитие из и.-е. **sewe* 'прочь, в сторону', которое лишь впоследствии оформляется как возвратное местоимение, искажает реальные соотношения фактов.

Сюда примыкают аналогичные образования балтийского: литовск. *sváinis*, латышск. *svaĩnis* 'свояк, муж сестры жены' и другие производные, которые носят самостоятельный, местный характер: балт. **suai-nia-*. Акцентологическая и фонетико-морфологическая характеристика этих производных подробно разработана К. Бугой[438].

Прочие славянские названия свояка, свояченицы: словенск. *pás*, *pašanec*, *pašenog* 'свояк', *pašánoga* 'свояченица', сербск. *паша́нац*, *паше́ног* 'свояк', болг. *баджана́к* 'свояк'. Слово заимствовано из тюркского[439], причем отмечалось, что болг. *пашеног* взято из тюркско-болгарского[440], в то время как *баджанак* — позднее заимствование из османского; попытки Ф. Миклошича[441], а позднее Г. А. Ильинского объяснить слово как исконнославянское неудачны. Из турецкого же происходит и болг. *балдъза* 'сестра жены, свояченица'[442].

У западных славян привилось в этой функции другое недавнее заимствование — из немецкого языка: чешск. *švagr*, *švagrová*, словацк. *švager*, *švogor*, *švagor*, *švagoriná*, *švagrinka*, *švagriná*, польск. *szwagier*, *szwagrowa*. Эти заимствования распространились достаточно широко, быстро вытеснив общеславянские названия. Их влиянием объясняются различные внешние изменения смежных исконных названий: др.-польск. *szwak*, чешск. *švegruše*.

Сюда непосредственно примыкает группа слов, объединяемая интересным слав. *svatъ*: ст.-слав. сватиꙗ 'affinis', сватовьство 'affinitas', сватъ 'affinis', сватьство 'affinitas', др.-русск. *сватати*сѧ 'породниться через брак детей или родственников', *сватити*сѧ то же, *сватовьство* 'свойство, родство через брак детей или родственников', *сватъ* 'отец или родственник одного из вступивших в супружество в отношении к отцу или родственнику другого', *сватьство* 'свойство, родство через брак детей или родственников'; русск. диал. *сватовство́* 'некровное

---

[434] А. Tomaszewski. Mowa t. zw. Mazurów wileńskich. — „Slavia Occidentalis", t. 14. 1935, стр. 106.

[435] Ср. Љубо Мићевић. Живот и обичаjи Поповаца, стр. 133.

[436] Анализ значений и употребления польск. *swak* и родственных см. в кн.: A. Obrębska. *Stryj*, *wuj*, *swak w* dialektach i historii języka polskiego. Kraków, 1929, стр. 54 и след.

[437] F. Mezger. IE *se-*, *swe-* and Derivatives, стр. 99.

[438] К. Буга. Балтийские (айстийские) этимологии. — РФВ, т. LXVI, 1911, стр. 250, а также в рукописях: „Pastabos ir pataisos prie rusų kalbos etimologijos žodyno", № 167; „Lituanica", 5-я тетрадь (Отдел рукописей Вильнюсского университета); Рукописная картотека литовского этимологического словаря (в АН Лит. ССР). См. также словарь Р. Траутмана (стр. 295): *suainja-*; P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 222; А. Преображенский, т. II, стр. 263.

[439] Так, вслед за А. Лескиным, еще B. Delbrück, стр. 534.

[440] S. Mladenov. Vestiges de la langue des Protobulgares touraniens d'Asparuch en bulgare moderne. — RÉS, t. 1, 1921, стр. 50; С. Младенов. ЕПР, стр. 13.

[441] F. Miklosich, стр. 233.

[442] B. Delbrück, стр. 534; С. Младенов. ЕПР, стр. 15.

родство'[443], в то время как в общенародном употреблении русск. *сватовство* теперь обычно значит только действие от *сватать* 'просить руки'; укр. *сват* 'сват, отец зятя или невестки', *свáтач* 'жених', *свáха* 'мать зятя или невестки', польск. *swat* 'сват', чешск. *svat*, *svatka* 'родители зятя или невестки', диал. *starosvat* 'сват, в узком значении свадебного персонажа[444], словацк. *svat* 'отец зятя или снохи', *svatka* 'жена брата', н.-луж. *svat* 1. шафер, дружка', 2. 'всякий родственник обрученной четы', словенск. *svât* 'сват', дружка', др.-сербск. *сватъ* 'affinis', *сватвица*, сербск. *сват* 'сват', *свăħа* 'сестра снохи', болг. *сват* 1. 'сват', 2. областное 'родственник', *сватóвник* 'сват', *сватóвница*, *свáтя*, *свáха* 'сваха'.

Сюда относятся и глаголы слав. *svatati*, *svatiti* в значении 'просить руки', ср. русск. *сватать(ся)*, развившие это свое значение из более старого 'родниться, породниться', ср. аналогичное латышск. *apsvainuoties* 'жениться, породниться'[445] — к *svaĩnis*. И уже к упомянутому глаголу в этом значении относится специальное слав. *svatьba*: русск. *свадьба*, словенск. *svâtba* то же, н.-луж. *swadźba*, *swajźba* то же, чешск. *svatba*, диал. *svarba*[446].

О. Шрадер[447] правильно объясняет вслед за Ф. Сольмсеном и Ф. Ф. Фортунатовым слав. *svatъ* из **swō-*, ср. греч. Ϝέτης, литовск. *svēčias*, Вальде — Покорный[448] объясняют его из **su̯a-to-s*, *-t-* производного от известного местоименного корня, ср., кроме перечисленных слов, еще авест. *x^vaētu-* 'angehörig'. Старое толкование Миклошича и Лавровского (*svatъ* < **svojatъ*) следует оставить. В общем согласно установившейся точке зрения анализирует в формальном отношении слав. *svatъ* и Ф. Мецгер[449].

Прежде чем перейти к некоторым замечаниям относительно этого древнего слова, укажем в порядке уточнения относительной хронологии образования отдельных форм, что слав. *svatьba* не является чем-либо бóльшим, чем чисто славянское позднее отглагольное образование от глагола *svatiti(sę)*, *svatati(sę)*, сложившегося тоже только на славянской почве. Участие древнеиндоевропейского форманта *-ba-*(<**-bh-*) не меняет дела, а говорит лишь о длительной словообразовательной активности данного форманта. Налицо также факт отсутствия такой формы в балтийском, где и этот формант и корень *svet-* достаточно популярны. Возводить слав. *svatьba* к и.-е. **sweti-bh-*, а также предполагать существование этого последнего, как это делает Фр. Мецгер, у нас нет никаких оснований.

Древность слав. *svatъ*, первоначально 'свой, близкий человек, сородич' (ср. греч. ἔτης, Ϝέτης 'родственник, близкий') становится более реальной, когда мы сопоставим его с рядом других глагольных славянских образований от того же корня. Эти последние в результате устойчивых древних комбинаций с приставками *u-*, *pri-*, *per-*, согласно правилу Педерсена, сильно изменили свой облик: *s* > *x*, ср. *xvatati* >

---

443 В. Волоцкой. Словарь ростовского (Владимирск. губ.) говора. — Сб. ОРЯС, т. LXXII, № 3, 1902, стр. 81.

444 Q. Hodura. Nářečí litomyšlské, стр. 70.

445 K. Mülenbach, I, стр. 128.

446 W. Vondrák, Bd. I, стр. 281; ср. также Q. Hodura. Указ. соч., стр. 70.

447 O. Schrader. Über Bezeichnungen für die Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern. — IF, Bd. 17, 1904, стр. 23.

448 Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 457.

449 F. Mezger. Указ. соч., стр. 98 и след.; ср. еще А. Преображенский, т. II, стр. 255—256, где указана остальная литература; A. Meillet. Études, стр. 302; см. еще о *svatъ* — E. Fraenkel. Zur tocharischen Grammatik. — IF, Bd. 50, 1932, стр. 1—20, 97—108, 220—231.

**pri-svat-* и др.[450] На основании сравнения с этими родственными глагольными формами можно заключить, что слав. *svatъ* представляет собой весьма древнее имя, генетически не связанное с глаголом. Глаголы русск. *сватать* и родственные сами выдают свое позднее происхождение тем, что при всем обилии случаев приставочного употребления (*сосватать*, *присватать*, *высватать*) они совершенно не знают закономерного древнего перехода $s > x$ после *i*, *ŭ*, *r*, который имел место во всех действительно древних сочетаниях этого корня с приставками.

Из этого рассуждения следует вывод, подтверждающий то, что уже известно о слав. *svatъ*, а именно: поскольку установлено, что единственно древними образованиями от и.-е. **su̯ă-t-* в славянском являются существительное *svatъ* и глаголы *xotěti*, *xъtěti*, *xvatati*, *xvatiti*, в то время как глаголы *svatati*(*sę*), *svatiti*(*sę*) образованы позднее, позволительно сказать, что столь же новыми являются их узко специальные значения 'сватать, просить руки' (< 'породнить', ср. значение др.-русск. *сватитисѧ*). Получив такое специальное терминологическое значение, глагол *svatati*, *svatiti* стал оказывать влияние на существительное *svatъ*, первоначально означавшее только 'свой, сородич'. В результате у слав. *svatъ* выработалось значение 'устроитель свадьбы, сватающий', и оно как новое имя деятеля образовало семантико-морфологическую пару с названным глаголом: ср. русск. *сват* — *сватать*. Эти отношения выявляют неисконный характер узких специальных значений слав. *svatъ*, которые, однако, со временем настолько возобладали, что первоначальное значение подчас бывает затемнено. Крайней точкой этого процесса является русск. *сваха* 'сватающая женщина', образование по типу названий женских профессий на *-ха*: *пряха*, *портниха*, в то время как есть правильное женское образование от *сват* — *сватья* 'родственница, близкая женщина'. Как результат контаминации значений близких форм употребляется и *сваха* 'мать зятя, снохи'.

В литовском языке, помимо прозрачных *saváitis*, *saváitinis* 'родственник, близкий'[451], есть форма, непосредственно примыкающая к слав. *svatъ* 'родич', хотя и с завуалированным значением: *svẽčias* 'гость', из **svetjas*[452]. Указанием на иное древнее значение служит литовск. *svetystà* 'родня, родство'[453]. Так же, как *svẽčias* 'гость', отпочковалось вторично значение литовск. *svẽtimas* 'чужой'. Что касается генезиса вторых значений в литовском, параллель им находим в греч. ὀθνεῖος, о котором недавно писал П. Шантрен:[454] ὀθνεῖος противопоставляется συγγενής, как ἔθνος — γένος; при этом первоначально ὀθνεῖος — 'свой (в широком понимании), отдаленный родственник', затем, с забвением связи с ἔθνος, = 'чужой'. Совершенно аналогична история литовск. *svẽčias* 'гость', *svẽtimas* 'чужой': сначала 'свой, свойственник, сородич', затем, с забвением связи с **sve-* 'свой', остается пара *svẽtimas* — *giminẽ*, *gimináitis* 'родственник, родня', в которой *svẽčias*, *svẽtimas*, лишенные семантических опор в лексике, какие есть у *giminẽ* : *gìmti*, подверглись семантическому отталкиванию в плане противопоставления: 'родной' — 'чужой'.

Литовск. *svočia* 'посаженая мать', *svodba* 'свадьба', *svotas* 'посаженый отец, сват' заимствованы из славянского. Что касается глагола

---

[450] Подробнее об этом см. A. Vaillant. La dépréverbation. — RÉS, vol. 22, 1946, стр. 44—45.

[451] См. P. Skardžius. Указ. соч., стр. 257, 359.

[452] Там же, стр. 331.

[453] Там же, стр. 369.

[454] P. Chantraine. A propos de grec ὀθνεῖος. — BSL, t. 43, 1946, стр. 50—56.

'свататься', литовский язык имеет собственное исконное *pir̃šti*, *peršù*, нулевую ступень корня и.-е. **preḱ-*, слав. *prositi*[455].

Попутно коснемся примыкающих сюда названий 'жениться, выходить замуж', 'брак', 'женатый, 'неженатый', холостой'. Даже при первом знакомстве с этими названиями в славянском и вообще в индоевропейском нельзя не обратить внимания на их многочисленность и несовпадение в различных языках. Общеиндоевропейского термина 'жениться' нет[456]. Аналогичный характер образования названий в отдельных языках ни о чем не говорит, так как источники образования различны[457].

Пожалуй, наиболее широко использована в значении 'жениться' индоевропейская основа **u̯edh-* 'вести', ср. отглагольные др.-инд. *vadhū́-ḥ* 'невеста, молодая жена; невестка', авест. *vaδū-* 'жена, женщина', *vaδrya* 'зрелая в брачном отношении (о девушке)', литовск. *vedù*, *vèsti* 'жениться', латышск. *vedu*[458]; др.-русск. ***водити жену*** 'иметь жену, жениться', ***водимая*** 'жена, супруга'. Как отмечают авторы, это обычно мужской термин 'жениться' (='вести жену'), точный первоначальный смысл которого местами подвергся со временем забвению, ср. случаи употребления литовск. *vèsti* в говорах также в значении 'выходить замуж'[459].

Древнее название выкупа за невесту — греч. ἕδνον, др.-англосакс. *weotuma*, др.-в.-нем. *wídimen* (ср. нем. *widmen* 'посвящать'), слав. *věno* — видят в и.-е. **u̯edh-meno-n*, отглагольном производном от **u̯edh-*[460]. Э. Бенвенист[461] видит в слав. *věno* **wedhno-*, ср. греч. ἕδνον, образующее с иранским **vadar* 'union sexuelle' (ср. производное *vadairyu* < **vadarya-*) единую гетероклитическую *-r/n*-основу. Менее вероятна попытка объяснить слав. *věno* вместе с лат. *vēnus*, *vēnum*, *vēneo*, греч. ὦνος, др.-инд. *vasná* 'цена', хеттск. *uššanija-* 'продавать', *u̯aš-* 'покупать' — из **vesno*[462], поскольку выпадение *s* здесь было бы совершенно не мотивировано. Прочие названия платы за невесту: ст.-литовск. род. п. ед. ч. *krieno*, латышск. *kriens*, *krienis*, литовск. *kraĩtis* 'приданое', ср. др.-русск. ***крьноути***, др.-инд. *krīṇā́ti*, греч. πρίαμαι < **qᵘrei-* 'покупать'[463]; хеттск. *kušata*, для которого В. Махек[464] предложил маловероятную этимологию: к слав. *kuna* 'деньги, плата за невесту', причем он без какого-либо основания отрывает *kuna* 'деньги', явно вторичное, от *kuna* 'куница, пушной зверек'.

Ст.-слав. сагати, посагати 'γαμεῖν, nubere', посагъ 'nuptiae', русск. обл. *посаг* 'свадьба', сюда же *посаженый отец*, *посаженая мать*, польск. *posag* 'приданое', которые обычно сравниваются[465] с греч. ἡγεῖσθαι (**sāg-* 'вести, предводительствовать'). А. Брюкнер относит эти формы к слав. *sęgnǫti* как неинфицированную форму к инфицированной, ср. *sędǫ : sadъ*[466].

---

455 O. Schrader. Reallexikon, стр. 354.

456 См. C. D. Buck, стр. 93.

457 Там же, стр. 98.

458 Walde—Pokorny, Bd. I, стр. 255.

459 Там же; E. Fraenkel. Zur baltoslavischen Grammatik, I. — KZ, Bd. 51, 1923, стр. 248—249; A. Salys. Mūsų gentivardžiai. — „Gimtoji kalba", 1937, III, стр. 43.

460 Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 255.

461 E. Benveniste. Origines, стр. 14; о слав. *věno* < * *vedhno* см. также А. Преображенский, т. I, стр. 108; Holub — Kopečný, стр. 112 — с сомнением.

462 См. R. Trautmann, стр. 350; A. Brückner, стр. 610; Ernout — Meillet, t. II, стр. 1275—1276; J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, стр. 248.

463 Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 523—524.

464 V. Machek. Hittito-slavica. — AO, vol. XVII, 1949, стр. 133 и след.

465 O. Schrader. Reallexikon, стр. 353.

466 A. Brückner. Verkannte Lauterscheinungen. — KZ, Bd. 45, 1913, стр. 318—319. Однако это еще не настолько достоверно, чтобы ставить ст.-слав. посагати

Русск. *жени́ться*, обычно о мужчине, в кировских говорах — о женщине[467], укр. *ожени́тися*, белор. *жані́цца*, польск. *żenić się*, чешск. *ženiti se*, сербск. *женити се*, болг. *женя́ се* — совершенно прозрачные производные от слав. *žena*, фактитивные глаголы на *-iti*, собственно — 'сделать женатым'. Аналогично в семантико-морфологическом отношении новое укр. *одружи́тися*, ср. *дружи́на* 'жена'. Особого женского термина славянский не знает, если не считать довольно древнего устойчивого словосочетания слав. **iti za mǫžь*, ср. польск. *wyjść zamęż*, русск. *вы́йти за́муж*, укр. *ви́йти за́між*. В германском любопытна пара терминов др.-фризск. *monna*, *monnia* 'выходить замуж' и *wîvia* 'жениться'[468].

Древнерусский термин *умыкати* известен как остаток древнего экзогамного брака-похищения.

Ст.-слав. снꙋбити 'любить, свататься', словенск. *snúbiti* 'сватать, свататься', чешск. *snoubiti* 'свататься, обручаться', польск. *snębić* имеют ясную этимологию: из **sneu-* 'связывать'[469], ср. **snusó-s*, слав. *snъcha*.

Болг. *годе́ж* 'помолвка, обручение', *годежа́р годежа́рка* 'сват, сваха', *годе́жник* 'сват', сюда же *годени́к*, *годени́ца* 'жених, невеста', *сгодя́*, *сгодя́вам* 'обручать, устраивать обручение', ср. также диал. *згудя́ник*, *згудя́ница* 'жених, невеста' (в говоре ольшанских болгар на Украине), *разгодя́вам* 'расстраивать обручение', ср. польск. *gody* pl. 'свадьба, свадебный пир'. Корень *god-*, которого мы здесь бегло касаемся, обладает в славянских языках исключительно разнообразной и богатой семантикой, ср. укр. *годува́ти* 'кормить', русск. *погоди́ть* 'подождать', *негодова́ть* 'возмущаться', *годи́ться*, чешск. *hoditi* 'бросить', русск. *угоди́ть* 'попасть (бросив и т. д.)'; также *угоди́ть*, ст.-слав. годити 'быть приятным'. Вполне вероятно, что все эти значения развились из одного какого-либо удобного исходного конкретного значения. Указывают санскр. *gadh-* 'festhalten'[470], и.-е. *ghadh- 'объединять, связывать, быть связанным, совпадать; обхватывать', ср. также нем. *Gatte* 'супруг', др.-сакс. *gaduling* 'родственник'[471].

Прочие названия: болг. *задомя́*, *задомя́вам* 'женить; выдать замуж'; восточноляшск. (диал., Чехия) *sobašič še* 'жениться'[472].

Литовский язык имеет довольно старые собственные названия брака, замужества: *tekýba*, *tekũtė*, *tekė̃stos*, *tekė̃stės*, *ištekė́jimas* — от *tekė́ti* 'выходить замуж'[473], собств. 'убегать'.

Итак, рассмотренные термины в основном более четко определяют действия мужчины по отношению к женщине (ср. *vesti*, *ženiti sę*), реже — отношения женщины к мужчине. Само собой разумеется, что эти любопытные сопоставления еще ни к чему не обязывают, и мы не станем использовать их как лишнее доказательство древности матри-

---

в один ряд с чешск. *posahati* 'схватывать, поймать' без комментариев, как это делает А. С. Львов („Из наблюдений над лексикой старославянских памятников". „Ученые зап. Ин-та славяноведения АН СССР", т. IX, 1954, стр. 173—174), который даже не оговаривает, что чешск. *posahati* < **posęg-*, как и русск. *посягать*.

[467] Ср. Н. П. Гринкова. Из наблюдений над лексикой и фразеологией русских диалектов. — „Вопросы славянского языкознания", I, Львов, 1948, стр. 215.

[468] O. Bremer. Zum Altfriesischen Wörterbuch. — „Beiträge", Bd. 17, 1893, стр. 326.

[469] A. Walde. Указ. соч., стр. 527; Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 697; Fr. Sławski. Oboczność *ą* : *u* w językach słowiańskich. — „Slavia Occidentalis, t. 18, 1939—1947, стр. 270: из и-е. **sneubh-* < **sneu-bh-*, с вторичной назализацией польск. *snębić*.

[470] C. C. Uhlenbeck, стр. 77.

[471] Подробнее см. Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 531—532.

[472] A. Kellner. Východolašská nářečí, II, стр. 282.

[473] A. Salys. Mūsų gentivardžiai, стр. 48; P. Skardžius. Указ. соч., ст. 367—368.

архата, поскольку здесь вообще речь ведется о терминах уже довольно поздних. Допатриархальный период истории родового общества индоевропейцев попросту не знал таких названий, ненужных при древнейшей форме брака, бывшей по сути дела определенной формой сожительства не одной супружеской четы, а родового коллектива в целом. Отсутствие сложившихся общих терминов, обозначающих определенные родственные отношения, еще не дает права делать вывод о второстепенности этих отношений. Достаточно вспомнить, что целую теорию агнатического устройства индоевропейской семьи строили главным образом на констатации того, что общеиндоевропейские названия, характеризующие отношения мужа к родственникам жены, почти совсем отсутствуют.

Не беря, таким образом, на себя смелость приписывать отдельным фактам исключительное значение, упомянем еще одно название, очень четко характеризующее отношение мужа к жене: о.-слав. *ženatъ*, др.-русск. *женатыи*, русск. *женатый*, — образование в общем довольно древнее, ср. материально близкое производное готск. *unqēniþs* 'неженатый', которое позволяет нам видеть здесь факт, свойственный индоевропейскому (— отыменное прилагательное с суффиксом *-to-*)[474]. Ничего подобного — общего ряду индоевропейских диалектов — для обозначения отношения жены к мужу как будто нет. Образования вроде польск. *mężatka* являются, по-видимому, вторичными, по аналогии со слав. *ženatъ*, польск. *żonaty*. Эту функцию исполняют по славянским языкам также различные поздние названия.

Следует отметить, что историки языка соответственным образом объясняли и отсутствие индоевропейского термина 'брак'. Причину этого они усматривали в неравноправности мужчины и женщины в индоевропейской семье, в несопоставимости их роли[475]. Не будем подробно останавливаться на ошибочности этих рассуждений, исходящих из модернизирующих и метафизических воззрений на родственные отношения. Объективная сторона вопроса, а именно — отсутствие индоевропейского названия, более того — древних названий брака даже в отдельных языках — древнеиндийском, греческом, латинском, находит объяснение в позднем характере малой семьи. Известно, напротив, название основной формы общественного существования индоевропейцев на всем протяжении их древней общности — рода: и.-е. **ĝenos*, лат. *genus*, греч. γένος, др.-инд. *jána-*, сохраненное большинством индоевропейских диалектов. Древнейшая форма брака сложилась тогда, когда ее естественными рамками был сам род. Брачно-родственные отношения с успехом определялись общим названием 'род'. В этих условиях для древнейшей формы брака, тождественной и совпадающей с внутриродовыми отношениями в целом, не требовалось специального обозначения, а так как именно в эту эпоху сложилась основная терминология родства, такое состояние определило отсутствие среди индоевропейских терминов названия брака. В то же время сущность брака — от смешанного кросскузенного к позднейшему парному браку малой семьи — коренным образом менялась. «„Семья, — говорит Морган, — активное начало; она никогда не стоит на месте, а переходит из низшей формы в высшую, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, проделанный семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально

---

[474] Ср. K. Brugmann, KVGr., стр. 318, 532. Такое же *-to-* производное со значением 'женатый', но от иного корня, знает латинский язык: *maritus*; вторично — *marita* 'супруга' (см. IF, Bd. 31, стр. 255 и след.; E. Fraenkel. Zur baltoslavischen Grammatik, I. — KZ, Bd. 51, 1923, стр. 247).

[475] B. Delbrück, стр. 440—442; O. Schrader. Reallexikon, стр. 154—155.

изменилась семья“... В то время как семья продолжает жить, система родства окостеневает, и в то время как последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки»[476].

Древность системы родства и родственных обозначений имеет большую ценность для исследования. Это подтверждает мысль о том, что отсутствие индоевропейского названия брака также отражает древнейшее состояние, когда единственной формой, облекающей брачные отношения, был род. Такое положение в терминологии родственных отношений долго сохранялось как пережиток и в последующие эпохи. Отсюда ясен поздний характер местных названий брака по языкам. Мы видим, таким образом, как мало остается от традиционных аргументов против исконности индоевропейского матриархата.

Мы затруднились бы определить и общеславянское название брака, и это отсутствие общеславянского термина отмечено глубоким архаизмом. Наиболее древнее из известных славянских обозначений — ст.-слав. бракъ, ср. др.-сербск. *бракь* 'connubium', засвидетельствованное также в наиболее близких к старославянскому языку архаических болгаро-македонских диалектах Сухо и Висока[477]: *мас недä́л'а брákọвąмẹ*; *brak*, *brakò*, *brakuvi* 'брак', *brakòvam*[478]. Слово имеет вполне приемлемую этимологию: **bьrakъ* к *berǫ*, *bьrati*, *брать*[479]; ср. форму *бьраци*, отмеченную в Ипатьевской летописи. А. И. Соболевский[480], напротив, придает главное значение большинству форм без *ь*, которое он объясняет из **bărkъ*, сопоставляемого им далее с *брашьно*, поскольку среди значений ст.-слав. бракъ есть также значение 'пир'. Но значение 'пир' вторично у ст.-слав. бракъ. Что касается фонетического развития слова, следует отметить произведенное от того же глагола (слав. *bьrati*) название еще одного обряда — макед. диал. *òtbratki* 'предсвадебный прием зятя и его семьи в доме тестя'[481]. Интересно, что этот свадебный термин образован и употребляется в тех же солунских говорах, в которых было образовано, по-видимому, и ст.-слав. **бракъ**. Для обоих слов несомненно происхождение от основы *bьra-* без посредства какой-либо метатезы, что особенно видно по более молодой форме макед. *otbratki*. Наконец, мы никак не можем согласиться с попыткой А. Исаченко[482] объяснить бракъ прямо из и.-е. **bher-* 'носить, уносить' (ср. санскр. *bhartar* 'кормилец и т. д.', *bhāryā* 'жена'), поскольку на основании изложенного выше это слово является сравнительно поздним местным образованием группы славянских диалектов.

Из названий 'холостой, неженатый' наиболее интересным в славянских языках является ст.-слав. хлакъ, др.-русск. *холокъ* 'кастрированный, яловый', 'холостой', так же ст.-слав. **хластъ**, русск. *холостой*. Это слово представляется относительно древним и вместе с тем неясным образованием; к нему относят также слав. **xolpъ*, русск. *холоп*, о чем подробно — ниже (см. III главу).

Все прочие названия такого рода представлены исключительно местными поздними образованиями.

---

[476] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II. М.—Л., 1948, стр. 181.

[477] J. Ivanov. Un parler bulgare archaïque. — RÉS, t. 2, 1922, стр. 100.

[478] M. Małecki. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka), część II, Słownik. Kraków, 1936, стр. 10.

[479] E. Berneker. Bd. I, стр. 80—81.

[480] A. Sobolevskij. Zur Geschichte der Kulturausdrücke. — AfslPh, Bd. 33, 1912, стр. 611; его же. Несколько заметок по славянскому вокализму и лексике. — РФВ, т. LXXI, 1914, стр. 431—448; ср. также P. Lang. *Brakъ* 'nuptiae'. — LF, roč. XLIII, 1916, стр. 223—230, 322—332, 404—410.

[481] M. Małecki. Указ. соч., стр. 78.

[482] А. Исаченко. Указ. соч., стр. 77.

Глава III

НАЗВАНИЯ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА; НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕЙШИЕ ТЕРМИНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Рассмотрев в первых двух главах всю систему терминов родства, коснемся теперь прежде всего индоевропейских основ, которые, с одной стороны, участвовали в образовании ряда разобранных выше терминов, с другой стороны — дали названия главной единицы семейно-родового устройства, рода. Здесь, как и во многих других случаях, первоначальное положение сильно затемнено. Однако сравнительный анализ помогает определить первичные и вторичные образования.

Несомненно общеиндоевропейским является корень **ĝen-*, образующий во многих индоевропейских языках название рода, а также название действия 'рождать(ся)', тесно примыкающее к терминам родства. Сюда относятся др.-инд. *jánas* ср. р. 'род', *jánati* 'рождает', ср. *janitā́* 'родитель, отец', *jñātíṣ* 'родственник'[1], лат. *genus*, *generis* 'потомство, род'[2], сюда же *gigno-ere* 'рождать, производить', греч. γεννάω 'рождать', γίγνομαι 'делаться, становиться', γένος, -ους ср. р. 'род', готск. *kuni* ср. р. 'род, поколение'; производные в роли терминов родства др.-исл. *kundr* 'сын', нем. *Kind* 'дитя', греч. γνωτός 'родственник, брат', γνωτή 'сестра', латышск. *znuôts* 'зять', сюда же и литовск. *gentìs* 'родственник' (*g* вместо *ž* под влиянием *gìmti* 'рождаться'), ср. лат. *gēns*, *gentis* 'род, родня'[3]. Корень широко известен индоевропейским языкам. Отсутствие его в некоторых из них явилось, по-видимому, результатом определенных местных перемещений в словаре, в ходе которых за счет и.-е. **ĝen-* распространились другие основы, нередко тоже древние, индоевропейские, но употреблявшиеся ранее в иных значениях. Такова роль разбираемых ниже и.-е. **k^u̯el-* и **erəd(h)-* и их разнообразных производных. Во всяком случае, отсутствие непосредственных рефлексов и.-е. **ĝen-*, **ĝenē-*, **ĝenə-* в некоторых индоевропейских языках (в частности, в славянском) не может рассматриваться как свидетельство того, что эти языки никогда не знали корня **ĝen-*.

---

[1] См. C. C. Uhlenbeck, стр. 103; Ernst u. Julius Leumann. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache, 1. Lieferung. Leipzig, 1907, стр. 106; M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956, стр. 415—416.

[2] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. Heidelberg, 1910, стр. 339.

[3] См. Walde—Pokorny, Bd. I, стр. 576 и след.; Ernout—Meillet, t. I, стр. 481 и след.; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, 3. Aufl. Leiden, 1939, стр. 316; A. Jóhannesson. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1952, стр. 330—331.

И.-е. *k^uel-, *kel- представляет собой древний общеиндоевропейский корень, объединяющий много разнообразных значений. Разница значений, однако, отнюдь не говорит об исконном наличии двух или более индоевропейских омонимов k^uel, kel-, как полагают многие исследователи, расценивающие отдельные случаи и.-е. *k^uel- с разным значением как самостоятельные индоевропейские основы. Напротив, все эти случаи закономерно объединяются вокруг единой индоевропейской основы с первоначальным однородным значением. Так, сюда относятся греческие варианты с лабиовелярным k^u и с чистым велярным k[4]: πέλω, πέλομαι 'вращаться; бывать, случаться', πόλος 'ось вращения', τέλλει 'совершает', ἀνατέλλει 'восходит', ἀνατολή 'восток, восход', πωλέω 'продавать'; кельтское (ср.-ирл.) *cēle* 'вассал, зависимый член клана', 'муж'[5], др.-инд. *kúlam* 'стадо, множество; род', ср. ст.-слав. челѧдь, греч. τέλος 'толпа', ирл. *cland* 'род, клан'[6]; литовск. *kiltìs* 'род', латышск. *cilts* то же[7], сюда же литовск. *kélti* 'поднимать', *kìlti* 'подниматься, вставать; происходить', *kilmẽ* 'происхождение'; из славянского ср. еще, с одной стороны, *čelo* 'лоб', с другой — *kolo, kolese* 'колесо', ср. греч. πόλος, πέλω; см. дальнейшие примеры у Вальде — Покорного[8], которые видят здесь минимум три основы: и.-е. *q^uel- 'толпа, группа, родня', q^uel- 'вращать(ся)', *q^uel- 'далеко', ср. др.-инд. *caramá-* 'последний, крайний', греч. πάλαι 'давно'. Ср. еще κελέοντες 'ножки ткацкого станка' (Гесихий), которое Я. Фриск[9] производит из и.-е. *qel-*, **qol-* 'стоять, возвышаться', отделяя от **qel-* в греч. κέλλω 'гнать'; сюда также греч. καλός 'красивый, прекрасный', κάλλος 'красота' с вторичными значениями, о природе которых см. ниже. Об отношениях греч. κάλλος (**kali̯-os*) к *i/u*-основе герм. *hali-þ, halu-þ*, нем. *Held* 'герой' специально говорит Ф. Шпехт[10]. Ср. далее тохарск. AB *käly* 'стоять, находиться, быть', B *kokale*, A *kukäl* 'колесо', которые Дюшен-Гиймен относит к и.-е. *q^wel 'вертеть(ся), быть, становиться'[11]. Ю. Покорный в новом этимологическом словаре[12] помещает часть из названных слов под **kel-*, **kelə-* 'возвышаться, поднимать(ся)'. Греческое эпиграфическое и глоссовое κέλωρ 'сын'[13], тяготеющее к и.-е. *$k^{(u)}$el- с значением 'происходить, рождаться'[14], ср. названия мужчины, воина, героя от того же корня в германском: др.-исл. *hǫldr, halr*, др.-англосакс. *hæleđ, hæle*, др.-в.-нем. *helid*, нем. *Held* с формантом *-ĕt*, т. е. 'рожденный'[15]. Возможно, сюда же относится греч. κολοσσός 'фигура, статуя', определяемое лингвистами как эгейское[16], догреческое[17].

---

[4] Johannes Schmidt. Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen. — KZ, Bd. 25, 1879, стр. 138.

[5] См. H. Zimmer. Keltische Studien. 6. Zum mittelirischen Wortschatz. — KZ, Bd. 30, 1888, стр. 35—43.

[6] C. C. Unlenbeck, стр. 59.

[7] K. Būga. Aistiški studiai, I. СПб., 1908, стр. 208; о латышск. *cilts* см. специально K. Mūlenbach, I, стр. 382.

[8] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 517.

[9] H. Frisk. Griechische Wortdeutungen. — IF, Bd. 49, 1931, стр. 97—98.

[10] F. Specht. Eine Eigentümlichkeit indogermanischer Stammbildung. — KZ, Bd. 62, 1935, стр. 228.

[11] J. Duchesne-Guillemin. Tocharica. — BSL, t. 41, 1941, стр. 151.

[12] J. Pokorny, стр. 544.

[13] См. W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, 1892, стр. 143.

[14] См. подробнее F. Solmsen. Vermischte Beiträge zur griechischen Etymologie und Grammatik. — KZ, Bd. 34, 1895, стр. 548—549.

[15] См. еще о κέλωρ É. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen, I. Paris, 1935, стр. 21.

[16] Hans Lamer. Über einige Wörter des Ägäischen. — IF, Bd. 48, 1930, стр. 233.

[17] „Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale", t. XXX, стр. 449—452.

Из славянского можно привести много слов, восходящих непосредственно к и.-е. **kel-*. Так, это **kel-* лежит в основе некоторых славянских, а также балтийских и даже индоевропейских названий частей тела (слав. *kolěno*, *čelo*) и др. Обратим сначала внимание на основные формы и семантическое развитие этого корня. В наиболее типичных для данного корня значениях выступает в славянском производное *čel'adь*, собирательное, ср. болг. *че́ляд* 'семья', (банатск.) *čéledin* 'семейный'[18], русск. *че́лядь*, польск. *czeladź* 'челядь, слуги', диал. (в Словакии) *čel'ad/ť* 'nádenníci'[19], зап.-укр. *челяди́на* 'девушка, женщина'[20], — с исходным значением 'семья, родственники'[21]. Очевидно, что первоначально и.-е. **kᵘel-* не было синонимом **ĝen-* 'род, рождаться'. Скорее всего, оно было каким-то конкретным, специальным термином. Рассмотренные значения позволяют видеть в нем термин отсчета времени, настоящий технический термин, образованный от названия действия 'вертеться, поворачиваться', ср. греч. πέλω, слав. *kolo*, *колесо*, т. е. 'то, что вертится', ср. другие названия времени, в основе которых лежит признак 'вертеться'. Непосредственно время обозначают в этой группе греч. πάλαι 'давно', πάλιν 'опять', литовск. *kėlenà*, *kẽlena*, латышск. *cêliêns* 'промежуток времени, дня'[22]. Нельзя отрывать от них и отдельные названия пространственных измерений (см. выше). Именно временны́е значения могли потом оказаться удобными для обозначения того, кто 'стал, произошел' $\geqslant$ 'родился'. Примеры такого семантического развития тоже хорошо известны: и.-е. **u̯ert-* 'вертеть(ся)', ср. русск. *вертеться* и др., дало нем. *werden* 'становиться', литовск. *vir̃sti* 'изменяться, становиться', русск. *обернуться* 'стать', *оборотень*. Ср. ирл. *trog* 'дети', т. е. 'рожденные': вал. *tro* 'оборот'[23].

Другие значения рефлексов и.-е. *kᵘel-* не самостоятельны в семантическом отношении, но продолжают либо исходное конкретное значение (таковы 'расти, подниматься, прямо стоять', 'гнать, толкать, колоть'), либо вторичное значение 'становиться, происходить' (таковы значения 'рожденный' $\geqslant$ 'человек, сын; воин, герой, муж', 'рожденные, родственники, семья', 'фигура человека, статуя'). Приобретая значения, близкие и.-е. **bher-* 'нести, рождать', и.-е. **kᵘel-* получает нередко и другие значения этого корня: нем. *holen* 'нести', ср. отношение греч. φέρω 'нести': готск. *bairan* 'рождать'. Связь важнейших жизненных функций с отсчетом времени открыла широкие возможности для распространения соответствующих морфем в различных семантических группах лексики. Так, помимо новых терминов 'происходить, рождаться', 'потомство', были образованы в отдельных индоевропейских языках термины 'обрабатывать, возделывать' (лат. *colō*), 'населять' (лат. *colō*, *in-colō*), 'пасти, разводить скот', ср. греч. βου-κόλος 'пастух'.

Что касается материально примыкающих сюда названий частей тела, то они в отдельных случаях могут продолжать значение 'вертеться', что, например, вероятно для названия шеи — нем. *Hals*, лат. *col* ('то, что вертится'), ср. аналогичные поздние примеры вроде нем. *Wirbel*,

---

[18] Л. Милетич. Книжнина и езикът на банатските българи, IV. Словарь. — СбНУ, кн. XVI—XVII, 1900, стр. 475.

[19] Gejza Horák. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955, стр. 153.

[20] I. Огієнко. Місцеві закарпатські вирази. — „Рідна мова", № 5, стр. 185—188.

[21] Нам совершенно неясны мотивы, побудившие В. Махека отказаться от очевидной этимологии и объяснять слав. *čeljadь* как в высшей степени сомнительное сложение усилительного префикса *če-* и корня *ljadь* с редукцией долгого дифтонга *jāu*, ср. *ljudъ* (V. Machek. Expressive Vokaldehnung in einigen slavischen Nomina. — „Zeitschrift für Slawistik", Bd. I, Heft 1, 1956, стр. 39—40).

[22] P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 230.

[23] См. Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 56.

Wirbelsäule 'позвонок, позвоночник' (собств. 'вертушка, то, что вертится'). В то же время для значительного числа других материально близких названий частей тела — слав. *kolěno*, *čelo* и др. — более вероятна связь с **kᵘel-* 'происходить, становиться, рождаться', что подтверждается аналогичными отношениями словопроизводства и.-е. **ĝen-*.

К этой многочисленной семье и.-е. **kᵘel-* принадлежит и греч. καλός, κάλλος 'красивый, красота'[24], ср. тот же корень в литовск. *kilningas* 'красивый, нарядный', *kilnà* 'красота'[25], а также совершенно аналогичное по образованию польск. *uroda*, укр. *урóда*, *врóда* 'красота', *вродливий* 'красивый', произведенное от термина 'родиться'.

Типичным для славянского и отличающим его от других индоевропейских языков, в том числе и от балтийских, является исключительное употребление в значениях 'род, рождать(ся)' местных названий; ср. ст.-слав. родъ, родити. Это чисто славянское новшество, которое, однако, представляет собой в сущности лишь новое использование древних индоевропейских морфем. Но весьма чувствительный пробел в балтийском словаре, обычно чрезвычайно облегчающем сравнительную реконструкцию древних форм, сказался отрицательно и на изучении этого слова, история которого не вполне выяснена до сих пор. В славянском существует ряд слов, фонетически близких к родъ, родити: русск. *радéть* 'стараться', сербск. *рад* 'работа', русск. *рад*, ст.-слав. расти. Сопоставим семантически более близкие родъ, родити: расти. Эти формы сравниваются с санскр. *ṛdháti* 'процветает, удается; совершает'[26], латышск. *rads* (= ст.-слав. родъ)[27], форма с начальным плавным считается здесь исконной[28].

Противоположная точка зрения наиболее ярко представлена А. Брюкнером. А. Брюкнер справедливо указывает на отсутствие в известной работе Торбьернссона[29] формы *-ord-*, к которой в итоге славянской метатезы плавных могут восходить формы с основой *rad-*, и критикует также „Балто-славянский словарь" Траутмана, где выделяется шесть особых древних форм: *rada-* 'рождение', *rāda-* 'радостный', *rādei* 'для, ради', *radeiō* 'заботиться', *rādītēi* 'показывать', *randō* 'находить'. Однако мысль о метатезе проведена Брюкнером недостаточно последовательно, он говорит лишь о слове *рад* < **ārda-*, ср. имя Ἀρδιγαστ 'Φιλόξενος' (VI в.), = Radigost[30].

Старая точка зрения о ст.-слав. родъ < балто-слав. **rada-* опирается также на специальный закон, выдвинутый Э. Лиденом[31], согласно которому в этом случае, как и в ряде других, в балто-славянском перед *r* выпало начальное неслоговое *u̯*, т. е. **rada-* < **u̯rada-*. Это дает возможность сравнить его с санскр. *vrā́dhant* 'торчащий, выдающийся'[32]. С этим, однако, далеко не все согласны[33]. Вообще закон Лидена не принадлежит

---

[24] Ю. Покорный (стр. 524) без видимой необходимости помещает это слово изолированно под и.-е. *kal-* 'красивый, здоровый'.

[25] См. P. Skardžius. Указ. соч., стр. 115.

[26] C. C. Uhlenbeck, стр. 34.

[27] И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, стр. 195; специально о латышск. *rads* 'родственник', *radît* 'родить' см. K. Mülenbach, III, стр. 462.

[28] R. Trautmann, BSW, стр. 234.

[29] T. Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquidametathese, Upsala, I—1901, II—1903.

[30] A. Brückner. Wörter und Sachen. — KZ, Bd. 45, 1913, стр. 108, сноска 1, его же. Mythologische Thesen. — AfslPh, Bd. 40, 1926, стр. 12—14.

[31] E. Lidén. Ein baltisch-slavisches Anlautgesetz. — „Göteborgs Högskolas Års-skrift", Bd. V. Göteborg, 1899.

[32] См. так же K. Brugmann, KVGr., стр. 108; W. Vondrák, Bd. I, стр. 283.

[33] См. необходимые библиографические сведения: А. Преображенский, т. II, стр. 209.

к числу вполне проверенных достижений сравнительного языкознания. Так, отдельные случаи, на которые распространяли этот закон, можно объяснять иначе[34], в других случаях в том же положении *v* в славянском сохранилось: *врать* — ср. санскр. *vratám*[35]. Далее, ст.-слав. родъ состоит в очевидном родстве с формами, не имеющими ничего общего с и.-е. **u̯eredh-*, **u̯erədh-*, из которого некоторые исследователи объясняют ст.-слав. родъ, родиги[36], а именно: ср.-в.-нем. *art* 'происхождение, род', нем. *Art* 'вид, способ', сопоставляемое Р. Мерингером[37] с ст.-слав. родъ 'происхождение, род'; арм. *ordi* 'сын', которое X. Педерсен[38] вслед за Видеманом сравнивает с ст.-слав. родъ, сюда же санскр. *rādhnōti* 'выполняет, совершает' < **erdh-*, **ordh-*, **redh-*, **rodh-;* ср. также арм. *urǰu* (< **ordyu* : *ordi*) 'пасынок'[39]. Сюда же, по-видимому, относится и хеттск. *ḫardu-* ср. р. 'правнук (?), потомок'[40], и хеттск. иероглифич. *ḫartu-* 'праправнук'[41] с *ḫ* ларингальным, т. е., возможно, из и-.е. **ə̯ordho-*.

Ср., далее, группу, близкую по значению к ст.-слав. расти и родственную ему в этимологическом отношении: др.-исл. *ǫrđugr* 'крутой, возвышенный'[42], лат. *ardu-os*, ирл. *ard* 'высокий, большой'[43], ср. галл. *ārdu-* (*Arduenna silva*), вал. *ardd-* 'высокий'[44], сюда же лат. *arbor* 'дерево', тохарск. А *orto* 'вверх'[45]. Представленные индоевропейские формы правильно объясняются из **ə̯ordh-*, **ə̯orədh-*. Лат. *arduus* точно соответствует и.-е. **ə̯ord(h)-uo-* (*ə̯* перед гласным обычно не оставляет следов, *ŏ* индоевропейское > *ă* южных индоевропейских языков, согласно Ю. Куриловичу). Объясненное таким образом лат. *arduus* не может быть сопоставлено с греч. ὀρθός, Ϝορθός[46], поскольку **ə̯ordh-* не соответствует **u̯ordh-* греческого слова. Точно так же, видимо, следует отграничить от форм **ə̯ordh-* и все остальные формы, восходящие, как и греч. Ϝορθός, санскр. *vr̥̄dhant*, к **u̯ordh-*, **u̯r̥̄dh-*.

После необходимых уточнений остается группа слов, близких в фонетическом и семантическом отношении. Значения ст.-слав. родъ, арм. *ordi*, *urǰu* 'сын, пасынок', хеттск. *ḫartu* 'правнук, праправнук' представляют собой результат вторичного развития определенного первоначального значения, которое, возможно, отражено в слав. **orstǫ*, ст.-слав. растѫ, расти, ср. лат. *arbor* 'дерево', а также многочисленные примеры значений 'высокий, верх', которые можно понять как 'выросшее, выросший и под. Упоминавшееся выше ср.-в.-нем *art* 'происхождение, род' значило' в древневерхненемецком только 'пахота, aratio' (≤'выращивание'?). Выяснение отношений к **or-* 'пахать' увело бы нас в сторону, тем более,

---

[34] Например, слав. *rota* 'клятва, присяга' — не из ** u̯rota*: санскр. *vratám*, а из **rokta*: **rekti* (об этом подробнее см. мою статью „Славянские этимологии 8—9". — „Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов". София, 1957, стр. 339.

[35] См. А. Преображенский, т. I, стр. 100.

[36] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 289—290.

[37] R. Meringer. Wörter und Sachen, II. — IF, Bd. 17, 1904, стр. 123—124.

[38] H. Pedersen. Armenisch und die Nachbarsprachen. — KZ, Bd. 39, 1904, стр. 360.

[39] S. Bugge. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache.— KZ, Bd. 32, 1891, стр. 23; его же. Zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. — IF, Bd. 1, 1892, стр. 451.

[40] Формы приведены в словаре J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954, стр. 61.

[41] Там же, стр. 335.

[42] S. Bugge. Zur etymologischen Wortforschung. — KZ, Bd. 19, 1870, стр. 402—403.

[43] K. Brugmann, KVGr., стр. 521.

[44] R. A. Fowkes. The Phonology of Gaulish. — „Language", vol. 16, 1940, стр. 295.

[45] J. Pokorny, стр. 339.

[46] J. Kuryłowicz. Études indo-européennes, I. Kraków, 1935, стр. 111.

что оно выходит за рамки нашей работы. В данном случае удовольствуемся определением и.-е. **əordh-* и его рефлексов как замкнутой самостоятельной группы слов с вполне закономерным развитием значений 'расти' || 'растить' > 'рождать'. А. Брюкнер был довольно близок к истине, когда говорил, что родъ, родити означало сначала 'успех, процветание', 'урожай', прибыль', 'забота'[47].

После краткого рассмотрения истории нескольких терминов 'род, рождаться' в индоевропейском и славянском обратимся к очень интересному вопросу о сохранении следов и.-е. **ĝen-* 'рождать(ся)' в славянских языках. Естественно, такие следы, о существовании которых можно лишь догадываться, сильно завуалированы, так как мы имеем дело с обломками словопроизводных отношений.

Русск. *зноби́ть* стоит совершенно обособленно в кругу русской и вообще славянской лексики[48]. Попытки объяснить это слово в рамках славянского словаря неудачны: Миклошич[49] и А. Погодин[50] сближают его с семантически близким *зя́бнуть* 'мерзнуть', причем Погодин предлагает совершенно невероятное **zьm-no-b-īti* (к *zīma*), что можно без колебания отбросить[51]. Этимология слова остается неясной. Это объясняется происшедшим в какую-то эпоху жизни слова резким сдвигом его значения. Современное, на наш взгляд, вторичное значение русск. *зноби́ть: меня знобит* 'я испытываю дрожь от холода, простуды и т. п.' сменило какое-то первоначальное значение в этом, очевидно, древнем слове, для которого закономерно предположить первоначальную фонетическую форму **ĝnŏbh-*. Эта форма хорошо объясняется как производная от и.-е. **ĝen-* 'рождать(ся)' при помощи суффикса *-bh-* : **ĝ(e)nŏbh-* со значением 'родной, родственный'. Она была вполне естественно использована, например, для обозначения 'мальчика (сына)' в нем. *Knabe*[52]. Использование этого же производного для обозначения дрожи, простудной лихорадки, т. е. недуга, тоже в природе вещей. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из примеров древних табу: лихорадочная дрожь, воспринимавшаяся как действие злых сил, эвфемистически называлась 'родная', 'родственная'. Таких эвфемизмов среди народных названий болезней известно много. Доводом в пользу приведенного предположения может служить факт употребления глагола *знобить* только в безличных конструкциях: *его знобит*, ср. порожденные теми же представлениями: *лихорадит*, *громом убило*.

В этой связи очень поучительна история слав. **zębati* и **zębnǫti*. Значение первого — 'прорастать, расти', ср. русск. *прозяба́ть*[53], сербск. *зѐбати* то же, сюда же русск. *зябь* 'поле, вспаханное осенью для посева весной'. Сравнение с литовск. *žémbėti* 'прорастать' показывает древность названных значений. В форме и.-е. **ĝembh-*, которую обычно указывали как исходную, мы опять-таки видим **ĝenbh-*, **ĝenəbh-*, причем на этот раз развитие значений слишком очевидно: 'рождаться, быть рожденным' > прорастать, давать ростки'.

---

[47] AfslPh, 40, 1926, стр. 12—14.

[48] См. А. Преображенский, т. I, стр. 254.

[49] F. Miklosich, стр. 401.

[50] А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903, стр. 197.

[51] Обстоятельная попытка реабилитации этого старого сближения предпринята в последнее время В. Махеком [См. V. Machek. Česká a slovenská slovesa typu *hanobiti* (odvozená ze jmen na-oba). — „Naše řeč", roč. 38, seš. 7—8, 1955, стр 207 и след.].

[52] Оригинальное местное развитие значения представлено в укр. диал. *зáзнобка* 'шрам, ожог', 'позор' (Є. Желеховский. Малоруско-німецкий словар, т. I, Львів, 1886, стр. 245).

[53] Из старославянского, см. А. Преображенский, т. I, стр. 259—260.

Русск. *зя́бнуть* и родственные, несомненно, того же происхождения, что и **zębati*. Их внешняя близость достаточно ясна: *зя́бнуть* — форма с суффиксом *-ну-* (*-nǫ-*) от этой же глагольной основы. Менее выяснены смысловые отношения слов *зябнуть* 'мерзнуть' — *прозябать* 'расти'. Значение 'мерзнуть', несомненно, вторично, о чем говорят точные индоевропейские этимологические связи слова. Было бы неправильно разбивать это единое этимологически слово на два омонима, что чувствовал уже Миклошич [54]. Искусственный характер поисков для *зябнуть* 'мерзнуть' „своей" этимологии тоже очевиден. Сравнению *зябнуть* с *зима* мы предпочтем достоверное сближение *зябнуть* (вместе с *-зябать*) с литовск. *žémbėti*. Родство форм *знобить : зябнуть* не оставляет сомнений, но их следует объяснять не как чередование *ne* : *n̥* [55], а скорее как варианты одного корня *zno-*: *zen-*, восходящего к индоевропейским формам со значением 'рождать(ся)'. В пользу предположения варианта *zen-* в *зябнуть* говорит старая акутовая долгота, которая была бы несовместима со ступенью редукции *n̥*: литовск. *žémbėti*, русск. *зя́бну*, *зя́бнуть* с неподвижным ударением. Вторичный перенос значений (→ 'мерзнуть') либо аналогичен переносу в случае с *знобить*, либо объясняется абстракцией от конкретного значения, связанного с земледелием: вспашка, посев в начале холодной поры, прорастание в холодную пору > 'мерзнуть вообще', в сербском даже 'бояться'.

Наконец, сюда же слав. *zǫbъ* 'зуб', литовск. *žam̃bas* 'край', др.-исл. *kambr* 'гребень', санскр. *jámbha-* 'челюсть'. Их обычно объясняли из **ĝombho-s* 'зуб, орудие раздробления' [56]. Эта этимология не может считаться точной. Нетрудно прежде всего заметить, что предположенное первоначальное значение совершенно не объясняет всех исторически засвидетельствованных значений, ср. литовск. *žam̃bas* 'край', нем. *Kamm* 'гребень'. К тому же древнее индоевропейское название зуба широко известно в совершенно иной форме. Поэтому **ĝombho-s* точнее объясняется из **ĝon-bho-s* с вокализмом *o* к тому же *ĝen-* 'рождать(ся)': **ĝon-bho-s* 'выросшее' > 'выступ', ср. значение 'край' в литовском, 'гребень' в германском, факультативное в некоторых индоевропейских диалектах — 'зуб', вытеснившее старое название. Такое семантическое развитие имеет много близких аналогий, ср. выше примеры 'расти' > 'высокий' [57]. На связь слав. *zǫbъ*, греч. γόμφος, санскр. *jámbha-* с **ĝen-* через **ĝon-bho-s* указывал еще Г. Гюнтерт [58], но в его рассуждении известные нам отношения поставлены на голову: видя в греч. γόνυ 'колено', γένυς 'подбородок' древнее значение 'угол, изгиб', Гюнтерт объясняет из последнего значение 'род' как вторичное (!).

Наконец, ст.-слав. зѧбѫ 'dilacerare' [59] стоит в прямой связи со ст.-слав. зѫбъ 'зуб'. Точно так же вторично значение др.-инд. *jambháy-*, авест. *zembay-* 'дробить', обусловленное влиянием упомянутого *jámbha-*.

Из истории и.-е. **ĝen-*, *ĝenə-*
1. К развитию значений 'рождать(ся)' > 'знать'

Общеиндоевропейскому словарю известны, на первый взгляд, различные основы **ĝen-* 'род, рождаться' и **ĝen-* 'знать'. Глубокие семанти-

---

[54] F. Miklosich, стр. 400 и след.

[55] Как предлагает Ю. Курилович (J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 117).

[56] А. Преображенский, т. I, стр. 258, там же дана литература вопроса.

[57] Ср. P. Skardžius. Указ. соч., стр. 28 (литовск. *žémbėti* 'прорастать': *žam̃bas* 'край').

[58] H. Güntert. Weiteres zum Begriff „Winkel" im ursprünglichen Denken. — WuS, Bd. 11, 1928, стр. 124 и след., 136.

[59] F. Miklosich, стр. 400.

ческие различия, а также самостоятельное развитие обеих основ во всех индоевропейских языках побудили большинство лингвистов считать их случайными омонимами[60]. Соответственно этому обычно полагают, что балто-славянский язык совершенно утратил **ĝenə-*, **ĝnē-* 'рождать(ся)', сохранив только **ĝenə-*, **ĝnē-* 'знать'[61].

Однако почти полное тождество и.-е. **ĝen-* I и **ĝen-* II вплоть до отдельных форм служило постоянным источником сомнений в верности их разграничения. Сомнения эти высказывались неоднократно и с разных точек зрения. К. К. Уленбек[62] считает вероятным для них общее древнейшее значение 'мочь, быть в состоянии'. Г. Гюнтерт[63] определенно видит в них единую основу, исходя, однако, из ошибочных положений (см. выше). Подробно резюмирует состояние этого вопроса в литературе А. В. Исаченко[64], одновременно предлагающий на основании некоторых новых материалов оригинальное решение. Исаченко высказывает справедливое сомнение в реальности исконно раздельного существования и сохранения двух столь тождественных в своих формах слов. Он подчеркивает специальную заслугу Д. Томсона в установлении семантической близости понятий 'знать' и 'родиться'[65]. Решающей при этом А. В. Исаченко считает вслед за Д. Томсоном близость понятий 'знак', 'имя' и 'родство, род, родить'. Томсон акцентирует тот факт, что член рода знает своих сородичей по родовому знаку. Соответственно этому и Исаченко обращает главное внимание на связь и.-е. **ĝenos* 'род' и **ĝenə-mn̥* 'родовой знак; члены рода, объединенные общим родовым знаком'[66]. В принципе не вызывает возражений мысль Исаченко о том, что „новейшие исследования в области родового устройства индоевропейцев показывают тесную связь как семантическую, так и материальную между понятиями 'род' и 'родовой знак'"[67]. Вместе с тем важность, которую он придает именно понятию родового знака в генезисе значений 'знать', представляется нам преувеличенной. Выходит, что 'знаю' (**ĝnō-*) первоначально имело смысл: 'знаю по родовому знаку'.

Этот ход мыслей нельзя назвать удачным прежде всего потому, что он отнюдь не вытекает с необходимостью из известных фактов, которые говорят о происхождении значения 'знать' и всех близких вторичных значений, включая и названия родового знака, из значения 'род, рождаться' (в данном случае речь идет только о семантическом развитии индоевропейской основы **ĝen-*, а не обо всех случаях происхождения терминов 'знать' в индоевропейских языках). В то же время мысль о первичности значения 'родовой знак' ничем не подтверждается. Исторически несомненное существование таких знаков, понятно, само по себе ни к чему не обязывает при исследовании истории значения 'знать'. Несколько предвзято выглядит также стремление видеть в образованиях

---

[60] Ср. O. Bremer. Germanisches Ē. — „Beiträge", Bd. 11, 1886, стр. 277; F. A. Schröder. — „Beiträge", Bd. 43, стр. 495 и след.; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch. . ., стр. 316—317; Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 578; J. Pokorny, стр. 373, 376.

[61] A. Meillet. Les origines du vocabulaire slave. — RÉS, t. 5, 1925, стр. 6.

[62] C. C. Uhlenbeck, стр. 98.

[63] H. Güntert. Указ. соч., стр. 130 и след. В омонимичности **ĝen-I* и **ĝen-II* сомневается А. Мартине (A. Martinet. Non-Apophonic ŏ in Indo-European. — „Word", vol. 9, 1953, стр. 258).

[64] A. V. Isačenko. Príspevok k štúdiu najstarších vrstiev základného slovného fondu slovanských jazykov. — „Studie a práce linguistické na počest. . . B. Havránka", I. Praha, 1954, стр. 114—130.

[65] G. Thomson. Aeschylus and Athens. London, 1950, стр. 429—430, примеч. 58.

[66] A. V. Isačenko. Príspevok k štúdiu..., стр. 122.

[67] Там же.

с *-men/mn̥*, более того — в самом суффиксе *-men/mn̥* древнее значение 'знак'[68]. Во-первых, область применения *-men/mn̥* в индоевропейском несравненно шире, ср. древние, отнюдь не аналогические образования и.-е. **ĝhei̯-mn̥* 'зима', **sreu̯-mn̥* 'поток': греч. ῥεῦμα, фракийск. Στρυμών, польск. *strumień*. Очевидно также, что слав. *znamę* 'знак, метка' имеет вторичное значение, если учесть древность типа *-men/-mn̥*, ср. этимологически тождественное лат. *germen* 'зародыш', а не 'родовой знак' — из **gen-men* < **genə-mn̥*, типично отглагольного имени: **ĝenə-* 'рождаться'. Во-вторых, нет никаких оснований для поисков знаменательного значения у и.-е. **men/mn̥*, которое относится к числу древнейших словообразовательных формантов индоевропейского. Это так же бесполезно, как, например, видеть вместе с Г. Хиртом в суффиксальном оформлении и.-е. **ĝenos*, род. п. ед. ч. *ĝenesos* следы и.-е. **es-* 'быть'.

На основании вышесказанного нам представляется необходимым для выяснения реального генезиса значения 'знать' указать, что между ним и значением 'рождаться' не стояли какие-либо названия родового знака. Напротив, значение 'знак' вторично, оно произведено в ряде случаев от основы с уже сложившимся значением 'знать', ср. слав. *znakъ*, литовск. *žénklas*[69]. Значения 'рождаться ~ быть в родстве' и 'знать' связаны непосредственно.

Об этом говорит интересная особенность словоупотребления, не случайно хорошо сохранившаяся в ряде индоевропейских языков. Изучение истории употребления термина 'знать' позволяет установить отличные сферы употребления для разных индоевропейских основ со значением 'знать'. Так, наряду с **ĝenə-* 'знать' индоевропейские языки знают другой важный корень: **u̯oid-*, ср. греч. οἶδα, слав. *věděti* и родственные. Сравнение **ĝenə-* и **u̯oid-* показывает, что они не были синонимичны и четко разграничивались в употреблении. Приведем несколько характерных примеров из разных индоевропейских языков. По-гречески в выражениях 'знать человека' выступал обычно только глагол γιγνώσκω, продолжающий **ĝnō-*: γιγνώσκειν τὸν Λύσανδρα, γιγνώσκω τον ἄνδρα, но не οἶδα τον ἄνδρα. Последнее — греч. οἶδα — достаточно ясно обнаруживает „вещное" значение: 'знаю что'[70]. Это довольно последовательное употребление **ĝnō-* 'знать', не смешивавшееся первоначально с функциями **u̯oid-* 'знать', прослеживается и в других индоевропейских языках, в том числе в современных. Так, известным правилом немецкого языка является словоупотребление, аналогичное греческому: ich *kenne* den Menschen 'я знаю (этого) человека', где *kennen* восходит к тому же **ĝ(e)nō-*, что и γιγνώσκω. Немецкий, сохранивший очень активный рефлекс и.-е. **u̯oid-* *wissen*, до сих пор использует *wissen* только в исконном „вещном" значении, а *kennen* — в описанных типичных ситуациях. В отдельных славянских языках также сохранились определенные сферы употребления индоевропейских основ: польск. *znam* tego człowieka, но *wiem* co mię czeka, чешск. *znám* teho člověka, но vím, co mě čeká.

Нарушения отмеченного древнего разграничения происходили в порядке экспансии рефлексов **ĝen-*, **ĝnō-* 'знать' в семантическом отношении за счет рефлексов **u̯oid-* в различных „вещных" значениях последнего, ср. нем. ich *kenne* das Buch. Употребление рефлексов и.-е.

---

68 A. V. Isačenko. Príspevok k štúdiu..., стр. 122.

69 Повторяем, что это никак не ставит под вопрос существование и важность самих родовых знаков.

70 В менее ясных случаях, где οἶδα как будто выступает в значении 'знаю человека' (ср. ᾔδεσαν αὐτόν τεθνηκότα 'знали, что он умер'), на самом деле представлена типично греческая конструкция с двумя винительными, выражающая прежде всего отношение οἶδα к факту, событию, а не к человеку непосредственно: 'знали, что умер'.

*u̯oid- соответственно сокращалось в ряде индоевропейских языков, в одних незначительно, в других весьма последовательно, примером чего являются русский и английский с их абсолютным употреблением в обоих значениях в первом — глагола *знать*, во втором — родственного *know*. Уже эти наблюдения показывают, что мы имеем дело с закономерными отношениями.

Следует вывод: если и.-е. **ĝenə-*, **ĝ(e)nō-* 'знать' исконно употреблялось в индоевропейском только в словосочетаниях типа 'знаю человека' (в отличие от **u̯oid-*), то в этом нужно видеть еще один весьма веский довод в пользу этимологического происхождения **ĝen-* 'знать' от **ĝen-* 'рождать, рождаться, быть родственным'. Примерное развитие значений: 'быть родственным, единокровным [человеку]' > 'знать [человека]'. Таким образом, **ĝen-*II 'знать' обозначало, по-видимому, знакомство между людьми, первоначально как родовую, кровнородственную близость. Для большей ясности приведем один интересный санскритский пример, использованный в свое время В. Шульце[71] для подкрепления мысли об этимологической связи санскр. *jñāti* 'родственник' и *jñā* 'знать' (к сожалению, без каких-либо дальнейших комментариев): puruṣam upatapinam *jñātayaḥ* paryupāsate *jānasi* mām *jānāsi* māmiti 'Вокруг смертельно больного человека сидят его родственники (*jñātayaḥ*) и спрашивают его: „Узнаешь ты меня? Узнаешь ты меня? (*jñā*)'. Таким образом, термин 'знать' оказывается связанным с древнейшим термином родства, родового строя. История наиболее важных индоевропейских терминов 'знать' сводится к следующей схеме:

**ĝen-*I 'рождаться, быть в родстве' → **ĝen-*II 'знать [человека]';
**u̯eid-* 'видеть' → **u̯oid-* 'знать [вещь]'[72].

Следовательно, кроме удивительного единства форм **ĝenə-*I и **ĝenə-*II, о реальности единого древнего и.-е. **ĝenə-* 'рождаться' свидетельствует также четкое семантическое развитие, вызвавшее позднейшую дифференциацию двух **ĝenə-*, которая принципиально не отличается от общепризнанной дифференциации **u̯eid-* и **u̯oid-*.

Попутно отметим тот интересный факт, что индоевропейский язык, как видно, не знал единого абстрактного термина 'знать'. Об этом говорит явно вторичное происхождение обоих терминов 'знать', которые восходят к специальным конкретным обозначениям. Такое положение вполне соответствует материалистическому закону познания в простейшей форме: от состояния (**ĝen-* 'быть в родстве') или ощущения (**u̯eid-* 'видеть') — к знанию, представлению (**ĝen-* 'знать', **u̯oid-* 'знать'). Другие примеры подобного развития: и.-е. **sek$^{u̯}$-*, лат. *sequor*, греч. ἕπομαι 'следовать', литовск. *sekti* 'следить', слав. *sočiti* 'указывать', 'искать', нем. *sehen* 'видеть'[73] — ср. хеттск. *sak-* 'знать'; хеттск. *u-*, *au-*, *auš-* 'видеть': слав. *умъ*, русск. *ум* < **ou-mo-s*, ср. также слав. *uměti* 'уметь, знать'.

След старого значения и.-е. **ĝen-*I сохраняется в старом собирательном с суффиксом *-ti-*: слав. *znatь*, русск. *знать* 'известные, знатные, родовитые люди'[74], которое А. Матль[75] правильно сближает с др.-в.-нем. *knuot* 'род', санскр. *jñātiḥ* 'родственник'.

---

[71] W. Schulze. Lesefrüchte. — KZ, Bd. 63, 1936, стр. 113.

[72] Ср. Hanns Oertel. Idg. *voida* 'ich habe gesehen' = 'ich weiß'. — KZ, Bd. 63, 1936, стр. 260 и след., там же указана литература вопроса.

[73] Сюда же с вторичным значением литовск. *sakyti*, нем. *sagen* (из прагерм. **sahán*, согласно закону Вернера) 'говорить'.

[74] Ср. J. F. Lohmann. Das Kollektivum im Slavischen. — KZ, Bd. 58, 1931, стр. 209.

[75] A. Mátl. Abstraktní význam u nejstarších vrstev slovanských substantiv (kmenu souhlaskových). — „Studie a práce linguistické na počest. . . B. Havránka", I. Praha, 1954, стр. 137.

2. К проблеме образования названий частей тела

Эта проблема затрагивается здесь постольку, поскольку она связана с историей терминов 'рождать', в первую очередь *ĝenə-. Этот вопрос в высшей степени интересен, кроме того, он нуждается в критическом освещении, потому что суждения в литературе по этому поводу довольно противоречивы. Сюда относится не только определенный момент истории и.-е. *ĝenə- 'рождать', но и совершенно аналогичный момент истории и.-е. *k^{u}el- 'происходить' и некоторые близкие явления в истории значений других основ. Здесь для удобства изложения, а также ввиду важности и.-е. *ĝenə- проблема образования ряда названий частей тела рассматривается как второй из разбираемых моментов истории и.-е. *ĝenə- 'рождать'.

В литературе, как правило, и.-е. *ĝen- 'рождаться' отделяется от *ĝenu-, *ĝōnu-, *ĝonu-, *ĝneu-, *ĝnu- 'колено', а также от названий других частей тела, содержащих *ĝen-, ср. лат. *gena* 'щека', др.-инд. *hanu-ḥ* 'подбородок', нем. *Kinn* то же, готск. *kinnus* 'щека'[76]. Но это не единственная точка зрения. Так, еще Я. Гримм объединял греч. γόνυ 'колено', γένυς 'подбородок' не только с *ĝen- 'рождать', но и с *ĝen- 'знать'. Р. Бак[77] пытается обосновать это сравнение очень остроумной аналогией. Он указывает на существование египетского иероглифа 'рождать, рождение, беременность', который представляет собой изображение стоящей на коленях рожающей женщины, что должно отражать обычное положение египетской роженицы. Р. Бак ссылается на мнение гинекологов, что такое положение при родах — самое естественное, указывая при этом на широкую его распространенность в античной древности и позднее в народных массах разных стран. На основании этого Р. Бак заключает, что в сознании и языке древних индоевропейцев 'роды, рождение' было запечатлено как 'коленопреклоненное положение' ('Knien') по характерному внешнему признаку. Отсюда и глагол 'рождать', ср. франц. *accoucher* 'рождать, родить', собств. 'лечь в постель'. Р. Бак обращает внимание на любопытный факт отсутствия индоевропейского глагола 'стоять на коленях', который, например, есть в немецком: *knien*.

Сообщение Р. Бака подкупает своим остроумием, обилием фактов. Оно безукоризненно в семантическом отношении, чего никак нельзя сказать о попытках других авторов исходить в этимологическом объяснении названий частей тела и терминов 'рождать' с основой *ĝen- из маловероятного значения 'угол, изгиб'. Однако согласиться с объяснением Р. Бака не позволяют другие, не учтенные им факты. Если признать развитие значений *ĝen-: 'колено' > 'стоять на коленях' > 'рождать' то названия других частей тела (ср. лат. *gena* 'щека', нем. *Kinn* 'подбородок'), связь которых с упомянутым *ĝen- нельзя отрицать, останутся без объяснения или придется прибегать к разного рода натяжкам. Ведь о переходе значений 'колено' > 'подбородок', 'щека' вряд ли можно говорить всерьез. Близкие к Р. Баку наблюдения опубликовал З. Шимоньи[78], не сообщающий никаких новых фактов. Согласно Шимоньи, 'колено' > 'род'. В одном только с ним следует безусловно согласиться: „для родства *genus* 'род' и *genu* 'колено' нет, как видно, ни фонетических, ни

[76] F. Kluge. Sprachhistorische Miszellen. — „Beiträge", Bd. 8, 1882, стр. 527—528; его же. Sprachhistorische Miszellen. — „Beiträge", Bd. 9, 1884, стр. 193; A. Walde. Указ. соч., стр. 337, 339; Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 586—587; J. Kuryłowicz. Études indoeuropéennes, I, стр. 7; S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch. . ., стр. 312.

[77] R. Back. Medizinisch-Sprachliches. — IF, Bd. 40, 1922, стр. 162—167; ср. еще J. Klek. Nachträgliches. — IF, Bd. 44, 1927, стр. 79—80.

[78] S. Simonyi. Knie und Geburt. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 152—154.

семантических препятствий". [79] Р. Мерингер [80] тоже склонен придавать слишком большое значение названию колен в развитии всех прочих значений и.-е. **ĝen-*.

Мнения авторов в деталях весьма различны. Э. Бенвенист [81] увязывает согдийское *z'tk* 'сын' и *z'nwk* 'колено', понимая первое как fils du genou', ср. аналогичные др.-ирл. *glún-daltae* 'nourrisson du genou' и др.-сакс. *cnéo-mæg* 'parent direct', отражающие обычай, по которому отец, признавая ребенка законным, сажает его себе на колени. Э. Бенвенист, в частности, высказывается против связи с рождением и сомневается в приемлемости объяснения Р. Бака. Об описанном обычае признавать ребенка законным, сажая его на колени, говорит А. Мейе [82], производя лат. *genuīnus* 'законнорожденный' не от *genus* 'род', а от *-u*-основы *genu* 'колено', отрывая последнее от названий 'род, рождать'. При этом А. Мейе не замечает, что отмеченное И. Фридрихом [83] и приводимое им самим хеттск. *genu* ед. ч. 'половой орган' (мн. ч. 'колени') скорее свидетельствует о неисконности значения 'колено' и о связи с **ĝen-* 'рождать'.

О значительном интересе лингвистов к словообразовательным отношениям этих форм свидетельствует тот факт, что в одном только 27-м томе „Бюллетеня Парижского лингвистического общества", были подряд помещены три статьи, анализировавшие соответствующие формы: Э. Бенвениста, А. Мейе и М. Каэна. М. Каэн [84], имея в виду все тот же обычай признания ребенка своим, приводит материал из германских языков: др.-исл. *setja í kné* 'сажать на колени' > 'усыновлять', *knésetja* 'усыновлять', *knésetningr* 'приемный сын' — примеры счета кровного родства коленами в германском, в чем М. Каэн видит, однако, лишь использование названия колена. Он считает также, что герм. **knewa-* 'колено' лишь позднее было вовлечено в семантический круг **kunja* 'род'. Далее М. Каэн предлагает на выбор две гипотезы, которые должны объяснить роль колена в терминологии родства: 1) от употребления в значении 'узел' в народной речи, ср. др.-исл. *kné* 'узел, сплетение' или 2) от сравнения родственных связей со связями, которые существуют между частями тела; причем сам Каэн присоединяется ко второй точке зрения.

Не говоря уже о чисто лингвистических возражениях, существо которых ясно из сказанного выше, методологически неверна сама мысль о метафорическом переносе названия 'колено' на различные отношения родства. Во-первых, потому, что одним метафорическим употреблением слова из иной семантической группы лексики просто невозможно объяснить последовательность словообразовательных связей между соответствующими терминами — 'род, рождать': 'колено' — в различных индоевропейских языках (причем, не только в случае с и.-е. **ĝen-*). Ясно, что такую последовательность можно истолковать только как древнюю этимологическую связь между **ĝen-* 'род, рождать' и **ĝen-* 'колено'. Во-вторых, было бы просто неосторожно предполагать без достаточных оснований для древнеиндоевропейской родовой терминологии картинную метафоричность, которая подстать Менению Агриппе в „Кориолане" Шекспира,

---

[79] Там же.

[80] R. Meringer. Spitze, Winkel, Knie im ursprünglichen Denken. — WuS, Bd. 11, 1928, стр. 118 и след.

[81] E. Benveniste. Un emploi du nom du „genou" en vieil-irlandais et en sogdien. — BSL, t. 27, 1926, стр. 51.

[82] A. Meillet. Lat. *genuīnus*. — BSL, t. 27, 1926, стр. 54—55; Ernout — Meillet, t. I, стр. 485—486.

[83] J. Friedrich. Einige hethitische Etymologien. — IF, Bd. 41, 1923, стр. 372 и след.

[84] M. Cahen. „Genou", „adoption" et „parenté" en germanique. — BSL, t. 27, 1926, стр. 56—57.

сравнивающему в изысканном монологе отношения социальных слоев римского общества с отношениями между различными частями тела. И опять-таки исследователи вместе с М. Каэном не смогут объяснить образование несомненно родственных названий других частей тела: греч. γένυς 'щека, подбородок, челюсть', γνάθος 'челюсть', литовск. *žándas* 'челюсть, скула', готск. *kinnus* 'щека', лат. *gena* 'щека', нем. *Kinn* 'подбородок'.

Тем не менее этимологическая связь между **ĝen-* 'рождать(ся)' и всеми этими названиями частей тела налицо. Она основана на том же семантическом развитии, что и в случае с **ĝonbho-s*, литовск. *žam̃bas*, слав. *zǫbъ*: 'рождаться' > 'вырастать' > 'выросшее, выступ'. При этом знаменательна некоторая семантическая неустойчивость, незакрепленность, проявляющаяся почти во всех образованиях такого рода. Они обозначают то щеку, то челюсть, то скулу, то подбородок, колеблясь даже в пределах одного языка, потому что все они восходят к более общему значению. Шире остальных представлено значение 'колено', закрепленное в большинстве случаев за характерным *u*-производным **ĝenu-*, **ĝonu-*, **ĝeneu-*.

Аналогичные явления наблюдаются в истории и.-е **kᵘel-* 'вертеться, происходить'. На примере этой аналогии отчетливо виден вторичный характер названий частей тела. Так, балто-славянский рефлекс **kᵘel-* имеет оба значения — 'происходить, рождаться': 'колено', как **ĝen-* в индоевропейском; в то же время отношение греч. πέλομαι 'происхожу': κέλωρ 'сын' при отсутствии родственного названия колена в греческом убедительно демонстрирует отсутствие необходимости в метафоре 'колено' > 'род', 'родственные отношения'. Как в том, так и этом случае в основе соответствующих названий частей тела лежат термины 'происходить, рождаться, род'. Обратное направление развития менее вероятно.

Следы и.-е **ĝen-* в славянском, по-видимому, не ограничиваются приводившимися примерами. Назовем предположительно еще чешск. *naznak* 'навзничь, на спину' (например, упасть), недостаточно ясное. Его членение: *na-znak*, ср. польск. *wznak*, *nawznak*, болг. *възнак* то же. Возможно, оно восходит к **ĝ(e)nō-* в значении 'спина, позвоночник', т. е. часть тела, а в конечном итоге — к **ĝen-* 'рождаться'. По характеру распространения основы ср. нем. *Knochen* 'кость' < **ĝ(e)no-k-*, ср.-в.-нем. *knoche*, которое мы также относим к **ĝen-*. Подобное развитие значения ср. у и.-е.* *ost-*, хеттск. *ḫaštai* 'кость': *ḫaš-* 'производить, рождать'. Толкование чешского слова у И. Голуба — Фр. Копечного[85], которые сопоставляют его с др.-инд. *nākas* 'небо', маловероятно. В то же время слав. *zveno*, русск. *звено*, которое И. Миккола[86] относил к греч. γόνυ 'колено', по-видимому, лучше объяснено А. Вайаном, возводящим его к **ĝhu-s* 'рыба', ср. русск. *звено рыбы*[87].

Нам представляется возможным определить в этой связи также этимологию русск. *зеница*, сербск. *зјѐница*, словенск. *zeníca*, чешск. *zenice* 'зрачок глаза', др.русск., ст.-слав. зѣница 'κόρη'. Переход к значению 'зрачок' не является уникальным в семасиологическом отношении, ср. лат. *pupilla* при *pupus* 'мальчик, дитя'. В таком случае мы имели бы в ст.-слав. зѣница и родственных еще один весьма интересный пример сохранения в славянском и.-е. **ĝen-* 'рождать'. Происхождение долготы (*ѣ* < *е*), видимо, коренится уже в конкретных условиях славянского словообразования в данном случае. Старая этимология — зѣница: *зевать*,

---

[85] Holub — Kopečný, стр. 240.
[86] J. J. Mikkola. Slavica. — IF, Bd. VI, 1896, стр. 351—352.
[87] A. Vaillant. L'ancien nom slave du „poisson". — RÉS, t. XVIII, 1938, стр. 246—248.

зиять[88] — совершенно неудовлетворительна в фонетическом отношении. Эти слова могли затем сблизиться по смыслу, ср. польск. *źrenica*, полученное в результате контаминации с группой слав. *zrěti*.

Разберем несколько названий частей тела, распространенных в отдельных индоевропейских языках, которые ведут свое происхождение от и.-е. **kᵘel-* 'происходить'. Такие формы, известные различным индоевропейским языкам, прежде всего типичны для балто-славянского, почти не сохранившего в этой функции производных от и.-е. **ĝen-* 'рождать(ся)' (возможные исключения описаны выше). Названия частей тела, восходящие к **kᵘel-*, весьма различны по своим значениям и форме объединяются вокруг нескольких основных типов.

Слав. *čelo* 'лоб', ст.-слав. чело, русск. *чело́*, сербск. *чѐло* ср. р., вероятно, < и.-е. **kᵘelóm* ср. р., т. е. формально — того же типа, что и слав. *sъto*, русск. *сто*, греч. ἑ-κατόν < и.-е **k̂m̥tóm*, слав. *jьgo*, словенск. *igô*, греч. ζυγόν < и.-е **i̯ugóm*. В пользу такого предположения говорит и акцентологическая характеристика этих слов. Этимологически родственны и морфологически тождественны славянскому *čelo* греч. κόλον 'кишки' (Аристофан, Всадники, 455)[89], κῶλον 'член' — тоже существительные среднего рода на *-n* (ударение отлично от окситонированного типа русск. *чело́*). Предположение о наличии в слав. *čelo* *-es*-основы (ср. ст.-слав. челесьнъ[90]) неосновательно, так как последняя форма может быть аналогического происхождения (ср. ст.-слав. тѣлесьнъ[91]). О возможности вторичного развития *-es*-основ говорит ст.-слав. род. п. ед. ч. ижесе — иго, при греч. ζυγόν. Ударение русск. *чело́*, согласное с ударениями других индоевропейских имен среднего рода на *-óm*, тоже противоречит предположению об *-es*-основе. Известно, что основы среднего рода на согласный, в частности *-es-*, были баритонными и обычно сохраняют это старое место ударения[92]. Тогда должно было бы быть русск. **чёло*, ср. *нёбо*, греч. νέφος < **nébhos*; *сло́во*, греч. κλέος < **k̂leu̯os*[93].

Интересным производным от **kᵘel-* является слав. *kolěno*, русск. *коле́но*. Исследователи выделяют в нем суффикс *-ěno(-ēno)*, делая оговорку о редкости подобных образований: ср. еще *polěno*, *timěno*[94]. Авторы отмечают этимологическую неясность этих слов. При таком положении коррективы в словообразовательном анализе неудивительны. Интересующее нас слав. *kolěno* является, возможно, расширением первоначальной согласной основы на *-n-*: **kolę*, **kolene*, **koleni*, ср. *jьmę*, *jьmene*, *znamę*, *znamene*. Позднее слав. *kolę* > *kolěno*. Примеры такого расширения известны: чешск. *jméno*, укр. *знамено́*. Предположение о древней согласной *n*-основе **kolen-* подтверждается существованием греч. κωλήν 'плечевая кость', аналогичного по форме λιμήν, λιμένος, ἄκμων, ἄκμονος, χειμῶν, χειμῶνος — также *n*-основам. Наличие в слав. *kolěno*, укр. *коліно* *-ēn-* вместо *-en-* может быть результатом вторичной нормализации[95]. Ср. литовск. *kelẽnas* 'коленная чашечка'[96] наряду с *kẽlis*

[88] M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 453.

[89] Цит. по KZ, Bd. 61, стр. 23—25.

[90] W. Vondrák, Bd. I, стр. 175.

[91] Так, A. Meillet. Études, стр. 235; ср. еще подобные примеры: A. Mátl. Указ. соч., стр. 150.

[92] Ср. J. Kuryłowicz. Accentuation, стр. 210.

[93] Прочие сравнения см.: E. Lewi. Etymologien. —KZ, Bd. 40, 1905, стр. 561—562: ст.-слав. чело: лат. *calva* 'череп': греч. χελέβη 'кубок': др.-в.-нем. *scala* 'Hülse'.

[94] W. Vondrák, стр. 419; Н. Дурново. Спорные вопросы общеславянской фонетики. — „Slavia", roč. 6, 1927, стр. 229, примеч. 15.

[95] Ср. указание А. Вайана на возможность **-ēn/-en-* в флексии имен с согласной *-n-* основой как результат нормализации в самом славянском („Les noms slaves en **-ēn-*". — „Slavia", roč. 9, 1930, стр. 490—496).

[96] P. Skardžius. Указ. соч., стр. 238—239.

'колено', более простым производным от *k^{u}*el*-, литовск. *kélti*. Кстати, П. Скарджюс специально указывает на происхождение суффикса *-ėna-* с *ė* долгим в литовском из согласных основ на *-en-* с *e* кратким.

Сюда же, далее ст.-слав. члѣнъ, русск. *член*, польск. *człon*, *członek* — все со значением 'член (тела)', но ср. сербск. диал. *cjên*, *cjȅnek* 'род'[97], из **čel-no-*, **kel-no-*[98]. Тот же корень в степени редукции видим в аналогичном производном слав. *čьl̥nъ*, русск. *челн*, укр. *чóвен*, польск. *czółn* 'лодка', собств. 'дерево, ствол', сюда же с вторым полногласием русск. диал. *челёнье* 'звено плота', мн. ч. *челёнья*[99], ср. с иным суффиксом литовск. *kélmas* 'пень', 'кустарниковое растение', 'злак'. Все эти, казалось бы, совершенно далекие друг от друга значения легко удается примирить, предположив семантическое развитие:

↗ 'часть тела, член тела'
*k^{u}*el*- 'происходить; расти' → 'выросшее'
↘ 'растение, дерево, ствол'

Привлеченный выше ряд индоевропейских слов, объединяемых названным *k^{u}*el*- можно, очевидно, значительно пополнить. Например, Ф. Шпехт[100] сравнивает со слав. *kolěno*, литовск. *kẽlis*, греч. глоссовое κόλσασθαι 'просить' (Гесихий). Из славянского сюда же, возможно, слав. *čeljustь*: ст.-слав. челюсть 'σιαγόνες', русск. *чéлюсть*, сербск. *чȅљуст*, польск. *czeluść* — слово, еще весьма неясное в словообразовательном отношении[101], которое А. Брюкнер[102] относит к *čelo*, *чело*.

Изложенные выше фрагментарные наблюдения над развитием формы и значения производных от и.-е. *k^{u}*el*- представляются необходимыми, так как именно эти образования до последнего времени в этимологической литературе часто толкуются неправильно, либо в сущности вовсе не толкуются, рассматриваются разрозненно, статически, без всякой системы. Так, Ю. Покорный в своем новом словаре под k^{u}*el*-, k^{u}*elə*- помещает без особых комментариев греч. πέλω и родственные, литовск. *kelỹs*, слав. *kolěno*, *kolo*[103]. При этом масса родственных слов выпадает из его поля зрения, а те, которые анализируются, остаются невыясненными в семантическом отношении.

Параллели такому семантическому развитию находим и в более поздних образованиях: русск. *живóт* 'abdomen' < 'vita', ср. отглагольный характер слав. *životъ* (к *živǫ*) и значение болг. *живóт*, чешск. *život* 'жизнь', ср. греч. βίοτος 'жизнь'; ср. еще русск. *рожа* 'физиономия, лицо' с совершенно аналогичным развитием значения от общего значения отглагольного имени к конкретному названию части тела — 'лицо': к *родить* (эта мысль есть и у Преображенского[104], однако он без надобности усложняет объяснение). В германском таким же путем образовано название печени — др.-в.-нем. *lebara*, нем. *Leber* — под сильным влиянием германского корня 'жить' — готск. *liban* и родственных, даже если допустить, что влиянию здесь подверглась форма, продолжающая и.-е. **i̯ekr̥*, **i̯eknos* (греч. ἧπαρ и родственные) 'печень'. На это указывал еще А. Мейе[105],

---

[97] Mate Tentor. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres. — AfslPh, Bd. 30, 1908, стр. 189.

[98] W. Vondrák, стр. 414.

[99] Я слышал это слово неоднократно в Сталинграде от одного старого волжского сплавщика леса, выходца с верховьев Волги.

[100] F. Specht. Lateinisch-griechische Miszellen. —KZ, Bd. 55, 1928, стр. 19—20.

[101] A. Meillet. Études, стр. 286.

[102] A. Brückner. Über Etymologien und Etymologisieren. —KZ, Bd. 45, 1912, стр. 35.

[103] J. Pokorny, стр. 639—640.

[104] А. Преображенский, т. II, стр. 210.

[105] A. Meillet. De la disparition des noms indoeuropéens de parties du corps en slave. — RS, t. IX, 1921, стр. 72.

и нет поэтому никакого основания для того, чтобы вместе с Э. Бенвенистом объединять эти германские слова чисто формально с рефлексами **i̯ekr̥*, **i̯eknos* под общим и.-е. **(l)i̯ekr̥*.

Остановимся теперь на некоторых общих терминах родовой организации, обозначающих различные виды родственных коллективов. Несмотря на то, что речь будет идти о категориях древних, здесь также немало образований разновременных, отчасти поздних.

Слав. *plemę*: ст.-слав. племѧ 'σπέρμα, semen', др.-русск. племѧ, плѣмѧ 'потомство; семья, родня; племя, колено; народ, род', племеньникъ, племяньникъ 'родственник', русск. *племя*, словенск. *pléme*, *ęna* 1. 'Die Fortpflanzung eines Geschlechtes' 2. 'Der Zeugungsstoff, der Same', 3. 'der Schlag, die Race' и др. Слово не имеет надежной этимологии, в чем нужно согласиться с А. Мейе[106]. Это объясняется, видимо, возможностью двоякого толкования его фонетического развития. Так, фонетически вполне приемлема древняя форма **pled-men-(dm > m)*[107], однако вполне законно предположить также и древнюю форму **ple-men-*. Признание большинством лингвистов формы **pled(h)-men-*, объясняется стремлением сопоставить ее со слав. *plodъ*, чему не препятствует ни фонетическая, ни смысловая сторона. Не лишне, однако, еще раз проверить сопоставляемый материал. И действительно, оказывается, что многие моменты в этом сопоставлении не учтены, учтенные же объяснены далеко не лучшим образом.

Известно, что образования на *-men-* в индоевропейском обычно являются отвлеченными отглагольными именами, для которых можно указать соответствующие глаголы. Какой же глагол соответствует слав. **pled-mę*? Слав. **plediti* неизвестно, *ploditi* носит слишком очевидный поздний деноминативный характер. Приходим, таким образом, к исходному *plodъ*. Другие индоевропейские языки располагают близкими формами: лат. *plēbēs*, *plēbs* 'народные массы', происходящее из **plē-dh-*[108], которое лежит также в основе синонимичного греч. πλῆθος, πληθύς 'масса, толпа'. Слав. *plodъ*, вокализм которого, видимо, неисконен, восходит к **pledъ* < **pledh-*. Эти формы **ple-dh-*, **plē-dh-* содержат корень **ple-*, который мы в согласии с теорией индоевропейского корня, разработанной Э. Бенвенистом в „Origines de la formation des noms en indo-européen“, поймем как вариант корня **pel-* в значении 'производить, рожать'[109], возможно также — 'наполнять', что, однако, для нас здесь не имеет значения. Формант *-dh-*, как это четко сформулировал для массы примеров Э. Бенвенист в названной книге, является суффиксом, характеризующим достигнутое состояние. Таким образом, **ple-dh* — это 'те, кто произведен, рожден', древнее собирательное название крупного человеческого коллектива, первоначально — родственного объединения, затем перенесенное на широкое политическое объединение, что более характерно для лат. *plēbs*, греч. πλῆθος, семантическое развитие которых аналогично позднему слав. *narodъ*.

Кроме того, **ple-dh-* — это также 'то, что родилось, произведено', почему оно оказалось удобным и для обозначения растительных плодов (слав. *plodъ* 'καρπός').

Возвращаясь теперь в слав. *plemę*, отметим, что сомнения в обязательности формы **pledh-men-* усилились: отглагольные имена на *-men-*

---

[106] A. Meillet. Études, стр. 424.

[107] См. А. Преображенский, т. II, стр. 72, там же дана основная литература вопроса; ср. также J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, II. Teil, 1942, стр. 159: *plemę* из *pled-men* к *plodъ*.

[108] A. Walde. Указ. соч., стр. 591; Ernout — Meillet, t. II, стр. 909—910.

[109] Ср. алб. *pjel* 'производить, рождать' (G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, стр. 342). Сюда же **po-pel-os*, лат. *populus* 'народ', см. A. Walde. Указ. соч., стр. 599.

обычно образуются от чистой глагольной основы, вследствие чего гипотетическое *ple-dh-men- (особенно, когда нам известна древняя роль -dh-) лишено смысла. Остается предположить, что более вероятной древней формой слав. plemę было *ple-men-, именное производное от *ple-/pel-.

Специфика развития славянской терминологии выразилась в том, что и.-е. *pel-/*ple- 'производить, рождать' не сохранилось в славянском. С таким значением выступило новообразование ст.-слав. родити и др. Это перераспределение в славянском оказало решающее воздействие на семантику новых славянских терминов, обозначающих родственные коллективы: rodъ и plemę. Термин 'рождать' является типично женским термином, откуда в некоторых славянских диалектах значение rod 'род жены'[110]. Наличием близкого названия 'рождать' обусловлено также общеславянское значение rodъ 'ближайшее родство' (: roditi). С другой стороны, слав. plemę, не имевшее соответствующего термина 'рождать' в славянском, с самого начала обнаружило тенденцию к расширению значения, откуда типичное для славянских языков соотношение rodъ 'ближайшее родство': plemę 'родственная группа в самом широком смысле'.

Названия семьи сохраняют формы, восходящие к древнеиндоевропейским корневым морфемам, но наряду с этим обнаруживают большое число новых образований разного характера. Первая их особенность является скорее использованием древних основ для образования новых терминов, поскольку не имеет смысла говорить о большой древности термина 'семья'. Такого термина не было все время, пока основной единицей был род, а также и значительно позже этого времени, причем использовались названия, оставшиеся еще от родового строя.

Весьма древним, хотя и спорадически представленным в славянском является название, хорошо сохраненное в русском: *семья́*. Тождественные формы засвидетельствованы также в древнерусском и старославянском: ст.-слав. сѣмиинъ 'ἀνδράποδον mancipium,' сѣмиꙗ collect. 'ἀνδράποδα mancipia', др.-русск. сѣмиꙗ 'челядь, домочадцы, рабы', 'семья, семейство', сѣминъ 'работник, слуга, домочадец'[111]. В русских диалектах интересно по своему значению олонецк. *семе́юшка*: „ласкательное название для супругов; жена для мужа *семья*, и муж для жены то же; надежной *семеюшкой* чаще зовут мужа"[112]. Очень близки латышск. sàime = ст.-слав. сѣмьꙗ, литовск. šeimà 'семья', šeimýna 'челядь, домочадцы'[113], сюда же šeimininkas 'хозяин'. Сопоставление формы литовск. šeimà, латышск. sàime со ст.-слав. сѣмиꙗ указывает на происхождение из *k̂oim-. Сравнение балтийских и славянских слов показательно и для понимания их семантического развития. Балтийский имеет в сущности только значение 'семья'. Это помогает выделить как вторичные значения 'рабы, слуги'[114].

---

[110] См. Špiro Kulišić. Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske. — „Гласник Земаљског Музеја у Сарајеву". Историја и етнографија, свеска XI, 1956, стр. 235 и след.

[111] Ср. К. И. Ходова. Из наблюдений над лексикой древне-русского списка „Жития Нифонта" 1219 г. — „Ученые зап. Ин-та славяноведения АН СССР", т. IX. М., 1954, стр. 202.

[112] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 106. В последнее время этими значениями занимался Сантери Анкериа, который видит в переносах слова *семья* эвфемистическое употребление (Santeri Ankeria. Beseda „semja" v ruskich bilinah. — „Slavistična revija", letn. IV, № 1—2. Ljubljana, 1951, стр. 87—92).

[113] И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, стр. 196; P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 204, 269, 337. R. Trautmann, BSW, стр. 300—301.

[114] См. специальную работу: Б. А. Ларин. Из истории слов. Семья. — Сб. „Памяти акад. Л. В. Щербы", ЛГУ, 1951, стр. 195—197.

В прочих славянских языках *sěmьja* вытеснено, сохраняются лишь незначительные следы, как например, в старых польских именах *Siemirat*, *Siemowit*, *Siemomysł*[115].

В основе ст.-слав. сѣмиꙗ, сѣм- обычно выделяют суффикс *-m-*[116], с помощью которого она произведена от известного индоевропейского корня **k̂ei-* 'лежать'. Последнее значение могло использоваться для образования названий стоянки (или того, что лучше и точнее передается нем. *Lager*), поселения, жилища. Интересно, что производные от этого корня, обозначающие селение, жилье, известны в германском с суффиксом *-m-*; готск. *haims* 'селение', др.-исл. *heimr* 'родина, мир', нем. *Heim* 'дом, семейный очаг', в основе которых лежит та же производная форма, что и в слав. *semьja*[117]. В то же время производные с индивидуализирующим значением образованы с иным суффиксом *-u̯o-*: др.-в.-нем. *hī(w)o* 'супруг', 'домочадец, слуга', *hīwa* 'супруга', латышск. *sieva* 'жена', сюда же лат. *cīvis* 'гражданин'[118]. В славянском эти четкие словопроизводственные отношения не удержались. Потребность в индивидуализирующих образованиях удовлетворялась новыми средствами, ср. ст-слав. сѣминъ, сѣмь.

К слав. *sěmьja* примыкает еще одно интересное индивидуализирующее образование — слав. *sębrъ*[119]: др.-русск. сѧбръ 'сосед, член одной общины', также шабръ, шибъръ то же, до последнего времени довольно широко представленное в русских диалектах: курск. обоянск. *себёр* 'крестьянин, участвующий в общественных собраниях', *себро́вщина* 'общество одного селения', *се́бриться* (тверск. осташк.) 'присосеживаться, подбираться'[120], рязанск. *сябёр* 'товарищ, пайщик, равноправный с другим хозяин'[121], смоленск. *сябёр* 'здоровый, дородный детина'[122], олонецк. *сябра́*, *себра́* 'община, артель, общее дело', *подсебритце* 'подделаться'[123], ср. еще белор. диал. *ся́бар* 'товарищ'[124]. В русском слово представлено богатым числом примеров. Известна и другая диалектная разновидность слова: *шабёр*, отраженная еще в древних памятниках. Анализ значений в древнерусском и русском позволяет выделить наиболее существенные стороны значения слав. *sębrъ*: территориальная общность, общность в работе (не считая, конечно, случаев переосмысления, как в смоленских говорах). Эти интересные значения древнего производного от слав. *sěmьja* сильно отличают его от русск. *семья*. Поскольку нам знакомо развитие значения этого последнего, есть основания думать, что слав. *sębrъ* сохранило более древнее значение, предшествовавшее позднейшему узкому 'семья'.

Несколько слов о фонетическом облике слав. *sębrъ*: русск. *сябёр*, *сябры́* (др.-русск. сѧбръ), др.-сербск. *себрь* 'plebejus', сербск. *сȅбар*

---

115 A. Brückner, стр. 489.

116 A. Meillet. Études, стр. 428.

117 Ср. A. Jóhannesson. Isländisches etymologisches Wörterbuch, стр. 195 и след.

118 Примеры см. Walde—Pokorny, Bd. I, стр. 358 и след.; K. Mülenbach, III, стр. 635, 861. Сюда же, к и.-е. **k̂ei-*, относится вариант с велярным *k*: литовск. *kiẽmas* 'двор', *káimas* 'деревня'.

119 См. Б. Ляпунов. Семья, сябр — шабёр. Этимологическое исследование. — „Сборник в честь акад. А. И. Соболевского". Л., 1928 (с указанием более ранней литературы).

120 „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря", 1858, стр. 240.

121 Е. Будде. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, 1892, № 3, стр. 65.

122 В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 900.

123 Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, стр. 117.

124 М. В. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929, стр. 274.

'земледелец'[125] предполагают достаточно убедительно форму *sębrъ*, известную лишь части славянских языков. К этой же древней форме восходит интересная диалектная форма русск. *шабёр*, *шабры́*. Считается, что это диалектное изменение *с* > *ш* в русском ведет свое начало от неразличения обоих звуков в результате проникновения в русский язык западнославянских — „ляшских" элементов[126].

Что касается др.-польск. *siabr* 'druh, kolega, towarzysz, spólnik', то это достаточно прозрачное заимствование из восточнославянского.

В словаре А. Г. Преображенского нашла отражение неправильная этимология, предполагающая связь с и.-е. **se-*, **so-* 'себе, свой' и весьма произвольные перестановки: *себр/серб*, сюда же *па-серб* и т. д. Литовск. *sẽbras*, латышск. *sēbris* (значения — те же, что в русском) естественно считать заимствованными из русского, как правильно отмечал К. Буга[127]. В то же время К. Буга, видимо, ошибался, указывая форму, родственную слав. **sębo-*, в древнепрусском этнонимическом и топонимическом *semba-*[128]. Реальность слав. *sębrъ* еще не означает реальности формы **sębo-*. Слав. *sębrъ* происходит из формы **sěm-ro* с суффиксом *-r-*, словообразовательные отношения которой к *sěm-*, *sěmьja* не вызывают никаких сомнений[129]. Согласный *b* носит здесь чисто позиционный характер, „усиливает" группу *m-r*, поэтому абстрагировать форму **sembo-*, **sębo-* нельзя. Нетрудно будет найти другое, более достоверное соответствие слав. *sębrъ* из **sěm-ro* в балтийском, дополнительно подтверждающее правильность этой этимологии: литовск. *šeimerỹs* 'товарищ', производное от *šeimà* 'семья'[130] — **šeimeria-* < **šeimera-*, т. е. такое же образование с суффиксом *-r-*, как и слав. *sębrъ* < **sěmro*. Существуют и другие этимологии славянского слова. Н. Иокль производит его из восточногерм. *sem-bur* 'получающий половину дохода', основывая это на отдельных значениях славянского слова[131]. Э. Френкель[132] недавно повторил старую этимологию о наличии в слав. *sębrъ*, русск. *сябёр* носового инфикса и происхождении этих форм, вместе с названиями сербов и сорбов, от местоименной основы 'свой, собственный'[133].

---

[125] См. А. Преображенский, т. II, стр. 267.

[126] Ср. в последнее время — Д. К. Зеленин. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода. — „Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР", т. VI. М.—Л., 1954, стр. 49 и след. Д. К. Зеленин высказывает точку зрения, отличную от шахматовской, полагая, что „ляшские" черты, в том числе *с* > *ш*, восходят еще ко времени непосредственной близости части восточных славян и западных, балтийских, славян. Кроме многих диалектных фактов, ср. общенародное *шаг* — к *сягать*, *сяжок*. Однако не все факты укладываются в гипотезу об общих древних переживаниях части восточных славян и балтийских славян „лехитской" (польско-поморской) группы. Явление могло быть шире, ср. чешск. *šahati* < *sahati* (**sęg-*) и другие случаи в чешском (см. J. Zubatý. K přechodu *ś* v *š* v *češtině*. — „Listy filologické, roč. XX, 1893, стр. 405—407). Сходство русск. *шаг* и чешск. *šahati* разительно, тем не менее в истории „ляшских" черт русского языка аналогичные чешские факты не учитываются.

[127] Ср. еще K. Mülenbach, III, стр. 810.

[128] Ср., кроме ссылки А. Г. Преображенского (т. II, стр. 266—267) на письмо К. Буги, еще рукопись: K. Būga. Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etimologijos žodyno. Вильнюсский университет, Отдел рукописей.

[129] См. J. Kalima.—ZfslPh, Bd. 17, 1941, стр. 342—350; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, стр. 95.

[130] См. P. Skardžius. Указ. соч., стр. 305.

[131] N. Jokl. Südslavische Wortstratigraphie und albanische Lehnwortkunde. — „Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му". София, 1933.

[132] См. рецензию Э. Френкеля на кн.: J. Otrębski. Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań, 1947.—„Lingua Posnaniensis", t. II, 1950, стр. 265.

[133] Из прочей литературы назовем статью: K. Oštir. Predslovansko **sębьrь* 'zadrugar'. — „Etnolog", 4, 1930, стр. 1—29. Далее, ср. еще W. J. Doroszewski.

Прочие названия семьи в славянских языках: польск. *rodzina*, переживающее в самое последнее время расширение значения 'кровная семья' > вообще 'родственники', ср. *ojciec*, *żona*, *syn*, *wnuki*, *siostry i rodzina* (Краков)[134]; укр. *родúна*, польск. диал. *rodovictvo*[135], чешск., словацк. *rodina*, польск. диал. (в Словакии) *svojina*[136]; др.-сербск. и сербск. *породица* 'семья'; болг. *чéляд* 'семья'; заимствованные в позднее время сербск. диал. *фамеља*, *фамилија*[137], ср. польск. диал. (в диалекте д. Погорелой в Словакии) *fam'elija*[138] < нем. *Familie* 'семья'; сербск. диал. *живина*[139] и заимствованное, по-видимому, *тевабија*[140].

Славянская основа **obь-tjo-*[141], ст.-слав. обьщь, заимствованное отсюда русск. *óбщий*, сербск. *öпħи* и — с иным значением — польск. *obcy* 'чужой', — генетически первоначально была реализована в слове, обозначавшем территориальную общественную единицу. Лучше всего это древнее значение сохранило чешск. *obec* ж. р. 'деревня, селение, населенный пункт', ср. также старославянское по происхождению, но чрезвычайно характерное для старого экономического уклада русской деревни слово *община* 'вид владения землей сообща'. Сам институт общины скорее относится целиком к сфере экономической истории и мало дает для специально лингвистического исследования: с лингвистической точки зрения мы имеем дело с этимологически прозрачным словом. Известно, что **obь-tjo-* представляет собой производное с суффиксом *-tjo-* от предлога-приставки со значением места *ob-* (ср. русск. *об-*), вернее его более полной формы *obi-*[142], сохранившейся в ряде достоверных примеров в славянском (ст.-слав. обиходъ, русск. *обиход* и др.). Роль суффикса *-tjo-*, *-ti-* в общем ясна: он означает принадлежность, отношение к чему-либо, выраженному основой. Вопрос в том, как понимать значение основы **obь-ti-*. Нередко ограничиваются обобщением наиболее распространенных современных значений: **obь-ti-* — это 'общая собственность, общинная собственность'[143]. Однако при этом, независимо от воли исследователей, фактически смещаются в одну хронологическую плоскость весьма далекие друг от друга факты. Хотя слово **obь-ti-* — типично славянское новообразование, тем не менее оно достаточно старо, ср. его общеславянский характер. Чтобы предположить значение 'общая, общинная собственность' у славян времен их общности, надо быть уверенным в существовании уже тогда значения 'частная собственность' и соответствующего ему института, ибо только такая четкая противо-

---

Monografie słowotwórcze. — PF, t. 15, część druga, 1931, стр. 276. Краткие сведения по литературе вопроса сообщает Ф. Славский (F. Sławski. Szaber-siabr. — JP, t. XXVIII, 1948, стр. 50—51), указывающий на невыясненность этимологии слова. См. в последнее время еще о слав. **sębrъ* у Будимира (M. Budimir. Quaestio de Neuris Cimmeriisque. — „Глас Српске Академије наука", CCVII, нова серија, 2. Београд, 1954, стр. 67), который отождествляет слово с этнонимом Северного Причерноморья Κίμβεροι, Κέμβεροι. Аналогичная мысль высказана еще Я. Розвадовским (Jan M. Rozwadowski. Cimbri—sjabri. — „Сборник в честь акад. А. И. Соболевского", стр. 361); вслед за Розвадовским также объясняет слав. *sębrъ* и В. Пизани (V. Pisani. Zur Chronologie der germanischen Lautverschiebung. — „Die Sprache", Bd. I. Wien, 1949, стр. 136 и след.).

[134] K. Nitsch. Co znaczy rodzina? — JP, t. XXXV, 1955, № 3, стр. 237—238.

[135] A. Tomaszewski. Mowa tak zwanych Mazurów wileńskich. — „Slavia Occidentalis" t. 14, 1935, стр. 106.

[136] Gejza Horák. Nářecie Pohorelej, стр. 170.

[137] Љубо Мићевић. Живот и обичаји Поповаца. Београд, 1952, стр. 120.

[138] Geiza Horák. Nářecie Pohorelej, стр. 155.

[139] Јован Ердељановић. Етнолошка грађа о Шумадинцима. Београд, 1951, стр. 100.

[140] Льубо Мићевић. Указ. соч., стр. 120.

[141] См. A. Meillet. Études, стр. 381.

[142] См. А. Преображенский, т. I, стр. 633; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, Paris—Lyon, 1950, стр. 218—219.

[143] Ср. Holub — Kopečný, стр. 249.

поставленность реальных отношений земельной собственности могла создать коррелятивную пару терминов в полном смысле слова. Все это, однако, настолько сомнительно, что имеет смысл лишь как доказательство от противного. В наиболее вероятных условиях родового устройства эпохи славянской общности не было надобности в специальном термине 'общинная собственность', поскольку никакой другой собственности тогда не было.

Вернемся к форме **obь-ti-*. Убедившись в несколько предвзятом характере принятого толкования, взглянем на эту форму только с семантико-морфологической, структурной точки зрения. Слав. *ob-*, *obi-* обозначает движение по кругу ('вокруг'), также — 'круглое', причем последнее значение, как самостоятельное адъективное значение, выступает в соответствующем оформлении: ср. слав. *oblъ* с суффиксом *-lъ*, чешск. *oblý* и др. 'круглый'. Аналогичное значение видим в другом именном производном — с суффиксом *-ti-*: **obьti* = 'круглый, круглое'. Что могло обозначать это образование?

Нам кажется не лишним вспомнить здесь о мнении ряда археологов и историков, считающих типичной для древних славян „круглую деревню" (нем. Runddorf), действительно, широко распространенную на древних славянских землях в бассейне Балтийского моря. Ср. обобщение нужных сведений у Л. Нидерле[144]. Надо сказать, что сам Нидерле смотрел на теорию первичности „круглой деревни" у древних славян скептически, но из его же материалов видно, что эта форма характерна для ряда старых славянских областей и, напротив, исчезает в областях позднейшего расселения — в Восточной Европе и на Балканах, где широко представлены уличный и разбросанный типы. Большую ценность в этой связи имеет указание современного археолога на то, что круглое поселение относится к наиболее древним эпохам славянской истории и „очевидно, представляет собой тип поселения, возникшего в период существования патриархально-родовой общности"[145].

Слав. **obьti-* 'круглое' могло быть, таким образом, использовано для обозначения круглого поселения у древних славян. Суффикс *-ti-* был особенно удобен, благодаря своим адъективным и собирательным функциям. Допустимо считать древнейшим именно это значение, поскольку предположение в таком случае является лишь логическим обобщением известных фактов. Так, в слав. **obьtjь* мы имеем своеобразный древний славянский термин общественного устройства. Значения 'общий' и 'чужой' (ср. польск. *obcy*) явились уже в результате вторичного развития. Имущественные, землевладельческие отношения выражены только в производном с притяжательным суффиксом *-ina*: ст.-слав. обьщина, болг. *община*, сербск. *опћина*.

Древней формой является слав. *ljudьje*, этимология которого далеко еще не может считаться выясненной[146]. Достоверна изоглосса слав.

---

[144] L. Niederle. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953, стр. 109, 347—350.

[145] W. Hensel. Kształtowanie się osadnictwa słowiańskiego. — „Slavia Antiqua", t. II. Poznań, 1949—1950, стр. 6. Из других свидетельств о „круглой деревне" на древних славянских землях ср. указание Костшевского на раннепястовскую „круглую деревню" в Седлемине повята Яроцин (J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach, Warszawa—Wrocław, 1955, стр. 288—289; Мюллер сообщает, что еще в последней четверти XIX в. в некоторых маленьких лужицких деревнях дома были расположены по замкнутому кругу (E. Müller. Das Wendentum in der Niederlausitz. Kottbus, 1921, стр. 99. Цит. по кн.: М. И. Семиряга. Лужичане. М.—Л., 1955, стр. 93). Возможно, не случайно распространение формы, продолжающей слав. **obьti-* именно со значением 'селение, деревня' — чешск. *obec*, совпадает с частью районов распространения „круглой деревни".

[146] A. Meillet. Études, стр. 262.

ljudъ, ljudьje — литовск. *liáudis*, латышск. *ļàudis* — др.-в.-нем. *liut*, объединяющая целый ряд индоевропейских диалектов, которым была известна соответствующая общая морфема со значением 'люди, народ'. Но в прочих индоевропейских языках родственные формы указать значительно труднее.

Исследователи считают возможным сопоставлять слав. *ljudьje* с др.-инд. *ródhati* 'поднимается', авест. *raoδaiti* 'растет', лат. *līberī* 'дети', готск. *liudan* 'расти', объединяя все сравниваемые слова вокруг и.-е. **leudh*- 'расти, подниматься'; как формы с более близким значением 'свободный (человек)' указываются бургундск. *leudis*, ст.-слав. людинъ и греч. ἐλεύθερος[147]. Ср. еще алб. *l'eń* 'я рожден, происхожу', *l'ind* 'рождаю', *pol'em* 'народ'[148].

Ближайшим образом родственны слав. *ljudьje* соответствующие формы балтийского, где, кроме упомянутых литовского и латышского слов, следует отметить еще литовск. диал. *liaudžià* 'все домашние', жемайт. *liaude* 'семья'[149].

Повторяем, что в дальнейших этимологических связях слав. *ljudьje* еще немало двусмысленного и предлагаемые более отдаленные сближения допустимы, но не абсолютно достоверны, что в этимологических исследованиях не редкость. Обычно объясняют *ljudьje* из и.-е. **leudh*- 'расти'. Эта этимология плохо объясняет значение 'свободный'. Такое значение сохраняется в ст.-слав. людинъ, а о том, что это не позднее значение, красноречиво говорит лат. *liber*, греч. ἐλεύθερος. Фонетическая близость и семантические мотивы, возможно, оправдают сближение с литовск. *liáuti* 'прекращать', греч. λύω 'развязывать, высвобождать' (и.-е. **leu*-), сюда же чешск. стар. *leviti* 'облегчать', *levný* 'дешевый'[150]. Столь же закономерен вопрос об элементе *-d-* в корне слав. *ljud-* и его возможной суффиксальной роли.

Последнее предположение не менее гадательно, чем другие, и оно сформулировано лишь с целью показать наиболее слабые места известной этимологии. Следует согласиться с тем, что нам недостаточно ясна история слова. Кроме достоверных фонетико-морфологических отношений, упомянем еще для полноты картины сомнительные сопоставления, которыми, однако, некоторые ученые оперируют достаточно уверенно. Имеется в виду довольно редкое в индоевропейском чередование плавный : зубной, пример которого К. Оштир видит в „добалтославянском *ljudъ/tjudjь*“[151]. М. Будимир тоже считает, что „фонетическая и семантическая близость основ *teutā* и *leudho*- (откуда *ljud* и т. д.), как и их исключительная древность, вряд ли случайны“[152]. Правомочнее, вероятно, вопрос о семантическом соотношении основ *tauta* и *l'audis*, *liáudis*[153].

Слав. *ljudьje*: русск. *люди*, сербск. *људи*, польск. *ludzie* — содержит рефлекс и.-е. *ĕu*, отраженного в балтийском дифтонгом *iau*[154]. Мор-

---

[147] C. C. Uhlenbeck, стр. 254—256; Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 416—417; А. Преображенский, т. I, стр. 493—494; Holub — Kopečný, стр. 205—206; M. Vasmer, REW, Bd. II, стр. 78.

[148] N. Jokl. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. — „Sitzungsberichte der philologisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften“, Bd. 168, I. Abh. Wien, 1911, стр. 48—49.

[149] R. Trautmann. BSW, стр. 161; К. Буга. Рукописная картотека к литовскому этимологическому словарю (АН Лит. ССР); P. Skardžius. Указ. соч., стр. 51, 70.

[150] О последних см. Holub—Kopečný, стр. 203.

[151] K. Oštir. Drei vorslavisch-etruskische Vogelnamen. Ljubljana, 1930, стр. 8.

[152] М. Будимир. Λαύριον πεδίον и Taurisci, Taurunum. — „Зборник филозофског факултета“, III кн. Београд, 1955, стр. 287.

[153] G. Devoto. — „Studi baltici“, v. III, 1933, стр. 74—79.

[154] E. Berneker. Von der Vertretung des idg. ĕu im baltisch-slavischen Sprachzweig. — IF, Bd. 10, 1899, стр. 151; G. Iljinskij. Der Reflex des indogermanischen Diphtongs ĕu im Urslavischen. — AfslPh, Bd. 29, 1907, стр. 492.

фологическую характеристику славянских образований дает И. Ф. Ломан[155]: *ljudьje*, plurale tantum, произведено из старого собирательного имени с *-i*-основой **ljudь* = литовск. *liáudis*, *-ies*, от которого образовано и nomen unitatis: ст.-слав. людинъ.

Старым названием группы родственных, своих, лиц было, вероятно, слав. *svoboda*: ст-слав. свобода, словенск. *svoboda*, *sloboda*, болг. *свободá*, сербск. *слобòда*, чешск. *svoboda*, польск. *swoboda*, стар.-польск. *świeboda*. В слове правильно выделяют основу *своб-*, ср. ст.-слав. свобьство[156], которая продолжает и.-е. **s̯ue-bho-* производное от местоименной основы *s̯ue-* 'свой'[157] с суффиксом *-bh-*, нередкое в значении 'род, свои, родичи; соплеменники', ср. основанное на таком терминологическом значении племенное название герм. **Swēbjōz* 'свевы'[158], нем. *Schwaben*, далее *Sabini*, *Sabelli*, *Samnium*, ср. нарицательное готск. *sibja*, нем. *Sippe* 'родня'[159]. Ср. еще о слав. *svoboda* — Ф. Мецгер[160] и Э. Френкель[161], причем последний говорит конкретно об отношениях форм *svo-*: *so-*.

Слав. *svoboda* образовано с суффиксом *o(da)*, характерным собирательным формантом, т. е. совершенно аналогично слав. *jagoda* — букв. 'много ягод'[162] от **jaga* '(одна) ягода': ст.-слав. винѧга 'виноград', литовск. *uogà* 'ягода'. Таким образом, этимологически первоначально для слав. *svoboda* значение: 'совокупность (вместе живущих) родичей, своих'. В то время как слав. **obьtjь* может быть понято (см. выше) как техническое обозначение типичного славянского поселения одной родственной группы, слав. *svoboda* обозначает эту совместно живущую родственную группу прежде всего как таковую. В обоих случаях первоначальное терминологическое значение слов подверглось сильным изменениям. Ясно одно: значение 'свобода' , возобладавшее в слав. *svoboda*, является вторичным. Об этом говорит прозрачная этимология слова и остатки старого значения: др.-русск. *свобода* 'поселок, селение, слобода'[163], русск. *слободá*, др.-польск. *słoboda* 'небольшой поселок, поселение крестьян'[164] — естественно, в соединении с элементами совершенно нового значения.

Древнюю особенность следует усматривать в ударении русск. *слободá*, болг. *свободá*, если допустить здесь сохранение старого окситонного ударения, отличающего собирательные образования. Ю. Курилович говорит, кроме греч. νευρᾱ́, φυλή (при νεῦρον, φῦλον), также о славянских собирательных на *-ā-*.[165]. Сюда же относятся русские формы множественного числа на *-а* ударяемое: *господá*.

Значение 'свобода' — более позднее, результат нового словообразовательного акта, ср., между прочим, ударение *свобóда*, соответствующее этому значению в русском.

---

155 J. F. Lohmann. Das Kollektivum im Slavischen. — KZ. Bd. 56, 1929, стр. 76; Bd. 58, 1931, стр. 227, 229.

156 См. W. Vondrák, Bd. I, стр. 454; Meillet. Études, стр. 322; Г. А. Ильинский. Славянские этимологии XXXVI—XL. — РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 21—22.

157 См. А. Преображенский, т. II, стр. 262—263.

158 Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, стр. 145.

159 Примеры см. Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 455—456.

160 F. Mezger. IE *se-*, *swe-* and Derivatives. — „Word", vol. 4, 1948, стр. 103.

161 См. его рецензию в „Lingua Posnaniensis", t. II, 1950, стр. 264—265.

162 Русск. *ягода* и другие родственные развили вторичное сингулятивное значение.

163 См. Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. — „Ученые зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена", т. 80, 1949, стр. 170.

164 W. Taszycki. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955, стр. 258 (словарь).

165 J. Kuryłowicz. Études indoeuropéennes, I, стр. 173, где разбираются примеры в какой-то мере аналогичные.

В форме *слобода* звук *л* развился из *v* тогда, когда *v* имело еще характер сонанта *u̯*[166]. Могла, разумеется, сыграть роль диссимиляция двух губных: *v... b > l... b*[167]. Считать *slob* = первоначальной формой[168] нет оснований.

Если в начале общеславянского периода могла еще существовать реальная пара сингулят. **svobo-* (и.-е. **su̯obho-*) — собират. *svoboda*, то в более позднее время эти четкие отношения стерлись и явилась потребность в новых сингулятивных обозначениях. Отсюда — ст-слав. свободь 'свободный', поздний характер которого, как вторичного образования из собирательного, очевиден. Поэтому какие-либо „самостоятельные" этимологии слав. *svobodь* не имеют смысла, и попытки в свое время И. Зубатого[169], а недавно — В. Махека[170] объяснить его из **svo-pot-*, ср. др.-инд. *svaptjám*, и.-е. **pot-*, т. е. 'свой хозяин, сам себе господин', нельзя принять. По тем же причинам антиисторично было бы сравнивать слав. *svobodь* с именем фракийского бога Σαβάζιος, имеющим совершенно другое этимологическое происхождение, ср. этимологию О. Хааса[171]: к догреч. σάος 'целый и невредимый'. Однако Σαβάζιος скорее производит впечатление типичного иранского слова, к тому же оно распространено у иранских и соседних с ними народов Передней Азии и Кавказа, ср. иранск. *spāda-* 'войско' и особенно осет. *Æfsati* 'бог охоты'[172].

Славянский уже не обозначал родственников, родню старым индоевропейским корнем **ĝen-*, как, например, лат. *gens* 'род, племя'[173], литовск. *gentìs*, *gentáinis* 'родственник'. Эти обозначения вытеснены еще при формировании общеславянского языка, в порядке обновления унаследованного словаря новыми чисто славянскими образованиями. Так, абсолютное распространение получила славянская основа, представленная в русск. *родственник*, *родня*, *род* и близких образованиях других славянских языков.

Прямых преемственных связей между индоевропейскими названиями рода, родства, родни и славянскими почти не сохранилось. С другой стороны, славянский в своих новообразованиях подчас обнаруживает семантические реминисценции индоевропейского способа обозначения. Так, подобно индоевропейским именам свойства отглагольных основ 'вязать, связывать' (**snusó-s* < **sneu-* и др. см. выше) образованы некоторые славянские названия. Речь идет не столько о русск. *шурин* и родственных, которые представляют собой скорее унаследованное образование (к и.-е. **si̯əu-* 'шить'), сколько о специально славянских формах, построенных по тому же принципу. Ср. др.-русск. *вьрвь*, название семейной, затем территориальной общины, развившееся из значения 'веревка', ср. русск. *веревка*, литовск. *virvẽ*; др.-русск. *ужикъ*, ст.-слав. ѫжика 'родственник', ср. др.-русск. *ужь* 'веревка' — к *vęzati*[174]. Сюда же др.-чешск. *příuzný*, совр. *příbuzný*[175].

---

[166] См. А. Преображенский, т. II, стр. 322—323.
[167] R. Nahtigal. Slovanski jeziki. V Ljubljani, 1952, стр. 188.
[168] Holub—Kopečný, стр. 364.
[169] Josef Zubatý. K výkladu některých příslovcí zvláště slovanských. Цит. по кн.: „Studie a články", svazek II. Praha, 1954, стр. 157, сноска 1.
[170] Václav Machek. Étymologies slaves. — „Récueil linguistique de Bratislava", I, 1948, стр. 96.
[171] O. Haas. Substrats et mélange de langues en Grèce ancienne. — „Lingua Posnaniensis", t. III, 1951, стр. 92.
[172] См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., I, 1949, стр. 283 (а также на стр. 182: *spāda*.).
[173] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, стр. 338.
[174] См. Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, стр. 231.
[175] Fr. Kott. Česko-německý slovník, II, 1880, стр. 1005; Holub — Kopečný, стр. 300.

В свою очередь литовский язык сохранил аналогичное *bendróvė* 'родня, домочадцы, общество', *beñdras* 'товарищ; общий' — из неизвестного славянскому корня и.-е. **bhendh-* 'вязать, связывать', сюда же греч. πενθερός 'тесть', др.-инд. *bándhuṣ* 'связь, родство'[176].

Прочие славянские названия родства, родни: чешск. диал. *přízeň*, т. е. 'дружба'[177], сербск. диал. (черногорск.) *fis* 'род, племя, свои', албанского происхождения[178].

Почти до наших дней сохранилась у южных славян, причем лучше всего — у сербов, архаичная форма родственных отношений — задруга. Говоря о сербской задруге, прежде всего подчеркнем архаичность формы самих отношений, а не названия, поскольку название — сербск., болг. *задруга* — носит поздний, местный характер, ничего интересного в лингвистическом отношении не представляет и в этимологическом исследовании не нуждается, будучи совершенно прозрачным по образованию: о.-слав. *drugъ*. Поэтому нет смысла останавливаться на названии задруги сколько-нибудь подробно. Что же касается общественного института задруги, это особая большая проблема, относящаяся больше к истории и этнографии. Здесь необходимо отметить, что, как всякий древний институт, задруга в современную эпоху представляет сложную совокупность элементов, которые отнюдь не все унаследованы от древности. Нас интересуют в задруге, естественно, остатки рода, родовой общности. Современная сербская задруга уже перед второй мировой войной переживала глубокий кризис, распадалась, сохранялась часто только формально, в ней не соблюдался даже принцип родственной общности семейств, образующих задругу. Богатейший материал на эту тему содержат монографии из серии „Српски етнографски зборник"[179].

Слав. *drugъ* < и.-е. **dhreu*/**dhru-* с широким кругом значений: 'крепкий, прочный', сюда же и.-е. **dhereuo-* 'дерево', 'надежный, верный'. Последние значения реализованы в нем. *trauen* 'верить, доверять', *Treue* 'верность', литовск. *drovė̃tis* 'стыдиться, стесняться'. Таким образом, **drou-go-* (слав. *drugъ*, литовск. *draũgas*) образовалось из **dhreu-* с суффиксом *-g-*, известным нам по нескольким названиям лиц: **măn-g-i̯o* и др. Значение **drougo-*: 'верный, сообщник, товарищ'. В этом производном тоже реализовано значение и.-е. **dhreu-*, удобное для общественного термина.

Это объяснение точнее старого сближения с готск. *driugan* 'воевать', ср.-в.-нем. *truht* 'отряд', галл. *drungos* с предполагаемым и.-е. **dhrugh-* 'быть готовым, крепким' в основе[180], которое носит довольно

---

[176] См. P. Skardžius. Указ. соч., стр. 298, 387; C. C. Uhlenbeck, стр. 186.

[177] Q. Hodura. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1904, стр. 69.

[178] Ivan Popović. Neki gentilni i njima srodni termini kod Crnogoraca i Arbanasa. — „Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine, Radovi", Knjiga II, odjeljenje istorisko-filoloških nauka, I. Sarajevo, 1954, стр. 55.

[179] Ср., например, Љ. Мићевић. Живот и обичаји Поповаца, стр. 122 и след. Надо поэтому различать сербскую задругу как таковую и действительные остатки древних родственных и брачных отношений в быту сербского народа. Шпиро Кулишич дал недавно обстоятельный анализ этих следов, показав на большом материале наличие в обычаях ряда районов Сербии остатков матрилокального и дислокального брака, древней принадлежности детей роду матери, далее — экзогамного похищения, авункулата, выражающихся, например, в особо важной роли старого свата, а также брата по матери невесты или ее кровного брата. Задругу как организацию Ш. Кулишич характеризует следующим образом: „Задруга-братство, как ассоциация братьев по отцовской линии родства, могла развиться только в связи с утверждением патрилокального брака, который сделал возможным постепенный переход к отцовской линии родства" (Špiro Kulišić. Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske. — „Гласник Земаљског Музеја у Сарајеву". Историја и етнографија, свеска XI, 1956, стр. 225).

[180] А. Преображенский, т. I, стр. 198.

случайный характер и оставляет в сущности невыясненным словопроизводство слав. *drugъ*.

В пользу нашего объяснения — достоверность как балто-славянских, так и индоевропейских словообразовательных моментов, а также более четкое определение ближайших родственных форм; в частности славянский имеет еще **dr̥žati*, ст.-слав. дръжати с той же основой, распространенной суффиксом (детерминативом) *-g-*, и гласным в ступени редукции. Последнее слово обычно считают лишенным достоверных соответствий вне славянского[181].

Поздними являются названия родителей в славянском и других индоевропейских языках[182]. Индоевропейская общность всегда хорошо знала только родительницу-мать, обозначения отца как 'родителя' появляются очень поздно, а такие отношения меньше всего нуждаются в объединении каким-либо общим термином. Поэтому только очень поздно смогли появиться названия родителей, носящие „индифферентный" характер: ст.-слав. родителя, греч. τοκῆες γονεῖς, лат. *parentes*, арм. *cnolkh*, литовск. *gymdýtojai*; нем. *Eltern*, др.-чешск. *starší* и др.[183] Об обозначениях родителей способом эллиптического словоупотребления — укр. *батьки́*, литовск. *tėvaĩ* — см. выше.

Названия человека, казалось бы, не имеют ничего общего с терминологией родства, и это справедливо для большинства индоевропейских языков, где обычны случаи развития значения 'человек' < 'земной', 'смертный'. В этом отношении славянское обозначение представляет собой интересное исключение. Нетрудно заметить, что все эти названия носят поздний характер, оформились в эпоху самостоятельного существования индоевропейских языков. Общее в них объясняется аналогичными условиями происхождения. Столь же поздним, чисто славянским образованием является слав. *čelověkъ*. Своеобразие славянского слова заключается в его двуосновности, а также в этимологической связи с названиями рода (о чем подробнее — ниже). Интересна его способность выступать в известных условиях в роли родственного термина: укр. *чоловíк* 'муж, супруг' (при новом местном *людúна* 'человек'), русск. диал. *челаве́чица* 'жена'.

Все славянские формы по языкам продолжают общее **čelověkъ*, ср. русск. *человек*[184]. Формы **čl̥v-*, **čelv-* менее вероятны, формы с *člo-*, *čo-* объясняются как сокращения употребительного слова. А. Брюкнер, однако, допускал общеславянскую метатезу *člověkъ* < **čolvěkъ* < **čelvěkъ*[185]. Но скорее всего древнейшую форму сохранил русский, в прочих славянских обобщена форма *člo-*, упрощенная в южнославянских языках: болг. *чове́к*, сербск. *чо̀вjек*, в диалектах — *чоек*, *чок*, *чек*[186]; наиболее архаична для южнославянских форма чакавск. *clovȅk*[187], ср. ст.-слав. чловѣкъ.

По-видимому, наиболее вероятным остается этимологическое объяс-

---

[181] См. А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 188.

[182] См. O. Schrader. Reallexikon, стр. 182.

[183] См. обзорную статью: O. Hujer. Výraz pro pojem 'rodiče'v jazycích indoevropských. — LF, roč. XLII. 1915, стр. 421—433.

[184] H. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, Bd. 38, стр. 420; W. Vondrák, Bd. I, стр. 37, 308, 309.

[185] A. Brückner. Über Etymologien und Etymologisieren, II, стр. 209; его же. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen. — AfslPh, Bd. 42, 1929, стр. 128—129.

[186] E. Fraenkel. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1923, стр. 402.

[187] Mate Tentor. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres. — AfslPh, Bd. 30, 1908, стр. 189.

нение Г. Циммера[188]: *čelo-věkъ*, где *čelo* — к *čeljadь* и родственные 'род', а *věkъ* соответствует литовск. *vaĩkas* 'дитя', т. е. 'дитя, отпрыск, сын рода'. К. Бругман сопоставляет *čelo* в *čelověkъ* с др.-в.-нем. *helid* 'мужчина', на основании чего он предполагает **čьlo-* = 'человек', а *čьlo-věkъ* = 'Menschenkind', ср. отношение греч. 'ἀνήρ 'муж, мужчина' — 'ἄνθρωπος 'человек'[189]. В последнее время выступил в поддержку этимологии Г. Циммера К. Мошинский[190]. Правильно указывая на чрезмерную сдержанность Ф. Славского[191] в отношении к названной этимологии, Мошинский приходит к выводу, что для этимологии Циммера нет никаких препятствий ни в историко-фонетическом, ни в интонационном отношении. Толкование *čelo-věkъ* = 'сын рода' полностью оправдывается нашими знаниями общественного строя древних славян, как и всяких других племенных групп родового строя. Морфема *-věkъ* в слове при этом указывает на происхождение (ср. литовск. *vaĩkas* 'дитя') подобно суффиксу *-itjь* в славянских образованиях патронимического типа. Ср. еще кельт. *macc* 'сын' перед именем предка как указание на происхождение. К. Мошинский согласен видеть в слав. **čel-* более архаическое название рода при специально славянском, позднем *rodъ*. В общем же **čelověkъ* синонимично **roditjь*.

Отношения значений *-věkъ* (в *čelověkъ*) и о.-слав. *věkъ* 'возраст, век, столетие' не могут вызывать сомнений прежде всего потому, что семантическая связь значений 'человек', далее — 'человеческая жизнь', 'длительное время вообще' — в порядке вещей (ср. выше о.-слав. *mǫžь* 'муж, мужчина' и латышск. *mūžs* 'возраст'). Более того, понятие длительного времени, века должно было вторично абстрагироваться из более важного и более древнего понятия 'человеческая жизнь', которое в свою очередь тесно связано с термином 'человек'. Индоевропейские этимологические данные подтверждают это: литовск. *vaĩkas*, слав. *věkъ* образовано от и.-е. **u̯ei-* 'сила', лат. *vis* точно так же, как и.-е. **u̯īro-s*, лат. *vir* 'муж, мужчина'. Значения слав. *věkъ* 'возраст, век' вторичны, ср. остатки переходного значения в слав. *ǫ-věčьnъ* 'нездоровый'. Наиболее древнее значение 'сын, дитя' сохранилось в окаменелом виде в древнем сложении *čelo-věkъ*. Из прочих форм ср. еще литовск. *vaikìnas* 'ребенок, мальчик': слав. *věčьnъ*, абсолютно тождественные морфологические образования, в то время как значение *věčьnъ* 'вечный' целиком входит в орбиту вторичного значения слав. *věkъ* 'век, длительное, бесконечное время'. Форм, более близких к слав. *čelověkъ*, балтийские языки не имеют. Латышск. *cilvẽks* 'человек' считают заимствованием из славянского[192], причем очень древним, осуществившимся до первой палатализации (слав. **kelověkъ*), так как латышск. *c* может правильно отражать только слав. *k*. Это объяснение — не единственно возможное, потому что вполне закономерно было бы предположить заимствование в ту эпоху, когда слав. *čelověkъ* ощущалось в живой речи как сложение известных элементов (**čelo-* 'род', *-*věkъ* 'дитя'). При таком положении, когда слав. *čelověkъ* попало в язык части близко родственных балтийских племен, оно с самого начала неизбежно должно было увязываться с местными балт. **kela-s*, **kilti-s* 'род', а позднее и пережить общее с ними в латышском изменение *k* > *c* перед гласным

[188] См. его рецензию в AfslPh, Bd. 2, 1877, стр. 346—348. Неправдоподобны объяснения слав. *čelověkъ* сравнением с др.-инд. *cirá*-'долгий' (E. u J. Leumann. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache, стр. 102) и с черкесским *c'efuxu* 'мужчина' (V. Polák. Указ. соч., стр. 29).

[189] K. Brugmann. Griechisch ἄνθρωπος — IF. Bd. 12, 1901, стр. 26, сноска 2.

[190] K. Moszyński. Uwagi go 2. zeszytu „Słownika etymologicznego języka polskiego" Fr. Sławskiego. — JP, t. XXXIII, 1953, № 5, стр. 352 и след.

[191] Fr. Sławski, стр. 123.

[192] См. K. Mülenbach, I, стр. 382—383.

переднего ряда. При этом не так важно, получили предки латышей славянское слово как *čelověkъ* или как **kelověkъ*, поскольку речь идет о той эпохе, когда *k* и *č* являлись всего лишь вариантами одной фонемы. В любом случае этимологические связи могли оставаться совершенно прозрачными.

Слово *čelověkъ* — чисто славянское образование, поэтому поиски ближайше родственных ему форм в более далеких индоевропейских языках нельзя признать успешными. Имеются в виду сопоставления ст.-слав. чловѣкъ и греч. πάλλαξ, παλλακή 'наложница'[193].

Изложенная этимология более всех прочих заслуживает доверия. Ср. еще из старых этимологий дилетантское толкование Шумана[194]: русск. *чело-век* = 'in der Stirn die Kraft besitzend' (в противоположность животным). К сожалению, до сих пор имеет хождение одна совершенно произвольная этимология. Так, Ян Отрембский[195] видит в ст.-слав. чловѣкъ результат контаминации гипотетического **slověkъ* из недоказанного слав. **selv-* 'свой, собственный' и слав. *čeljadь*, *челядь*. Голуб и Копечный тоже упоминают толкование *člověk* < **slověk* как вероятное. Наконец, не вполне ясна этимология А. Вайана[196]: слав. **čьlověkъ* = 'совершеннолетний', причем *čьlo-* к **cělъ*.

Литовский язык имеет свое, совершенно иное и гораздо более древнее *žmogùs*, также *žmuõ* 'человек'[197].

Вполне естественно после того, как мы разобрали старое славянское название члена рода, потомка рода, сохранившееся в названии человека, обратиться теперь к названию, которое по ряду признаков должно было играть в древности роль названия отщепенца, человека вне рода, изгнанного из рода. В эпоху родового строя это было самым страшным наказанием. Такой обычай почти до наших дней сохранился в сербской задруге. Вот что наблюдал Л. Мичевич[198] в селении Попово, Герцеговина: „Највећа осуда била је за онога члана задруге, који се и послије горњих казна [выше описывается наказание члена задруги временным изгнанием из задружного дома — на ночь. — *О. Т.*] не би поправио, истјеривање за увијек из куђне заједнице. Такове су истјеривале напоље без ичега. И они су кидали сваку везу са кућном заједницом. Тежак је био њихов положај. Истјерани члан дуго се мучио и злопатио, док би осигурао кров над главом и мало гнијездо себи и својима савио". Если сейчас это воспринимается как необыкновенный архаизм и сам обычай не может обладать большой действенной силой в экономическом и социальном отношении[199], хотя даже описание современных отношений у Л. Мичевича звучит достаточно красноречиво, — то можно себе представить положение человека, изгнанного родом в ту эпоху, когда род был единственной общественной организацией.

---

[193] См. W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1892, стр. 237. Против — E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2-ème éd., Heidelberg—Paris, 1923, стр. 743; E. Berneker, Bd. I, стр. 141.

[194] AfslPh, Bd. 30, 1908, стр. 295.

[195] Jan Otrębski. Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań, 1948. Этимология нам известна по рецензии Эрнста Френкеля (помещена в „Lingua Posnaniensis", t. II, 1950, стр. 267), который расценивает ее положительно.

[196] A. Vaillant. Deux noms de l'„homme" en slave. — BSL, t. 39, стр. XIII—XIV.

[197] Подробности о литовском слове см.: P. Skardžius. Smulkmenos XXVII. — „Archivum philologicum", t. VII, 1938, стр. 56; его же. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 296—297.

[198] Љубо Мићевић. Живот и обичаји Поповаца, стр. 123.

[199] Ср. там же о прогрессирующем перед второй мировой войной разложении сербской задруги, о примерах экономического выделения, выхода из задруги, особенно среди молодого поколения.

Необходимо предположить, что соответствующее название тоже должно быть очень древним словом. Таким названием было слав. **vorgъ*: ст.-слав. врагъ 'ἐχθρός', откуда русск. *враг*; укр. *во́рог*, сербск. *вра̂г*, польск. *wróg*, чешск. *vrah* — древнее слово с недостаточно ясной этимологией [200].

Довольно много места этимологии славянского слова уделяет В. И. Абаев [201], сравнивая его с осет. *warz-* 'любить'. Он считает неотделимым, вопреки Ф. Миклошичу, слав. *vorgъ* 'враг' и *vorg-* 'ворожить', причем последнее, по его мнению, имело два значения: 'ворожить во вред' и 'ворожить на пользу', что он подкрепляет примерами из иранского. В. И. Абаев объединяет вокруг и.-е. **verg-* **vorg-* следующие слова: *ворожить*, *враг*, осет. *warz-* 'любить', греч. ἔργον, нем. *Werk* 'дело, работа', авест. *varəz-* 'действовать', также греч. ὄργια 'культовое действие'. Их семантическое развитие он представляет следующим образом: 'действовать' — 'чародействовать' — 'чародействовать на пользу кого-либо, дружественно' — 'любить' [202]. Рассуждение В. И. Абаева весьма логично и подтверждается им самим на аналогичном примере развития значений 'делать' — 'колдовать': др.-иранск. *kar-* 'делать' — авест. *čārā-* 'средство' — литовск. *kẽras* 'колдовство', русск. *чары*. Однако В. И. Абаев не учел некоторых формальных препятствий: греч. ἔργον, Ϝέργον и прочие формы отражают и.-е. **u̯erĝ-* с палатальным задненебным, ср. авест. *varəz*, осет. *varz-*. Поэтому нет основания относить сюда слав. *vorgъ*, продолжающее какую-то иную древнюю форму. А. Мейе [203] считает, что в балтийском и славянском отсутствуют соответствия и.-е. **u̯erĝ-* 'делать, действовать'.

Мы склоняемся к объяснению слав. **vorgъ* из и.-е. **u̯reg-*/**u̯erg-* 'гнать', куда, кроме славянского, относятся еще литовск. *var̃gas* 'нужда, беда', готск. *wrikan* 'преследовать', англосакс. *wrecan* 'гнать, мстить', совр. нем. *rächen* 'мстить', лат. *urgeo* 'теснить, толкать, гнать' [204]. Славянский располагает и соответствующим глаголом, где корневой вокализм на ступени редукции: **vŕgā-*, *vŕgnǫ-*. Форма слав. **vorgъ* является правильным древним отглагольным производным именем с *о*-вокализмом корня: 'изгнанный, отверженный'. Способность глагольной основы *-вергать*, *-вергнуть* давать такие образования с этим значением ощущалась, видимо, в течение очень длительного времени, ср. в близком значении: ст.-слав. извръгъ, др.-русск. *извьргъ*, русск. (литер.) *изверг*, ср. выражение *изверг рода человеческого*. Второе образование имеет характер типичного славянского неологизма, особенно — по способу отглагольного производства с помощью префикса, в то время как первое **-u̯orgo-* носит еще на себе печать индоевропейского отглагольного образования, ср. **vezǫ*: **vozъ* и др. Потребность в таком новом производном как извръгъ, видимо, появилась с ослаблением этимологических связей гораздо более древнего врагъ.

Таким образом, слав. **vorgъ* должно было первоначально обозначать изгнанника из рода, отверженного. Значение 'враг, неприятель' появилось уже в позднюю эпоху общеславянского, т. е. этимологически оно вторично. Существование сингулятивного обозначения 'враг, неприятель' в древнюю эпоху, когда вражда велась между целыми родо-племенными объединениями, союзами, не реально. В то же время изгнанию подвергались лишь отдельные члены рода, что дополнительно

---

200 Ср. A. Meillet. Études, стр. 226.

201 В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 581 и след.

202 Там же, стр. 582.

203 A. Meillet. Les vocabulaires slave et indo-iranien. — RÉS, t. 6, 1926, стр. 169.

204 Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 319—320.

подтверждает морфологический характер *_u̯orgo-_. Совершенно аналогично семантическое развитие греч. ἐχθρός 'враг, ненавистный', ср. локридское ἐχθός 'вне', аттическ. ἐκτός то же, в конечном счете — к ἐκ, ἐξ ἐχ 'из', т. е. ἐχθρός 'изгнанник' > 'враг'[205].

Наиболее близко в фонетико-морфологическом отношении к слав. *_vorgъ_ литовск. _var̃gas_[206] с отвлеченным значением: 'беда, нужда', которое могло развиваться из переходных значений 'физически изнурять, утомлять', ср. литовск. _núovargis._ 'усталость', а эти — из древнего 'гнать, изгонять, преследовать'. В известном смысле ближе к слав. *_vorgъ_ название лица — литовск. _vérgas_[207] 'раб' с иной ступенью корневого вокализма (отношение _o_ : _e_).

Мы довольно подробно остановились на наиболее вероятной, по нашему мнению, этимологии слав. *_vorgъ_, так как по этому вопросу до последнего времени нет единого мнения. Так, К. Мошинский в своих замечаниях к новому словарю Ф. Славского излагает свою особую точку зрения. Слав. *_vorgъ_, как он считает, значило первоначально 'убийца', т. е. 'враг, преступник' для родных убитого, следовательно, было термином кровной мести[208]. Для этого потребовалось бы допустить существование целого ряда отнюдь не достоверных моментов. Прежде всего значение 'убийца' является семантическим новшеством чешского: так, еще в древнечешском слово значило 'враг, неприятель'[209]. Далее, было бы довольно трудно средствами индоевропейской этимологии обосновать для *_u̯orgъ_ значение 'убийца'. Несколько позднее[210] К. Мошинский весьма определенно высказывает предположение о заимствовании слав. *_vorgъ_ < герм. *_wargaz_ 'преступник', особенно ввиду наличия формы _wargida_ 'Friedlosigkeit' в „Capitulare Saxonicum", которая могла дать слав. *_voržьda_ 'вражда'[211].

Перейдем к рассмотрению терминов общественного строя в собственном смысле. Предварительно оговоримся, что считаем целесообразным в интересах единства содержания настоящей работы ограничиться наиболее древними общественными терминами, причем именно теми из них, которые тесно примыкают к родственной терминологии, в ряде примеров — отпочковались от нее непосредственно. Другими словами, нас здесь интересует терминология общественного строя той вероятной эпохи, в которую основной формой общественной организации был род, родственная группа. Это несколько облегчает задачу исследования и позволяет рассматривать отобранные термины как продолжение терминологии родства, не выделяя их особо.

Выше мы уже касались названий рода. Здесь мы разберем несколько названий главы рода, племени. Крайне нецелесообразным в этой связи представляется привлечение более поздних феодальных названий слав. _vojevoda_, *_kъnęʒь_, а тем более таких, как _voitъ_, _kъmetъ_, др.-русск. _смердъ_, _изгои_. Исследование этих терминов представляет весьма обширный материал для работы или целого ряда работ по терминам феодальной общественной организации славянских народов.

Ниже мы разбираем одно за другим несколько названий, предположительно обозначавших главу рода, племени. Мы не берем на себя задачу

---

205 Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 116.

206 P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 31.

207 Сюда же соответствующие образования латышского — _vàrgs_ 'беда, нужда', _vęr̂gs_ 'раб', о которых см. K. Mülenbach, IV, стр. 503—504, 539.

208 См. JP, t. XXXIII, 1953, стр. 346—347.

209 Holub — Kopečný, стр. 422.

210 JP, t. XXXV, 1955, стр. 134—135.

211 К этимологии слав. *_vorgъ_ см. еще J. Loewenthal. Etymologien.—ZfslPh, Bd. 8, 1931, стр. 129. Левенталь объединяет его с др.-инд. _varga-s_ 'Schar', сербск. _вриjѐжа_, вр̏ж 'узел', кипрск. κατέϜοργον 'осадили'.

сформулировать точное терминологическое значение каждого из этих названий для эпохи родового строя славян, потому что этимологический анализ не дает такой возможности, а употребление соответствующих славянских названий к началу письменного периода истории далеко не тождественно значениям их в древнюю родовую эпоху. Поэтому создается впечатление, будто мы приходим к нескольким синонимичным названиям. Такому впечатлению, однако, не следует доверяться, так как это — одно из наиболее ощутительных проявлений слабости этимологического анализа, не идущего дальше вскрытия словопроизводственных отношений и указания на какую-то отправную точку развития значения; разумеется, такой результат еще не тождествен реальному значению слова.

Общеиндоевропейское название главы рода, особенно в том смысле, в котором его понимают сторонники исконно патриархального рода у индоевропейцев, т. е. мужчины-вождя, отсутствует. Однако нас это не должно удивлять, в то время как сторонникам исконной патриархальности действительно стоит задуматься над этим фактом.

Прежде чем обратиться к славянским названиям главы рода, племени, приведем несколько примеров генетической связи таких названий вождя, resp. царя в некоторых индоевропейских языках с названиями 'род, рождаться': др.-в.-нем. *chuning*, нем. *König* — к **kuni(a)-* 'род', и.-е. **ĝen-*, также — готск. *kindins* 'ἡγεμών' < **ĝentinos*[212], ср. аналогичное хеттск. *haššu-š* 'царь' — к *hašš-* 'рождаться'.

В славянском большую роль в образовании некоторых подобных терминов сыграло древнее прилагательное *starъ*, ср. русск. *ста́рый*, укр. *старий* и пр. Из других индоевропейских языков сюда относят, более или менее единодушно, следующие формы: литовск. *stóras* 'толстый, объемистый', др.-исл. *stōrr*, др.-сакс. *stōri* 'большой', англосакс. *stōr* 'сильный', др.-инд. *sthirá-* 'крепкий, твердый, неподвижный'[213]; ср. также осет. *styr*, *stur* 'большой'[214], возможно также афг. *star* 'большой'[215]. Все эти слова правдоподобно объясняются как производные от индоевропейской глагольной основы **stā-* 'стоять' с суффиксом *-ro-*, причем различие в корневом вокализме слов заставляет предположить формы **stā-ro-s* (слав. *starъ*) и **stə-ro-s* (др.-инд. *sthirá-ḥ*)[216].

Сравнение слав. *starъ* с лат. *strit-(avus)* давно оставлено[217]. Неудачно сравнение слав. *starъ* с ирл. *struith* (**strutiu* 'старый, почтенный')[218].

Слав. *starъ* имеет значение 'старый', но анализ родственных форм заставляет видеть в этом значении семантическое новшество славянского, ср. этимологическую связь с и.-е. **sta* 'стоять'.

Значение 'старый' в любом из оттенков ('ветхий', 'дряхлый', 'преклонного возраста') не исконно для *starъ* даже в рамках славянского, о чем говорит специальный термин с такими значениями — слав. *vetъхъ*[219]. Напротив, даже в славянском сохранились определенные следы вероятного древнего значения 'имеющий силу, крепкий, большой', ср. часто

---

212 S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch . . ., стр. 311.

213 Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 607; А. Преображенский, т. II, стр. 373; Holub — Kopečný, стр. 349—350.

214 В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 20.

215 Ср. Wilhelm Geiger. Afganische Studien. — KZ, Bd. 33, 1893, стр. 257; G. Morgenstierne. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927, стр. 70—71.

216 Ср. A. Meillet. Études, стр. 404; Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 116; Witold Jan Doroszewski. Monografie słowotwórcze. — PF, t. 15, część druga, 1931, стр. 284.

217 Ср. еще B. Delbrück, стр. 476.

218 Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков, стр. 48.

219 Ср. V. Machek. Etymologies slaves, стр. 107—108.

в русских былинах: „Ах, ты, *старыя* казак да Илья Муромец“ (о могучем богатыре, совершившем богатырские подвиги во цвете лет); ср. также значения активности, деятельности, проявляющиеся в русск. *стара́ться*[220], в интересном чешск. *starost* ‘забота’, по форме = русск. *старость*[221]. Таким образом, факты славянского не противоречат предположению о древнем значении ‘сильный, деятельный’. Отсюда ясно использование слав. *starъ* как обозначения старейшины, главы рода, племени, главным образом, — в производных формах **starěišь*, **starьšьjь*, *-ina*, *starosta*[222]. Сравнение форм может дать указание на их семантическое развитие. Так, не вызывает сомнения то, что в древности именно слав. *starъ* обозначало влиятельного в роде, племени человека, ср. др.-русск. *старая чадь* в „Повести временных лет“ ‘господствующие люди’. Несколько позднее в славянском появляются с этими же значениями общественного старшинства производные от *starъ* формы: **starěišь*, **starьšьjь*. Видимо, непроизводная основа *starъ* уже не могла по каким-то причинам употребляться в этом значении.

В акцентологическом отношении слав. *starъ* (ср. сербск. *ста̑р*) со старой акутовой долготой правильно соответствует литовск. *sóras* с акутовой долготой[223].

Слав. *starъ* уже со специфически славянским значением ‘старый’ позднее употреблялось в ряде случаев в значении родственных названий: укр. *стара́* ‘жена’, польск. диал. *stara* ‘жена’, ‘мать’[224], прибалт.-словинск. *stårkă* ‘бабка’ ‘свекровь’.

Непосредственно к слав. *starъ* примыкает старое производное *starosta*: русск. *ста́роста*, польск. *starosta*[225], чешск. *starosta*, полабск. *storüöst(a)* ‘Schulze’ — все с одним общим значением: ‘глава, управляющий’. Не перечисляя всех конкретных значений, которые слово приобрело позднее, в условиях нового общественного строя, отметим, что оно продолжает именно архаическое значение слав. *starъ*: ‘главный, имеющий силу, власть’. Этому вполне соответствует и старый, непродуктивный тип производного *starosta*. Мы подошли к вопросу об образовании слав. *starosta*, который решался различным образом. А. Мейе[226] объяснял образования женского рода на *-ostь* (слав. *starostь* и под.) из *-es*-основы в соединении с суффиксом *-t-*, здесь — *-ta-* (суффикс деятеля): *staros-ta*. Это объяснение устарело и является неверным. Само собой разумеется, связь образования *starosta* : *starostь* сомнению не подлежит, ср. более позднюю аналогию с чешск. *přednosta* ‘представитель власти’: *přednost* ‘преимущество, видное положение’. Все они имеют общий суффикс *-st-* (*sta-*, *-stь*), являющийся древним формантом, в чем могут убедить очень близкие образования литовского с суффиксом **-stā* (>*stà*: *gyva-stà*, род. *gyvãstos* ‘житье, жизнь’)[227]; несмотря на свою

---

220 Еще Ф. Миклошич („Etymologisches Wörterbuch“, стр. 320), правильно относил его к *starъ*. А. Преображенский, т. II, стр. 372, говорит об этих словах путанно, с изложением неоправданных сомнений.

221 Holub — Kopečný, стр. 349.

222 Ср. об этих терминах: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 54. Морфологический анализ формы *starěšina* при *starěišina* см. Г. А. Ильинский. Об одной аномалии в образовании сравнительной степени в праславянском языке. — „Prace ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay“, 1921, стр. 234—241.

223 J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, 1. Teil. Heidelberg, 1913, стр. 119.

224 J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. 5. Krakow, 1907, стр. 223.

225 См. J. Birkenmajer. Kmieć i starosta. — JP, t. 21, 1936, стр. 174—176.

226 A. Meillet. Études, стр. 295; А. Преображенский, т. II, стр. 373.

227 Пример взят у Буги из его ценных, к сожалению так и оставшихся в рукописи, замечаний и поправок к словарю Преображенского („Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etimologijos žodyno“, № 127: *староста*. — Отдел рукописей Вильнюсского университета), где Буга указывает на необходимость членения *старо-ста*.

полную морфологическую прозрачность образование является редкостью и для литовского языка, что говорит о его известной древности. Во всяком случае П. Скарджюс[228] знает только один случай с суффиксом *-(a)sta*, причем этот случай — *gyvastà* (дусятский говор) — взят им, несомненно, у Буги. Кроме всего прочего, литовские образования с суффиксом *-sta* являются отвлеченными названиями действия, состояния, в то время как слав. *starosta* — название лица. Если вспомнить, что родственный суффикс *-stь* также образует существительное со значением состояния, действия, качества, вполне допустимо предположить, что слав. *starosta* позднее развило значение лица. Близкие к славянским образования с суффиксом *-st-* хорошо известны, помимо балтийского, где есть и соответствие слав. *-(o)stь* в литовском *-(a)stis*, также в германском, ср. др.-в.-нем. *dionôst*, нем. *Dienst* 'служба'[229], в хеттском, ср. *dalugaštiš* = слав. *dl̥gostь*. Сейчас совершенно очевидно, что суффикс *-st-* является древним индоевропейским формантом, как это подчеркивает, например, Г. Краэ[230], называя славянские на *-ostь*: *starostь* и др. Он справедливо отмечает невозможность строгого разграничения имен деятеля и абстрактных имен среди образований на *-st-*. Со слав. *starosta* можно сравнить еще ср.-ирл. *foss* 'слуга', вал. *gwas*, корнск. *guas*, брет. *gwas*, галл. *Dagouassus* < **upo-stho-*, ср. санскр. *upa-sthāna-m* 'попечение, служба'[231]. Возможность этимологической связи суффикса *st-* и и.-е. *sta-* 'стоять' вероятна, ср. значения состояния у образований с этим суффиксом. Но ввиду древности этой связи указание на нее почти никакого значения не имеет для анализа славянских производных, где, конечно, связь с *sta-* 'стоять' не ощущалась, а использовался лишь унаследованный индоевропейский формант. Поэтому мы не можем так свободно толковать значения славянских имен лиц с суффиксом *-st(a)*, как это делал Г. А. Ильинский: 'находящийся, в состоянии'[232].

Считать, что слав. *starosta*, *starějьšina* представляют лишь перевод лат. *senior* 'старший'[233], нет надобности.

Другие индоевропейские основы со значением 'старый' были поставлены в славянском в невыгодные условия и вытеснены новым *starъ* 'старый'. Полагают, что славянский утратил и.-е. **sen-* 'старый', известное ряду древних индоевропейских языков, ср. лат. *senex*, *senis*, *senior*, греч. ἕνος 'старый', ἕνη καὶ νέα 'день перед новолунием и первый день месяца', др.-инд. *sána-ḥ*, авест. *hana-* 'старый', готск. *sineigs* 'πρεσβύτης', *sinista* 'старейший', арм. *hin* 'старый', др.-ирл. *sen* 'старый', ср. также литовск. *sēnas* 'старый', *sēnis* 'старый'[234]. Современный литовский язык сохранил очень древнее слово с неизмененным значением. В литовском этот корень сохраняет большое значение и насчитывает разнообразные производные формы: *senata* 'старик', *senystà* с суффиксом *-(y)stà*, интересное в структурном и семантическом отношении для понимания *starosta*, поскольку отмечено как с отвлеченным значением состояния — 'старость', так и со значением лица — 'старик'; ср. еще русск. *старина́*

---

[228] P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 366.

[229] F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte, стр. 80.

[230] Hans Krahe. Über *st*-Bildungen in den germanischen und indogermanischen Sprachen. — „Beiträge“, Bd. 71, 1949, стр. 225—250.

[231] Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков, стр. 26.

[232] См. например, его „Праславянскую грамматику“ (Нежин, 1916), стр. 377 об основах на *-sto-* и *-sta-*, где он называет и соответственно толкует слав. *nevěsta* и *starosta*.

[233] См. L. Niederle. Rukovět’ slovanských starožitností, стр. 328.

[234] A. Walde. Указ. соч., стр. 698—699; Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 494.

в обоих значениях; *senŷstė* с суффиксом *-ystė* 'старость', *senatvà*, *senãtvė*[235] с тем же значением.

И.-е. **ĝer-*, давшее греч. γέρων 'старец', γῆρας 'старость', γραῦς 'старуха'[236], др.-иранск. *zarant*, др.-инд. *jarant*, осет. *zœrond* 'старый', ср. скифск. имя собственное Ζάρανδος[237], тохарск. AB *kur* 'слабость, старость' < **ĝer-w-*[238], как полагают, сохранилось в славянском в виде *zьrěti*, а также в очень древней производной форме, унаследованной от индоевропейского и имеющей собственные соответствия в ряде языков: *zr̥no*[239].

Исключительную роль в образовании целого ряда названий господина, хозяина, супруга сыграл индоевропейский корень **pot-*, издавна заслуженно пользовавшийся большим вниманием лингвистов, видевших в нем древнее значение 'господин, родоначальник, pater familias'[240], которое должно было многократно развиться и измениться в условиях отдельных языков. При этом одному из значений и.-е. **pot-* в этимологических исследованиях уделяется обычно немного внимания, в то время как его древность совершенно бесспорна. Здесь имеется в виду значение 'сам' у литовск. *pàts*, *patiẽs* м. р., *pati* ж. р., авест. *xvaē-pati-* 'он сам'[241]. Эти свидетельства имеют большую доказательную силу. Есть основание думать, что древнейшим значением и.-е. **pot-* было местоименное значение, предполагающее соответствующую морфологическую функцию и роль. Так могут быть правильнее поняты вероятные случаи энклитического употребления безударной формы **pot-*, например, лат. *pte*, подчеркивающее отношение к соответствующему лицу, ср. случаи *mihipte*, *meopte*, *suapte*[242]; сюда же, возможно, хеттская энклитика с неясным значением *-pít*. И.-е. **pot-* 'сам' представляло прекрасную семантическую основу для позднейшего развития значений 'супруг, муж', в чем убеждают семантические аналогии литовск. *pàts* 'сам; супруг', *patì* 'сама; супруга', русск. *сам*. Таким же вторичным могло явиться значение 'господин, хозяин, начальник, глава', которое обычно реализуется лишь в разнообразных сложениях с конкретизирующей первой частью, причем эти сложения в отдельных индоевропейских языках совершенно расходятся между собой как материально различные, хотя и аналогичные образования. Если, напротив, признать древними значения 'глава рода, pater familias', то это чревато непреодолимыми трудностями семантического порядка. В частности, просто невозможно будет из этих значений объяснить факты чисто местоименного происхождения, энклитики и их значения. Эти известные индоевропейские факты были изложены здесь с целью показать, что в общепринятом объяснении далеко не все несомненно и что, кроме ряда специально лингвистических моментов, сомнению подлежит существование общеиндоевропейского термина 'глава рода' в смысле 'мужчина-вождь'. Реальную форму для него указать трудно. Исходной является индоевропейская основа **pot-*, *póti-*, ср. готск. *fadi-* в сложении *brūþ-fadi-* 'жених'[243], др.-инд. *pátiṣ* 'госпо-

---

[235] P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стр. 336, 369, 371, 378, откуда взяты литовские примеры.

[236] W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, стр. 58.

[237] См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 20.

[238] J. Duchesne-Guillemin. Tocharica. — BSL, t. 41, 1941, стр. 146.

[239] См. J. Pokorny, стр. 390; *ĝer-*, *ĝerə-*, *ĝrē-*.

[240] Ср. O. Schrader. Reallexikon, стр. 215.

[241] Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 77—78.

[242] А. Вальде придерживается иного мнения („Lateinisches etymologisches Wörterbuch“, стр. 620).

[243] K. Verner. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. — KZ, Bd. 23, 1875, стр. 97 и след.; ср. еще J. Kuryłowicz. Accentuation, стр. 236, где говорится об исконной баритонности слова.

дин, хозяин, супруг', авест. *paitiş*, среднеперс. *pat*, новоперс. *-bad* (в сложениях) 'господин'[244], греч. πόσις 'супруг', δεσ-πότης 'господин', лат. *potis* 'могучий; могущественный', *hospes*, *hospitis* 'гость; хозяин'[245]. Алб. *fat* 'супруг' считают заимствованным из герм. **fadi*[246]. Литовск. *pàts* подробно анализирует П. Скарджюс[247], который говорит о происхождении данной балтийской *-i*-основы из первоначальной согласной основы, ср. образование др.-инд. *pát-ni* 'госпожа, жена', литовск. *vieš-patni*. В огромном большинстве случаев для и.-е. *pot*-обобщена *-i*-основа, от которой образован глагол др.-инд. *pátyate* 'господствует'[248].

Предположение Вейсвейлера о заимствовании и.-е. **potis* < шумерск. *pa-te-si* 'глава города' было встречено неодобрительно М. Майрхофером[249], который не согласен с Вейсвейлером в том, что значение 'сам' для и.-е. **potis* вторично.

И.-е. **pot-* в славянском сохранилось в „связанном" виде, в составе сложения: ст.-слав. господь. Это отмечает А. Мейе, указывая, что вторая часть сложения представляет древнее **pot-*, **pod-* со смешанной парадигмой склонения из форм на *-i-* и на *-o-*[250]. Смешение этих форм легко понять как результат естественных аналогических воздействий в сфере форм склонения. Менее ясен вопрос о развитии слав. *-podь* из и.-е. **pot-*. Некоторые исследователи только констатируют наличие двух различных форм с *t* и с *d*, ср. А. Брюкнер[251], который отмечает вторичность слав. *-d-* в *-podь*, как в *tvьrdъ* : литовск. *tvìrtas*. А. Мейе пытался обосновать также древность обоих вариантов **pot-*/**pod* причем *pod-*, кроме *gospodь*, ср. еще в греч. δεσπόζω[252], с чем не все согласны. Оригинальное объяснение предложил В. Венгляж[253], усмотрев в *gospodь* (при *potьběga*) форму с *d*, озвонченным в вин. п. ед. ч. **ghost-pot-m̥* перед носовым сонантом. Напротив, совершенно произвольно объяснение Яна Отрембского[254]: *d* в *gospodь* происходит из частого употребления сложения *gos-podь* в обратном порядке: **pod-gost-*, русск. *погост* (?). Наиболее серьезно объяснение В. Венгляжа, слабым местом которого, правда, является отсутствие достоверных аналогий озвончения глухого согласного перед окончанием винительного падежа единственного числа.

Р. Мух[255] стремился объяснить *d* иным путем, предполагая заимствование из германского, где *-d-* (из и.-е. *t*) закономерно, ср. готск. *brūþ-fadi-* 'жених', *hunda-fadi-* 'сотник'. Но для этого нужно было принять готск. **gas(ti)fadi-*, которое ни готскому, ни остальным германским языкам неизвестно.

Греч. δεσπότης, санскр. *jā́s-pati-* слав. *gospodь* в своей первой части совершенно различны в материальном отношении[256]. Слав. *gospodь*,

---

244 C. C. Uhlenbeck, стр. 154.

245 Walde — Pokorny, Bd. II, стр. 77—78.

246 N. Jokl. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung, стр. 107.

247 P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, стг. 49; см. еще K. Mülenbach, III, стр. 124.

248 См. É. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen, стр. 63—64.

249 M. Mayrhofer. Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende. — „Studien zur indogermanischen Grundsprache", 4. Heft. Wien, 1952, стр. 40—41.

250 A. Meillet. Études, стр. 207.

251 A. Brückner. Über Etymologien und Etymologisieren, стр. 40—45.

252 A. Meillet. Sur les correspondants du mot sanscrit *pátiḥ*. — WuS, Bd. 12, 1929, стр. 17.

253 W. Węglarz. Przyczynek do prasłowiańskiej fonetyki historycznej. — „Sprawozdania PAU", t. XLI, 1936, стр. 313—316.

254 См. рецензию Я. Отрембского на кн.: J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 4—5. — „Lingua Posnaniensis", t. III, 1951, стр. 296.

255 R. Much. Der germanische Himmelsgott. — „Abhandlungen zur germanischen Philologie. Festgabe für Richard Heinzel". Halle, 1898, стр. 213—214.

256 H. Pedersen. Die Gutturale im Albanischen. — KZ, Bd. 36, стр. 32.

которое нас здесь главным образом интересует, объясняют обычно из *gostь-podь как сокращение в речи[257]. Кроме Э. Френкеля, особенно последовательно проводившего эту точку зрения, объясняет из *gostь-podь, правда, через „дистантную“ диссимиляцию, славянское слово В. Махек[258]. Таким образом, лингвисты отказываются от старого объяснения А. Мейе[259], принимаемого на веру А. Преображенским[260]: из *gio/es-, которое объединяет санскр. jas-, греч. δεσ-. Согласен с точкой зрения Э. Френкеля и В. Махека также Фр. Славский[261].

Обстоятельное объяснение происхождения *d* в слав. *gospodь* предложил Э. Френкель[262]. Он отклоняет существующие объяснения, видя в наличии *d* славянское новшество, возникшее под влиянием созвучной, употребляющейся рядом формы слав. *svobodь*. Греч. δεσπόζειν, по мнению Э. Френкеля, не может быть объяснено как местное аналогическое изменение из *δεσπόσσειν. Принимаемое другими происхождение *d* из смешанной согласной парадигмы склонения **pot-/*pod-* он обходит. Итак, основное значение Э. Френкель придает влиянию *svobodь* 'свободный' на *gospodь*, которые он как слова, близкие по значению, противопоставляет ст.-слав. рабъ. Возможности влияния обоснованы им недостаточно, факты и примеры отсутствуют, да и сама близость упомянутых двух слов не очевидна. Ст.-слав. свобода 'свободный' — результат позднего переразложения слав. собир. *svob-oda* (см. выше). Поэтому изложенные Э. Френкелем попутно соображения, согласно которым, *svobodь* : *s(v)obь* = φυγάς, φυγάδος : φυγή, а латышск. *svabads* 'schlaff, müde, los, ungebunden' исконно родственно с *svobodь*, не могут не вызвать возражений.

В сложении литовск. *viẽšpats* (**u̯eik̑s-pot-*, ср. готск. *weihs* 'κώμη, ἀγρός') Э. Френкель видит старый синоним слав. **gostь-podь*, ср. значения современных литовск. *viešis* (диал.), латышск. *viesis* 'гость'. Термин **gostьpodь* сначала использовался как обращение чужеземцев к главе рода, а потом был обобщен как обращения самих членов рода к главе[263]. При всей допустимости этих объяснений нужно согласиться, что в истории слав. *gospodь* еще очень много неясного как в развитии значения, так и в развитии фонетической формы. Таким образом, направление семантического развития и.-е. **pot-* следующее: первичность местоименного значения, включение в отдельных языках в термины родства, образование целого ряда вторичных сложений с конкретными функциями, одним из которых является слав. *gospodь*[264].

---

[257] См. E. Fraenkel. Lituanica. — KZ, Bd. 50, 1922, стр. 215 и след.; его же. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den baltoslavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1923, стр. 401—402; его же. Morphologisches und Etymologisches. — „Lingua Posnaniensis“, t. IV, 1953, стр. 101. О первой части сложения см. также Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика, стр. 305.

[258] См. V. Machek. Etymologies slaves, стр. 97—98.

[259] A. Meillet. — MSL, t. 10, стр. 139.

[260] А. Преображенский, т. I, стр. 151.

[261] Fr. Sławski, стр. 326; ср. еще Holub — Kopečný, стр. 129.

[262] E. Fraenkel. Slavisch *gospodь*, lit *viẽšpats*, preuß. *waispattin* und Zubehör.—ZfslPh, Bd. 20, 1948, стр. 51—89.

[263] Ср. V. Machek. Etymologies slaves, стр. 97—98.

[264] Старые объяснения см. A. Pictet. Les origines indo-européennes, t. II, стр. 64; J. Schmidt. Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen. — KZ, Bd. 25, 1879, стр. 16, 145, который предвосхищает уже упоминавшееся объяснение А. Мейе; O. Richter. Griech. δεσπότης. — KZ, Bd. 36, 1898, стр. 111 и след.: **ge/₀S-podā-* 'невольница', ср. авест. *jahikā-*'die Dirne' и греч. πέδη 'оковы'; J. Loewenthal. Etymologische Parerga. — „Beiträge“, Bd. 49, 1924—1925, стр. 423; **ghostipədi-s* 'der Gäste hat': ст.-слав. попадж, др.-в.-нем. *fazzon* 'хватать'; Ф. Е. Корш. — „Известия Академии наук“, 1907, стр. 755—768: *gospodarь* < перс. *gōspanddār* и др. Цит. по кн.: А. Преображенский, т. I, стр. 151.

Женская форма от и.-е. *pot- образовывалась присоединением к согласной основе суффикса *-n-iā-[265]. Значение *pot-niā, *potnī обнаруживает явную зависимость от вторичных мужских значений и.-е. *pot-, реализованных большей частью в сложениях δεσπότης, jāspati-, dampati-, gospodь, viēšpats 'хозяин, господин' и т. д. (ср. выше), следовательно, засвидетельствованное значение *potniā: греч. πότνια 'госпожа, владычица', др.-инд. pátnī, также вторично, ср. сложение др.-литовск. viešpatni, греч. δεσ-ποινα. Славянская форма, продолжающая древнюю женскую форму на -ni, а именно — *gospodyńi, польск. gospodyni 'хозяйка', претерпела целый ряд дополнительных фонетических изменений, влияний и выравниваний. Непосредственно *potnī, литовск. -patni дало бы слав. *(gos)podni > *gosponi, после чего могло наступить выравнивание > gospodyńi — по мужск. gospodь с заметным влиянием старых -y-основ: svekry и др.[266] Так возник славянский формант -yńi. Из балтийских языков сопоставлять как генетически родственные допустимо только конкретные образования *(gos)podni и (vieš)patni с суффиксом -ni. Уже gospodyńi является чисто славянским новообразованием, поэтому приравнивать слав. -yńi к литовск. -ūnė[267], очевидно, нет смысла. Некоторые исследователи считают возможным заимствование суффикса -yńi из германского[268].

Еще более поздним образованием женского рода от gospodь является производное с суффиксом -ja *gospodja: русск. госпожа́[269].

Оригинальным славянским образованием от gospodь является первоначально собирательное gospoda: русск. господа́, сербск. го̀спода[270], ср. другие старые славянские собирательные на -a: svoboda, jagoda. Древнее место ударения сохранил русский язык: господа́. Последнее слово в самом русском осмыслено как форма множественного числа, поскольку именно в русском формы на a получили характерное развитие во множественном числе от имени мужского рода. Значение места — польск. gospoda и др. 'корчма, трактир' — развилось у слова позже и не во всех славянских языках[271].

К слав. gospodь относят также еще слав. panъ, panьji, известные, собственно, только в западнославянских языках (ср. польск. pan, pani, чешск. pán, pani 'господин, госпожа'), но, вероятно, сохраненные этими языками в числе многих других лексических архаизмов со времен славянской общности. С поздним тюркским заимствованием župan, как отмечал еще А. Брюкнер[272], эти слова не имеют ничего общего. В. Махеком были предприняты в общем интересные попытки определения для слав. panъ, panьji собственной индоевропейской этимологии[273]. В. Махек в своей этимологии исходит из слав. panьji, объясняемого как продолжение индоевропейского *potnī, *potnia. Фонетическая сто-

---

265 Ср. A. Meillet. Essai de chronologie des langues indoeuropéennes, стр. 22.

266 J. Zubatý. Zu den slavischen Femininbildungen auf-yńi, стр. 355—365; E. Hermann. Entstehung der slavischen Substantiva auf -yńi. — ZfslPh, Bd. 12, 1935, стр. 119, 120; J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, Г. II. Heidelberg, 1942, стр. 194.

267 Как это делают Ф. Шпехт (F. Specht. Die Flexion der n-Stämme im Baltisch—Slavischen und Verwandtes. — KZ, Bd. 59, 1932, стр. 222—223), В. Порциг (W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954, стр. 182 и след.).

268 A. Vaillant. — RÉS, t. 24, стр. 181—184; A. Bajec. Besedotvorje slovenskega jezika, I. Ljubljana, 1950, стр. 47.

269 V. Machek. Etymologies slaves, стр. 97—98; Fr. Sławski, стр. 325.

270 A. Meillet. Études, стр. 251; J. Lohmann. Das Kollektivum im Slavischen. — KZ, Bd. 58, 1930, стр. 206.

271 Fr. Sławski, стр. 324.

272 A. Brückner. Etymologische Glossen. — KZ, Bd. 43, 1909—1910, стр. 324.

273 Ср. также Holub — Kopečný, стр. 263.

рона очень правдоподобна, но при этом необходимо принять удлинение *vṛddhi* в славянском, не вполне ясное в функциональном отношении (иначе и.-е. **potnī* > слав. **ponьji*, вместо *panьji*). Так устанавливается этимологическая связь этой формы с и.-е. *pot-*[274], причем мужская форма **panъ* этимологически вторична, образована от описанной женской и играла в западно-славянских языках роль вытесненного в этой функции слав. *gospodь*.

Эти предполагаемые производные от и.-е. **pot-* в славянском интересны тем, что они, видимо, образованы помимо славянского сложения с тем же **pot-*: *gospodь* и древнée этого сложения. Различные этимологические данные позволяют предположить, что славянский язык в древности знал и.-е. **pot-*, **poti-* как чистую основу в одном из ее вторичных индоевропейских значений: 'муж, супруг'. На этом основывается изложенная этимология слав. *panьji*—*ni*-производного от **pot-* со значениями 'госпожа' ('жена'), что позволяет думать о существовании в древнейшем славянском парного мужского **potь* 'муж, супруг', забытого затем в силу неблагоприятных условий существования такой формы в славянском. Таким образом, в древнейшем славянском языке обнаруживается положение, достоверно известное для литовского: *pàts* 'сам', 'муж', *patì* 'сама', 'жена', архаические формы, не знающие вне сложения *viẽšpats* значения господин'. Существование слав. **potь* 'муж' подтверждает известное слав. *potьběga* 'разведенная, отпущенная, прогнанная жена': ст.-слав., др.-русск. подъпѣга 'ἀπολελυμένη', также потьпѣга, подъбѣга, др.-польск. *pocbiega*, чешск. *podběha*, — слово, очевидно, содержащее в первой своей части **potь*, ср. значения 'отпущенная, разведенная жена' в памятниках. Затемняющие структуру слова колебания в написаниях не удивительны, а лишь свидетельствуют о древней этимологической неясности слова ввиду ранней утраты слав. **potь* и распространения **mǫžь* в соответствующем значении. Тем не менее неясности касаются больше этимологии второй, видимо, отглагольной части: *-пѣга*, *-бѣга*. Первая часть представляет всегда *potь*, *поть*, иногда озвонченное перед *b*: *podь*. Значение 'разведенная, убежавшая жена' не предполагает какого-то развода в современном смысле[275]. Таким образом, славянскому был известен переход и.-е. **pot-* в имена родства, о примерах которого в других индоевропейских языках — санскр. *páti-*, греч. πόσις 'супруг' говорит Б. Дельбрюк[276].

Наконец, видимо, наиболее позднее из старых славянских обозначений старшего, главы, начальника: слав. **voldyka*. Поздний характер этого слова выражается в чисто славянском способе образования, а также в его значении, которое говорит о том, что в слав. **voldyka* мы имеем термин, обозначающий вождя, полновластного начальника и знаменующий начало первых государственных объединений у славян. Потом, как мы знаем, такие государственные вожди у славян стали обозначаться заимствованными терминами, от чего распространение слав. **voldyka* сузилось: оно неизвестно, например, в восточнославянских языках, если не считать заимствования, восходящего к ст.-слав. владыка. Говоря о конкретном значении слав. **voldyka* как обществен-

---

[274] V. Machek. Étymologies slaves, стр. 98—100.

[275] А. Мейе сомневается в возможности толковать слово, указывая на неясность его частей (Études, стр. 247). Так же — А. Преображенский, т. II, стр. 88. Отлично от других — A. Brückner. Wzory etymologii i krytyki źródłowej, II. — „Slavia", roč. 5, 1927, стр. 432. Специально об этом слове см. Р. Ф. Брандт. Дополнительные замечания к Разбору этимологического словаря Миклошича. — РФВ, т. XXIII, 1890, стр. 304—305. Подробную литературу см. M. Vasmer, Bd. II, стр. 385.

[276] B. Delbrück, стр. 383.

ного термина, нужно упомянуть гипотезу И. Ю. Микколы[277]. Миккола касается событий из истории борьбы болгар и авар в VII в., в результате которой болгары были разбиты, частично бежали в Баварию, откуда им опять пришлось спасаться бегством. Они прибыли в Marca Vinedorum, в область словенцев. „Хроника" Фредегара повествует об их пребывании „cum Wallucum, ducem Winedorum". В этом *Walluco* Миккола видит своего рода глоссу (ср. дальше лат. *ducem*) и читает ее как *Valduco* = слав. *voldyka*, архаическую славянскую звуковую форму до метатезы плавных и до перехода *ū* > *y*.

Слав. **voldyka* отражено, кроме ст.-слав. владыка 'δεσπότης, ἡγεμών', еще в сербск. *вла̀дика*, др.-сербск. *владыка* 'rector et gubernator', чешск. *vládyka*, польск. *włodyka*. Вероятное членение слова: **voldy-ka* вполне закономерно. Суффикс *-k-* здесь, как во многих других образованиях славянского, присоединен к основе на *-y*: ср. *języ-kъ*, *kamy-kъ* и др. Мейе[278] предлагает сравнение в словообразовательном отношении с греч. κήρῦκος с последующим присоединением суффикса *-ā-*, ср. *vojevoda*; в общем он считает **voldyka* образованием, единственным в своем роде. В формальном отношении вероятно происхождение от причастия настоящего времени **voldy* : **volděti*[279] с выравниванием основы по влиятельным славянским титулам на *-a*: *starosta*, *sǫdьja*, *vojevoda*. Заимствование **voldǫ*, **voldy* < герм. **waldan* маловероятно, поскольку чрезвычайно близкие и исконно родственные формы (литовск. *velděti* 'наследовать' и др.) имеет балтийский, как указывал еще Брюкнер[280]. Напротив, довольно отчетливо прослеживается древняя германо-балто-славянская изоглосса: расширенная зубным суффиксальным элементом индоевропейская основа **u̯al-* 'быть сильным'[281]. Таким образом, древнейшие этимологические связи слав. **voldyka* более очевидны, чем его конкретное славянское оформление, еще не вполне ясное. В этом отдавали себе отчет исследователи, стремившиеся объяснить форму: так, И. Ломан сравнивал **voldyka* с др.-прусск. *waldūns* 'Erbe'[282], В. Махек[283] видит в слав. **vold-yka* образование с древним непродуктивным суффиксом *-ūka*, ср. санскр. *-ūka* : *jāgarūka-*, *dandaśūka-*.

Несколько слов о терминах, противопоставленных славянским названиям старших, полновластных людей, членов рода и т. д.: *junъ*, *юный*: литовск. *jáunas*, индоевропейского происхождения[284]. Кроме этого древнего названия, славянский имеет в том же значении **moldъ*, *молодо́й*, ср. др.-инд. *mṛdúṣ* 'нежный, мягкий', лат. *mollis* то же, др.-в.-нем. *smelzan* 'таять'[285], но всюду, кроме славянского, оно фигурирует как технический термин 'молоть' > 'молотый, растертый'[286], ср. наличие характерного суффикса *-d-* в слав. **moldъ*. И только в славянском языке **moldъ* приобретает качественно новое значение 'молодой'. Это слово, наряду с *junъ*, могло возникнуть из первоначального конкретного эпи-

---

[277] См. J. J. Mikkola. Ein altslovenisches Wort in Fredegars Chronik. — AfslPh, Bd. 41, 1927, стр. 160.

[278] A. Meillet. Études, стр. 335—336.

[279] Ср. иначе — A. Brückner. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen. — AfslPh, Bd. 42, 1929, стр. 127, сноска 1.

[280] Там же.

[281] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 219.

[282] J. F. Lohmann. Abg. vladyka, — KZ, Bd. 60, 1932, стр. 287.

[283] Machek. „Récueil linguistique de Bratislava", I, 1948, стр. 100—101.

[284] Walde — Pokorny, Bd. I, стр. 200.

[285] C. C. Uhlenbeck, стр. 230.

[286] См. E. Fraenkel. Zur litauischen Stammbildung und Syntax — KZ, Bd. 57, 1929—1930, стр. 174—182.

тета. Об исключительно важных в славянских языках собирательных производных от этого слова подробно говорит Ломан[287].

К названиям молодого, малолетнего примыкают и часто к ним восходят названия зависимых, подневольных лиц, рабов, исторически закономерно вторичные[288], ср. слав. *orbъ, ст.-слав. рабъ < и.-е. *orbho- 'малый, маленький' (см. выше). Причины такого позднего появления названий подневольных лиц очевидны, при родовом строе в этих названиях не было необходимости. Есть отдельные менее ясные случаи, ср. слав. *xolpъ: русск. *холо́п*, польск. *chłop* 'крестьянин, мужик', чешск. *chlap* 'холоп; крепкий мужчина', сербск. *хла̏п, хла̂п* 'холоп, слуга', словенск. *hlâp* 'глупец'. Это слово также определенным образом связано с названиями малолетних и терминами родства, ср. польск. *chłopiec*, болг. *хла́пе* 'мальчик', далее — польск. диал. *xlop* 'муж'[289], кашубск. *xłop* 'человек, мужчина; муж; крестьянин', прибалт.-словинск. *xlùọp* 'муж, мужчина'. Неясность слав. *xolpъ объясняется тем, что нам недостаточно известны этимологические связи его корня, хотя в попытках объяснений недостатка нет. Этимологическая невыясненность не дает возможности судить о ходе развития значения слав. *xolpъ, а следовательно, не позволяет определить генезис значений 'мальчик', 'муж'. Вполне допустимо, что значение 'мальчик' именно в этом примере *xolpъ развилось как вторичное в части славянских диалектов в отличие от обычного закономерного направления развития таких значений. К слав. *xolpъ, очевидно, примыкают материально близкие слав. *xolstъ, русск. *холосто́й*, *xolkъ, ст.-слав. нехлака 'беременная'[290]. К сожалению, кроме видимой материальной близости этих слов и частичных семантических соприкосновений, их также объединяет и общая невыясненность этимологии корня.

Старые этимологические обзоры форм см. у Ф. Миклошича, Э. Бернекера[291]. И. Зубатый считал корень *xol- (русск. *хо́лить*, зап.-слав. *pa-xolъ 'подросток' и др.) междометным по природе[292], как и многие другие славянские образования с согласным *x*-, упуская из виду слав. *xolpъ. Последнее может и не быть случайностью, так как производные с суффиксом *-pъ* — редкость в славянском, но они, как уже давно показал в специальной работе Ст. Младенов, вполне реальны[293]. А. Брюк-

---

[287] J. F. Lohmann. Das Kollektivum im Slavischen. — KZ, Bd. 58, 1931, стр. 208 и след.

[288] Этого не выделяет К. Бругман, посвятивший вопросу специальное исследование: „Zu den Benennungen der Personen des dienenden Standes in den indogermanischen Sprachen". — IF, Bd. 19, 1906, стр. 377—391.

[289] Gejza Horák. Nárečie Pohorelej, стр. 158.

[290] Ф. Прусик видит в последних словах первоначальные технические термины 'кастрированный, бесплодный', ср. форму с отрицанием ст.-слав. нехлака („Slavische Miszellen". — KZ, Bd. 33, 1893, стр. 157). Первоначальное значение, по его мнению, сохранилось в ст.-слав. хластити, русск. *холостить*. Он сопоставляет их с англосакс. *sulh* 'борозда, плуг', греч. ὁλκός, лат. *sulcus* 'борозда', *s̥lk, *solk 'резать'. В значительной степени трудности, стоящие перед этимологией, объясняются наличием *x* в начале слова, тем более, что слав. *x* в этой позиции до последнего времени является предметом споров между лингвистами. Так, Х. Педерсен один раз объяснил это *x* в хлакъ и родственных из *ks*: *ksōl, сюда же лат. *sōlus*, другой раз — из *k*, *kh*, ср. нем. *halb* 'полу-, половина', т. е. хлапъ 'нечетный, непарный' > 'неженатый'; формы хластъ и хлакъ он объясняет как производные от хлапъ. (H. Pedersen. Das indogermanische *s* im Slavischen. — IF, Bd. 5, 1895, стр. 64; его же. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, Bd. 38, 1902, стр. 373, 374, 375). Естественно, что этот второй вариант этимологии совершенно неприемлем, как справедливо отмечал еще Уленбек (C. C. Uhlenbeck. Die Vertretung der Tenues aspiratae im Slavischen. — IF, Bd. 17, 1904, стр. 97).

[291] F. Miklosich, стр. 88; E. Berneker, Bd. I, стр. 394.

[292] J. Zubatý. „Studie a články", Svazek I, č. první. Praha, 1945, стр. 164 и след.

[293] St. Mladenov. Die labiale Tenuis als wortbildendes Element im Slavischen. — AfslPh, Bd. 36, 1915, стр. 116—135. Неправ поэтому Ф. Славский, специально ука-

нер производит *x* из **sk*, сравнивая слав. **xolpъ* 'раб' и литовск. *skeliù* 'я должен', *skolà* 'долг', готск. *skalks* 'слуга', ср. нем. *Schalk* 'шут' < 'слуга'[294]. Впрочем, Брюкнер усложняет толкование привлечением этимологически иных основ. В свое время В. Махек объяснял появление придыхательности при задненебном как результат эмоциональной окрашенности слова, его якобы уничижительного значения[295]. Характер задненебного в **xolpъ* Махек был склонен тогда объяснять весьма сложно, как своего рода веляризацию древнего палатального задненебного перед гласным заднего ряда в славянском, сопоставляя его с др.-инд. *jālmá-* 'низкий человек'[296]. Слав. *xoliti*, русск. *хóлить*, *paxolę* 'мальчик' Махек объясняет от другого корня, сравнивая с др.-инд. *kšāláyati* 'очищать'.

Балтийский не имеет форм, несомненно родственных слав. **xolpъ*, что затрудняет объяснение последнего. Близость балтийских форм, приводимых А. Брюкнером, еще не достоверна. Остающееся латышск. *kalps* заимствовано из русского языка[297]. Ст. Шобер[298] объяснял **xolpъ* вместе с польск. *chochoł* из и.-е. **skel-* || **kel-* 'складывать, спускать', т. е. **xolpъ* = 'низкий человек'. Подробно занимается этим словом В. Конечный в своей недавней рецензии труда В. Махека о начальном *x-* в славянском[299], где он, высказывая сомнение в экспрессивном происхождении этого согласного в таком положении в славянском, специально уделяет внимание примерам с корнем **xol-* в славянском. Впрочем, перечислив слав. **xoliti*, **paxolę*, **xolkъ*, **xolpъ* и некоторые другие, более далекие случаи, Копечный лишь констатирует отсутствие удовлетворительной этимологии самого корня. Подробно останавливается на происхождении слова К. Мошинский в своих замечаниях на словарь Фр. Славского[300]. Он считает возможным объяснять **xol-* в русск. *холýй*, слав. **xolkъ*, **xolpъ*, **xolstъ* заимствованием из соседивших с древними славянами иранских или тюркских языков, приводя примеры из чувашского. Польск. *pachoł* он объясняет иначе: с суффиксом *-oł*, ср. *warchoł*, от *pachać* 'ч.-л. делать'[301]. Отметим, что русск. *холуй* не имеет ничего общего с слав. **xol-*, **xolpъ*, так как оно связано скорее с русск. диал. *алýй* 'служба, услужливость', заимствованным из тюркских языков[302]. Соотношение начала слов то же,

---

зывающий: „Przeciwko tej etymologii (имеется в виду приводимая у нас ниже этимология Брюкнера. — *О. Т.*) przemawia nieznany skądinąd sufiks *-pъ*" (Fr. Sławski, стр. 68).

[294] A. Brückner. Slavisches *ch.* — KZ, Bd. 51, 1923, стр. 235; его же. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 180.

[295] V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen. — „Slavia", roč. XVI, 1939, стр. 195—196; его же. Les verbes en-*chati*. — „Lingua Posnaniensis", t. IV, 1953, стр. 127.

[296] Впоследствии сам Махек отказался от этой этимологии слав. **xolpъ*, о чем мне известно по его личному письменному указанию. Впрочем, его толкование нашло отражение у Голуба—Копечного (стр. 139).

[297] См. в последнее время — V. Kiparsky. The Earliest Contacts of the Russians with the Finns and Balts. — „Oxford Slavonic Papers", vol. 3, 1952, стр. 73. См. еще K. Mülenbach, II, стр. 144.

[298] S. Szober — PF, t. 14, 1929, стр. 599—606.

[299] См. RS, t. XVII, 1952, стр. 122 и след.

[300] K. Moszyński. Uwagi do 1 zesz. „Słownika etymologicznego języka polskiego" Fr. Sławskiego. — JP, t. XXXII, 1952, № 5, стр. 196—197, 200. Из прочей литературы см. Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика, стр. 216: **xolstъ* < и.-е.-**khel-* 'резать'; С. Младенов, ЕПР, стр. 668—669: **xolp-* < **xol-* с расширением *-po-* < **ksol-*: **(s)kol-*, ср. готск. *halks* 'бедный'; T. Lehr-Spławiński. Pol. *chłonąć*, *otchłań*. — JP, t. XXIV, 1939, № 2: о слав. **xol-* 'заботиться, опекать маленьких, слабых', сюда же **xolpъ*.

[301] Ответные замечания Ф. Славского см. JP, t. XXXIII, 1953, № 5, стр. 399—400.

[302] О слове *алуй* см M. Vasmer, REW, Bd. I, стр. 14.

что и в вариантах другого тюркского заимствования: диал. *овра́шка* 'суслик': укр. *хов͡ра́х*.

Упомянем, наконец, еще одно относящееся сюда слово с неясной этимологией: слав. *sirъ*: ст.-слав. сиръ 'orbus', др.-русск. *сирый*, *сирота*, *сиротина* 'лишившийся отца и матери', 'безродный', польск. *sierota*, чешск. *sirý*, *sirotek*, сербск. *сѝра̑к*, болг. *сира́к*, *сира́че*. На древность слав. *sirъ* указывает редкий суффикс *-r-*. В литературе предлагалось неоднократно сближение с греч. χήρα 'вдова' χῆρος 'лишенный', 'вдовый' и объяснение славянского слова из **kheiros*[303]. Единственно несомненным остается родство слав. *sirъ*: литовск. *šeirỹs* 'вдовец', предполагающее общее **k̂eiros*. Греч. χῆρος, лат. *hērēs* 'наследник' сюда не имеют отношения, так как предполагают **ĝho(i)-*[304]. Литовск. *siratà* заимствовано из белорусского языка[305].

---

[303] A. Meillet. Études, стр. 403—404; H. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, Bd. 38, стр. 395; W. Vondrák, Bd. I. стр. 346; C. C. Uhlenbeck. Die Vertretung der Tenues aspiratae im Slavischen. — IF, Bd. 17, 1907, стр. 95.

[304] Ср. J. Kuryłowicz. Études indo-européennes, I, стр. 8.

[305] P. Skardžius. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. — „Tauta ir žodis", t. VII, 1931, стр. 197.

НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ ПО СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

1. В истории названий родства по праву важное место дожно занимать изучение всякого рода образований, указывающих на происхождение, в том числе патронимических. Смысловая сторона и реальная структура многих древних типов затемнена в связи с активизацией других значений. К числу последних относятся прежде всего уменьшительные, встречаемые в тех же образованиях, что и более древние значения[1]. Важно помнить, что уменьшительные образования не имеют в этимологическом отношении своих собственных формантов. Это надо иметь в виду при этимологическом исследовании особенно тех словообразовательных типов, в которых на поздних этапах индоевропейского, например — в славянском, возобладали семантические оттенки уменьшительности, экспрессивности. Ср. *-*āko-* в словенск. *dękláča* 'девка' — *dékla* 'девушка', чешск. *synák* 'сынок': латышск. *bērnāks* 'ребеночек'[2], сохраняющее в ряде случаев довольно отчетливо старое этимологическое значение происхождения, принадлежности и в балто-славянском: польск. *rodak*, собственно '(своего) рода человек', литовск. *Simõkas* = *Sìmo sūnùs*[3]. Этимологическое значение принадлежности обнаруживает слав. *otьсь*, древнее образование с суффиксом *-*ĭko-*, который для собственно славянского периода типичен как уменьшительный и вообще экспрессивный: литовск. *brolìkas* 'сын брата' (подробнее — см. в I гл.). Ср. аналогичные свидетельства для *-*ŭko-*: литовск. *kalviùkas* не 'маленький кузнец', как в литовск. *plaktùkas* 'молоточек' и множестве других, а 'сын кузнеца': *kálvis* 'кузнец', ср. патронимические образования с суффиксом -*ek*(*-*ъkъ*), столь популярные в чешском — восточноляшск. *Bartoš*: *Bartošek* 'сын Бартоша'[4] при общеславянском развитии у этого суффикса уменьшительных и экспрессивных функций. Такое развитие является наиболее типичным, представлено большим числом примеров. Однако не все безусловно случаи уменьшительности продолжают указанные древние значения. Нужно иметь в виду также возможность аналогического распространения образований с уже сложившимся вторичным значением. Это относится к популярным в славянском образованиям, обозначающим молодых существ, детей, с древним суффиксом -*ęt-*; некоторые из них в этимологическом отношении не представляют исконных сочетаний с *-*ent-*, так как сами корневые

[1] K. Brugmann, KVGr, стр. 337—338.

[2] A. Gāters. Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung. — KZ, Bd. 72, 1954, стр. 47 и след.

[3] Я. С. Отрембский. Славяно-балтийское языковое единство. — ВЯ, 1954, вып. 6, стр. 31.

[4] Ad. Kellner. Východolašská nářečí, I. Brno, 1946, стр. 123.

морфемы обозначают детей, маленькие, молодые существа, ср. слав. **orb-ęt-* к и.-е. **orbh-* 'маленький', **mold-ęt-* к слав. **moldъ* 'молодой', **žerb-ęt*: греч. βρέφος 'дитя, плод'. Ясно, что во всех этих случаях мы имеем дело уже с поздним присоединением в славянскую эпоху суффикса *-ęt-* (**-ent-*) с вторичным значением уменьшительности. Тем не менее **-ent-* является древнейшим именным формантом индоевропейского. Развитие значений от принадлежности, происхождения — к уменьшительности, отмечавшееся для других суффиксальных образований, можно считать доказанным также для этого суффикса: и.-е. **-ent-*, **-n̥t-*[5]. Тем более важны все случаи отражения в славянском древнего значения суффикса **-ęt-*, ср., например, белорусские фамилии *Рабчéня*, *Кривчéня* < **Rębъč-enę*, **Krivъč-enę*, т. е. собств. 'сын человека по имени Рябко, Кривко', с многостепенным нанизыванием суффиксов. Сюда же относится общеславянский тип патронимических мужских имен, выравненных по *-a*-основам: др.-русск. *Гостята*, *Путята*, др.-польск. *Gościęta*, др.-чешск. *Host'ata*[6].

Что касается происхождения и.-е. **-ent-* = слав. *-ęt-*, то еще А. Мейе указывал на присоединение суффикса *-t-* к *-n-*, *-en-*, ср. слав. **moldęt-* и др.-прусск. *malden-ikis*; русск. *ребен-ок* — *ребята*[7], словацк. *kura*, *kurat'a* — множ. *kurence*[8]. Э. Бенвенист[9] показывает способность согласного *t* расширять *-n*-основы в индоевропейском, например, в греч. ὕδατος (*-n̥t-* < *-en-*) При этом распространение согласным, видимо, не сыграло существенной роли в семантическом развитии соответствующих образований, которые и до этого выступали в значениях происхождения, принадлежности, ср. отыменные образования на *-on* в осетинском < др.-иранск. *ănа*[10]. В. Махек[11] предполагает, что славянские имена среднего рода на *-ęt-* происходят из древних имен среднего рода множественного числа собирательных, ср. собирательные на *-nt-* в тохарском, лувийском и наличие форм *-'at-* (**-ęt-*) в русском только во множественном числе. Вероятнее, однако, собирательность развилась в таких случаях аналогично семантическому развитию образований с индоевропейским суффиксом **-īn-*: 'принадлежность',

'происхождение' → 'коллективность' (также сингулятивность)
'происхождение' → 'уменьшительность'

Точно так же совершенно отчетливо развитие значений от принадлежности/происхождения — к уменьшительности для слав. **-ītjo-*: ст.-слав. -ищь, русск. *-ич*, литовск. *-ytis*[12]. Древние значения сохраняют

[5] См. еще P. Kretschmer. Das *nt*-Suffix. — „Glotta", Bd. 14, 1925, стр. 84—106.

[6] См. R. Jakobson. Vestiges of Earliest Russian Vernacular. — „Word", vol. 8, 1952, стр. 352; в его же рецензии на изданные А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым „Новгородские грамоты на бересте" („Slavic Word", 1953, № 2, стр. 83—84) указана основная литература вопроса.

[7] См. рецензию Б. О. Унбегауна на кн.: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку. Киев, 1937. — BSL, t. 40, 1939, стр. 136.

[8] О соотношении этого и других случаев *-en-*,- *-ent-* см. J. M. Kořínek. Od indoevropského prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948, стр. 73.

[9] É. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen, I. Paris, 1935, стр. 30.

[10] См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М., 1949, стр. 225.

[11] V. Machek. Origines des thèmes nominaux en-*ęt-* du slave. — „Lingua Posnaniensis". t. I, 1949, стр. 87—98, где также дана обстоятельная история вопроса. См. R. Aitzetmüller. Zur slavischen *-nt*-Deklination. — KZ, Bd. 71, 1953, стр. 65—73, где имеется обзор литературы; сам автор оспаривает индоевропейскую древность суффикса *-ęt-*.

[12] Ср. F. Mezger. Ahd. jungīdi, lit. vilkýtis, got. niþjis. — KZ, Bd. 71, 1953, стр. 117—119.

активные в русском патронимические образования *Петрович*, *Иванович* и другие отчества[13]; ср. сербск. *кућић* 'човјек од куће' и множество других патронимических образований сербского языка — фамилий, племенных названий. Последние характеризуют в широких масштабах сербскую топонимику[14], но известны также в других частях славянской территории[15].

2. Исключительное место среди имен родства занимают древнейшие индоевропейские образования[16]. Здесь опять приходится говорить главным образом о предистории славянских форм, но это в конечном счете важно и для лучшего понимания специально славянского в развитии этих образований. Речь идет о четырех женских -*r*-основах и.-е. **mātēr*, **dhŭghətēr*, **su̯esor*, **i̯enətēr* — и трех мужских и.-е. **pətēr*, **bhrātēr*, **dai̯u̯ēr*, которые представляют чистую -*r*-основу. Судьба этих основ в славянском оказалась неодинаковой. Женские -*r*-основы сохранились в балтославянском, ср. литовск. *mótė*, -*rs*, ст-слав. мати, -ере, литовск. *duktẽ*, -*r̃s*, ст.-слав. дъщи, -ере, литовск. *jentė*, -*rs*, слав. *jętry* (-*r*-основа, перестроенная по -*y*-основам); ср. также перестроенное слав. *sestra* при литовск. *sesuõ*, -*r̃s*. Мужские -*r*-основы в славянском в сущности не сохранились[17]. Так, и.-е. **bhrātēr* и **dai̯u̯er* выравнены по славянским мужским -*o*-, -*jo*-основам, а и.-е. **pətēr* сохранилось в славянском только в производной форме *stryjь*. Тем самым женские формы на -*r*- в славянском представляют несомненный архаизм. К числу редких архаизмов принадлежат следы древнего чередования -*ter* : *tor*-, обнаруживаемые в окаменевшем виде также в славянском. Само чередование было активно в индоевропейскую эпоху, и оно объясняется не местом ударения, как полагают некоторые ученые[18], а отношениями производной и непроизводной формы: и.-е. **mātēr* — греч. ἀμήτωρ[19]. В славянском ср. русск. *заматоре́ть*, *заматоре́лый* с -*о*-ступенью при основе *матер*- (подробнее — в I гл.).

Суффикс -*ter*, который выделяют в особых древнейших индоевропейских обозначениях мужчин и женщин **pətēr*, **mātēr*, обладал, видимо, специализирующим значением, которое легло затем в основу известных компаративных значений этого суффикса[20]. Отметим, что славянский сохранил следы только древнейшего специализирующего -*ter*-, в то время как в роли компаративного суффикса в славянском утвердился другой формант -*i̯es*-, упоминаемый Бенвенистом. То же древнее специализирующее значение -*ter*- легло в основу широко известного значения деятеля, закрепленного за множеством индоевропейских образований с этим суффиксом, поэтому нет необходимости принципиально разграничивать имена родства и имена деятеля на па -*ter*[21], что в последнее время проводят,

---

[13] Неверно поэтому объясняет их А. М. Селищев („Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ". — „Ученые зап. МГУ", вып. 128, 1948, стр. 130).

[14] St. Rospond. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -itj. Kraków, 1937, стр. 115, 144 и след.

[15] W. Taszycki. Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału. Kraków, 1946, стр. 27 и след. См. еще об образованиях на *-*ītjo*-: F. Mezger. Some Formations in -*ti*- and -*tr*(*i*)-. — „Language", vol. 24, 1948, стр. 157—158.

[16] Ср. A. Meillet. Essai de chronologie des langues indoeuropéennes, стр. 21.

[17] См. F. Specht. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. — KZ, Bd. 62, 1935, стр. 248—251.

[18] Ср. H. Güntert. Zur *o*-Abtönung in den indogermanischen Sprachen. — IF, Bd. 37, 1916—1917, стр. 19.

[19] Ср. J. Kuryłowicz. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956, стр. 95.

[20] Ср. É. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen, стр. 85, 115 и след.

[21] Ср. K. Brugmann, KVGr., стр. 330, 331.

например, К. Д. Бак[22] и А. В. Исаченко[23]. Не нужно также усматривать в *pətēr, *mātēr компаративного употребления *-ter* в порядке противопоставления пар вроде 'отец' — 'мать', как это делал В. Штрайтберг[24]. Новое оригинальное объяснение, предложенное А. В. Исаченко[25], основывается скорее на неточной оценке материала. Так, он возводит *-ter-*, *-tr-* в названиях родства к древнему наречию со значением 'внутри' на том лишь основании, что тот же суффикс имеют названия внутренних частей тела: греч. ἔντερα, ст.-слав. ѩтроба. Нетрудно заметить, что единственным носителем значения 'внутри, внутренний' является корневая морфема *in-/en-*, а *-tr-* здесь не более как специализирующий формант. Эта гипотеза, на которой А. В. Исаченко строит весьма важные выводы об отражении деления на брачные классы, к сожалению, неприемлема в этимологическом отношении.

3. Содержание данного параграфа до известной степени уводит нас за пределы специальной темы „Славянские термины родства". Здесь имеется в виду одно из „общих мест" этимологических исследований, а именно так называемые слова „детского языка", Lallwörter. В науке давно утвердилось мнение о происхождении многих простейших названий родства из „детского языка". Так объясняют *tata*, *nana*, *mama* и подобные им образования, отнесенные к различным родственным лицам, главным образом к отцу и матери[26].

Вполне допустима мысль о связи некоторых из этих образований преимущественно с детской речью. Но верно ли будет считать каждое такое простейшее родственное название происходящим из „детского языка"? Позволительно спросить, что это за „детский язык", который на огромном пространстве индоевропейской языковой области выработал небольшое число тождественных по форме и близких по значению названий. Нам трудно судить о далеком для нас предмете, но специалисты по детской речи свидетельствуют, что слова вроде *мама*, *папа* с их значением обязаны своим образованием главным образом педагогическим попыткам родителей. Так, Вернер Ф. Леопольд указывает: „The teaching endeavors of the parents and their persistent misinterpretation of the child's intentions are entirely responsible for this semantic development"[27]. Автор правильно отмечает, что многие лингвисты констатируют лишь факт, что то или другое слово является детским образованием, не давая себе труда подробно остановиться на возможности такого образования. В этом отношении очень поучительны опубликованные польским ученым П. Смочинским в специальной монографии[28] результаты его собственных наблюдений над „детской речью". Собранные им материалы убедительно показывают, что звуковые комплексы, внешне близкие к именам родства, в речи детей самого младшего возраста (около момента появления речи), например, *mama*, *tata*, лишены конкретного содержания и только со вре-

---

[22] C. D. Buck, стр. 93.

[23] А. В. Исаченко. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания. „Slavia", roč. XXII, 1953, стр. 59—60.

[24] W. Streitberg. Die Bedeutung des Suffixes *-ter-*. — IF, Bd. 35, 1915, стр. 196—197.

[25] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 60.

[26] P. Kretschmer. Einleitung, стр. 356.

[27] Werner F. Leopold. The Study of Child Language and Infant Bilinguism. „Word", 1948, № 4, стр. 1.

[28] Paweł Smoczyński. Przyswajanie przez dziecko podstaw systemu językowego. Łódź, 1955, стр. 80 и след.; см. также L. Kaczmarek, Kształtowanie się mowy dziecka. Poznań, 1953, стр. 11, 15, 19, 21.

О подсознательной функциональной направленности речи взрослого к ребенку см. K. Ohnesorg. O mluvním vývoji dítěte. Praha, 1948, стр. 29 и в других местах.

менем в результате педагогических (часто бессознательных) попыток родителей эти комплексы могут приобрести общеязыковое значение.

Мнение о распространенности в языке таких слов „детского языка“ пользуется до сих пор широким признанием в науке[29]. Совершенно очевидно, однако, что конкретный материал не всегда позволяет исследователям удовлетворяться лаконичным признанием того или иного слова „детским“ образованием, и следует отметить, что они часто используют возможность объяснить слово в ряду других слов как мотивированное образование. Тем более досадное впечатление производит злоупотребление ссылками на „детский язык“, как бы освобождающее этимолога от необходимости определенно объяснять слово и определять в нем объективные фонетико-морфологические моменты. Разумеется, далеко не каждое такое образование поддается объяснению, но ведь то же можно сказать и о множестве других слов. В этом отношении полезно помнить указание Я. Розвадовского[30], что экспрессивные образования нельзя расценивать как полное исключение из общей закономерности. Определенные закономерности отмечаются и для древних индоевропейских корневых морфем **nan-*, **tat-* и др., выступающих в роли названий родства, ср., например, факты такого древнего способа словообразования как редупликации: *n-an-*, *an-*, *t-at-*, *at-*. О функциональной роли подобной редупликации на первых порах говорит пример из одного древнего языка Эгейской области, отмеченный П. Кречмером: „... характерно..., что на о. Кос отец некоего человека по имени Νάνναχος носит имя Ἄνναχος“[31].

В целом проблему связи разбираемых простейших терминов родства и „детского языка“ как такового нельзя еще считать удовлетворительно разрешенной. Предлагавшиеся решения как правило носят в той или иной мере эклектический характер. Само по себе изучение развития „детского языка“ имеет очень большое значение при анализе интересующих нас слов, но нельзя не отметить, что им до сих пор обычно занимались только специалисты, далеко стоящие от вопросов этимологии, а этимологи, столь категорически классифицирующие известные термины родства как слова „детского языка“, сами почти никогда не обращались к специальному изучению детской речи. Счастливое исключение представляет, пожалуй, только О. Есперсен, объединивший в особом разделе своей известной монографии[32] обширные материалы обеих упомянутых областей исследования. Однако и с ним нельзя согласиться в ряде существенных моментов. Есперсен правильно указывает, что даже большинство звукоподражаний, слышанных от детей, не их собственные изобретения, но усвоены ими, как прочие слова[33]. Это может служить ответом на вопрос, создают ли дети новые слова. В то же время образование слов типа *мама* и *папа* Есперсен склонен расценивать следующим образом: „... ребенок дает звуковую форму, а взрослые придают ей значение“[34]. Далее: „Во всех странах во все времена в детской разыгрывается маленькая комедия: младенец лежит и лепечет свое „мамма“ или „амама“, или „папапа“, или „апапа“, или „бабаба“, или „абабаб“, не сообщая этим упражнениям голосовых связок ни малейшего значения, а его старшие друзья, в своей радости по поводу ранней одаренности ребенка, приписывают этим слогам разумный смысл, поскольку сами они привыкли к тому, что произнесенный звук имеет соответствующее содержание, мысль, понятие. Так мы получаем целый класс слов, отличающихся простотой образования —

[29] См. C. D. Buck, стр. 93—94.
[30] См. его рецензию на словарь Э. Бернекера (RS, t. II, 1909).
[31] P. Kretschmer. Einleitung, стр. 356.
[32] O. Jespersen. Language, its Nature, Development and Origin. London, 1949.
[33] Там же, стр. 150.
[34] Там же, стр. 153.

без стечения согласных, обычно с повторением того же согласного с гласным *a* между ними, часто также оканчивающихся гласным *a*, — слов, находимых во многих языках, часто в различной форме, но с близким значением". Когда ребенок произносит слоги *mama*, мать думает, что он зовет ее и, откликаясь, она тем самым приучает его употреблять их с определенным значением. „Так они становятся признанным словом для понятия 'мать'"[35]. Становясь обычными словами, эти слоги повинуются действующим законам языка; так получено нем. *Muhme* 'тетка'. Очень рано слог *ma* получает в наших языках окончание, откуда μήτηρ, *mater*, *mother*. Эти слова становятся признанными словами взрослых, в то время как *mama* остается интимным словом в семье[36].

Нам представляется, что Есперсен не показал главного: взаимодействия между речью взрослого и ребенка. Из его слов следует, что слоги *ma*, *ma-ma* безусловно берутся для обозначения матери из детской речи. Но ведь это не совсем так. Ребенок произносит в известный период очень много комбинаций разных слогов без определенного значения, как бы играя голосовыми связками[37]. При этом особое внимание взрослых сразу привлекают сочетания (*ma-ma* и др.), близкие соответствующим полнозначным словам. Родители, сознательно или бессознательно, сразу выступают в роли воспитателя: они словно отбирают нужные звучания, приучая ребенка употреблять именно их и именно в определенном значении. Это значит, что, например, морфема *ma-* существовала в речи взрослых всегда до того, как они обнаружили что-либо сходное в лепете ребенка. И так происходит в каждом отдельном случае. Несомненно, условия и возможности детской речи учитывались родителями, но это уже особый вопрос. Соответственно вышесказанному взрослые интерпретируют слоги с *p*, иногда с *b* как названия отца[38], хотя положение здесь гораздо сложнее, о чем см. ниже.

Обстоятельный очерк развития речи ребенка дал чехословацкий фонетист и специалист по детской речи К. Онезорг[39], который правильно отмечает важность фактора подражания ребенка и влияния среды, прежде всего — родителей, в начальной стадии развития речи. Онезорг анализирует значительную литературу вопроса. Намеренно избегая постановки вопроса о генезисе слов *мама* и *папа* после О. Есперсена, автор останавливается на формулировке Р. Якобсона, также углубленно изучавшего проблемы детской речи: „...das Kind ist ein Nachahmer, der selbst nachgeahmt wird"[40]. К. Онезорг целиком принимает это положение. Действительно, формулировка Р. Якобсона превосходно схватывает основную сторону развития речи, но она нуждается, как нам кажется, в определенном уточнении — в том, что касается подражания родителей своему ребенку. Роль подражания необходимо учитывать, но она сказывается, по-видимому, только во внешних моментах. Прежде всего сюда относится повышенная эмоциональность, которую родители сообщают первым словам, усваиваемым от них ребенком. Непосредственным следствием этой эмоциональности является бесспорно своеобразие, давно подмеченное у этих слов, например, колебания *p*/*b* в пределах отдельных языков, ср. ит. *padre* — *babbo*, франц. *papa* 'отец, папа'; видимо, сюда же в порядке гипотезы допустимо отнести пару и.-е. **pətḗr*: слав. *bat'a*, *batja*

---

[35] O. Jespersen. Указ. соч., стр. 155.
[36] Там же.
[37] Там же, кн. II („The Child"), в разных местах.
[38] Там же, стр. 156.
[39] Karel Ohnesorg. O mluvním vývoji dítěte. V Praze, 1948.
[40] R. Jakobson. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Uppsala, 1941, стр. 5.

отец'; *t/d*, ср. *tata*:*dada*, например, англ. *dad* 'папа, папаша' и др.[41]; наличие вариантов с экспрессивной палатализацией и без нее: *tata*/*t'at'a*. Описанную неустойчивость внешней фонетической формы обычно стремятся истолковать как доказательство происхождения этих простейших имен из „детской речи". Мы считаем нужным объяснить именно эти фонетические особенности данных слов как главное проявление подражания родителей. Чрезвычайно важно иметь в виду, что, приспосабливая слова своего языка к звуковым возможностям своего ребенка, подражая таким образом, родители находятся под свежим впечатлением периода развития речи, непосредственно предшествующего появлению членораздельной речи, который изобилует множеством неартикулированных звуков, допускающих совершенно свободное варьирование глухих и звонких, мягких и твердых согласных, более того — звуков, нередко совершенно чуждых индеевропейской фонетической системе. Оправданным в этой связи будет предположение, что именно здесь коренится причина черт экспрессивности, характеризующих вокализм и консонантизм ряда разбираемых индоевропейских слов. Этим подражание родителей исчерпывается, и в остальном они преподносят своим детям совершенно объективные продукты словообразовательной системы своего языка. Последнее очень важно для правильной оценки образования ряда древних индоевропейских терминов родства: *tata*, *atta*, *mama*, *nana*.

Обыкновение приписывать детям создание „детского языка", самостоятельное образование упомянутых названий родства объясняется недостаточным учетом специальных исследований по детской речи, представленных к настоящему времени уже солидной литературой. Эта точка зрения напоминает попытки средневековых схоластов толковать даже первый крик ребенка как жалобу новорожденного на первородный грех своих родителей, причем мальчик якобы кричит обычно „а!", поминая Адама, а девочка — „е!", жалуясь на Еву. Желательно поэтому, чтобы точные результаты специальных исследований детской речи шире привлекались в помощь этимологии при изучении данной проблемы.

Наконец, изучение этих простейших терминов родства представляет еще одну проблему, имеющую отношение, возможно, к древнейшему периоду развития терминологии родства. В своей известной книге А. Соммерфельт, обращая внимание на первоначальное неразличение между мужчинами и женщинами в терминологии родства аранта, сопоставляет это состояние с индоевропейской терминологией, где, как он считает, названные отличия являются характерными[42]. Но если мы обратимся к пресловутым „Lallwörter", мы сразу отметим нечто напоминающее положение в терминологии аранта: слабое различение между мужскими и женскими терминами, восходящее, если оценить это состояние логически, к древнему неразличению. Так, используя некоторые из многочисленных фактов совмещения мужских и женских значений, рассмотренных на протяжении всей работы, сравним следующие морфемы: греч. τέττα (о мужчине) — слав. *teta* (о женщине) — литовск. *tėtis* (о мужчине); лат. *acca*, греч. Ἀκκώ, болг. *káka* (о женщине) — польск. диал. *kåk* (о мужчине), санскр. *atta-*, *atti-* (о женщине) — готск. *atta* (о мужчине).

---

[41] В другом своем сочинении („Fonetická studie o dětské řeči. V Praze, 1948, стр. 45—46) К. Онезорг отмечает частые колебания звонкий/глухой именно в период усвоения речи. Любопытно, что автор отмечает бо́льшую трудность произнесения *d*, чем *t*. Усиленная, энергичная артикуляция, естественная при начале речи, чаще давала *t*. Исходя из этого, мы укажем на бо́льшую распространенность варианта *atta*, *tata* при редких *dad(a)* в индоевропейских языках, в чем также надо усматривать подражание родителей детям в произношении. На стр. 49 К. Онезорг отмечает чрезвычайную роль палатализации в первых членораздельных звуках речи ребенка.

[42] A. Sommerfelt. La langue et la société. Oslo, 1938, стр. 156.

Если взглянуть на эти многочисленные факты так, как А. Соммерфельт смотрел на генезис соответствующей терминологии аранта, то хаос, обычно констатируемый для индоевропейских „Lallwörter“ лингвистами, приобретает известную стройность. Имея в виду различие между мужчиной и женщиной, Соммерфельт говорит: „Понятно, что это различие играет меньшую роль для человека аранта, который, по-видимому, не знает природы продления рода. Можно сравнить тот факт, что в индоевропейских языках обычно отсутствуют специальные названия для самок за исключением тех случаев, когда они играют роль в экономической системе и мифологии“[43]. Это правильное сравнение необходимо распространить также и на факты, более близкие терминологии аранта, а именно — на древнейший период истории индоевропейских терминов родства. Нам кажется, что принципиального отличия между системой родства и всем мировоззрением первобытного австралийского племени аранта и исторически вероятной системой родства индоевропейцев нет. Напротив, в различных местах работы мы отмечали много общих моментов в обеих системах, причем документированное знакомство с родственной организацией аранта помогает правдоподобно объяснять различные моменты древнеиндоевропейской системы. В упоминавшихся неоднократно простейших названиях родства мы имеем древнейшие индоевропейские термины, носящие на себе следы родственной системы, которая не делала принципиального различия между мужчиной и женщиной по той же причине незнания природы продления человеческого рода. Путь развития индоевропейской родственной терминологии очень долог и сложен. Если в необычайно архаической системе аранта мы встречаемся с довольно прозрачными способами дифференцированных обозначений мужчины и женщины [ср. присоединение к нужному термину родства слова *woia* (*worra*) 'молодой человек' и *kwaia* (*kwara*) 'девушка' для образования вторичных названий, дифференцирующих мужчину и женщину][44], то в индоевропейской системе родства мы имеем мощное развитие этих дифференцирующих названий. Тем не менее для исторически правильного понимания индоевропейской родственной терминологии чрезвычайно существенное значение, на наш взгляд, имеет оценка дифференцирующих терминов родства *pətēr*, *mātēr* как вторичных, а остатков недифференцирующих терминов, неверно относимых лингвистами к области детского языкового творчества (*pa-pa*, *ma-ma*, *ba-ba*, *ta-ta*, *at-ta*), как древнейших обозначений родства. Потребность в дифференцирующих обозначениях родства, столь типичная для индоевропейской терминологии, представила благодатную почву для подлинного расцвета так называемого супплетивизма, еще в течение индоевропейской общности пронизавшего всю систему родственных названий. Эта тенденция привела к значительному преобразованию индоевропейской терминологии родства, старые недифференцирующие обозначения были оттеснены, ограничены в употреблении. Часть старых названий была оформлена супплетивно. Так, еще Г. Остгоф правильно понимал наличие пары *pater* — *mater* как проявление супплетивизма в индоевропейском[45]. Выдающуюся роль в преобразовании имен родства приобрел формант *-ter*, ставший типичным признаком ряда старых общеиндоевропейских названий.

---

[43] A. Sommerfelt. Указ. соч., стр. 156.

[44] Там же, стр. 155, 156.

[45] H. Osthoff. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Akademische Rede. Heidelberg, 1899, стр. 4, 16.

УКАЗАТЕЛЬ ФОРМ, ОБЪЯСНЕНИЕ КОТОРЫХ ПОМЕЩЕНО В ТЕКСТЕ*

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ И СТАРОСЛАВЯНСКИЙ

* Цифры обозначают страницы.

РУССКИЙ, УКРАИНСКИЙ, БЕЛОРУССКИЙ

ПОЛЬСКИЙ

КАШУБСКИЙ, ПРИБАЛТИЙСКО-СЛОВИНСКИЙ

СЕРБОЛУЖИЦКИЕ, ПОЛАБСКИЙ

ЧЕШСКИЙ, СЛОВАЦКИЙ

СЕРБСКИЙ

БОЛГАРСКИЙ, МАКЕДОНСКИЙ

БАЛТИЙСКИЙ

(Литовский не обозначается)

ПРОЧИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

ЛИТЕРАТУРА[1]

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949
Aitzetmüller R. Zur slavischen *-nt*-Deklination. — KZ, Bd. 71, 1953, Heft 1—2
Ankeri S. Beseda „semja" v ruskih bilinah, — „Slavistična revija", letnik IV, 1951, Ljubljana, № 1—2
Arct M. Słownik staropolski, t. I—II. Warszawa, 1914
Аргиров С. Люблянският български ръкопис от XVII в. — СбНУ, кн. XVI—XVII, 1900
Arnim B. von. Macedonisch-bulgarische Studien, Teil 3. Neubulgarische Synonyme für *dъšterja* 'Tochter'. — ZfslPh, Bd. 12, 1935
Ascoli G. J. εἰνάτερες, *janitrices*, *yātaras*. — KZ, Bd. 12, 1863
Ascoli G. J. γάλως, glos. — KZ, Bd. 12, 1863
Austin W. M. A Corollary to the Germanic Verschärfung. — „Language", vol. 22, 1946
Back R. Medizinisch-Sprachliches. — IF, Bd. 40, 1922
Bajec A. Besedotvorje slovenskega jezika, I. Ljubljana, 1950
Барјактаровић Мирко. Свадбени обичаји у околини Берана (Иванграда). — „Зборник филозофског факултета", књ. III. — Београд, 1955
Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906
Baudouin de Courtenay. — IF, Bd. 4
Benigny J. Die Namen der Eltern im Indoiranischen und im Gotischen. — KZ, Bd. 48, 1918
Benveniste É. Notes d'étymologie prussienne. — „Studi baltici", vol. 2, 1932
Benveniste É. Origines de la formation des noms en indoeuropéen, I. Paris, 1935
Benveniste É. — BSL, t. 46, 1950, procès-verbaux, стр. XX—XXIX
Benveniste É. Un emploi du nom du „genou" en vieil-irlandais et en sogdien. — BSL, t. 27, 1926
Benveniste É. Un nom indoeuropéen de la „femme". — BSL, t. 35, 1934
Berneker E. = E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, *A-morъ*. Heidelberg, 1908—1914; 2. Aufl., 1924
Berneker E. Von der Vertretung des idg. *ĕu* im baltisch-slavischen Sprachzweig. — IF, Bd. 10, 1899
Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1953
Bezzenberger A. Sprache des preußischen Enchiridions. — KZ, Bd. 41, 1907
Богораз. В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, т. LXVIII, № 4, 1901
Boisacq É. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2-ème éd., Heidelberg—Paris, 1923
Bonfante G. Civilisation indoeuropéenne et civilisaiion hittite. — AO, vol. 11, 1939
Брандт Р. Ф. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича. — РФВ, т. XXIII, 1890
Брандт Р. Ф. Золовка. — „Jagić-Festschrift". Berlin, 1908
Bréal M. Notes étymologiques. — MSL, t. 7, 1892
Brückner A. Etymologische Glossen. — KZ, Bd. 43, 1909—1910

[1] С указанием принятых в тексте условных сокращений.

Brückner A. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen. — AfslPh, Bd. 42, 1929
Brückner A. Mythologische Thesen. — AfslPh, Bd. 40, 1926
Brückner A. Slavisches *ch*. — KZ, Bd. 51, 1923
Brückner A. = A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927
Brückner A. Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Warszawa, 1904
Brückner A. Über Etymologien und Etymologisieren, II. — KZ, Bd. 48, 1918
Brückner A. Wörter und Sachen. — KZ, Bd. 45, 1913
Brückner A. Wzory etymologii i krytyki źródłowej, II. — „Slavia“, roč. 5, 1927
Brugmann K. Die Anomalien in der Flexion von griech. γυνή, arm. *kin* und altnord. *kona*. — IF, Bd. 22, 1907
Brugmann K. Griechisch ἄνθρωπος — IF, Bd. 12, 1901
Brugmann K. KVGr = K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904
Brugmann K. Νυός, *nurus*, *snuṣā* und die griechischen und italischen Feminina auf *-os*. — IF, Bd. 21, 1907
Brugmann K. Zu den Benennungen der Personen des dienenden Standes in den indogermanischen Sprachen. — IF, Bd. 19, 1906
Brugmann K. Griech. υἱύς, υἱός, υἱωνός und ai. *sūnuṣ* got. *sunus*. — IF, Bd. 17, 1905
Buck C. D. = C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indoeuropean Languages. Chicago, 1949 (см. раздел „Family relationship“, стр. 93—134)
Bugge S. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. — KZ, Bd. 32, 1892
Bugge S. Zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. — IF, Bd. 1, 1892
Bugge S. Zur etymologischen Wortforschung. — KZ, Bd. 19, 1870
Будде Е. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, 1892, № 3
Будимир М. Λαύριον πεδίον и *Taurisci*, *Taurunum*. — „Зборник филозофског факултета“, књ. III. Београд, 1955
Buffa F. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953
Būga K. Картотека к Литовскому этимологическому словарю (хранится в ин-те литовского языка и литературы АН Лит. ССР, Вильнюс)
Būga K. Medžiaga lietuvių kalbos žodynui ir šnektoms tirti. — „Tauta ir žodis“, t. I, 1923
Būga K. Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etimologijos žodyno (архив Буги, Отдел рукописей Вильнюсского университета)
Бунина И. К. Словарь говора ольшанских болгар. — „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 5. М., 1954
Бурячок А. А. Названия родства и свойства в украинском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1954
Бурячок А. А. Поняття „рідна мати“. — „Лексикографічний бюлетень“. Київ, 1955
„Български тълковен речник“ от Ст. Аргиров, ст. Младенов, Теодоров-Балан и Б. Цонев, т. 1. София, 1951
Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907
Волоцкой В. Сборник материалов для наречия Ростовского говора. — Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 3, 1902
Волоцкой В. Словарь ростовского говора (Владимирской губ. —). — Сб. ОРЯС, т. LXXII, № 3, 1902
Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник. Изд. 4, Београд, 1935
Cahen M. „Genou“, „adoption“ et „parenté“ en germanique. — BSL, t. 27, 1926
Chantraine P. A propos de grec ὀθνεῖος. — BSL, t. 43, 1946
Charpentier J. The Original Home of the Indo-Europeans. — „Bulletin of the School of Oriental Studies“, 1926
Cimochowski W. Le sandhi dans la langue albanaise. — „Lingua Posnaniensis“, t. II, 1950

„Dabartinės lietuvių kalbos žodynas“. Vilnius, 1954
Даль В. И. = В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV, изд. 4 (отдельные ссылки делаются также на изд. 2)
Даниилевский Н. Я. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1869
Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских, I—III. Београд, 1863—1864
Delbrück B. Über das got *dauhtar*. — KZ, Bd. 19, 1870
Delbrück B. = B. Delbrück. Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen. Leipzig, 1889
Devoto G. Lit. *úošvis*, lett. *uôsvis* 'suocero'. „Studi baltici“, vol. 5, 1934—1935
Диттель. Сборник рязанских областных слов. — Ж. Ст., 1898, вып. 2.
Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914
Dolobko M. Das sekundäre *v*- Vorschlag im Russischen. — ZfslPh, Bd. 3, 1926
„Дополнение к Опыту областного великорусского словаря“. СПб., 1858
Doroszewski W. J. Monografie słowotwórcze. — PF, t. 15, część druga, 1931
Duchesne-Guillemin J. Tocharica. — BSL, t. 41, 1941
Дурново Н. Н. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московск. губ. — РФВ, т. XLIV
Дурново Н. Н. — РФВ, т. LXVI, 1911
Дурново Н. Н. Словарь Курской губ., Корочанского у., Лесковской вол., с. Шахово. — РФВ, 1912, № 3
Дурново Н. Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. — „Slavia“, roč. 6, 1927
Дювернуа А. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1885—1887
Дювернуа А. Материалы для словаря древне-русского языка. М., 1894
Ердељановић J. Етнолошка грађа о Шумадинцима. Београд, 1951
Елезовић Гл. Речник косовско-метохиског дијалекта, свеска I—II. Београд, 1932—1935
Ernout—Meillet. = A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, t. I—II. 3-ème éd., Paris, 1951
Feist S. Indogermanen und Germanen, 3. Aufl. Halle, 1924
Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, 3. Aufl. Leiden, 1939
Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. — „Ученые зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена“, т. 80, Л., 1949
Филин Ф. П. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке. — „Язык и мышление“, т. XI, 1948
Fowkes R. A. The Phonology of Gaulish. „Language“, vol. 16, 1940
Fraenkel E. Baltisches und Slavisches. „Lingua Posnaniensis“, t. II, 1950
Fraenkel E. Kreuzung einheimischer und fremder Synonyma ähnlicher Lautung im Baltischen (Ein Beitrag zur Fremdwortforschung dieser Sprachgruppe). — ZfslPh, Bd. 8, 1931
Fraenkel E. Lituanica. — KZ, Bd. 50, 1922
Fraenkel E. Miszellen. — KZ, Bd. 54, 1926
Fraenkel E. Morphologisches und Etymologisches. — „Lingua Posnaniensis“, t. IV, 1953
Fraenkel E. Problemi di grammatica e vocabolario lituani. — „Studi baltici“, vol. 6, 1936—1937
Fraenkel E. Slavisch *gospodь*, lit. *viẽšpats*, preuss. *waispattin* und Zubehör. — ZfslPh, Bd. 20, 1948
Fraenkel E. Zur balto-slavischen Grammatik I. — KZ, Bd. 51, 1923
Fraenkel E. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den baltoslavischen Sprachen. — IF, Bd. 41, 1923
Friedrich J. Einige hethitische Etymologien. — IF, Bd. 41, 1923
Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954
Frisk H. Griechische Wortdeutungen. — IF, Bd. 49, 1931
Gasparini E. L'esogamia degli antichi Slavi. — „Ricerche slavistiche“, vol. II, 1953
Gāters A. Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung. — KZ, Bd. 72, 1954

Gebauer J. Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916
Georgiev V. Eine gemeinsame Lauteigentümlichkeit des Albanischen, Phrygischen, Armenischen und das Gutturalproblem. — KZ, Bd. 64, 1937
Герасимов М. О говоре крестьян южной части Череповецкого у. Новгородск. губ. — Ж. Ст., 1893, вып. 3
Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. LXXXVII, № 3, 1910
Геров Н. Речник на български език, I—V. Пловдив, 1895—1904
Горяев Н. В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис, 1896
Grammont M. L'interversion. — „Streitberg—Festgabe“, Leipzig, 1924.
Грандилевский А. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907
Гринченко Б. Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1905—1907
Güntert H. Labyrinth. — „Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse“, 1932—1933
Güntert H. Weiteres zum Begriff „Winkel“ im ursprünglichen Denken. — WuS, Bd. 11, 1928
Güntert H. Zur *o*-Abtönung in den indogermanischen Sprachen. — IF, Bd. 37, 1916—1917
Hermann E. Einige Beobachtungen an den idg. Verwandtschaftsnamen. — IF, Bd. 53, 1935
Hermann E. Entstehung der slavischen Substantiva auf *-yńi*. — ZfslPh, Bd. 12, 1935
Hermann E. Idg. *bher-* „tragen“ im Baltischen. — „Studi baltici“, vol. 3, 1933
Hirt H., Arntz H. Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939
Hirt H. Untersuchungen zur idg. Altertumskunde. — IF, Bd. 22, 1907
Hodura Q. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1904
Holub—Kopečný = J. Holub, Fr. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952
Horák G. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955
Hruška Fr. Dialektický slovník chodský. Praha, 1907
Iljinskij G. Zur slavischen Wortbildung. III. Die Etymologie des Wortes *невѣста*. — AfslPh, Bd. 24, 1902
Iljinskij G. Die Reduktionsstufe in den Wurzeln ohne Sonanten in den slavischen Sprachen. — AfslPh, Bd. 34, 1912
Iljinskij G. Slavische Etymologien. — AfslPh, Bd. 28, 1906
Iljinskij G. Der Reflex des indogermanischen Diphtongs ĕu im Urslavischen. — AfslPh, Bd. 29, 1907
Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916
Ильинский Г. А. Славянские этимологии XXVI—XXX. — РФВ, т. LXV, 1911
Ильинский Г. А. Славянские этимологии XXXVI—XL. — РФВ, т. LXIX, 1913
Jacobson R. Slavic Mythology. — „Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend“, vol. II. New York, 1950
Jacobsohn H. Σκυθικά. — KZ, Bd. 54, 1926
Jagić V. Zusatz. — AfslPh, Bd. 24, 1902
Jagić V. Quattuor evangeliorum codex Marianus. Berlin — СПб., 1883
Jespersen O. Language, its Nature, Development and Origin. London, 1949
Jokl N. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. — „Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften“, Bd. 168. Wien, 1911
Jóhannesson A. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951—1954
Исаченко А. В. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания. — „Slavia“, roč. XXII, 1953
Isačenko A. V. Príspevok k štúdiu najstarších vrstiev základného slovného fondu slovanských jazykov. — „Studie a práce linguistické na počest . . . B. Havránka“, I. Praha, 1954
Juret A. La déclinaison de υἱός chez Homère. — „Mélanges Émile Boisacq“. Bruxelles, 1938

Kaczmarek Leon. Kształtowanie się mowy dziecka. Poznań, 1953.
Kálal M. = M. Kálal. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská-Bystrica, 1924
Kalima J. Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919
Караулов М. Материалы для этнографии Терской области. — Сб. ОРЯС, т. LXXI, № 7, 1902
Karłowicz J. Słownik gwar polskich, t. 1—6. Kraków, 1900—1911.
Кедров Н. Слова ладожские. — Ж. Ст., 1899, вып. III—IV
Kellner Ad. Východolašská nářečí, I—II. Brno, 1946 и 1949
Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. — „Annales Academiae Scientiarum Fennicae", XXXII, 2, 1934
Kiparsky V. The Earliest Contacts of the Russians with the Finns and Balts. — „Oxford Slavonic Papers", vol. 3, 1952
Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 11. Aufl. Berlin u. Leipzig, 1934
Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte, 2. Aufl. Halle, 1899
Kluge F. Sprachhistorische Miszellen. — „Beiträge", Bd. 8, 1882; Bd. 9, 1884
Klek J. Nachträgliches. — IF, Bd. 44, 1927
Kořínek J. M. Slov. *nevěsta*. — LF, roč. 57, 1930
Kořínek J. M. Od indoevropského prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948
Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
Kostrzewski J. Wielkopolska w pradziejach, 3 wyd. Warszawa—Wrocław, 1955
Krahe H. Über *st*.-Bildungen in den germanischen und indogermanischen Sprachen. „Beiträge", Bd. 71, 1949
Krause W. Die Frau in der Sprache der altisländischen Familiengeschichten. „Ergänzungshefte zur KZ", 1926, № 4
Krause W. Die Wortstellung in den zweigliedrigen Wortverbindungen. — KZ, Bd. 50, 1922
Kretschmer P., Einleitung = P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896
Kretschmer P. Indogermanische Akzent- und Lautstudien. — KZ, Bd. 31, 1899
Kretschmer P. Über den Dialekt der attischen Vaseninschriften. — KZ, Bd. 29, 1887
Krogmann W. Das Buchenargument (Schluß). — KZ, Bd. 73, 1955.
Krušina-Černý. Společenský původ zobrazování vícehlavých božstev. — „Československá ethnografie", č. 1, 1955
Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898
Kulišić Špiro. Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske. — „Гласник Земальског Музеја у Сарајеву", Историја и етнографија, св. XI, 1956
Kuryłowicz. Accentuation = J. Kuryłowicz. Accentuation des langues indoeuropéennes. Kraków, 1952
Kuryłowicz J. Études indoeuropéennes, I. Kraków, 1935
Kuryłowicz J. Les effets du ə en indoiranien. — PF, t. 11, 1927
Kuryłowicz J. La nature des procès dits „analogiques". — „Acta linguistica", vol. V, 1945—1949
Kuryłowicz J. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956
Kuryłowicz J. Le degré long en balto-slave. — RS, t. XVI, 1948
Лавровский П. А. = П. А. Лавровский. Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867
Ларин Б. А. Из истории слов. *Семья*. — „Памяти Л. В. Щербы". Л., 1951
Leopold W. F. The Study of Child Language and Infant Bilinguism. — „Word", vol. 4, 1948
Leumann, Ernst u. Julius. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache, Lief. 1. Leipzig, 1907
Lewy E. Etymologien. — KZ, Bd. 40, 1905
Lewy E., Vasmer M. Russ. *мизинец* usw. — ZfslPh, Bd. 8, 1931
Liewehr E. Über expressive Sprachmittel im Slavischen. — „Zeitschrift für Slawistik", Bd. I, H. 1. Berlin, 1956

Linde S. B. Słownik języka polskiego. t. I—III. Warszawa, 1807—1814
Locker E. Die Bildung der griechischen Kurz- und Kosenamen. — „Glotta", 1932
Lohmann J. F. Das Kollektivum im Slavischen. — KZ, Bd. 56, 1929; Bd. 58, 1931
Loewenthal J. Etymologische Parerga. — „Beiträge", Bd. 49, 1924—1925
Loewenthal J. Etymologica. — „Beiträge", Bd. 52, 1928
Loewenthal J. Etymologien. — ZfslPh, Bd. 8, 1931
Loewenthal J. ΘΑΛΑΤΤΑ. — WuS, Bd. 10, 1927
Loewenthal J. Wirtschaftsgeschichtliche Parerga I. — WuS, Bd. 9, 1926
Loewenthal J. Wirtschaftsgeschichtliche Parerga II. — WuS, Bd. 10, 1927
Loewenthal J. Wirtschaftsgeschichtliche Parerga III. — WuS, Bd. 11, 1928
Lorentz Fr. Slovinzisches Wörterbuch, Bd. I—III. СПб., 1908, 1912
Льюис Г. и Педерсен X. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954
Ляпунов Б. М. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1899
Ляпунов Б. М. *Семья, сябр — шабер*. Этимологическое исследование. — „Сборник в честь акад. А. И. Соболевского". Л., 1928
Machek V. Česká a slovenská slovesa typu *hanobiti* (odvozená se jmen na *-oba*). „Naše řeč", roč. 38, 1955
Machek V. Essai comparatif sur la mythologie slave. — RÈS, t. 23, 1947
Machek V. Etymologies slaves. — „Récueil linguistique de Bratislava", I, 1948
Machek V. Germano-slavische Wortstudien. — „Časopis pro moderní filologii", roč. XXVI, 1939
Machek V. Les verbes en *-chati*. — „Lingua Posnaniensis", t. IV, 1953
Machek V. Origines des thèmes nominaux en *-ęt-* du slave. — „Lingua Posnaniensis", t. I, 1949
Machek V. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen. — „Slavia", roč. XVI, 1939
Małecki M. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka w Sołuńskiem) Część II, Słownik. Kraków, 1936
Mann S. E. The Indo-European Vowels in Albanian. — „Language", vol. 26, 1950
Маринов Д. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ, кн. XII, 1895
Martinet A. Non Apophonic *ŏ* in Indo-European. — „Word", vol. 9, 1953
„Материалы и исследования по русской диалектологии", т. I—II. М.—Л., 1949
Mátl A. Abstraktní význam u nejstarších vrstev slovanských substantiv. — „Studie a práce lingvistické na počest . . . B. Havránka", I. Praha, 1954
Matzenauer A. Cizí slova v slovanských řečech. Brno, 1870
Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Lief. 1—6. Heidelberg, 1953—1956
Meillet A. Des innovations caractéristiques du phonétisme slave. — RÉS, t. 2, 1922
Meillet A. De la disparition des noms indoeuropéens de parties du corps en slave. — RS, t. IX, 1921
Meillet A. Essai de chronologie des langues indoeuropéennes
Meillet A., Études = A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, p. I—II. Paris, 1902—1905
Meillet A. Les dialectes indoeuropéens. Paris, 1922
Meillet A. Lat. *genuīnus*. — BSL, t. 27, 1926
Meillet A. Les origines du vocabulaire slave. — RÉS, t. 5, 1925
Meillet A. Les vocabulaires slave et indo-iranien. — RÉS, t. 6, 1926
Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951
Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952
Meillet A. Sur les correspondants du mot sanscrit *pátiḥ*. — WuS, Bd. 12, 1929
Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954
Мейе А. Введение = А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938
Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891
Meyer K. H. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt u. Hamburg, 1935

Meringer R. Spitze, Winkel, Knie im ursprünglichen Denken. — WuS, Bd. 11, 1928
Meringer R. Wörter und Sachen II. — IF, Bd. 17, 1904
Mezger F. IE *se-*, *swe-* and Derivatives. — „Word", vol. 4, 1948
Mezger F. Zu einigen indogermanischen *g-* und *l-* Bildungen. — KZ, Bd. 72, 1954
Mikkola J. J. Urslavische Grammatik, 1. Teil. Heidelberg, 1913; 2. Teil, 1942; 3. Teil, 1950
Mikkola J. J. Zur slavischen Etymologie. — IF, Bd. 23, 1908—1909
Miklosich F. = F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886
Miklosich Fr. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867
Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865
Милетич Л. Книжнина и езикът на банатските българи, IV. Словарь. — СбНУ, кн. XVI—XVII, 1900
Miller M. Greek Kinship Terminology. — „The Journal of Hellenic Studies", vol. LXXIII, 1953
Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929
Младенов С. ЕПР = С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София. 1941
Molè M. Contributions à l'études du genre grammatical en hittite. — „Rocznik Orientalistyczny", t. 15, 1949
Morgenstierne G. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927
Мотовилов А. Симбирская молвь. — Сб. ОРЯС, т. XLIV, № 4, 1888
Moszyński K. Uwagi do 2. zeszytu „Słownika etymologicznego języka polskiego" Fr. Sławskiego. — JP, t. XXXIII, 1953
Much R. Der germanische Himmelsgott. „Abhandlungen zur germanischen Philologie. Festgabe für R. Heinzel". Halle, 1898
Мићевић Љ. Живот и обичаjи Поповаца. Београд, 1952
Muka E. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow, I—III. СПб. — Прага, 1921—1928
Mülenbach = K. Mülenbach. Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1923—1946
Niederle L. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953
Nitsch K. Co znaczy rodzina. — JP, t. XXXV, 1955
Nitsch K. Wybór polskich tekstów gwarowych. Lwów, 1929
Nitsch K. ред. Północno-polskie teksty gwarowe, pod. red. K. Nitscha. Kraków, 1955
Nitsch K. Wybór pism polonistycznych, t. II. Wrocław—Kraków, 1955
Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870
Obrębska A. „Stryj, wuj, swak" w dialektach i historii języka polskiego. — „Prace komisji językowej", № 5. Kraków, 1929
Oertel H. Idg. *voida* „ich habe gesehen" = "ich weiß". — KZ, Bd. 63, 1936
Ohnesorg K. O mluvním vývoji dítěte. V Praze, 1948
Ohnesorg K. Fonetická studie o dětské řečí. Praha, 1948
„Опыт областного великорусского словаря". СПб., 1852
Osthoff H. Etymologica I. — „Beiträge", Bd. 13, 1888
Osthoff H. Μνάομαι „ich freie". — KZ, Bd. 26, 1883
Otrębski J. Miscellanées onomastiques. „Lingua Posnaniensis", t. II, 1950
Otrębski J. Origine du mot latin „noverca". — „Eos", t. XXVII, 1929
Otrębski J. Słow. *nevěsta*. — PF, t. 11, 1927
Памятники народного творчества, вып. 1. Сборник западноболгарских песен со словарем. Собрал Влад. Качановский. СПб., 1882
Pawłowski E. Gwara podegrodzka. Wrocław—Kraków, 1955
Pedersen H. Armenisch und die Nachbarsprachen. — KZ, Bd. 39, 1904
Pedersen H. Das indog. *S* im Slavischen. — IF, Bd. 5, 1895
Pedersen H. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, Bd. 38, 1902
Pedersen H. Die Gutturale im Albanischen. — KZ, Bd. 36
Pedersen H. Lit. *iau*. — „Studi baltici", vol. 4, 1934—1935

Pedersen H. Wie viel Laute gab es im Indogermanischen. — KZ, Bd. 36, 1898
Pfuhl. Łužiski serbski słownik. Bautzen, 1866
Pfuhl. Pomniki Połobjan Słowanšćiny. — „Časopis Macicy Serbskeje“, 1863, № 28, Budyšin
Pictet A. Les origines Indoeuropéennes I—III, 2-ème éd. Génève, 1877 (tome III, chapitre 1: La famille)
Писарчик А. К. О некоторых терминах родства таджиков. — „Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова“. Сталинабад, 1953
Пискунов Ф. = Ф. Пискунов. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро Венгерской империи. Изд. 2, Киев, 1882
Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895
Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885
Погодин А. Л. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903
Pokorny J. = J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949 и след.
Покровский Ф. Особенности в говоре населения по реке Письме Костромской губ., Буйского у. — Ж. Ст., 1895, вып. IV
Polák V. K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a slovanskými. — LF, roč. LXX, 1946
Popović I. Neki gentilni i njima srodni termini kod Crnogoraca i Arbanasa. — „Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine“. Radovi, Knjiga II, odjeljenje istorisko-filološkich nauka, knjiga I. Sarajevo, 1945
Poucha P. Tocharica. — AO, vol. 2, 1930; vol. 3, 1931
Prellwitz W. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1892
Prellwitz W. Idg. *vīros* „der Mann“. — „Glotta“, Bd. 16, 1927
Преображенский А., I—II = А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, *А — сулея*. М., 1910—1914. Окончание — „Труды ИРЯ“, т. I, 1949
Prusík Fr. Slavische Miszellen. — KZ, Bd. 33, 1893
Preveden F. R. Etymological Miscellanies. — „Language“, vol. 5, 1929
Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893
Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. — „Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР“, VI. М., 1954
Reiter N. Die deutschen Lehnübersetzungen im Tschechischen. — „Slavistische Veröffentlichungen“, Bd. 3. Berlin, 1953
„Ricerche Slavistische“. Roma, 1952 и след.
Richter O. Griech. δεσπότης. — KZ, Bd. 36, 1898
Ровинский П. Черногория в ее прошлом и настоящем. — Сб. ОРЯС, т. LXIII, 1897
Rospond St. Południowosłowiańskie nazwy miejscowe z suffiksem *-itj*. Kraków, 1937
Rost P. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907
Roth R. Etymologien: ἤϊθεος. — KZ, Bd. 19, 1870
Salys A. Mūsų gentivardžiai. — „Gimtoji kalba“, 1937
Sandfeld K. Linguistique balkanique. Paris, 1930
Schachmatov A. A. Die gespannten Vokale ъ und ь im Urslavischen. — AfslPh, Bd. 31, 1910
Schachmatov A. A. Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen. — AfslPh, Bd. 33, 1911
Schmidt J. Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen. — KZ, Bd. 25, 1879
Schrader O. Über Bezeichnungen für die Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern. — IF, Bd. 17, 1904
Schrader O., Reallexikon = O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901
Schulze W. Lesefrüchte. — KZ, Bd. 63, 1936
Schwarz E. Zur Chronologie von asl. *ū* > *y*. — AfslPh, Bd. 42, 1929
Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — „Ученые зап. МГУ“, вып. 128, 1948

S e m e n o v i č A. Über *malžen*, *-manžel*, *-mandžel*, *-manžen-*, *mažen*, *-mąlžen*, *mąžen* und *mązžen*. — AfslPh, Bd. 6, 1882
S e r e i s k i s B. Lietuviškai-rusiškaš žodynas. Kaunas, 1934
S e y m o u r C o n w a y R. On the change of *d* to *l* in Italic. — IF, Bd. 2, 1893
Š i m e k Fr. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947
S i m o n y i S. Knie und Geburt. — KZ, Bd. 50, 1922
С к а л и ч к а В. О фонетической редукции. — Сб. „Пражский университет Московскому университету". Прага, 1955
S k a r d ž i u s P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943
S k o k P. Mundartliches aus Žumberak (Šichelburg). — AfslPh, Bd. 33, 1912
„Slavistična revija". Ljubljana
S ł a w s k i Fr. = Fr. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952 и след.
S ł a w s k i F. *Szaber — siabr*. — JP, t. XXVIII, 1948
„Słownik staropolski" pod red. K. Nitscha, Z. Klemensiewicza, J. Safarewicza, St. Urbańczyka, t. I. Kraków, 1953—1955
С м и р н о в И. Т. Кашинский словарь. — Сб. ОРЯС, т. LXXX, № 5, 1901
S m o c z y ń s k i P. Przyswajanie przez dziecko podstaw systemu językowego. Łódź, 1955
S o l m s e n F. Vermischte Beiträge zur griechischen Etymologie und Grammatik. — KZ, Bd. 34, 1895
S o l m s e n F. Zur griechischen Wortforschung. — IF, Bd. 31, 1912—1913
S o m m e r f e l t A. La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque. Oslo, 1938
S ø r e n s e n H. C. Die sogenannte Liquidametathese im Slavischen. — „Acta linguistica", vol. 7, 1952
S p e c h t F. Eine Eigentümlichkeit indogermanischer Stammbildung. — KZ, Bd. 62, 1935
S p e c h t F. Die Flexion der *n*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Verwandtes. — KZ, Bd. 59, 1932
S p e c h t F. Lateinisch-griechische Miszellen. — KZ, Bd. 55, 1928
S p e c h t F. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. — KZ, Bd. 62, 1935
С р е з н е в с к и й И. И. = И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1912
С т е б л и н - К а м е н с к и й М. И. История скандинавских языков. М.—Л., 1953
S t i e b e r Z. Etymologisches. — ZfslPh, Bd. 9, 1932
S t r e i t b e r g W. Die Bedeutung des Suffixes *-ter-*. — IF, Bd. 35, 1915
„Studi baltici". Roma, 1931 и след.
„Studien zur indogermanischen Grundsprache", H. 4. Wien, 1952
S ü t t e r l i n L. Der Schwund von idg. *i* und *u*. — IF, Bd. 25, 1909
С ы р к у П. А. Наречие карашевцев. — ИОРЯС, т. 4, кн. 2, 1899
T a s z y c k i W. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955 (словарь)
„Tauta ir žodis". Kaunas, 1923 и след.
T e n t o r M. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres. — AfslPh, Bd. 30, 1908
T h o m s o n G. Aeschylus and Athens. London, 1950
T h ö r n q v i s t C. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. „Études de Philologie slave publiées par l'Institut Russe de l'Université de Stockholm", II, 1948
Т и м ч е н к о Е. Історичний словник українського язика, т. 1 (А—К), Харьков—Киев, 1930
T o m a s z e w s k i A. Mowa t. zw. Mazurów wieleńskich. — „Slavia Occidentalis", t. 14, 1935
T r a u t m a n n R., BSW = R. T r a u t m a n n. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923
T r a u t m a n n R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen, I—II. Berlin, 1948 и 1949
T r i e r J. *Vater*, Versuch einer Etymologie. — „Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung", Bd. LXV. Weimar, 1947
Т р у б е ц к о й Н. О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском праязыке. 1. Слав. *nevěsta*. — „Slavia", roč. 1, 1922—1923

Uhlenbeck C. C. Die Behandlung des indog. *s* im Slavischen. — AfslPh, Bd. 16, 1894
Uhlenbeck C. C. = C. C. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899
Uhlenbeck C. C. Die Vertretung der Tenues aspiratae im Slavischen. — IF, Bd. 17, 1904
Uhlenbeck C. C. Die germanischen Wörter im Altslavischen. — AfslPh, Bd. 15, 1893
Urbańczyk St. Religia pogańskich Słowian. Kraków, 1947
Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Paris—Lyon, 1950
Vaillant A. La dépréverbation. — RÉS, t. 22, 1946
Vaillant A. Les parlers de Nivica et de Turija (Macédoine Occidentale). — RÉS, t. 4, 1924
Vaillant A. Slave *mǫžь*. — RÉS, t. 18, 1938
Vaillant A. Les noms slaves en *-ěn-. „Slavia", roč. 9, 1930
Vasmer M. Poln. *niemowlę* 'infans'. — ZfslPh, Bd. 12
Vasmer M., REW = M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1956
Verner K. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. — KZ, Bd. 23, 1875
Vey M. Slave *st-* provenant d'i.-e. **pt-*. — BSL, t. 32, 1931
Vondrák W., I. = W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I. Göttingen, 1906
Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. Heidelberg, 1910
Walde — Pokorny = A. Walde, J. Pokorny. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Berlin—Leipzig, I—II, 1926—1932
Wanstrat L. Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes. Berlin, 1933
Weber A. *Çvaçura — socer — svaihra* — ἑκυρός. — KZ, Bd. 6, 1857
Weber A. *Svasṛi* Schwester. — KZ, Bd. 5, 1856
Węglarz W. Przyczynek do prasłowiańskiej fonetyki historycznej. — „Sprawozdania PAU", t. XLI, 1936
Weinhold. Deutsches und Slavisches aus der deutschen Mundart Schlesiens. — KZ, Bd. 1, 1852
Werchratskij J. Über die Mundart der galizischen Lemken. — AfslPh, Bd. 16, 1894
Wijk, N. van. Remarques sur le groupement des langues slaves. — RÉS, t. IV, 1924
Windekens A. J. van. Le témoignage du tokharien pour une alternance *sw*: *s*, *w* à l'initiale des mots. — BSL, t. 41, 1941
Windekens, A. J. van. Notes tokhariennes. — AO, vol. 18, 1950
Zaręba A. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954
Zimmermann A. Lateinische Kinderworte als Verwandtschftsbezeichnungen. — KZ, Bd. 50, 1922
Zubatý J. Slav. *pastorъkъ*. — AfslPh, Bd. 13, 1890
Zubatý J. Studie a články. Sv. I, č. 1, Praha, 1945; č. 2, 1949; sv. II, 1954
Zubatý J. Slavische Etymologien. — AfslPh, Bd. 16, 1894
Zubatý J. Zu den slavischen Femininbildungen auf *-yńi*. — AfslPh, Bd. 25, 1903
Zupitza E. Die germanischen Gutturale, 1896
Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. — Сборник II Отд. АН, т. LXXVI, № 2, 1903
Желеховский Є. Малоруско-німецкий словарь, I—II. Львів, 1886
Цейтлин Р. М. К вопросу о значениях приименной приставки *пз-* в славянских языках. — „Ученые зап. Ин-та славяноведения АН СССР", т. IX. М., 1954
Чудовский Н. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. — РФВ, 1898, № 3—4
Шатэрнік М. В. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929
Эндзелин И. М. Латышские предлоги, ч. 1—2. Юрьев, 1905—1906
Эндзелин И. М. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II. М.—Л., 1948
Юшкевич А. Литовский словарь, I; II, вып. 1. Пг., 1897, 1904, 1922

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. А. Лесскис*. Технический редактор *Г. С. Симкина*

РИСО АН СССР 75-55В. Сдано в набор 30/III 1959 г. Подписано к печати 6/X 1959 г.
Формат 70 × 108[1]/16. Печ. л. 13,25 = 18,15 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.2. Тираж 1500.
Т-10453. Изд. № 2821. Тип. зак. 155.

Цена 13 р. 70 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62. Подсосенский пер., 21
1-я тип. изд. АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
44	20 св.	герчанских	германских
98	15 сн.	mûžs	muzs
107	19 св.	γονή	γυνή
122	18 сн.	основы	основу
132	6 сн.	IF	LF
161	3 св.	zrěti	zьrěti
163	10 св.	племаньникъ	племѧньникъ
163	10 сн.	в слав.	к слав.
165	20 св.	сѫбаръ	сѫбьръ
165	21 св.	шикъръ	шакъръ
199	1 сн.	шикунћед, шу-кунћед	шикунђед, шу-кунђед
200	27 сн.	lentė	jentė
200	12 сн.	vęxgs	vęrgs

О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства

13 р. 70 к.

О.Н.Трубачев · ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА